

Послѣши
Дѣхъ Твоѣго,
и сози-
ждѣтся, и
обновѣ-
ши лице
земли. Пѣ-
снь ѿ Псалма.
ѿ Псалма.
ѿ Псалма.

ПЯТЬДЕСЯТЫЙ

ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

1911.

Маѣ.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ
продолжается въ
1911 году на прежнихъ
основаніяхъ.

Нѣ ѡ хлѣбѣ
единомъ
живѣ въ-
детъ чело-
вѣкъ, но ѡ
всѣмъ
глаголю,
исхощемъ
изобѣтъ
бжнхъ твоихъ.

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1911 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

Съ 1911 года журналъ *Душеполезное Чтеніе* вступаетъ, съ Божіей помощію, въ **пятьдесятъ второй** годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не измѣняя однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ, за время его полстолѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ серьезныхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

Въ журналѣ постоянно затрогивались различные богословскіе вопросы и обсуждались разные предметы, которымъ, по возможности, давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственую физіономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, былъ всегда самостоятеленъ и самобытенъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 51 годъ заслужилъ многочисленныя одобрительныя отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ объявляется во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о высылкѣ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространены нашъ журналъ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1911 году, **пятьдесятъ второй** году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ **Виссаріонѣ**, епископѣ Костромскомъ и Галачскомъ, и прот. **Д. Ѳ. Касицынѣ**, и главная цѣль его будетъ та же, какою указана покойнымъ митрополитомъ **Филаретомъ** въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду, — „служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго и поучительнаго* духовнаго чтенія“.

Въ изданныхъ доселѣ **612** книгахъ *Душеполезнаго Чтенія* уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присоветовать, что

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

1911.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Типографія Императорскаго Московскаго Университета.

1911.

Икона Божіей Матери въ Ростовской Благовѣщенской церкви.
На колѣняхъ, у иконы исцѣленная дѣвочка.

Данныя формальнаго разслѣдованія
поразительныхъ явленій Божіей Матери и чуда отъ ея иконы
въ Ростовской Благовѣщенской церкви ¹⁾).

Клятвенное обѣщаніе прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ.

«Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангелиемъ и Животворящимъ Крестомъ, что въ семъ дѣлѣ милости Божіей, явленной отроковицѣ Елизаветѣ Лепешкиной, по заступничеству и предстательству Царицы Небесной, отъ Ея честнаго образа «Умиленіе»,— покажу по чистой совѣсти все, что видѣлъ своими глазами (или слышалъ) или что знаю за истинно и достовѣрно бывшее, памятуя, что во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ Богомъ и Царицей Небесной, какъ здѣсь на землѣ, такъ и въ будущей жизни за гробомъ. Въ удостовѣреніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь».

Присягу принимали: Ростовскій мѣщанинъ *Алексій Осиповъ Корневъ*, *Елизавета Калашиникова*, *Софія Бѣлова*, *Сергій Лепешкинъ*, *Евдокія Лепешкина*, а по безграмотству ея и просьбѣ расписалась *Александра Михайловна Чикина*. Свидѣтелей къ присягѣ приводилъ Благовѣщенской гор. Ростова церкви священникъ *Константинъ Любимовъ*. При семъ присутствовали: депутатъ отъ духовенства—градской Николоспольской церкви священникъ *Николай Сперанскій*. Полицейскій надзиратель *Мартыновъ*.

¹⁾ См. апрѣльскую книжку *Душеполезнаго Чтенія* с. г.

Актъ.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. 1911 года, 7 марта. Составленъ нами настоящій актъ во славу имени Божія и прославленіе Владычицы нашей Царицы Небесной, явившей милость Свою надъ Ростовской мѣщанской дочерью, отроковицей Елизаветой Сергѣевой Лепешкиной, чрезъ находящійся въ Ростовской градской Благовѣщенской церкви честный и святой образъ Свой «Умиленіе», о каковой милости Лиза, ея родители и другіе свидѣтели рассказали намъ слѣдующее:

І. Я, Ростовская мѣщанская дочь Елизавета Сергѣевна Лепешкина—10-ти лѣтъ—православная. До 25-го марта 1910 года я была здорова и чувствовала себя хорошо. 24-го марта, будучи у всенощной у Благовѣщенія, я почувствовала, что попросыбла. 25-го марта я заболѣла, и у меня начались ежедневные припадки. Припадки случались иногда по 5 и больше разъ въ день. Чтѣ было со мной во время припадковъ, я не помню. Послѣ припадковъ были головныя боли и общая слабость. Такъ продолжалось до 2-го августа 1910 г. Въ этотъ день со мной, послѣ водосвятнаго молебна у насъ въ домѣ, былъ сильный припадокъ. Во время припадка чтѣ было со мной, я твердо не помню, но какъ будто что-то было. Послѣ припадка мнѣ сдѣлалось легко и хорошо. 3-го августа я съ матерью своей пошла въ Іаковлевскій монастырь и служили молебенъ Святителю Димитрію, а иконы Умиленія Божіей Матери не нашли. Изъ монастыря прошли въ Соборъ, и тамъ пѣли молебенъ Умиленію и Серафиму Саровскому. Потомъ пришли домой и стали пить чай. За чаемъ (въ 1 часъ дня) со мной было нѣсколько припадковъ, во время которыхъ я, какъ и сейчасъ хорошо и отчетливо помню, слышала слѣдующія слова: *«не тамъ вы были!.. Церковь Моя—въ окнахъ вашихъ! Церковь Моя—направо, а Я стою налѣво, а служитель—Константинъ»!* Это я слышала во время перваго припадка. Въ этотъ припадокъ я никого и

ничего не видала, а слышала лишь голосъ одинъ. Въ слѣдующіе припадки этого дня я еще слышала говорившій мнѣ голосъ: *«и лампадошки-то у меня не свѣтятся!»* Часовъ въ 7 вечера того же 3-го августа, когда предполагали лечь спать, со мной былъ припадокъ, во время котораго я, какъ и сейчасъ хорошо помню, слышала голосъ: *«не спите! не спите! въ девять часовъ Я васъ посетю!»* Никого въ этотъ припадокъ я не видала. Около девяти часовъ вечера того же 3-го августа я легла было полежать, но затѣмъ встала. Мнѣ вдругъ захотѣлось помолиться, и я стала на колѣни и начала молиться. Только я перекрестилась, и вижу, что отъ иконъ отдѣлилась женская фигура, въ которой я узнала Матерь Божію. Одѣта Она была во все красное, какъ бы огненное, а на головѣ голубой чепчикъ. Росту небольшого, приблизительно съ меня. Лицо доброе и ласковое. Поверхъ чепчика отъ головы во всѣ стороны — сіяющіе лучи. Царица Небесная, отдѣлившись отъ иконъ, пошла по полу мимо меня по направленію къ кухнѣ, а затѣмъ повернулась обратно къ переднему углу съ иконами. Проходя мимо меня обратно, Царица Небесная пріостановилась, и я успѣла у Нея поцѣловать ножку. Послѣ сего Божія Матерь подошла къ иконамъ и стала невидима. Все это явленіе Царицы Небесной я хорошо и отчетливо помню, и было оно со мной наяву, а не въ припадкѣ и не во снѣ.

5-го августа пришли съ мамой къ Благовѣщенію въ церковь часовъ въ пять вечера, но иконы Умиленія не нашли и возвратились домой.

7-го августа передъ всенощной опять пришли въ церковь Благовѣщенія, чтобы отслужить молебенъ Умиленію. Въ этотъ разъ священникъ о. Константинъ Любимовъ сказалъ намъ, что онъ нашелъ икону Умиленія и вынесъ изъ алтаря запрестольный образъ Божіей Матери. Передъ нимъ мы служили водосвятный молебенъ. Въ церкви были я, мать моя и отецъ. Послѣ всенощной въ этотъ день я осталась въ церкви, чтобы исповѣдаться. Передъ исповѣ-

дію со мной былъ въ церкви легкой припадокъ. Во время припадка я видѣла икону Царицы Небесной, которая кѣмъ-то невидимо была поставлена въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. У Царицы Небесной на головѣ корона. Одежда красная, но часть ея голубая. На колѣнахъ Богоматери—Младенецъ Христосъ съ яблочкомъ въ рукахъ. Я слышала голосъ отъ иконы Богоматери: *«вотъ Я теперь тебя и благословила!»* Послѣ сего икона стала невидима. Эти слова Богоматери и самое видѣніе я помню хорошо. Послѣ сего болѣзнь моя стала проходить, припадки стали легче и рѣже, а съ 6-го декабря 1910 года я совершенно здорова. *Елизавета Лепешкина.*

II. Я, Евдокія Осиповна Лепешкина, 49 лѣтъ, православная. Я—мать родная Лизы. Подъ присягою по совѣсти показываю. До 25-го марта дочь моя Лиза была здорова, а съ 25 марта 1910 года она заболѣла припадками. Припадки были частые, разъ по 5 — 10 и больше въ день. Во время припадковъ она падала, билась, бросалась на стѣны. За все время болѣзни у ней была какая-то болѣзнь. Такъ было до 2-го августа 1910 года. 2 августа послѣ водосвятнаго молебна, который пѣли у насъ на дому, съ ней случился очень сильный припадокъ, продолжавшійся съ 3 часовъ и до 7 вечера. Когда съ Лизой сдѣлалось очень плохо, стали мочить голову святой водой, и Лиза слабымъ голосомъ проговорила: *«проси Умиленіе Божіей Матери!»* Эти слова Лизы слышалъ и мужъ мой. Затѣмъ Лиза очнулась, и ей представилось, что съ нея что-то сняли. Когда съ Лизой сдѣлалось очень тяжело, то отецъ между прочимъ сказалъ: *«буду я мочить голову Лизы больше святой водой, и пусть будетъ, что угодно Царицѣ Небесной».*

3-го августа были въ Яковлевскомъ монастырѣ и въ соборѣ и служили молебны—въ Яковлевскомъ Святителю Димитрію, а въ соборѣ—Умиленію и Серафиму Саровскому. 3-го же августа, часовъ около двухъ дня или въ часъ, съ Лизой

дома былъ припадокъ легкій, и въ припадкѣ Лиза проговорила: *«не тамъ вы были. Моя церковь въ глазахъ вашихъ, церковь Моя — направо, а Я нахожусь налево, а служитель Константинъ»*. Далѣе она въ припадкахъ говорила, *«что у Меня и лампадки-то нѣтъ!»* — *«Принеси Мнѣ цвѣточковъ, положивъ ихъ сначала къ себѣ на головку»*.

3-го августа въ этотъ же день вечеромъ, часовъ въ 7, во время припадка, Лиза проговорила: *«не спите! не спите! Я пошлю васъ въ 9 часовъ!»* Въ 9 часовъ, которыхъ мы ждали, было слѣдующее: Лиза лежала на полу. Минуть безъ десяти въ девять она встала на колѣни и испуганнымъ взоромъ поводила по комнатѣ, потомъ поцѣловала полъ и вскрикнула: *«мама! ушла!»* А затѣмъ рассказала, что видѣла Божию Матерь, Которая была въ красной одеждѣ и голубенькомъ чепчикѣ, и что она успѣла поцѣловать у Царицы Небесной ножку.

5-го августа искали иконы въ церкви Благовѣщенія, но не нашли.

7-го августа. Священникъ мѣстный о. Константинъ сказалъ, когда мы пришли въ церковь, что икона Умиленія есть въ церкви—въ лѣтнемъ алтарѣ за престоломъ. Вынесли эту икону и служили водосвятный молебенъ. Послѣ всенощной въ этотъ день передъ исповѣдію Лизы съ ней былъ легкій припадокъ, во время котораго она проговорила: *«вотъ Я теперь тебя и благословила!»* Лиза, очнувшись, рассказала, что видѣла икону Божіей Матери съ Младенцемъ Христомъ на рукахъ, у Котораго въ правой рукѣ яблочко. Лиза сказала, что видѣнный въ припадкѣ образъ очень похожъ на запрестольный образъ Божіей Матери, передъ которымъ служили молебенъ. Послѣ сего съ Лизой стало все лучше и лучше, а мѣсяца 1½ съ сентября 1910 года совсѣмъ ничего не было, и головокруженія и родъ легкихъ обмороковъ и рѣдкихъ стали повторяться лишь послѣ ушиба ею головы. Теперь же, съ 6-го декабря 1910 года, Лиза совершенно здорова и ничѣмъ не хвораетъ. *Евдокія Осипова Лепешкина, а по*

безграмотству ея и просьбѣ расписалась *Александра Михайловна Чижина*.

III. Я, Ростовскій мѣщанинъ Алексѣй Осиповичъ Корневъ, 55 лѣтъ, православный. Я—дядя и крестный отецъ Лизы Лепешкиной. Подъ присягою по совѣсти показываю: Лизу я зналъ какъ совершенно здоровую до нынѣшняго лѣта. А лѣтомъ 1910 года она заболѣла припадками, о чемъ я узналъ отъ ея матери, а своей родной сестры. Двухъ изъ этихъ припадковъ я былъ очевидцемъ. Во время этихъ припадковъ она очень сильно билась, такъ что мы вдвоемъ съ сестрой еле могли держать ее. Она въ припадкѣ пыталась грызть или кусать себѣ руки. Однажды она вырвалась у насъ изъ рукъ и побѣжала, такъ что мы еле ее поймали. Въ припадкѣ ее ломало. Она дико взвизгивала. Затѣмъ я слышалъ отъ сестры, а ея матери, что Лиза нѣсколько разъ видѣла Божию Матерь, и что послѣ этихъ видѣній (послѣ молебна Царицѣ Небесной въ церкви Благовѣщенія) Лизѣ стало лучше и легче, а теперь мѣсяца три или больше она совершенно здорова. Лизу, я хорошо знаю, родители лѣчили у многихъ врачей и знахарей. Зять Сергѣй Лепешкинъ, отецъ Лизы, говорилъ мнѣ, что припадки у Лизы иногда были настолько сильны, что приходилось ее связывать. *Алексѣй Осиповъ Корневъ*.

IV. Я, Ростовская мѣщанская вдова, Елизавета Васильевна Калашникова, 53 лѣтъ. Подъ присягою по совѣсти показываю: съ 25-го марта 1910 года Лиза Лепешкина захворала припадками. Припадки были частые—по нѣскольку разъ въ день. Нѣкоторые изъ этихъ припадковъ были при мнѣ. Во время этихъ припадковъ Лизу ломало, она бросалась на стѣны и кричала безсвязно, необычнымъ, дикимъ голосомъ. По тяжести болѣзни полагали, что Лиза и проживетъ недолго. Лизу много лѣчили у врачей. Обращались родители Лизы за совѣтомъ и по-

мощью, кромѣ врачей, и къ знахарямъ и знахаркамъ. Со 2-го августа Лизѣ стало лучше и лучше. Отъ матери Лизы я узнала, что со 2-го августа 1910 г. Лизѣ было нѣсколько виднѣній. Царицы Небесной, велѣвшей молиться Умиленію Божіей Матери, и что лучше ей стало сразу вслѣдъ послѣ молебна Умиленію Царицы Небесной, который они отслужили въ церкви Благовѣщенія. Съ осени 1910 года я знаю Лизу за совершенно здоровую дѣвочку.

Елизавета Калашиникова.

V. Я, Ростовская мѣщанка Софья Семеновна Бѣлова, 24 лѣтъ, православная, подъ присягою показываю: Лиза Лепешкина заболѣла припадками 25 марта 1910 года. Часто припадки съ Лизой происходили въ моемъ присутствіи. Припадки при мнѣ были легкіе; во время ихъ Лиза лежала, стонала. Мать ея Евдокія Лепешкина передавала, что Лизѣ со 2-го августа 1910 года было нѣсколько явленій Божіей Матери, велѣвшей молиться Умиленію Царицы Небесной. Говорила, какъ они искали эту икону и какъ, нашедши въ церкви Благовѣщенія, служили предъ ней водосвятный молебенъ. Послѣ сего съ Лизой стало все лучше и лучше, а съ 6-го декабря 1910 года Лиза совершенно здорова.

Софія Бѣлова.

VI. Я, Ростовскій мѣщанинъ Сергѣй Максимовъ Лепешкинъ, 44 лѣтъ, православный, подъ присягою по совѣсти показываю: дочь моя Лиза Лепешкина съ 25 марта 1910 года захворала припадками. Припадки были ежедневно и по нѣскольку разъ въ день. Были припадки очень сильныя, такъ что я, здоровый мужчина, едва могъ сдерживать ее. Въ припадкахъ Лиза билась, ломало ее, бросалась на стѣны. Въ припадкахъ у Лизы являлась немовѣрная сила. Когда вспомнишь даже о томъ, что съ ней было, то прямо страхъ беретъ. 2 августа 1910 года, послѣ молебна у насъ на дому, съ Лизой былъ очень сильный припадокъ. Я мочилъ ей голову святой водой, и

Лиза проговорила въ припадкѣ: *«просите Умиленіе Царицы Небесной!»* Послѣ припадка она сказала, что съ нея что-то въ родѣ шали сняли. Далѣе жена и Лиза искали иконы Умиленія въ Яковлевскомъ монастырѣ и соборѣ, а затѣмъ жена говорила, что Лизѣ былъ голосъ: *«были, да не тутъ и не вст. Моя церковь направо, она у васъ въ окнахъ, а Я направо, а служитель Константинъ»*. Затѣмъ, 7 августа приходили всей семьей въ церковь Благовѣщенія, тамъ нашли запрестольный образъ Умиленія Божіей Матери (а 5-го числа этой иконы у Благовѣщенія не нашли, хотя и искали), и отслужили передъ ней водосвятный молебенъ. Я слышалъ отъ дочери, что 3 числа августа она ясно видѣла Царицу Небесную у насъ въ домѣ и поцѣловала у Нея ножку. При этомъ видѣніи я самъ былъ, но ничего не видалъ. Послѣ молебна у Благовѣщенія (7 августа), я за Лизой припадковъ не замѣчалъ. Мать говорила, что съ ней бывають только головокруженія. Въ августѣ я все-таки думалъ ее свезти еще въ Ярославль полѣчить. Но ночью числа 7-го августа я слышалъ въ забытіи голосъ, вродѣ какъ голосъ Царицы Небесной: *«никуда не возите и не лѣчите, дѣлайте ванны и прибавляйте хоть 5 капель святой воды, и будетъ здрава!»* Послѣ сего мы сдѣлали Лизѣ три ванны, и ей стало все лучше и лучше. А теперь она совсѣмъ здорова и ничѣмъ не болѣетъ. Выздоровленіе дочери Лизы всецѣло приписываю заступничеству и помощи Царицы Небесной. Этому я вѣрю и въ семь убѣжденъ. Врачи и знахари Лизѣ не помогали, напротивъ съ Лизой становилось даже хуже отъ ихъ лѣкарствъ и средствъ. Я думалъ, что съ Лизой порча, почему и сталъ прибѣгать къ милосердію Божію, и Богъ мою вѣру и надежды увѣнчалъ успѣхомъ. *Сергій Лепешкинъ*.

Икона Умиленія Божіей Матери въ Благовѣщенской церкви въ настоящее время находится въ зимнемъ храмѣ между каменнымъ столбомъ, поддерживающимъ церковные

своды, и предъалтарнымъ иконостасомъ, и по внѣшнему виду и устройству есть запрестольный образъ. Икона четырехугольная, вышиной икона 1 аршинъ $\frac{2}{8}$ вершка, а шириной $12\frac{6}{8}$ вершка. На задней сторонѣ икона поперекъ связана двумя врѣзными шпонками. Въ верхній и нижній край иконы врѣзано по рейкѣ. Божія Матерь изображена на иконѣ по живописному фону въ полуростъ. На главѣ Богоматери корона. Волосы распущены по плечамъ. Глаза полузакрѣты и устремлены на лежащаго на колѣняхъ Богоматери Младенца-Христа. Руки Богоматери соединены вмѣстѣ и покоятся на груди. На шеѣ уборъ въ видѣ нити изъ бусъ. Одежда Богоматери нижняя краснаго цвѣта, а верхняя, представляющая изъ себя видъ покрыва, спустившагося съ плечъ, голубого цвѣта. По ту и другую сторону лика Богоматери, на нѣкоторомъ разстояніи отъ лика, славянскими буквами инициалы Богоматери—**Ѡр—Ѡу**. Младенецъ Иисусъ Христосъ изображенъ лежащимъ на колѣняхъ Богоматери (голова Спасителя на лѣвомъ колѣнѣ). Иисусъ Христосъ никакой одежды на тѣлѣ не имѣетъ, кромѣ препоясанія. Въ правой рукѣ Христа—яблоко съ двумя листочками, а въ лѣвой—маленькій свернутый въ трубочку свитокъ. Взоръ Христа обращенъ къ Богоматери. Вокругъ головы Христа золотой нимбъ съ подраздѣленіями, въ которыхъ обычныя буквы Ѡ, о, н. Къ нижнему краю иконы прикрѣплена деревянная круглая ножка или ручка, длиной $15\frac{1}{2}$ вершковъ, для ношенія иконы. Эта ножка вводится въ отверстіе деревянной четырехугольной тумбы, на какой обычно стоятъ запрестольный крестъ и икона Божіей Матери. Постояннымъ мѣстомъ этой иконы было—въ алтарѣ лѣтнаго храма за престоломъ, на лѣвой сторонѣ отъ зрителя.

Всѣ показанія въ настоящемъ актѣ записывались священникомъ Благовѣщенской города Ростова церкви Константиномъ Любимовымъ въ нашемъ присутствіи. Всѣ показанія записывались со словъ допрашивавшихся, которыми предлагали вопросы и мы—депутаты отъ духовен-

ства и съ гражданской стороны. Допрошенные лица, кромѣ Лизы Лепешкиной, какъ малолѣтней, прежде дачи показаній, въ нашемъ присутствіи приведены были священникомъ Константиномъ Любимовымъ къ присягѣ.

Ростовской градской Благовѣщенской церкви священникъ *Константинъ Любимовъ*. Депутатъ отъ духовенства города Ростова, Николоспольской церкви священникъ *Николай Сперанскій*. Полицейскій надзиратель *Мартыновъ*.

Къ акту приложена сигнатурка съ печатью Димитріе-Ростовскаго Комитета Краенаго Креста, съ двумя отмѣтками докторовъ, къ которымъ приводили больную Лепешкину. Отмѣтки слѣдующія:

1910 годъ

28/III № 534

Елиз. Лепешкина

инфлюенція

Богдановъ.

18/XI № 158

Елизавета Лепешкина

10 л. Эпилепсія

Персіановъ

Точность сей копии съ подлиннымъ актомъ удостоверяю.

Епископъ Іосифъ.

1911 года. 16-го марта,

Г. Ростовъ Великій, Ярославской губ.

19 марта при громадномъ стеченіи народа положено начало торжественнаго празднованія иконы Божіей Матери «Умиленія» въ Благовѣщенской церкви, предъ которой совершилось поразительное исцѣленіе болящей дѣвочки. Предъ образомъ совершена Архіерейскимъ богослуженіемъ торжественная всенощная со всенароднымъ

пѣніемъ акаѳиста. Отъ множества богомольцевъ въ храмъ загасли почти всѣ свѣчи. Поминутно церковь оглашалась умиленнымъ плачемъ и рыданіями изумленнаго чудомъ народа. На образъ Божіей Матери, при воспоминаніи поразительныхъ подробностей исцѣленія и словъ Царицы Небесной — невозможно смотрѣть безъ слезъ. За Божественной Литургіей 19-го марта исцѣленная дѣвочка приобщилась Св. Тайнъ вмѣстѣ со своею матерью, простоявъ наканунѣ и въ самый день праздника столь длинныя и утомительныя службы, несмотря на неимоверную духоту и тѣсоту, коихъ не вынесли многіе взрослые и здоровые.

Удостоверенъ другой случай исцѣленія отъ иконы — больного глазами.

Массы народа притекають къ иконѣ Владычицы со своими скорбями и немощами.

Въ сообщеніи о чудѣ, начинающемъ проникать во многія газеты, убѣдительноѣйше просятъ исправить досадную неточность: событіе болѣзни и исцѣленія дѣвочки имѣло мѣсто не въ 1909 году (какъ упомянуто два раза), а въ минувшемъ 1910 г.

Епископъ Іосифъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Не унывай и не ропщи въ скорби. Надо и поскорбѣть. Безъ этого—мы и Бога-то совсѣмъ забыли бы. Не чувствовали бы къ Нему такого влеченія, такой нужды въ Немъ, въ Его благодѣтельномъ значеніи для нашей души и жизни.

* * *

Господь хранитъ и управляетъ жизнь нашу Самъ. По видимому, судьбы наши иногда рѣшаются просто человѣческою волею. Но когда вдумаешься глубже, взвѣсишь всѣ обстоятельства дѣла, увидишь, что человѣческою волею руководила воля другая—высшая, совершеннѣйшая, Божія.

* * *

Господь попускаетъ врагу причинять нашему тѣлу и временной жизни нашей всякія испытанія и даже насилія. Лишь *«души да не коснешися!»*—повелѣвалъ Онъ нѣкогда діаволу, отдавая ему на испытаніе жизнь и тѣло праведнаго Іова. Но—есть, однако, и у души свои враги, могущіе не только и ея коснуться во вредъ ея, но и совсѣмъ погубить ее. Этотъ врагъ—*мы сами*. То, чего не сдѣлалъ бы врагъ безъ насъ, все это мы сильны сдѣлать—въ содружествѣ съ нимъ, и дѣлаемъ, не жалѣя души своей.

* * *

Какъ жалки люди невѣрующіе! Что́ они могутъ сдѣлать своимъ невѣріемъ? Господь—и безъ нихъ Господь, и вѣра вѣрныхъ рабовъ Его вполне сильна и безъ нихъ. Величайшіе умы человѣческіе доходили до вѣры въ Бога, идя честно. Не жалкая ли ограниченность и безуміе—отрицать Его и не почитать, какъ конечную цѣль и смыслъ стремленій разума?

* * *

Сейсмографъ отмѣчаетъ ничтожнѣйшія колебанія земли всякую минуту. Такъ чудеса Божіи всегда есть—то тамъ, то здѣсь. Но отмѣчаютъ ихъ только особо чуткія вѣрующія души. Другіе замѣчаютъ только особо поразительныя явленія силы Божіей, оставаясь недостаточно чуткими къ менѣ замѣтнымъ и громкимъ, ускользающимъ отъ ихъ воспримчивости.

* * *

«*Не спасается царь многою силою*»... (Псал. 32, 16). Въ нынѣшнее время, однако, всѣ усилія царей и правителей направлены къ тому, чтобы—если не превосходить, такъ по крайней мѣрѣ и не уступать *«многою силою»* своего сосѣда или соперника. Равенство или превосходство силъ количественное и качественное—при современныхъ средствахъ истребленія враговъ—считается вѣрнѣйшимъ залогомъ побѣды. Но—помимо этого ручательства побѣды или пораженія—есть нѣчто еще, мало уловимое для поверхностнаго наблюденія, что можетъ сокрушать самыя побѣдоносныя царства и укрѣплять на побѣды самыя ничтожныя на видъ величины въ мірѣ народовъ. Это—Божія сила и воля, Божіе благословеніе, Божіе руководство и устроеніе народа, избраннаго въ рукахъ Божіихъ въ то или другое орудіе явленіе Своего Промысла и премудрости. Кто могъ ожидать, что громадная, до сихъ поръ непобѣдимая Россія такъ жестоко будетъ побита до толѣ ничтожною Японією? И однако—казавшееся невоз-

можнымъ превзошло всякія ожиданія возможнаго. Божія сила обрекла насъ на униженіе за грѣхи всѣхъ насъ—отъ перваго до послѣдняго въ царствѣ нашемъ. И никакая сила, можетъ быть, не могла измѣнить этого Божественнаго предначертанія. Конечно, не безъ этой Божіей силы и предначертанія—мы не могли воспользоваться своею силою въ самый послѣдній моментъ, когда многіе такъ увѣряли насъ въ близости побѣды доведенною до превосходства силою.

* * *

«*Душа наша чаеъ Господа*»... (Псал. 32, 20). Чаеъ душа наша Господа всякую минуту—смутною, бодрящею надеждою чего-то лучшаго, дающаго покой, довольство, радость, утѣшеніе скорбей, облегченіе недуговъ и всякой тяготы душевной и тѣлесной. Если бы не это безсознательное чаяніе Господа, Помощи и Утѣхи всѣхъ скорбей и страданій, не хватало бы силъ нашихъ жить и терпѣть, трудиться и изнемогать въ борьбѣ со врагами и препятствіями жизни и спасенія нашего.

* * *

«*Спасеніе праведныхъ отъ Господа, и защититель ихъ есть во время скорби, и поможетъ имъ Господь, и избавитъ ихъ, и изметъ ихъ отъ грѣшникъ, и спасетъ ихъ, яко уповаша на Него*»... (Псал. 36, 39—40). Сколько утѣшеній праведнику! Сколько поощренія его вѣрности Господу и упованія на Него! Пусть другіе ищутъ утѣшенія въ земныхъ благахъ, пусть опираются на помощь и силу человѣческую. Блаженъ тотъ, кому помощь, защита и утѣшеніе—Господь! Блаженъ праведный!

* * *

«*Если бы не Господь помогъ мнѣ, едва не вселилась бы во адъ душа моя. Когда я говорилъ: поскользнулась нога моя, тогда милость Твоя, Господи, помогла мнѣ*»... (93

пс. 17 и д.). *«По множеству болѣзней моихъ въ сердце моему утѣшенія Твоя возвеселиша душу мою»*... Слава Тебѣ, Господи, Помощниче мой и Заступниче и въ моихъ многихъ скорбяхъ, испытаніяхъ и опасностяхъ! И я вполне могу сказать съ Давидомъ: если бы не Твоя помощь, давно душа моя стала бы вѣрнымъ достояніемъ ада. И я, когда поскользнулась нога моя въ рѣшимости быть Твоимъ, я получилъ тогда въ помощь себѣ крѣпкую милость Твою. И у меня, когда тысячи болѣзней и мукъ раздирали душу мою, когда я отрывалъ ее отъ земныхъ временныхъ привязанностей, тогда и мою грѣшную душу утѣшилъ Ты, возвеселилъ и ободрилъ Твоими неизреченными утѣшеніями. Господи, не оставь и впредь милостію Твоею!

* * *

Настроеніе благочестивое и богобоязненное не даетъ мѣста вѣдренію злыхъ помысловъ и искушеній. Въ наполненный сосудъ некуда больше лить или полагать. Особенно тамъ, гдѣ благодать Божія устраивается прочно, тамъ уже ничто діавольское, злое и скверное, не находитъ легкаго и столь гибельнаго для души доступа.

* * *

«Дай Мнѣ пить!».. говоритъ Господь самарянкѣ. То же говоритъ Онъ и каждому сердцу, каждой душѣ, желая нашего спасенія и обращенія. Напоимъ же жаждущую спасенія нашего благостыню Господню—усердіемъ и любовію къ Нему! Не оставимъ Его, не доведемъ до того мучительнаго состоянія, въ которомъ Онъ съ жалостію молилъ *«жажду!»* и—получилъ въ отвѣтъ безжалостное и безчеловѣчное—*«цетъ съ жемію смѣшенъ»*...

* * *

При свѣтѣ солнца красивые предметы еще прекраснѣе, бѣлые выглядываютъ еще бѣлѣе, свѣтлые и чистые—еще свѣтлѣе и чище. Такъ и ангелы Божіи и всѣ св. правед-

ники какъ солнце просвѣтятся въ Царствѣ Отца Небеснаго отъ Его неизреченной красоты, свѣтлости, чистоты и святости.

* * *

О, пустая моя душа, Богомъ ненаполненная! Или, вѣрнѣе—скверная моя душа, наполненная *всѣмъ кромѣ Бога и благодати Его!* Какой злодѣй не насилуетъ тебя при безмолвномъ твоёмъ попущеніи и даже содѣйствіи! Поистинѣ, ты—какъ обличаемая древними пророками распутная дочь Сіона, открывающая посвященную Богу красоту твою всякому проходящему для насилія и оскверненія.

* * *

Самарянка привела цѣлый городъ народа ко Христу. Такъ и нынѣ всякая женщина можетъ и должна дѣлать это, по своей бѣльшей воспримчивости къ Божественному и способности передавать воспринятое и другимъ чрезъ увлекательные примѣры доброй жизни и дѣятельности.

* * *

«Праздникъ бо радостный спасаемыхъ Ты еси, Господи!» Когда Ты въ душѣ, тогда и будни для нея свѣтлѣе праздника. Нѣтъ тогда мѣста въ ней никакой тяготѣ отъ скорбей и напастей. Все готово потерпѣть для Тебя ощутившее сладость Твою сердце наше, Господи!

* * *

Хорошо просить прощенія, но лучше не дѣлать того, въ чемъ послѣ приходится просить прощенія. Это потому, что есть вещи, которыя можно простить, но которыхъ никакъ не удастся забыть, и эта невозможность забыть всегда оставляетъ мѣсто къ повторенію уже прощенныхъ обидъ и къ возгорѣнію ихъ съ новою силою при малѣйшей неосторожности.

* * *

Радоваться или печалиться намъ вознесенію Господню на небо? *«Вознесся еси во славу... радость сотворивый зреникомъ...»* поетъ Церковь. И св. Евангеліе говоритъ, что апостолы возвратились съ горы вознесенія *«съ радостію великою»*... Но — какъ радоваться дѣтямъ, коихъ покинулъ Отець? Какъ радоваться овцамъ, отъ коихъ отошелъ Пастырь? Какъ радоваться и Невѣстѣ Христовой Церкви, съ которою разлучился Женихъ? О, не остави насъ сирыхъ, Господи! Ты оставилъ насъ лишь тѣлесно, но не оставилъ духовно. И вѣримъ мы Тебѣ, что *«лучше для насъ же самихъ»*, чтобы Ты шелъ и послалъ Духа Святаго, Который будетъ съ нами во вѣкъ, соединяя насъ съ Тобою такъ же тѣсно, какъ Онъ соединяетъ Тебя со Отцомъ—не тѣлеснымъ временнымъ общеніемъ и виднѣемъ, а гораздо болѣе драгоцѣннымъ — благодатно-духовнымъ, вѣчнымъ.

* * *

Господи! Какъ хорошо небесное! Какъ отрадно душѣ окунуться въ волну благодатныхъ впечатлѣній! О, св. Христова Церковь! Какъ Ты дорога моему сердцу, храня для насъ столько утѣшеній! Ты—истинный чертогъ Божій, въ которомъ Господь сочетается съ душами нашими неизъяснимою сладостію духовнаго общенія и единенія.

* * *

Праздникъ Вознесенія Господня—есть праздникъ и *вознесенія нашего*. Господь вознесъ съ Собою нашу плоть, наше естество, наши душу и тѣло, и, посадивъ ихъ одесную Отца, проложилъ и намъ путь туда же. Дорога продѣлана, показана, открыта, только не лѣнись—иди и иди!

* * *

«Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа»... Какъ дерзнуть бы Господь

поставить Себя рядомъ съ Отцомъ, если бы не былъ Его полноправнымъ и равнымъ Ему Сыномъ? Какъ *человѣкъ* дерзнулъ бы на такое безуміе—не будучи Богомъ—усвоить себѣ такое бого-равное значеніе? И такъ спокойно, властно, увѣренно. Только истинный Господь и Богъ могъ говорить такъ.

* * *

Святые жили и умирали не безъ сознанія себя грѣшными, и были дѣйствительно во многомъ грѣшны, какъ всѣ. Но Господь покрылъ милосердіемъ Своимъ ихъ немощи, сподобилъ ихъ нетлѣнія и чудотворенія. Святые—святые не своею силою и святостію, а Божиимъ милосердіемъ, вымоленнымъ имъ Церковію.

* * *

Всѣми силами возгрѣвай и питай въ себѣ чувство и сознаніе того, что ты—не *сынъ земли*, а *наслѣдникъ неба*, имѣющій обѣтованіе жизни вѣчной. Все земное, все временное, видимое и матеріальное потеряетъ для тебя нѣкогда всякое значеніе, и ты останешься одинъ на одинъ съ истинными твоими—можетъ быть—о, сколь малоудовлетворенными и загубленными потребностями и свойствами!

* * *

Вѣчныя заботы, тяжелыя заботы, суетныя заботы! Не остается ни мѣста, ни времени Божественному, единому на потребу. Душа занята, завалена всякимъ хламомъ, какъ ремонтируемый домъ. Господи! Очисти, приведи въ порядокъ, благоустройство и красоту.

* * *

Два раза упомянуто въ Евангеліи, что изъ устъ Господа исторглась мольба объ утоленіи жажды: при кладязѣ Самаряныни и на Крестѣ. Жаждетъ Господь и нынѣ на-

шего благочестія. Напоимъ Его водою живою вѣрности и любви къ Нему, моля Его, чтобы Онъ, Источникъ жизни нашей, Самъ напоилъ жаждущія Его души наши отвѣтною любовію и умиленнымъ проникновеніемъ нашего существа.

* * *

Благодать Св. Духа, не покинь меня! Не будь бездѣйствевна во мнѣ. Не будь безмолвна, бесплодна и бесполезна для меня. Не послужи мнѣ въ погибель моимъ нерадѣніемъ къ Тебѣ и неумѣніемъ использовать драгоценное обладаніе Тобою къ славѣ имени Божія и къ моему спасенію.

А. І.

ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ ¹⁾.

38. Объ образъ и подобіи Божіемъ въ человекѣ.

Бытописаніе, повѣствуя о происхожденіи перваго человека, говоритъ: «и рече Богъ: сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію» (Быт. I, 26) или, какъ переводятъ нѣкоторые, «съ образомъ Нашимъ, какъ подобіемъ Нашимъ», т.-е. чтобы онъ былъ съ возможною точностію подобенъ намъ—Богу (Филаретъ Черниговскій въ своей Догматикѣ). О самомъ актѣ творенія бытописаніе повѣствуетъ такъ: «и сотворилъ Богъ человека по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его, мужа и жену сотворилъ ихъ» (I, 27). Итакъ, человекъ есть отобразъ Божій; въ этомъ его преимущество и главное отличие отъ всѣхъ прочихъ тварей. Образъ Божій сохранился и въ падшемъ человекѣ, ибо Богъ говоритъ Ное послѣ потопа: «проливая кровь человекъ, въ ея мѣсто его проліется: яко въ образъ Божій сотворихъ человека» (Быт. 9, 6). Что же такое образъ Божій въ человекѣ, въ чемъ онъ состоитъ? Въ той же кн. Бытія о рожденіи Сифа отъ Адама замѣчается: «и родилъ сына по подобію своему, по образу своему» (5, 3), т.-е. съ своимъ точнымъ образомъ. Выходя изъ понятія о Богѣ, какъ чистѣйшемъ духѣ по природѣ, большинство отцовъ и учителей Церкви, богословствовавшихъ объ этомъ предметѣ, приходили къ заключенію, что образъ Божій заключается въ невещественной душѣ человека. Не заповѣдуетъ ли Священное Писаніе христі-

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую книжку *Душев. Чит.* 1911 г.

анамъ «отложить по первому житію ветхаго чело-
вѣка... и облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ
правдѣ и въ преподобіи истины» (Ефес. 4, 22, 24), или
въ другомъ мѣстѣ «совлечься ветхаго челоуѣка съ дѣяньми
его и облещься въ новаго, обновляемаго въ разумѣ по
образу Создавшаго его» (Кол. 3, 9, 10)? Черты образа
Божія, по Апостолу, состоятъ въ «правдѣ и преподобіи
истины», «въ обновленіи разума», т.-е. въ извѣстномъ,
опредѣленномъ состояніи духовныхъ силъ челоуѣка. И это,
конечно, понятно. Душа челоуѣка является главнѣйшею
по своему значенію составною частью челоуѣка, опреде-
ляющимъ принципомъ челоуѣческой личности, индивиду-
альности. То или другое качественное сочетаніе и соотно-
шеніе душевныхъ силъ и способностей челоуѣка соста-
вляетъ индивидуальность его.

Но уже въ силу тѣсной связи души съ тѣломъ образъ
Божій долженъ находить свое выраженіе и въ тѣлѣ че-
лоуѣка. Намъ извѣстно, что первый челоуѣкъ былъ со-
творенъ совершеннымъ по душѣ и по тѣлу. По харак-
терному замѣчанію кн. Бытія, послѣ сотворенія челоуѣка,
«видѣ Богъ, и се вся добра (прекрасно) зѣло» (1, 31).
Прекрасное понимается, какъ соответствіе идеи и формы,
или какъ полное выраженіе идеи въ формѣ. Значить,
первый челоуѣкъ въ формѣ своей выражалъ идею свою,
т.-е. тѣло его соответствовало душѣ и было отраженіемъ
ея богоподобія. Такимъ образомъ откровеніе проводитъ
возвышенный взглядъ и на тѣло челоуѣка, которое въ
язычествѣ разсматривалось, какъ зло, какъ оковы для
духа, темница для души. Въ библейскомъ взглядѣ на тѣло
мы имѣемъ посредствующую, переходную мысль къ уче-
нію Н. З. о тѣлахъ возрожденныхъ христіанъ, какъ хра-
махъ Духа св., живущаго въ нихъ, почему мы и должны
прославлять Бога не только въ душахъ нашихъ, но и въ
тѣлахъ нашихъ (I Кор. 6, 19—20).

Въ свято-отеческой письменности мы находимъ мысли,
благопріятствующія взгляду на тѣло, какъ на отраженіе

въ нѣкоторомъ отношеніи образа Божія. Такъ св. Іустинъ мученикъ пишетъ: «далѣ слѣдуетъ говорить противъ тѣхъ, которые унижаютъ плоть и говорятъ, что она недостойна воскресенія и небснаго жительства... Развѣ Слово не говоритъ: «сотворимъ человѣка по образу Нашему и подобію»? О какомъ человѣкѣ Оно говоритъ? Очевидно, о плотяномъ... Не нелѣпо ли говорить о плоти, созданной Богомъ по Его образу, что она безславна и ничего не стоитъ?» Точно также у св. Иринея читаемъ: «совершенный человѣкъ есть соединеніе и союзъ души, получающій духа Отца съ плотію, которая создана по образу Божію».—Въ одной церк. пѣсни при погребеніи умершихъ поется: «плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту».

Первообразомъ, по которому сотворенъ человѣкъ и образомъ котораго онъ является, служить второе Лицо св. Троицы—Сынъ Божій. Особенно ясно эта мысль раскрыта у Афанасія Алекс. Онъ сравниваетъ падшаго человѣка со старой картиной, на которой отъ ветхости изгладился ликъ, и которая нуждается въ возстановленіи. Художникъ, написавшій ее, дѣйствительно можетъ обновить ее по старымъ чертамъ. Сынъ Божій, воплотившись, возстановилъ въ людяхъ образъ Божій, реставрировалъ старую картину, будучи Самъ истиннымъ Образомъ Божіимъ. «Слово вочеловѣчилось, чтобы мы обожились», говоритъ онъ; «Сынъ Божій сталъ сыномъ человѣческимъ, чтобы сынъ человѣческій сталъ сыномъ Божіимъ», читаемъ у Иринея. Обоженіе человѣка, по мысли св. отцовъ, состоитъ не въ нравственномъ только соединеніи Божества съ человѣчествомъ. Божество соединяется съ человѣческой природой реально, существенно, какъ бы физически, и производитъ въ ней полное и всестороннее обновленіе, не нравственное только, но и физическое. Принципъ тѣлннн, присущій тѣлу, отъ соединенія съ Божествомъ въ Лицѣ Іс. Хр. уничтожается. Эту мысль св. Афанасій поясняетъ

сравненіемъ, Солому можно сохранять отъ огня, не допуская ея соприкосновенія съ нимъ. Но въ этомъ случаѣ въ самой соломѣ не происходитъ никакой переменны, и возможность пожара при неосторожномъ обращеніи съ огнемъ не устраняется. Напротивъ, будучи покрыта огнеупорной оболочкой, солома становится несгораемой. Такъ, тѣло Христа было «облечено въ безплотное Божіе Слово, и, такимъ образомъ, не боится уже ни смерти, ни тлѣнія, потому что имѣетъ ризою жизнь, и уничтожено въ немъ тлѣніе». Такая физическая переменна въ тѣлѣ касается не только Христа, но и всѣхъ искупленныхъ Имъ, въ силу генерического, т.-е. родового сходства ихъ человѣческихъ природъ. Отсюда «Богъ вселяется въ тѣлѣ чловѣка, и Господь имѣетъ у Себя прекрасную обитель чловѣка. Какъ небо и землю сотворилъ Богъ для обитанія чловѣку, такъ тѣло и душу чловѣка создалъ Онъ въ жилище Себѣ, чтобы вселиться и успокоиться въ тѣлѣ его, какъ въ Своемъ домѣ, имѣя прекрасною невѣстою возлюбленную душу, сотворенную по образу Его» (Маркарій Египетскій). Такое полное обоженіе человѣческой природы произойдетъ съ воскресеніемъ умершей плоти, но предвосхищенія его возможны и въ здѣшней жизни.

Итакъ, полнота и цѣльность Божественной жизни воплощаются въ полномъ чловѣкѣ, а не только части его. Чловѣкъ носитъ печать Божественнаго и въ душѣ, и въ тѣлѣ.

Свящ. Писаніе говоритъ объ образѣ Божіемъ въ чловѣкѣ и подобіи. По разуму св. отцовъ, образъ Божій находится въ самой природѣ духовной, а подобіе заключается въ надлежащемъ развитіи и усовершенствованіи душевныхъ силъ чловѣка. Значитъ, образъ Божій мы получаемъ отъ Бога вмѣстѣ съ нашимъ бытіемъ, а подобіе въ значительной степени должны пріобрѣтать сами.

39. Совершенство первожданнаго чловѣка и назначеніе его.

Какъ твореніе всесовершеннаго Бога, земная тварь, включая чловѣка, до грѣхопаденія послѣдняго являлась

совершенною, насколько то возможно для тварнаго бытія. Извѣстный древній философъ Платонъ говорилъ: «всесовершенному неприлично творить что-либо, кромѣ лучшаго». Тотъ же взглядъ выражаетъ и свящ. пис., когда каждый день творенія заканчиваетъ словами: «и видѣ Богъ, яко добро» (Быт. 1, 4, 10, 12, 18), а по твореніи человѣка замѣчаетъ: «и видѣ Богъ вся, елика сотвори: и се добра зѣло» (Быт. 1, 31). Даже о нынѣшнемъ извращенномъ мірѣ Ап. говоритъ: «всяко созданіе Божіе добро, и ничтоже отменно» (1 Іоан., 1 Тим. 4, 4).

Человѣкъ вышелъ изъ рукъ своего Творца совершеннымъ по душѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. О мудрости Адама свидѣтельствуемъ нареченіе имъ именъ животнымъ (Быт. 2, 20), для чего нуженъ былъ умъ проникательный, обладающій глубокимъ знаніемъ вещей и ихъ отличительныхъ свойствъ. «Самъ Пифагоръ, пишетъ блаж. Августинъ, сказали, что тотъ былъ самый умный человѣкъ, кто первый далъ имена вещамъ».—Залогомъ правильнаго и гармоническаго состоянія первыхъ людей въ нравственномъ отношеніи служило то обстоятельство, что Адамъ и Ева были наги и не стыдились (Быт. 2, 25), т.-е. не было въ нихъ страстныхъ и безпорядочныхъ движеній воли и чувства.

Такимъ образомъ, первобытное состояніе людей не было состояніемъ какой-либо грубости или косности въ духовной жизни, какъ думаютъ эволюціонисты нашего времени, а было, благодаря цѣльности и неповрежденности ихъ природы, состояніемъ самаго быстраго и гармоническаго развитія и возрастанія всѣхъ ихъ духовныхъ силъ и способностей. Вотъ въ какихъ чертахъ премудрый сынъ Сираховъ изображаетъ это состояніе: «Господь исполнилъ ихъ проникательностію разума и показалъ имъ добро и зло. Онъ положилъ око Свое на сердца ихъ, чтобы показать имъ величіе дѣлъ Своихъ, да прославляютъ они святое имя Его и возвѣщаютъ о величій дѣлъ Его. Онъ приложилъ имъ знаніе и далъ имъ въ наслѣдство законъ жизни.

Вѣчный завѣтъ поставилъ съ ними и показалъ имъ суды свои. Величіе славы видѣли глаза ихъ, и славу гласа Его слышало ухо ихъ» (17, 6—11). Но, съ другой стороны, нельзя понимать первобытное состояніе нашихъ прародителей въ смыслъ совершенной зрѣлости и законченности развитія, а въ первыхъ людяхъ видѣть окончательный типъ человѣческаго совершенства. Мнѣніе это принадлежитъ протестантскому богословію. «Пусть услышать отъ насъ (еретики), писалъ Климентъ Алекс., что вполнѣ совершеннымъ не былъ онъ (первый человѣкъ) при сотвореніи, но былъ способенъ къ принятію всего добраго, ибо добродѣтель и способность къ совершенію ея не одно и то же,—насъ же Онъ хочетъ спасти нами самими». Итакъ, первые люди, правильнѣе сказать, обладали всѣми задатками къ совершенству. Но эти задатки лежали въ самой ихъ природѣ, а не были сверхъестественнымъ даромъ Божиимъ, даннымъ имъ отвнѣ, какъ бы вѣшнымъ придаткомъ, каковое ученіе содержатъ римскіе католики. Нравственное совершенство не можетъ быть дано совпѣ, а приобрѣтается разумнымъ существомъ посредствомъ свободной дѣятельности духа. Самъ Иисусъ Христосъ — второй Адамъ, несмотря на то, что въ Немъ человѣчество ипостасно было соединено съ Божествомъ, подчинился естественному закону нравственнаго роста и совершенствованія (Лук. 2, 5).

Совершенной душѣ соотвѣтствовало у первыхъ людей и совершенное тѣло.

Всѣ древніе учителя считали тѣло существенною составною частью человѣка, такъ что, по ихъ ученію, потому человѣкъ и есть собственно человѣкъ, что состоитъ не только изъ души, но и тѣла. Св. Ириней пишетъ: «ни плотское созданіе само по себѣ не есть человѣкъ совершенный, но есть тѣло человѣка и часть человѣка, ни душа сама по себѣ не есть человѣкъ, но душа человѣка и часть человѣка». Имѣя дѣло съ гностиками, видѣвшими въ тѣлѣ вѣчто лишнее и даже зловердное въ отношеніи къ ду-

шѣ, древніе апологеты настаивали на той мысли, что тѣло не только не лишне для души, но напротивъ служить для нея всегдашнимъ и неразлучнымъ органомъ, спутникомъ и даже сотрудиномъ, вслѣдствіе чего оно должно воскреснуть для участія въ вѣчномъ мздовоздаяніи. При такой связи съ душой, тѣло первыхъ людей должно быть приспособлено къ душевнымъ отправленіямъ. И, дѣйствительно, намъ извѣстно изъ библейской исторіи, что тѣлесное разстройство, болѣзни, возстаніе тѣла на духъ и самая смерть его, ислѣвнне явились слѣдствіемъ грѣхопаденія первыхъ людей (Быт. 3, 16). По выразительному замѣчанію Сираха, Богъ «по природѣ ихъ облекъ ихъ силы» (17). Значить, тѣло перваго человѣка отличалось крѣпостію, силами свѣжими и неиспорченными.

При такомъ высокомъ совершенствѣ духовной и тѣлесной природы человѣку должно быть указано отъ Бога высокое назначеніе. Это назначеніе Бытописатель формулируетъ такъ: «и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его, мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ, глаголя: раститесь и множитесь, и наполните землю, и господствуйте ею, и обладайте рыбами морскими (и звѣрьми) и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимися по земли» (Быт. 1, 27—8). Назначеніе человѣка состоитъ, прежде всего, въ наслажденіи жизнью и бытіемъ, въ ощущеніи блаженства. Въ данномъ случаѣ Библия совпадаетъ съ научно-этической формулою (напримѣръ въ этикѣ Спенсера) о счастіи, какъ цѣли или смыслѣ жизни. Но Библия даетъ болѣе широкую постановку своей формулы о блаженствѣ, когда дополняегь это понятіе тѣсно связаннымъ съ нимъ понятіемъ о совершенствованіи человѣка, безъ чего не можетъ быть блаженства. Нравственно-понимаемое счастье — не въ удовольствіи, а въ вѣрности разумныхъ тварей своей природѣ, надѣленной стремленіемъ къ безконечному совершенствованію, богоуподобленію, способностью разумнаго, свободнаго отображенія въ себѣ

свойствъ своего Творца. «Будите святы, яко святъ есмь Азъ, Господь Богъ вашъ» (Лев. 11, 44), заповѣдалъ Богъ ветхозавѣтнымъ людямъ, а Христосъ говорилъ: «будите убо совершенни, якоже и Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» (Мат. 5, 48). Достиженіе такого совершенства служить залогомъ самаго блаженства, какъ это видно изъ заповѣдей блаженства.—Итакъ, конечной, послѣдней цѣлюю челоуѣка служить Самъ Богъ, единеніе съ Нимъ. Не напрасно Христосъ все дѣло Своего искупленія людей направлялъ къ тому, чтобы разорить средостѣнныя ограды, отдѣлявшія челоуѣка отъ Бога, и чтобы привести его къ миру и единенію съ Богомъ (Іоан. 17, 21, Ефес. 2, 14). Самое владычествованіе челоуѣка надъ природою нельзя понимать въ смыслѣ внѣшней власти и господства надъ нею, а въ смыслѣ усовершенія ея до претворенія ея въ царство Божіе на землѣ. Вся вселенная должна принимать участіе въ служеніи Богу, въ устроеніи царства Божія: «чаяніе твари откровенія сыновъ Божіихъ чаеъ. Суетъ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи: яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чады Божіихъ» (Рим. 8, 19—21).

40. О Богѣ Промыслителѣ.

Промыслъ Божій въ катихизисѣ опредѣляется, какъ непрестанное дѣйствіе всемогущества, премудрости и благодости Божіей, которымъ Богъ сохраняетъ бытіе и силы тварей, направляетъ ихъ къ благимъ цѣлямъ, всякому добру вспомошествоуетъ, а возникающее, чрезъ удаленіе отъ добра, зло пресѣкаетъ или исправляетъ и обращаетъ къ добрымъ послѣдствіямъ.—Ученіе о промышленности Божіемъ является выводомъ изъ ученія о сотвореніи міра. Ученіемъ о сотвореніи міра изъ ничтожества не оставляется мѣста для автономіи (самоуправленія) міра. Само-сущее бытіе принадлежит одному Богу, и міръ, вызванный къ бытію изъ ничтожества, можетъ сохранять свое бытіе лишь въ зависимости отъ самосущаго Бога.

Разумѣется, полное и ясное ученіе о промыслѣ Божіемъ могло развиваться только при свѣтѣ откровеннаго представленія о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку. Но мысль о высшемъ Божественномъ управленіи въ мірѣ не была чужда и естественному сознанію людей. Только она выражалась не совсѣмъ ясно и понималась узко. Древніе язычники—дуалисты, признавая матерію міра несотворенною и совѣчною Богу, ограничивали, такимъ образомъ, дѣйствіе промысла Божія. Другіе философы, какъ Цицеронъ и Аристотель, допускали только общій промыслъ, т.-е. относящійся къ родовому бытію, и отрицали частный промыслъ, предметомъ котораго служатъ отдѣльные существа и вещи. Послѣдній видъ промысла будто бы недостойнъ Божества.—Въ основаніи этой философіи лежатъ ложное понятіе о Богѣ и Его величіи и достоинствѣ. Величіе Божіе заключается не въ возвышенности лишь надъ всѣмъ міровымъ бытіемъ, а въ безпредѣльной любви и попечительности о Всѣмъ, даже самомъ маломъ на взглядъ человѣческой. Мы приучены Евангеліемъ приурочивать достоинство и величіе не къ гордости и высокоумію, а къ простотѣ и смиренію. Язычеству также всегда недоставало истиннаго понятія о цѣнности человѣческой личности, которую оно всегда приносило въ жертву обществу и государству, какъ простое средство. Но изъ Евангелія мы узнаемъ объ абсолютной цѣнности человѣческой личности. Самъ Господь Іисусъ Христосъ научилъ насъ уважать каждую человѣческую личность, какъ бы она ни казалась намъ ничтожною, ибо Онъ пришелъ взискать и спасти всякую погибшую душу. Онъ говорилъ: «да будете сынове Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ, яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя» (Мат. 5, 45). «Воззрите на птицы небесныя, яко ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ: не вы ли паче лучше ихъ есте?» (Мат. 6, 26). «Не двѣ ли птицы цѣнятся единымъ ассаріемъ, и не едина отъ нихъ падетъ на земли безъ

Отца вашего: вамъ же и власи главніи вси изочтени суть» (Мат. 10, 29—30). Нужно ли еще лучшее доказательство частнаго промысла Божія?

Въ новѣйшей философіи главными противниками ученія о промыслѣ Божіемъ выступаютъ деисты. Они, допуская твореніе міра Богомъ, отрицаютъ промыслъ на томъ основаніи, что міръ, какъ хорошо и совершенно устроенный Богомъ механизмъ, не нуждается въ Его промышленіи о себѣ. Міръ можетъ поддерживать свое бытіе и управляться самъ собой, при дѣйствіи своихъ, присущихъ ему, законовъ.—Но отрицать промыслительную связь Бога съ міромъ значитъ отрицать свойства Божія: благость, вездѣ-присутствіе, всемогущество. Эти свойства Божія не были, такъ сказать, исчерпаны однимъ актомъ творенія. Любовь Божія выражается въ непрерывно-живой и дѣятельной связи съ міромъ, какъ и говорилъ Христосъ: «Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ, и Азъ дѣлаю» (Іоан. 5, 17). Несомнѣнно, міръ вышелъ совершеннымъ изъ рукъ Своего Творца. Но какъ конечный, онъ могъ получить и совершенство только конечное, относительное.

А относительное совершенство не только не исключаетъ, но, напротивъ, требуетъ Божественнаго попеченія, какъ силы, охраняющей и содѣйствующей жизни конечнаго бытія. Если даже разсматривать міръ, какъ мертвый механизмъ, то и въ такомъ случаѣ нужна для него внѣшняя помощь. Относительно совершенный механизмъ можетъ портиться и ослабѣвать. Но міръ—не механизмъ, а живое, органически развитое цѣлое. Въ немъ происходитъ постоянное взаимодѣйствіе и борьба силъ. То и другое направлено къ осуществленію извѣстной цѣли и идеи. Въ мірѣ есть своя логика. Но все это немислимо безъ міроуправляющаго ума. Въ мірѣ есть живыя существа; завися отъ Бога по происхожденію, они зависятъ отъ Него, какъ Источника жизни, и по своему существованію. «Вся (животныя) къ Тебѣ чаютъ (съ мольбою взираютъ), дати имъ пищу во благо время. Давшу Тебѣ имъ,

соберуть, отверзшу Тебѣ руку, всяческая исполнятся благодати. Отвращу же Тебѣ лице, возмзутся; отъимеши духъ ихъ, и исчезнутъ, и въ персть свою возвратятся. Послеси Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли» (Пс. 103, 27—30).—Въ мірѣ, наконецъ, есть свободныя существа — люди, которые могутъ давать неправильное направленіе дѣйствующимъ въ мірѣ силамъ и законамъ, нарушать планомѣрность и порядокъ. Въ этомъ кроется начало зла въ мірѣ. И если, несмотря на зло, міръ не разрушается, то это заставляетъ признать, что Богъ промышляетъ о немъ.—Не напрасно, поэтому, откровеніе говоритъ о Сынѣ Божіемъ, что Онъ «носитъ (держитъ) всяческая глаголомъ силы Своея» (Евр. 1, 3). Или: «Тѣмъ создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли, видимая и невидимая,—аще престоли, аще господствія, аще начала, аще власти: всяческая Тѣмъ (Имъ) и о Немъ (для Него) создашася, и всяческая въ Немъ состоятся (Имъ стоитъ)» Колос. 1, 16—7. «Сотворилъ есть отъ единыя крове весь языкъ человѣчь жити по всему лицу земному... възсати Господа...о Немъ бо живемъ, движемся и есмы» (Дн. 17, 26—8).

Но признаніе промысла Божія въ мірѣ не должно вести къ уничтоженію самостоятельности міровой жизни. Известно, что окказіонализмъ, связанный съ именемъ Декарта, училъ, что естественныя причины въ мірѣ не суть дѣйствительныя причины міровыхъ явленій, а только поводы процессовъ, совершающихся въ природѣ. Въ мірѣ дѣйствуетъ непосредственно сила Божія.—Такое ученіе неправильно. Луна и солнце не безъ воли Бога освѣщаютъ землю, но освѣщаютъ по свойственнымъ имъ законамъ. Не воля Божія непосредственно дѣйствуетъ въ нихъ, не сама она воплощается въ нихъ, а только содѣйствуетъ имъ. Богъ далъ солнцу и лунѣ уставы, законы, и они постоянны и неизмѣны въ своемъ дѣйствованіи. Но они являются орудіями, осущестляющими планы Божественной воли. Въ этомъ смыслѣ говорится въ кн. Іова о Богѣ,

что Онъ «даетъ дождь на лице земли и посылаетъ воды на лице полей» (5, 10), или въ Евангеліи, гдѣ солнечный свѣтъ и дождь представляются посылаемыми отъ Бога на праведныхъ и неправедныхъ.

41. Разборъ возраженій противъ промысла Божія.

Представленіе о высшемъ Разумѣ, управляющемъ міромъ, всегда соединялось съ признаніемъ цѣлесообразности въ природѣ—телеологіи. Въ подтвержденіе такой телеологіи можно сослаться на извѣстное твореніе св. Василія Великаго «толкованіе на шестодневъ». Но можно привести свидѣтельство отъ вѣдшихъ. «Чѣмъ болѣе я изучаю природу, писалъ Дарвинъ, тѣмъ все болѣе необходимымъ становится для меня то заключеніе, что удивительная планомѣрность и поразительныя приспособленія... въ несравнимой степени превосходятъ всю ту планомѣрность и тѣ удивительныя приспособленія, которыя въ состояніи было бы придумать самое богатое воображеніе самаго геніальнаго человѣка, которому дано неограниченное время для осуществленія его плановъ».—Но въ противоположность такому взгляду на міръ развивалось и другое ученіе о дистелеологіи, которое основывалось на фактахъ видимой нецѣлесообразности въ мірѣ. Они будто бы подрываютъ мысль о разумномъ промыслѣ въ мірѣ.

Въ послѣднемъ воззрѣніи, очевидно, цѣлесообразность смѣшивается съ совершенствомъ. Между тѣмъ совершенство можно усвоить лишь безусловной причинѣ бытія, и оно вообще мыслимо лишь въ области идеала. Дѣйствительность же никогда не можетъ вполне воплотить идеаль. Цѣлесообразность нужно понимать въ смыслѣ пригодности къ извѣстнаго рода отправленіямъ, приноровленія къ извѣстной цѣли и даннымъ вѣдшимъ условіямъ жизни. Глазъ муравья, какъ бы онъ ни былъ слабъ и ничтоженъ въ сравненіи съ нашимъ и сколько бы ни вызывалъ возраженій противъ своего устройства, также совершеннымъ образомъ приспособленъ къ нуждамъ и по-

требностямъ этого насѣкомаго, какъ глазъ рыбы къ окружающей ее средѣ.

Бюхнеръ, извѣстный матеріалистъ своего времени, говорилъ: «безумцемъ былъ бы тотъ, кто вздумалъ бы серьезно утверждать, что земля устроена всеблагимъ и премудрымъ Провидѣніемъ, какъ подходящее для человѣка мѣстожителство. Только крайнее напряженіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ дѣлаетъ для человѣка возможнымъ существовать на ней подъ постоянной угрозой тысячъ опасностей».—Но безъ препятствій естественныхъ и нравственныхъ, въ нашемъ настоящемъ грѣховномъ состояніи, не было бы задачъ и работы для нашихъ силъ и способностей, не было бы вообще жизни и исторіи. Міръ назначенъ служить къ упражненію силъ, а не пассивному наслажденію. Хороша та среда, которая ставитъ сообразныя съ нашими силами задачи. Хорошъ для человѣчества тотъ міръ, который своими противодѣйствіями вызываетъ и развиваетъ его силы и способности. Съ этой точки зрѣнія нужно смотрѣть на міръ и спрашивать, хорошъ ли онъ.—Съ другой стороны: въ разбираемомъ нами сужденіи промыслъ, очевидно, понимается чисто внѣшнимъ образомъ, какъ храненіе земного благополучія. Но такое пониманіе неправильно и противорѣчитъ Библии. Добро не необходимо связано съ земнымъ счастіемъ, а зло съ несчастіемъ. У прор. Исаія изображается Праведникъ, Который не сдѣлалъ грѣха, и не было лжи въ устахъ Его, но Онъ былъ презрѣнъ и умаленъ предъ людьми, изъязвленъ былъ за чужіе грѣхи и мученъ за беззаконія другихъ людей. Такое несоотвѣтствіе добродѣтелей Праведника и страданій Его не приводитъ пророка къ отрицанію промысла, а напротивъ соединяется у него съ мыслью о величайшей разумности страданій Его: «язвою Его мы исцѣлѣхомъ». Дѣло въ томъ, что промыслъ Божій есть духовная сила, направленная главнымъ образомъ къ распространенію и утвержденію царства Божія. Особенность же духовной силы та, что она при своемъ дѣйствованіи

не уничтожаетъ дѣятельности и борьбы силъ естественныхъ и нравственныхъ. Христось говорилъ, что міру суждены всякаго рода бѣдствія: религіозныя, нравственныя, политическія и физическія. «Надлежитъ всему тому быть... Все это начало болѣзней» (Мат. 24, 6, 8), говорилъ Христось. Неужели же промысль Божій безсиленъ? Конечно, нѣтъ. А это только значить, что нравственное благо человѣчества, подъ управленіемъ и руководствомъ промысла, вырабатывается среди столкновеній естественныхъ и нравственныхъ. Видимыя бѣдствія въ христіанствѣ имѣють то же самое значеніе, что болѣзни и муки при рожденіи человѣка. Здѣсь, среди тяжелыхъ мученій и страданій, происходитъ зарожденіе новой человѣческой жизни. Такъ и тамъ среди бѣдствій совершается возрожденіе человѣчества. Таковъ ужъ законъ добра, вытекающій изъ его сущности, что оно неизбѣжно подвергается страданію при встрѣчѣ съ вѣшними условіями жизни, ибо теперешній міръ во злѣ лежитъ. Жизнь Христа была страданіемъ вслѣдствіе правды и для правды: она была непрерывнымъ крестомъ, увѣчанымъ и видимымъ для плотскихъ очей крестомъ на Голгоѣѣ. Поэтому христіанство, разсматриваемое въ своей глубочайшей основѣ, есть религія креста, т.-е. страданія добра для побѣды надъ зломъ. Оно учитъ своихъ послѣдователей побѣждать зло добромъ и страдать съ покорнымъ и радостнымъ убѣжденіемъ, что страданія есть путь къ побѣдѣ надъ зломъ. «Наши страданія, говоритъ преосв. Теофанъ, суть точка соприкосновенія къ страданіямъ Христа, или мѣсто привитія ихъ... Страданіями переходитъ на насъ сила страданій Христовыхъ, совершившихъ наше спасеніе». «Посему мы не унываемъ, поучаетъ Ап., но если вѣшній нашъ человѣкъ и тлѣеть, то внутренній со дня на день обновляется... Ибо мы живые непрестанно предаемъ на смерть ради Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ смертной плоти нашей» (2 Кор. 4, 16, 11).

Говорять, что зло разрушаетъ самую идею Бога-Про-

мыслителя. Безъ свободы человѣка не было бы зла. Богъ—виновникъ свободы, слѣдов. Онъ—виновникъ и зла.—Но вся видимая сила этого возраженія зиждется на введеніи такъ называемаго четвертаго понятія. Здѣсь понятіе «виновень» употребляется въ двухъ разныхъ смыслахъ. Въ одномъ случаѣ (въ посылкахъ) оно употребляется въ смыслѣ «причинень», въ другомъ (въ заключеніи) «нравственно-отвѣтственень». Но отвѣтственность налагается только за нравственно-дурное въ дѣяніи. И такъ какъ нравственно-дурное въ свободѣ не принадлежитъ Богу, а внесено человѣкомъ, то божественная святость не омрачается дурнымъ дѣяніемъ людей. Злоупотребить можно самымъ высокимъ даромъ, какъ это и случилось по отношенію къ свободѣ.—Конечно, Богъ предвидѣлъ паденіе человѣка, злоупотребленіе его своей свободой, но это не должно было удержать Его отъ творенія свободного человѣка. Если бы Онъ и не сотворилъ міръ и человѣка въ виду паденія послѣдняго, то тогда добро, какимъ является свобода, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, было бы принесено въ жертву злу. Богъ какъ бы уступилъ злу. Но коль скоро уже въ человѣкѣ мы осуждаемъ нарушеніе принциповъ, то, не сдѣлавъ добра—сотвореніе свободного человѣка, — Богъ поступилъ бы противъ Своей природы и былъ бы виновень въ потворствѣ злу.

42. Промышленіе Божіе въ міръ духовномъ-ангельскомъ.

Промышленіе Божіе объ ангелахъ выражается, вообще говоря, въ непрерывномъ общеніи съ ними. Если бы, какъ разъясняетъ св. Василій Великій, мысленно допустить хотя мгновенный перерывъ въ этомъ общеніи ангеловъ съ Богомъ, то тогда въ мірѣ ангельскомъ неминуемо должно бы было произойти то, что бываетъ въ темной комнатѣ, когда выносятся изъ нея свѣтильникъ, или съ хоромъ, когда отнимается отъ него начальникъ. Но ангелы никогда не прерываютъ своего общенія съ Святымъ по естеству Духомъ, а потому и сами, подобно тому какъ

раскаленное огнемъ желѣзо принимаетъ свойство огня, имѣють въ себѣ святость, проникшую въ ихъ существо и ставшую ихъ природою, различаясь въ семь случаевъ огь Духа Св. тѣмъ, что, тогда какъ въ Духѣ Св. она есть естество, въ нихъ она есть только освященіе по причастію. Въ чемъ же состоятъ общеніе ангеловъ съ Богомъ? Откровеніе не оставляетъ безъ отвѣта этотъ вопросъ. Ангелы непосредственно предстоятъ предъ Богомъ (Дан. 7, 10), имѣють постоянную возможность зрѣть лице Его (Мѣ. 18, 10), славятъ и благословляютъ Его (Ис. 6, 3, Апокал. 4, 8), исполняютъ волю Его на небѣ (Мат. 6, 10), являются во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ откровенія Бога міру: при твореніи міра (Іов. 38, 7), Синайскомъ законодательствѣ (Дн. 7, 53, Гал. 3, 19), при рожденіи Спасителя (Мат. 1, 20, Лк. 2 гл.), при искушеніи Христа (Мат. 4, 11), страданіяхъ (Лк. 22, 43), воскресеніи (Мат. 28), вознесеніи на небо (Дн. 1, 20), второмъ пришествіи Его на землю въ послѣдній день міра (Мат. 35, 31). Имъ откровеніе вообще усвоетъ стремленіе проникнуть въ тайну домостроительства Божія (1 Петр. 1, 12, Ефес. 3, 10). Но ангелы принимаютъ близкое и постоянное участіе не только въ судьбахъ всего царства Божія въ его цѣлости, но и руководятъ отдѣльными членами его въ дѣлѣ ихъ спасенія. Они суть «служебніи дуси, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе» (Евр. 1, 14). Они радуются объ обращеніи грѣшниковъ (Лк. 15, 10), пекутся «о малыхъ сихъ», т.-е. тѣхъ изъ вѣрующихъ, которые не успѣли сдѣлаться великими въ духовной жизни (Мат. 18, 10), ополчаются «окрестъ боящихся Бога» (Псал. 33, 8), являясь ангелами-хранителями ихъ. Товитъ говоритъ о сынѣ своемъ Товіи, что «добрый ангелъ будетъ сопутствовать ему» (Тов. 5, 22). Когда ап. Петръ былъ чудесно освобожденъ изъ темницы и пришелъ къ христіанамъ, то они сначала говорили: «это ангелъ его» (Дн. 12, 15).

Исполняя столь многія и разныя служенія для славы

Божіей и преспѣянiя добра въ мiрѣ, добрые ангелы чрезъ то, несомнѣнно, сами преуспѣваютъ въ добрѣ, такъ что они дѣлаются, по выраженію св. Григорія Богослова, вторыми свѣтами или отблесками Божественнаго свѣта.

43. Отношеніе Бога Промыслителя къ злымъ духамъ.

Намъ извѣстно изъ Откровенiя, что не всѣ ангелы остались вѣрными своему Творцу-Богу. Ап. Іуда говоритъ объ ангелахъ, «не сохранившихъ своего начальства (по русск. достоинства), но оставившихъ свое жилище» (1, 6). Будемъ ли мы разумѣть здѣсь начальство въ собственномъ смыслѣ власти, или, вслѣдъ за Іустиномъ и Афинагоромъ, порученнаго имъ служенiя, общая мысль словъ Ап. та, что падшіе духи первоначально были добрыми, а потомъ сдѣлались злыми по собственной волѣ. Паденіе ихъ было такъ глубоко и всесторонне, что они совершенно извратили свою природу, сдѣлались воплощеннымъ зломъ. По словамъ Христа, діаволь сталъ «человѣкоубійцей исконне, лжецомъ и отцомъ лжи» (Іоан. 8, 44).

Бытіе злыхъ духовъ въ качествѣ личныхъ существъ, противостоящихъ царству Бога и добра, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнiя. Въ неоднократныхъ упоминанiяхъ Христа о діаволѣ и его царствѣ нѣтъ основанiя видѣть простое олицетвореніе зла или приспособленіе къ суевѣрнымъ представленiямъ современныхъ Ему іудеевъ. Христось, противопоставляя царство сатаны царству Божію, понималъ, разумѣется, первое, какъ и послѣднее, въ буквальномъ смыслѣ. Опровергая обвиненіе іудеевъ, что Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою Веельзевула, князя бѣсовскаго, Онъ говорилъ: «аще сатана сатану изгонитъ, на ся раздѣлится есть: како убо станетъ царство его... Аще ли же Азь о Дусѣ Божіи изгону бѣсы, убо постиже на вы царствіе Божіе» (Мат. 12, 26, 28). I. Христось обращался съ бѣсноватыми не какъ съ простыми истерическими больными, одержимыми навязчивой идеей (*idée fixe*). Онъ разсматривалъ бѣсовъ, какъ дѣйствительныхъ су-

ществъ, входящихъ и исходящихъ изъ человѣка (см. въ особенности разсказъ объ исцѣленіи Гадаринскихъ бѣсноватыхъ. Мат. 8, 28—32). Люди, ведущіе жизнь духовную и чуткіе къ ея явленіямъ, на опытѣ убѣждаются въ существованіи такихъ живыхъ злыхъ существъ. Святими подвижникамъ выработана цѣлая наука—аскетика, въ которой видное мѣсто занимають правила борьбы съ злыми духами.

Что касается происхожденія грѣха въ діаволѣ, то оно изумительно, говоритъ преосв. Теофанъ. Представьте себѣ чистѣйшую и совершеннѣйшую разумную тварь, какъ Ангель, только что вышедшій изъ рукъ Творца съ высокими достоинствами, приближавшими его къ Творцу. И скоро потомъ, вѣдая совершенно волю своего Творца, удобное Ему и неудобное, избираетъ неудобное въ противность Ему. Ни одной не видишь мысли, на какой можно бы было основать объясненіе такого дѣйствія. Это — непостижимая тайна, — такъ заключаетъ преосв. Теофанъ.—Одно можно съ достовѣрностью предполагать, что діаволъ палъ гордостью, какъ это видно изъ мимоходнаго замѣчанія Апостола: «да не разгордѣвся въ судѣь впадаетъ діаволъ» (1 Тим. 3, 6). Тутъ собственно говорится о епископѣ, чтобы онъ, въ случаѣ гордости, не подпалъ осужденію вмѣстѣ съ діаволомъ. Повидимому, діаволъ возгордился высотой своего положенія и возмечталъ быть Богомъ. И дѣйствительно, по выраженію св. Григорія Богослова, виновникомъ паденія людей былъ «самый первый свѣтоносецъ» въ Божіемъ мірѣ, а по словамъ св. Григорія Великаго, онъ занималъ такое высокое положеніе, что превосходилъ всѣ прочіе легіоны ангеловъ. Но при всемъ его высокомъ положеніи и достоинствѣ, онъ не достигалъ абсолютнаго совершенства. Судя по тому, что Богъ «и въ ангелахъ Своихъ усматриваетъ недостатки» (Іов. 4, 18), жизнь безплотныхъ духовъ должна была подчиняться закону развитія и совершенствованія. Значить, для нихъ не исключалась возможность паденія.

Относительно возможности дѣйствія духовъ злыхъ на человѣка и внѣшнюю природу не можетъ быть сомнѣній, хотя для насъ и остается непонятнымъ самый образъ и способъ ихъ дѣйствованія. Если возможны дѣйствія одного человѣка на другого, дѣйствія духа на тѣло и вообще силы на вещество, то тѣмъ болѣе возможны дѣйствія на человѣка и внѣшнюю природу со стороны духовъ, болѣе могущественныхъ, чѣмъ духъ человѣка. — Наконецъ, возможность демонскаго характера въ злыхъ духахъ, для которыхъ радость въ одномъ злѣ, также внѣ всякаго сомнѣнія, потому что она оправдывается на опытѣ нѣкоторыхъ людей. Зло часто принимаетъ въ человѣкѣ печать второй природы. Злое направленіе бываетъ въ людяхъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ оно болѣе сознательно, и чѣмъ даровитѣе и энергичнѣе самая личность. Въ духахъ злыхъ, сильныхъ своимъ могуществомъ, это злое направленіе, какъ намѣренное и сознательное противленіе Богу, доходить до высшей точки своего развитія, до невозможности и неспособности къ раскаянію, такъ что они, связавши сами себя узами мрака, по допущенію Божію, только блюдутся на судъ великаго дня (Іуд. 1, 6). Церковь соборно осудила мысль Оригена объ искупленіи Іс. Христомъ не только людей, но и всѣхъ злыхъ духовъ въ виду невозможности для нихъ раскаянія. Невозможность возстановленія діавола въ противоположность возможности спасенія для человѣка объясняется тѣмъ, что паденіе діавола было глубоко и всесторонне: грѣхъ совершенно извратилъ его природу. Человѣкъ же, хотя палъ свободно, но подъ вліяніемъ діавола, почему часть вины съ него снимается, тогда какъ злые духи пали безъ всякаго внѣшняго вліянія. Поэтому искупленіе Сына Божія, возможное для человѣка, является невозможнымъ для злыхъ духовъ.

Но согласно ли такое представленіе съ понятіемъ Божественной любви? Въ самомъ дѣлѣ: Богъ создалъ разумныя твари для блаженства ихъ, а между тѣмъ демоны навсегда должны мучиться. Значитъ, творящая любовь Божія

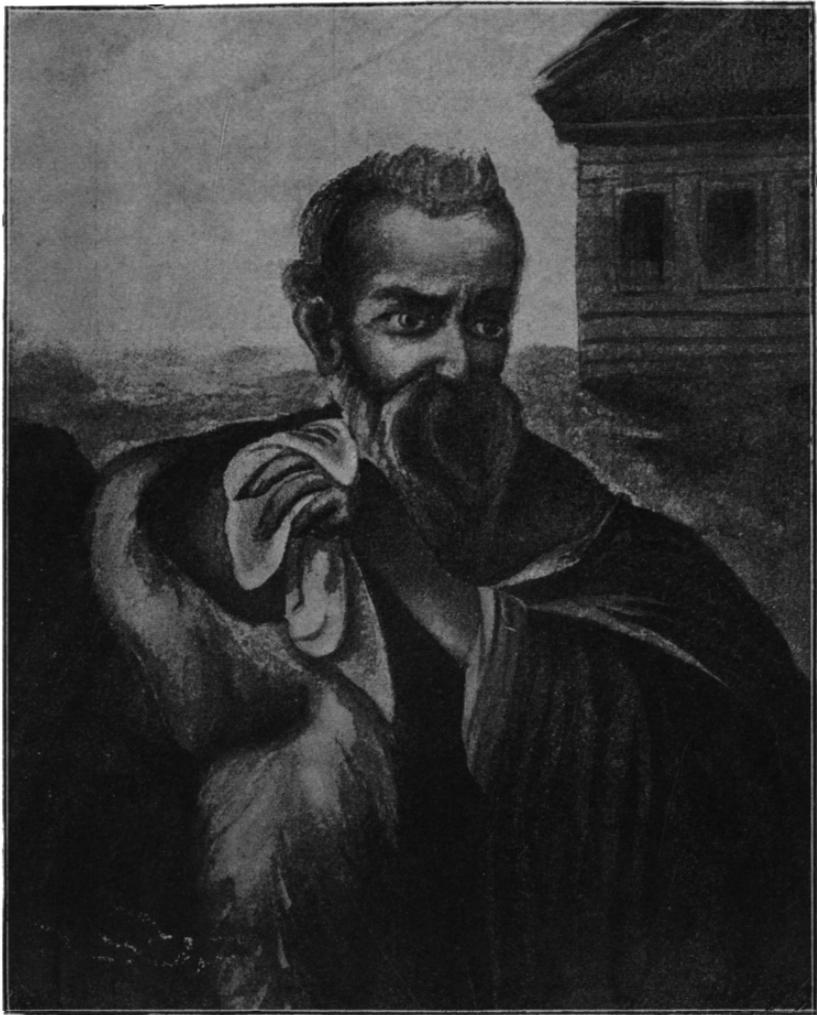
по отношенію къ нимъ не достигла своей цѣли? Итакъ, возможно ли, чтобы благодѣть Божія допустила созданныя ею существа вѣчно мучиться?—Но подобное воззрѣніе подобно тому наивному взгляду на всемогущество Божіе, по которому Богъ можетъ дѣлать все безусловно. Богъ можетъ любить только добро; но такъ какъ отъ доброй идеи въ діаволѣ ничего не осталось, то Богъ уже не можетъ любить его. Въ планахъ Божественнаго промысленія о всѣхъ разумныхъ тваряхъ предусмотрѣна и принимается, такъ сказать, во вниманіе свобода ихъ, которую Богъ не хочетъ нарушать. Несомнѣнно также то, что грѣшники, насильно влекомые къ блаженству, все равно не могли бы пользоваться имъ. Блаженство каждаго существа заключается въ немъ самомъ, въ его сердцѣ, и оно не можетъ быть дано отънѣ, если для него нѣтъ почвы въ сердцѣ, которую приготовляетъ само разумное существо. Замѣчательно, что всѣ дѣйствія Спасителя во время Его земной жизни по отношенію къ бѣсамъ въ бѣсноватахъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго намѣренія обратить ихъ къ Себѣ или научить ихъ добру, или оказать имъ благодѣянія, какъ Онъ дѣлалъ все это относительно людей. Напротивъ, изъ евангельской исторіи очень ясно видно, что Спаситель смотрѣлъ на діавола, какъ на своего врага и противника совершаемому Имъ дѣлу спасенія людей,—врага, котораго Христосъ этимъ самымъ дѣломъ не спасъ, а поразилъ. Онъ Самъ предъ страданіями Своими сказалъ: «нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ» (Іоан. 12, 13), «князь міра сего осужденъ» (16, 11). А возлюбленный ученикъ Христа свидѣтельствовалъ, что «для сего явился Сынъ Божій, чтобы разрушить дѣла діавола» (1 Іоан. 3, 8). Такимъ образомъ, мы имѣемъ достаточныя основанія держаться того убѣжденія, что любовь Божія недѣятельна по отношенію къ діаволу, что это не умаляетъ ея величія и всеобъемлемости, и что поэтому нѣтъ никакой необходимости доказывать съ натяжками, будто любовь Божія простирается и на демоновъ, кото-

рыхъ она нѣкогда обратитъ къ себѣ. Правда, въ священномъ Писаніи говорится, что при второмъ пришествіи Христа Ему покорятся всѣ враги до демоновъ включительно (1 Кор. 15, 24—7), но эта покорность будетъ вынужденная, а не по влеченію любви. Чтобы быть блаженнымъ, нужно умѣть цѣнить вѣчную истину добра и свободно желать его.

Полное разрушеніе царства діавола отсрочено Богомъ до конца міра и втораго пришествія Христова (Мат. 25, 41), когда Онъ скажетъ: «идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его». Теперь же Богъ, попуская дѣятельность діавола, ограничиваетъ ее тѣмъ, что Онъ указалъ средства побѣды надъ діаволомъ, «могущія вся стрѣлы лукаваго разжennыя угасити» (Ефес. 6, 16). Это—призываніе имени Господа Іисуса: «именемъ Моимъ бѣсы ижденуть» (Мрк. 16, 19), постъ и молитва: «сей родъ ничимъ же можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ» (9, 29).—«Если же кто спроситъ, говорить Златоустъ, почему Богъ не уничтожилъ древняго искушителя, мы отвѣтимъ, что все это сдѣлалъ по великой попечительности о насъ... Богъ для того оставилъ діавола, чтобы тѣ, которые уже побѣждены имъ, низложили его самого, а доблестные имѣли случай къ обнаруженію своей твердой воли... Черезъ него мы можемъ приобрѣсть много и добра... Когда лукавый устрашаетъ и смущаетъ насъ, тогда мы вразумляемся, тогда познаемъ самихъ себя и тогда съ большимъ усердіемъ прибѣгаемъ къ Богу». Проявленіе зла предохраняетъ отъ погруженія въ нравственное усыпленіе и безпечность, а съ другой стороны вызываетъ силы людей на борьбу и укрѣпляетъ ихъ, нравственно совершенствуя.

Ив. Никоминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Юродивый Тимофей Архиповичъ.

ЮРОДИВЫЙ ТИМОЕЕЙ АРХИПОВИЧЪ.

Въ только что вышедшемъ, въ декабрѣ 1910 года, XIV томѣ «Описанія документовъ и дѣлъ Св. Синода» помѣщено дѣло о монахѣ Георгіи Зварыкинѣ ¹⁾. Въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, значитса, что 13 августа 1734 г. синодальный оберъ-секретарь Михаилъ Дудинъ, по требованію высокихъ персонъ, сдѣлалъ запросъ синодальному секретарю въ Москвѣ Павлу Протопопову относительно юродиваго Тимоея Архиповича. Протопопову поручалось весьма секретно справиться и учтиво поступить, чтобы никто догадаться не могъ, гдѣ погребено тѣло Тимоея Архиповича, чтѣ надъ гробомъ его положено, и нѣтъ ли какихъ отмѣтъ противу прочихъ, какая при гробѣ его на стѣнѣ сдѣлана надпись, и кѣмъ, и когда; и списавши съ оной формальную копію, выслать таковую немедленно въ С.-Петербургъ. Поводомъ къ этому приказу послужило показаніе монаха Георгія Зварыкина, данное имъ въ 1733 г. въ Св. Синодѣ по дѣлу объ оскорбленіи архіепископа Теофана. Изъ этого показанія видно, что Тимоеей Архиповичъ считался великимъ угодникомъ Божиимъ. «Благочестивые монахи Берлюковской Николаевской пустыни носили на шейныхъ крестахъ ладонки съ его волосами, называя это святыми мощами великаго угодника Божія Тимоея Архиповича, и образа его у себя имѣли, написанные съ вѣнцомъ». Далѣе изъ показаній того же Зва-

¹⁾ № 5. Выписки изъ этого дѣла находятся у Чистовича: „Теофанъ Прокоповичъ и его время“, стр. 517.

рыкина видно, что у іеродіакона, жившаго въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ при архимандричьей кельѣ, онъ видѣлъ икону св. Троицы высокой работы, на которой въ подножіи изображенъ лежащій Тимоѳея Архиповичъ. У этого же іеродіакона Зварыкинъ видѣлъ и читалъ «множество чудесъ, отъ Тимоѳея Архиповича бывшихъ». Затѣмъ оказалось, что Тимоѳею Архиповичу была сочинена служба съ тропаремъ, стихирами и кондакомъ, а съ его портрета писались иконы. Ему же, Зварыкину, берлюковскій строитель Іосія, вмѣстѣ съ другими монахами, приказывалъ, при отправленіи церковнаго правила, послѣ перечня св. угодниковъ, которымъ полагалось по одному или по два земныхъ поклона, класть еще земной поклонъ великому угоднику Божію Тимоѳею Архиповичу.

Саровскій монахъ Сильвестръ показывалъ, что Тимоѳея Архиповича онъ считаетъ за святого и еще больше убѣдился въ томъ, когда, бывши въ Москвѣ, увидѣлъ надъ гробомъ его въ Чудовомъ монастырѣ надпись, «гдѣ онъ жилъ и сколько». Тутъ же и объявлено, что онъ, Тимоѳея, юродъ былъ міру, а не себѣ, а по той надписи онъ, Сильвестръ, размышлялъ, что «вотъ молъ и тутъ означено, что онъ святой, хотя и не свидѣтельствованъ».

На запросъ Св. Синода Протопоповъ отвѣчалъ, что Тимоѳея Архиповичъ былъ погребенъ по правую сторону алтаря церкви св. Архистратига Михаила въ Чудовомъ монастырѣ, на его могилѣ не имѣлось никакаго знака, но противъ оной въ алтарную стѣну была вмазана высѣченная на лещади надпись: «1731 года мая въ 29-е при державѣ благочестивѣйшія и великія государыни нашея Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи, преставися рабъ Божій Тимоѳея Архиповъ сынъ, который, оставивъ иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери Ея Императорскаго Величества государыни императрицы, благочестивѣйшія государыни царицы и великія княгини Параскевы Ѳеодоровны, двадцать осемь лѣтъ и погребенъ въ 30 день маіа».

По полученіи этого донесенія Императрица Анна Иоанновна приказала взять въ С.-Петербургъ для доставленія къ ней изъ Саровской пустыни персону (портретъ) Тимоея Архиповича.

Историкъ Татищевъ, лично знавшій Архипова, въ своей исторіи (I, 46) между прочимъ говоритъ, что при дворѣ царицы Прасковіи Феодоровны былъ знатенъ Тимоеей Архиповичъ, котораго за святого и пророка тамъ почитали, да не токмо при немъ, какъ послѣ его. Онъ императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, какъ была царевною, задолго предвѣщалъ корону. Вообще этотъ блаженный въ кругу царицы Прасковьи пользовался большимъ почитаніемъ: у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали вѣщаго слова и каждому малопонятному изреченію придавали какое-то таинственное, во всякомъ случаѣ священное значеніе ¹⁾.

Въ «Достопримѣчательностяхъ Москвы», изданныхъ въ 1842 г. К. Тромонинымъ ²⁾, упоминается о жизни «московскаго блаженнаго Тимоея Архипова». Въ этомъ сборникѣ приложенъ и портретъ юродиваго, снятый съ живописнаго, находящагося въ настоятельскихъ покояхъ Чудова монастыря. Тромонинъ добавляетъ, что надъ памятникомъ его находится картина, гдѣ онъ изображенъ лежащимъ въ гробѣ; возлѣ него стоитъ, какъ извѣстно, императрица Анна Иоанновна. Къ сожалѣнію, этой картины, уцѣлѣвшей даже въ 1812 г., уже нѣтъ.

Въ описаніи Чудова монастыря (1896 г.) на 47 страницѣ напечатано: «На южной сторонѣ Архангельскаго храма, близъ алтаря, сверхъ надгробнаго камня было живописное на мѣдной доскѣ изображеніе старца во гробѣ; стоящій надъ нимъ инокъ указываетъ на него женщиноу въ царскомъ одѣяніи; это—мѣсто погребенія иконописца, юродиваго Тимоея Архипова, который, встрѣчая царевну

¹⁾ Описаніе рукописей Вахрамѣева, т. VI, и „Царица Прасковья“ М. И. Семевскаго.

²⁾ 6 тетрадь, стр. 73.

Анну Іоанновну у царицы Прасковіи Ѳеодоровны, всегда повторялъ: «Донъ, донъ, донъ царь Иванъ Васильевичъ!» По вступленіи своемъ на престолъ императрица Анна Іоанновна, вспомнивъ предсказаніе юродиваго, отыскала его могилу въ Чудовомъ монастырѣ, служила надъ нею панихиду и поставила камень съ вышеупомянутой надписью. Этотъ надгробный камень существуетъ и теперь, а живописное изображеніе на доскѣ замѣнено, по приказу митрополита Леонтія, иконой св. митрополита Алексѣя.

Рядомъ съ могилой Архипова находится такой же надгробный памятникъ и надъ могилою извѣстнаго справщика книгъ и дѣлопроизводителя при патріархѣ Адрианѣ—Каріона Истомина.

Въ «Русскомъ Архивѣ» (1874 г., т. I, стр. 613) приведены воспоминанія Е. А. Нарышкиной «о бородѣ Тимоея Архипыча». Н. А. Нарышкина (прибавка автора воспоминаній) пользовалась особой дружбой царицы Прасковіи Ѳеодоровны и принимала участіе во всѣхъ благотвореніяхъ этой государыни. Исполнителемъ и руководителемъ ихъ добрыхъ дѣлъ былъ живописецъ Тимоея Архипычъ. Этотъ праведный человекъ съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя служенію Богу. Когда онъ окончилъ живописную работу въ Чудовомъ монастырѣ, то роздалъ какъ полученныя имъ за эту работу деньги, такъ и все остальное свое имущество бѣднымъ и послѣдніе годы своей жизни употребилъ на странствованіе по святымъ мѣстамъ. Н. А. Нарышкина питала къ нему особенное уваженіе.

Противница реформъ Петра I—она однажды въ своей моленной горячо молилась о томъ, чтобы весь родъ ея неизмѣнно былъ вѣренъ православію и не прекращался никогда, и вдругъ видитъ предъ собою «на воздухѣхъ» колѣнопреклоненнымъ Тимоея Архипыча, держащаго въ рукѣ свою длинную сѣдую бороду. Обращаясь къ ней, онъ произнесъ: «Настасья, ты молила Бога, чтобы родъ твой не пресѣлся и пребывалъ въ православіи; Господь опредѣлилъ иначе, и молитва твоя услышана вполнѣ быть

не можетъ. Но я умолилъ Всевышняго, и доколѣ въ семьѣ твоей будетъ сохраняться моя борода, желаніе твое исполнится, и родъ твой не прекратится на землѣ».

Устрашенная такимъ видѣніемъ Нарышкина упала безъ чувствъ; когда ее подняли, и она очнулась, то въ рукахъ ея оказалась «длинная сѣдая борода». Борода эта находилась въ родѣ Нарышкиныхъ долгое время. Она сохранялась въ особенномъ ящикѣ, на днѣ котораго лежала шелковая подушка съ вышитымъ на ней крестомъ; на этой подушкѣ и покоился этотъ семейный талисманъ.

Однако въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія бороду эту съѣли бѣлыя мыши, коллекцію которыхъ имѣлъ Иванъ Александровичъ Нарышкинъ (†1841 г.). Достоинно замѣчанія, что въ годъ исчезновенія бороды получены были извѣстія отъ старшаго брата Ивана Александровича— Григорія Александровича Нарышкина, что его единственный сынъ заболѣлъ и потомъ отъ этой болѣзни черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ, не оставивъ послѣ себя наследниковъ, и, такимъ образомъ, эта вѣтвь Нарышкиныхъ прекратилась.

Объ Архипычѣ упоминаетъ и Ровинскій въ своихъ Русскихъ народныхъ картинкахъ—«Притча о завистливомъ» (V, 143): «Намъ русскимъ не надобенъ хлѣбъ: мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ», говаривалъ по этой части умный юродивый Архипычъ. При этомъ Ровинскій замѣтилъ, что «знаменитый Волинскій часто поминалъ эту поговорку юродиваго Тимоея Архипыча, который за свою правду пользовался большимъ почетомъ у царицы Прасковіи Феодоровны и императрицы Анны Іоанновны и былъ вхожъ въ дома московской знати, даже похороненъ въ Чудовомъ монастырѣ».

Приложенный рѣдкій портретъ Архипова взятъ мной изъ собранія И. А. Вахрамѣева. Онъ написанъ на мѣдной доскѣ масляными красками и едва ли не единственный въ своемъ родѣ.

Ан. Титовъ.

ГРИГОРІЙ ФЕОДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ¹⁾.

Въ эту знаменательную и въ моей жизни эпоху началась моя переписка и знакомство съ Гр. Ф. Львовскимъ. Знакомство это имѣло большое значеніе для дѣятельности обоихъ, а потому необходимо остановиться на немъ болѣе подробно, при чемъ невольно приходится хотя кратко коснуться своей жизни и дѣятельности, извиняясь за временное уклоненіе отъ біографіи Гр. Ф. Львовскаго.

Прошло уже болѣе 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ началась моя народная учительская и регентская дѣятельность сначала въ качествѣ кандидата-помощника и учителя пѣнія въ приходскомъ училищѣ уѣзднаго города, затѣмъ сельскаго учителя и приходскаго учителя (32 года) въ губернскомъ городѣ Пензѣ. Какъ молодой регентъ 70-хъ годовъ, знакомый (по участію, въ дѣтствѣ, въ церковномъ хорѣ) только съ нѣкоторыми произведеніями Бортиянскаго и Турчанинова, я по переходѣ въ губернскій городъ въ 1871 году съ жадностію набрасывался на каждый нотный писанный или печатный листокъ, на каждое новое или неизвѣстное мнѣ хоровое произведеніе. Первыми новинками, въ то время очень рѣдко появлявшимися, были для меня сочиненія Пр. Виноградова и отчасти Бахметьева, а изъ старыхъ Львова и Давыдова. Когда все это было перепѣто, снова настала нотная жажда. Вмѣстѣ съ этою

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Читенія* 1911 г.

жаждою начало проявляться болѣе строгое отношеніе къ тому, что пѣлось въ храмѣ, появились вопросы, какія произведенія болѣе подходят къ молитвѣ.

Произведенія, какъ херувимская пѣснь Бортнянскаго № 1 и «яко да царя» отъ № 4 и т. п., казались какъ бы неподходящими къ исполненію въ храмѣ. Явилось желаніе исполнять чаще переложенія Турчанинова: одни они казались церковными.

Въ 80-хъ годахъ началось знакомство съ переложеніями Потулова, и особенное впечатлѣніе производило, по сравненію съ обиходомъ Львова, переложеніе «Господи силь съ нами буди» и «Господи, аще не быхомъ». Отсюда явилось необъяснимое желаніе исполнять переложеніе древнихъ напѣвовъ, но такихъ переложеній не было подъ руками. Очень трудно опредѣлить причины этой перемѣны взгляда на церковное пѣніе и особенно влеченіе къ древнимъ напѣвамъ.

Въ концѣ 1881 г. изданы были мои первыя пособія по обученію пѣнія: «Подвижныя ноты», «Объясненія къ нимъ», «Учебникъ пѣнія» для техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ. Въ 1886 году — «Дѣтское пѣніе» и болѣе обширный трудъ «Церковное пѣніе» «Нотныя упражненія» и «Объясненія къ нимъ».

Въ началѣ 1887 г. въ журналѣ «Русская Школа» было помѣщено объявленіе объ открывающихся лѣтомъ этого года въ г. Киевѣ «Курсахъ пѣнія». Прочитавши это объявленіе, я возымѣлъ сильное желаніе быть *слушателемъ* на этихъ курсахъ, но по дальности разстоянія и неимѣнію на поѣздку средствъ это представлялось дѣломъ невозможнымъ. Каково же было мое удивленіе и состояніе духа, когда въ началѣ мая я сверхъ всякаго ожиданія получилъ отъ организатора этихъ курсовъ, предсѣдателя Киевскаго Общества грамотности А. О. Андрияшева предложеніе быть *руководителемъ* на этихъ курсахъ.

Это неожиданное и лестное приглашеніе было однимъ изъ самыхъ важныхъ событій въ моей жизни, указав-

шимъ путь дальнѣйшей дѣятельности. Описаніе организаціи первыхъ еще въ Россіи кievскихъ лѣтнихъ регентскихъ курсовъ и веденіе ихъ составило бы цѣлую книгу ¹⁾). Первые курсы прошли съ значительнымъ успѣхомъ, доказательствомъ котораго послужило вторичное приглашеніе на курсы въ слѣдующемъ 1888 году, которые совпали съ празднованіемъ въ г. Кіевѣ 900-лѣтія крещенія Руси.

На этихъ курсахъ, описаніе которыхъ составило бы вторую книгу, и пришлось познакомиться и познакомить слушателей съ переложеніями Гр. Θ. Львовскаго: «тропарь, кондакъ и величаніе Св. Р. Кн. Владиміру». Эти вдохновенныя переложенія и исполнялись слушателями и слушательницами за всеобщей въ церкви св. Андрея Первозваннаго и затѣмъ на курсахъ. Какъ самыя переложенія, такъ и восторженное исполненіе ихъ воодушевленными пѣвцами произвели на присутствующихъ глубокое впечатлѣніе.

По возвращеніи къ мѣсту своего постояннаго служенія, въ г. Пензу, первымъ дѣломъ была выписка всѣхъ находящихся въ печати произведеній Гр. Θ. и разучиваніе ихъ съ хоромъ.

Въ эти же два года началось знакомство съ переложеніями Н. А. Римскаго-Корсакова, Д. Н. Соловьева и А. А. Архангельскаго. Исполняемыя съ хоромъ произведенія Гр. Θ. невольнo влекли мысли и чувства къ творцу ихъ, а необходимость къ дальнѣйшимъ переложеніямъ побудила къ перепискѣ съ нимъ, которая началась 20 февраля 1890 года и продолжалась до самой его смерти—5 октября 1904 года.

Эта вполне откровенная и обширная переписка со мною, а также переписка Гр. Θ. съ болѣе раннимъ его другомъ Л. С. Радкевичемъ, секретаремъ Полтавской Духов-

¹⁾ Краткіе отчеты о курсахъ помѣщены въ журналахъ: „Министерства Народнаго Просвѣщенія“ „Русскій Начальный Учитель“ за 1888-й годъ.

ной Консисторіи, обнимаетъ 10 послѣднихъ лѣтъ самой кипучей, самой интересной и плодотворной дѣятельности. Въ этотъ періодъ созданы имъ лучшія его переложенія и сочиненія.

Переписка со мною и Л. С. Радкевичемъ въ значительной степени облегчаетъ задачу представить въ живомъ и подлинномъ освѣщеніи послѣдніе знаменательные годы жизни и дѣятельности Гр. О.; знакомитъ почти день за днемъ насъ съ его творческою работою, а также съ тѣмъ, что особенно занимало и интересовало Г. О. въ послѣдніе годы его жизни, обрисовываетъ его завѣтныя думы, предположенія, знакомитъ съ его міровоззрѣніемъ, съ его взглядами на жизнь, съ его радостями, а болѣе съ печальями и невзгодами, каковыми, какъ всегда, переполнена жизнь выдающагося и честнаго труженика.

Эта же переписка даетъ возможность изложить послѣдніе годы жизни Гр. О. какъ бы въ формѣ автобіографіи.

Откровенная и задушевная бесѣда Г. О. въ его перепискѣ ярче и нагляднѣе представитъ намъ духовный и душевный образъ покойнаго, чѣмъ обычное повѣствовательное изложеніе.

При обзорѣ духовно-музыкальныхъ произведеній Гр. О. были приведены нѣкоторыя выдержки изъ его писемъ, касающіяся того или другого произведенія. Прочая переписка распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) взгляды на жизнь и совѣты друзьямъ, 2) хлопоты по изданію своихъ сочиненій, 3) житейскія невзгоды и уходъ въ отставку, 4) послѣдніе мѣсяцы жизни. Предварительно не лишнимъ будетъ привести выдержки изъ письма Л. С. Радкевича къ сыну покойнаго Гр. О., Θεодору Григорьевичу.

«Вмѣстѣ съ симъ, въ особой цѣнной посылкѣ отправляю тридцать два письма покойнаго отца вашего, при-снопамятнаго друга моего Григорія Θεодоровича и покорно прошу: прочтите ихъ, насладитесь сердечною бесѣдою безцѣннаго папочки. Въ препровождаемыхъ письмахъ чистая правда и безхитрость смотреть прямо

въ глаза съ выраженіемъ въ лицѣ легкаго, неподдѣльнаго и безобиднаго юмора, а помѣстамъ печаль и грусть и слезу вызываютъ. Надѣюсь, чтеніе писемъ какъ вамъ и членамъ святой семьи вашей, такъ даже и друзьямъ вашимъ доставить величайшее, благоговѣнное наслажденіе сердечною бесѣдою драгоценнаго папочки, съ коимъ столько лѣтъ уже не видимся и, быть можетъ, въ тысячный разъ убѣдить васъ, что у множества дѣтей не было такихъ напечекъ, и что всѣ они, кто зналъ васъ и покойнаго, непремѣнно завидовали вашему счастью. Опасаясь, чтобы какъ нибудь не пропали письма, я послалъ ихъ цѣнной посылкой; они драгоценны не для меня одного, но и для дѣтей моихъ».

Сколько ни переполнена была собственная жизнь Гр. Ф. различными невзгодами и волненіями, онъ все же, по христіанской любви къ людямъ, находилъ досугъ входить въ жизнь, положеніе и невзгоды другихъ, а особенно друзей своихъ и, насколько это было въ его силахъ, старался въ своихъ письмахъ мудрымъ совѣтомъ и душевнымъ словомъ вносить успокоеніе въ страждущія души ближнихъ, при чемъ, какъ мы и ранѣ видѣли, ярко выступали на первый планъ его христіанскіе взгляды на жизнь.

Изъ письма къ Л. С. Радкевичу отъ 30 октября 1886 г.

«Получилъ я вашихъ два болѣзненныхъ письма и, простите великодушно, не могъ собраться отвѣчать вамъ: получивъ первое письмо ваше, я расхрабрился и хотѣлъ тотчасъ же писать вамъ съ намѣреніемъ сдѣлать вамъ строгое внушеніе, чтобы вы не хандрили и въ сей юдоли плача радостей не ждали, а несли бы крестъ до конца съ терпѣніемъ,—и отъ всей души желалъ, хоть сколько нибудь, и чѣмъ нибудь утѣшить васъ; но тайный голосъ ГГ-мо прогремѣлъ: «Врачу, испѣлся самъ!», и я, какъ шномъникъ, сконфузился и не зналъ, что и какъ писать

вамъ? И вотъ получаю второе письмо ваше, изъ котораго видно, что боли ваши crescendo < усиливаются, и я паки недоумѣваю, что реку и что возглаголю въ ваше утѣшеніе? А какъ на грѣхъ, и самъ я прихварываю и чувствую почти постоянную скорбь и какое-то давленіе, и нахожусь въ постоянно угнетенномъ состояніи. А потому возверзимъ на Господа печаль свою, и той насъ препишетъ и не дастъ насъ псамъ на съѣденіе.

Вы спрашиваете,—увидимся ли еще въ сей жизни?? Ну можно ли такому хорошему человѣку, да еще христіанину, задаваться такими вопросами??? Да развѣ мы не видимся съ вами—душевыми очами и письменными нашими общеніями????—я и теперь пишу вамъ и вижу васъ во всей полнотѣ (если не похудѣли) и какъ бы лично бесѣдую съ вами и даже слышу вашъ добрый ласкающій голосъ. Будемъ же и тѣмъ довольны. Объ одномъ только молю васъ, не унывайте и несите крестъ съ христіанскимъ терпѣніемъ, помня, что за нами семьи, для которыхъ мы, хоть и слабые, но все же помощники и заступники. Написалъ я вамъ, и хотя васъ не утѣшилъ, но самому какъ-то легче стало.

Изъ письма къ А. Н. Карасеву отъ 16 ноября 1890 г.

«Премного благодарю васъ за письмо, разсѣявшее мое недоразумѣніе и успокоившее меня, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, принесшее мнѣ и скорбь,—тѣмъ, что вы жалуетесь на свое плохое здоровье, которое и служитъ причиною угнетеннаго состоянія и невеселаго настроенія вашей труженнической и повтѣческой души. Самъ я очень часто бываю въ такомъ состояніи и вполне сочувствую вамъ, почему совѣтую и вамъ то же лекарство, какое я употребляю, по отношенію къ состоянію угнетенной души: обращайтесь чаще въ разсудку, думайте, что вы служите дѣлу, которому преданы всей душою, а не тѣмъ или другимъ лицамъ, смутно понимающимъ наше дѣло, и утѣ-

шайтесь мыслию, что мы пройдемъ, но дѣла наши останутся и будутъ свидѣтельствовать, что мы были не лѣнныя рабы.

Ради Бога, не смущайтесь духомъ и работайте съ твердою вѣрою въ полезность вашихъ трудовъ».

Изъ письма къ Л. С. Р-чу отъ 10 января 1891 г.

«Письмо ваше, какъ и всегда, принесло мнѣ великую радость и удовольствіе; но мѣста, гдѣ проглядываетъ прежняя ваша хандра и выражается сомнѣніе и недовѣріе къ будущему, меня глубоко опечалили. Думать о будущемъ и представлять его себѣ въ мрачномъ свѣтѣ намъ грѣшнымъ не слѣдуетъ,—а нужно возложить все упованіе на Господа.

Если Онъ былъ милостивъ и сохранилъ насъ до настоящихъ дней, то будемъ надѣяться, что не оставитъ насъ своею милостію и до конца жизни.

Душевно благодарю васъ за любовь къ моимъ посильнымъ трудамъ и очень сожалѣю, что исполненіемъ не удовлетворили васъ; но, если милость Господня продлится на насъ, и предреченный вами прїѣздъ къ намъ сбудется, то исполнится одно изъ моихъ завѣтныхъ желаній,—видѣть васъ здѣсь, и, пока силы мои еще не совсѣмъ ослабѣли, представить на вашъ судъ исполненіе моихъ трудовъ подъ моимъ же управленіемъ,—хотя въ другихъ случаяхъ я часто этого избѣгаю. Я ужасно стѣсняюсь; мнѣ все кажется, что я въ это время похожъ на родителя, хвастающагося красотою своихъ дѣтей.

Житейскія дѣла такъ пригибаютъ, что объ отвлеченномъ и возвышенномъ «не моги, да не смѣй разсуждать». Отъ тяготы изнемогаю, но, подкрѣпляемый милостію Всевышняго, кое-какъ держусь и не унываю. Видимо Милосердый Господь хранитъ насъ, ради неустроенныхъ еще дѣтей нашихъ. Да продлитъ же Премудрый и Милосердый жизнь нашу и да изліетъ свои милости на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Аминь»...

Изъ письма къ Л. С. Р-чу отъ 12 апрѣля 1883 г.

«Давно собираюсь писать и побесѣдовать съ вами, но, ей же ей, времени нѣтъ: просто загнали; и сталь я похожъ на почтовую клячу, которую, не спрашивая, впрягаютъ да кнутикомъ постегиваютъ разъ-другой; и пошла, бѣдная, сначала ковыль-ковыль, а потомъ рысдой, а тамъ, глядишь, и вскачь!.. И такъ почти каждый день; а какъ выдастся свободный день, то радъ хоть пожевать да отдохнуть, не забывая и оглядываясь, что вотъ-вотъ опять запрягутъ».

Изъ письма отъ 25 ноября 1891 г.

Возлюбленнѣйшій и
сердечно-уважаемый

Алексѣй Николаевичъ.

«Что же вы, дорогой мой, скорбите и унываете?..

Вотъ уже второе письмо отъ васъ, и все въ минорномъ тонѣ. Мужайтесь, вѣрнитесь и вѣруйте въ Бога и дѣло, которому вы служите и которое, въ свое время, дастъ плодъ, и тогда возрадуетесь! Борьба за существованіе и идею всегда была и будетъ дѣломъ честныхъ тружениковъ, которыхъ судьба не балуетъ, и которымъ бабушка не ворожить. Въ утѣшеніе скажу вамъ только то, что нужно терпѣть и идти твердою стопою по пути, который мы сами себѣ избрали.

Указать вамъ на какихъ либо композиторовъ и ихъ духовно-музыкальныя сочиненія не могу: такъ перечень ихъ въ вашей методикѣ превосходитъ мои объ таковыхъ свѣдѣнія,—а если и есть, то, большей частію, хотя и не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ, безграмотны, и указывать на таковыя едва ли для васъ интересно.

Вчера я кончилъ желаемое вами «съ нами Богъ», съ нѣсколькими стихами, и по провѣркѣ на голосахъ вышлю вамъ означенное переложеніе въ рукописи».

Изъ письма отъ 30 юня 1892 г.

«Всѣмъ сердцемъ скорблю и всею душою сочувствую описываемому вами незавидному положенію и сложившимся обстоятельствамъ въ вашей труженической жизни и всѣмъ существомъ своимъ желалъ бы утѣшить васъ, если бы вѣдалъ, что слова утѣшенія могли бы облегчить вамъ то положеніе, въ которомъ вы находитесь. А потому остается молить Небеснаго Утѣшителя, да подастъ Онъ вамъ силы и крѣпость нести крестъ и да облегчитъ Онъ, Милосердый, вашу нелегкую участь. Отъ Него Единаго остается намъ ждать утѣшенія».

Отсутствіе свободного времени для творческой работы, письмо своихъ сочиненій урывками, невольный перерывъ работы на самомъ интересномъ мѣстѣ, неимѣніе средствъ на печатаніе своихъ сочиненій, тормазы цензурные того времени, а также медлительность процесса печатанія постоянно дѣйствовали удручающимъ образомъ на Гр. Θ.; о чемъ онъ нерѣдко и писалъ.

Изъ письма отъ 7 января 1891 года.

«Да благословитъ Господь труды ваши и да укрѣпитъ Онъ, Милосердый, ваши силы и своею помощію да облегчить подъятыя на свои рамена нелегкіе труды».

На посланныя новыя книги Гр. Θ. отвѣчаетъ:

«Душевно сожалѣю, что не могу доставить себѣ удовольствія отплатить вамъ тѣмъ же. Представьте себѣ, что я съ прошлой весны отдалъ въ Духовно-Цензурный комитетъ нѣсколько своихъ духовно-музыкальныхъ сочиненій и переложеній, но и до сихъ поръ не могу добиться разрѣшенія къ напечатанію.

У насъ появился новый законъ по печатанію духовно-музыкальныхъ произведеній, по которому всѣ духовно-музыкальныя сочиненія и переложенія могутъ быть осуществлены въ печати не иначе, какъ съ разрѣшенія св. Синода, да еще было придумали, чтобы каждое духовно-му-

зыкальное произведение было исполнено въ присутствіи членовъ Синода, которые рѣшаютъ: быть или не быть; но я при одномъ удобномъ случаѣ доказалъ имъ, какъ дважды два, что такая мѣра не выдерживаетъ критики; тогда они рѣшили, что будутъ посылать на разсмотрѣніе въ какой-то Московскій Просвѣт. Комитетъ или на разсмотрѣніе г. Соловьева, числящагося въ Учебномъ Комитетѣ членомъ по этой части... вообще у насъ порядочный сумбуръ. И вышло, что «послѣдняя горше первыхъ». Прежде насъ стѣсняла Придвор. Капелла, а теперь и насъ и ее давить св. Синодъ: одна грусть и больше ничего».

Изъ письма отъ 6 марта 1891 г.

«Много предъ вами виновать, что такъ долго не отвѣчаю на ваше любезное и пріятнѣйшее для меня письмо; но если вы возьмете во вниманіе мое коловратное положеніе и въ жизни, и на службѣ, то увѣренъ, что простите и не поставите въ вину мое долгое молчаніе. Причинъ много, а одна изъ нихъ та, что вскорѣ послѣ вашего письма я получилъ разрѣшеніе на печатаніе нѣсколькихъ моихъ духовно-музыкальныхъ сочиненій и переложеній, почему и отложилъ свой отвѣтъ вамъ до времени, когда выйдутъ изъ печати мои труды, чтобы вмѣстѣ прислать вамъ и тотъ, и другіе; но, къ прискорбію моему, г. типолитографъ своею медленностію положительно выводитъ меня изъ терпѣнія: держать по двѣ недѣли корректурные листы, чѣмъ затормозилъ выходъ изъ печати моихъ трудовъ.

Потерявъ всякое терпѣніе, пишу вамъ сіи нѣсколько строкъ и прошу потерпѣть со мною еще мало, до времени, когда напечатаются тѣ нѣкоторые изъ моихъ трудовъ.

А какъ ваше здоровье? Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ вы имъ не хвалитесь,—а теперь ничего не упоминаете. Если хорошо, то и слава Богу, а если чувствуете себя неладно, то нужно подумать и объ отдохновеніи, хотя дѣломъ.

Быть полезнымъ обществу—великое дѣло; но, для продолженія пользы, нужно и необходимо подумать и о своемъ здоровьи, возстановленія коего искренно и всѣмъ сердцемъ желаетъ

искренно вамъ преданный
Гр. Львовскій».

Изъ письма отъ 16 апрѣля 1891 года.

Письмо ваше, какъ и всѣ прежнія, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Высокое мнѣніе ваше о моихъ трудахъ (хотя не по заслугамъ) подкрѣпляетъ меня и, окрыляя, подвигаетъ на дальнѣйшіе труды.

Вы спрашиваете, неужели не цѣнили въ Петербургѣ моихъ трудовъ. Нѣтъ, этого я не могу сказать: и здѣсь хотя изрѣдка мои сочиненія и переложенія исполняются даже въ большихъ концертахъ, и отзывы были самые благопріятные; но такъ какъ здѣсь на мало-мальски выдающихся людей смотрятъ съ завистью, а часто и съ коммерческой точки, то при существованіи цѣлаго сонма дѣятелей и многихъ фирмъ, съ громкими наименованіями, старающихся выдвигать свои *товары*, о достоинствѣ другихъ или молчатъ, или втихомолку похаиваютъ; кромѣ всего сего, для успѣха надо имѣть гибкую спину и лисій хвостъ, а этого у насъ не имѣется. Впрочемъ, я объ этомъ не очень и сокрушаюсь: меня радуетъ и подкрѣпляетъ то, что лица, повимающія и дорожащія искусствомъ, отовсюду присылаютъ мнѣ самые благопріятные отзывы о моихъ трудахъ.

Къ вашему высокому и дорогому для меня мнѣнію можете прибавить развѣ то, что избранный мною путь и способъ гармонизацій древнихъ пѣснопѣвній есть въ своемъ родѣ единственный, какъ плодъ многолѣтнихъ думъ и размышленій, и достигнуть мною послѣ многотруднаго и глубокаго изученія строгаго церковнаго стиля. Хотя не слѣдовало бы мнѣ хвастаться мудростію своею, но такъ

какъ вы требуете, то и говорю съ вами откровенно по дружески, въ надеждѣ, что все это останется между нами.

Лѣтомъ приготовлю побольше для печати, а теперь трудно—денегъ нѣтъ. У насъ съ вами горе одинаково».

Съ какою искреннею благодарностію принималъ Гр. Ѳ. въ это тяжелое для него время самое малое вниманіе къ его трудамъ! Пишущій считаетъ для себя великимъ счастьемъ, что ему выпало на долю хотя въ малой степени облегчить удрученное состояніе духа Гр. Ѳ. своимъ отзывомъ о сочиненіяхъ Гр. Ѳ., своимъ распространеніемъ сочиненій Гр. Ѳ. на лѣтнихъ регентскихъ курсахъ и въ особенности помѣщеніемъ отзывовъ о сочиненіяхъ и переложеніяхъ Гр. Ѳ. въ вышедшей въ то время моей книгѣ «Методика пѣнія».

Вотъ отвѣтъ Гр. Ѳ. по этому поводу.

«Методику вашу прочиталъ хотя и урывками, но за нее кланяюсь до земли и приношу вамъ свою искреннюю признательность; трудъ вашъ есть драгоценный даръ для учителей пѣнія.

Г. Д. С. въ статьѣ своей находитъ въ вашей методикѣ обиліе теорет. матеріала, и что это обиліе приноситъ вредъ, а по моему мнѣнію это-то обиліе и есть достоинство, такъ какъ мы знаемъ изъ опыта, что на Руси много учителей, и даже понимающихъ дѣло, но какъ привѣяться за обученіе и съ чего, и какъ начать большая ихъ часть недоумѣваетъ,—а въ вашемъ трудѣ они найдутъ всѣ способы — выбирай любой изъ нихъ; въ концѣ же своей статьи и онъ не могъ не сказать, что въ вашемъ трудѣ читатель извлечетъ много полезныхъ свѣдѣній, дѣльныхъ указаній, разумныхъ совѣтовъ и проч., о чемъ вы вѣрно уже читали; въ самомъ же концѣ г. С. не преминулъ заявить, что на тщательно составленный вами выборъ церк. пѣсноп. слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на частныя мнѣнія, отнюдь не придавая имъ значенія признанныхъ и утвердившихся научныхъ тезисовъ.—Это косвенный намекъ

на цишущую (не въ его духѣ) братію, а также и на меня грѣшнаго за то, что вы такъ усердно похвалили меня, но за что я паки кланяюсь вамъ до земли и дорого цѣню вашъ отзывъ о моихъ посильныхъ трудахъ, потому что это есть мнѣніе человѣка, понимающаго дѣло въ широкомъ смыслѣ, а не по знамен. только напѣву, какъ г. С.

Писалъ я вамъ въ прошломъ письмѣ, что не слѣдовало задѣвать всѣхъ этихъ господъ съ ихъ учебниками; и выходитъ, что я правъ; увидѣлъ себя г. С. въ вашей методикѣ въ неособенно привлекательномъ видѣ... «дай, молъ, отомщу ему,—скажу, что обиліе матеріаловъ въ методикѣ г. Карасева приноситъ вредъ»; но вы не обращайтесь вниманія на мнѣніе человѣка съ крайними убѣжденіями и признающаго только знамен. напѣвъ настоящимъ церковнымъ,—все же прочее, по его мнѣнію, гиль. Вѣрьте мнѣ, что всѣ, интересующіеся дѣломъ обученія цѣнію и искренно относящіеся къ его преподаванію, будутъ вамъ признательны и благодарны; нужно имѣть только терпѣніе и ждать, что скажутъ тѣ, кого это дѣло касается, а не тѣ, которымъ все равно, какъ преподается и какъ будетъ преподаваться этотъ нелегкій предметъ обученія».

А. Карасевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

Противъ всего этого взгляда въ настоящее время высказываются очень всѣкія нравственныя сомнѣнія: мысль о представительствѣ, объ искупленіи чрезъ третье лицо объявляютъ нравственно невозможною. Но такъ ли это? Дѣйствительно ли мысль о *представительствѣ* должна быть совершенно отвергнута? Дѣйствительно ли въ нравственной своей жизни всякій человѣкъ существуетъ исключительно только самъ по себѣ? Отнюдь нѣтъ. Никто не можетъ опредѣлить, сколько въ преступленіи извѣстнаго человѣка виноватъ онъ самъ и какая степень ответственности за него падаетъ на общество, на окружающихъ людей, на человѣчество. Въ каждомъ грѣховномъ дѣлѣ принимаетъ участіе въ неразрывной связи и индивидуальная воля и воля общественная. Никогда человѣкъ не бываетъ просто отдѣльнымъ существомъ; постоянно живетъ онъ только въ человѣчествѣ и съ человѣчествомъ. Это имѣетъ силу и въ нравственной области; существуетъ общая вина, въ которой и активно и пассивно участвуетъ всякій человѣкъ; въ своей долѣ всякій повиненъ въ ней, поэтому онъ вмѣстѣ съ другими долженъ и страдать за нее.

Такъ какъ человѣчество образуетъ изъ себя единое цѣлое, то поэтому всегда существовали представители, люди, исполнявшіе за другихъ то, что составляетъ задачу цѣлаго. То же надобно сказать даже о всякомъ званіи: художники и ученые, сельскіе хозяева и ремесленники не

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Духовн. Читенія* 1911 г.

только выполняют свою индивидуальную задачу, но и работают для другихъ, для цѣлаго сословія. Такое представительство въ извѣстной мѣрѣ существуетъ и въ нравственной области: отецъ есть представитель своей семьи, государь—своего народа: они разрѣшаютъ нравственныя задачи общества и несутъ нравственную отвѣтственность за другихъ. Здѣсь умѣстно изрѣченіе: что государь для своего народа, то І. Христось для человѣчества; Онъ—природный и дѣйствительный представитель его; какъ такой Онъ взялъ на Себя общую вину ради своихъ братьевъ.

Что государь заступаетъ мѣсто своего народа, это понятно; но какъ могъ быть представителемъ человѣчества Іисусъ Христось? какое нравственное право имѣетъ Онъ на это? По мнѣнію Э. Гартмана, Онъ не имѣетъ никакого «законнаго коллективнаго отношенія къ цѣлому человѣчеству». Но Писаніе видитъ это право въ томъ, что Онъ есть Мессія; это было Богомъ Ему назначенное званіе. Какъ Мессія, рѣшеніе нравственно-религіозной задачи человѣчества Онъ сдѣлалъ Своимъ личнымъ призваніемъ: что всякій человѣкъ долженъ былъ воздать Богу, то Онъ воздалъ Богу — за другихъ. Въ настоящее время пренебрежительно относятся къ этому представленію Израиля о Мессіи. Но факты исторіи не оправдываютъ ли его въ дѣйствительности? «Мессія» Іисусъ не приобрѣлъ ли нравственнаго значенія для цѣлаго человѣчества? Задача «Мессіи» — двойная: Онъ долженъ быть Судьею и Спасителемъ міра. Теперь І. Христось съ неотразимою силою приобрѣтаетъ власть надъ совѣстью каждаго человѣка. Выѣсть съ тѣмъ Онъ все болѣе и болѣе становится и Судьею міра. Этотъ фактъ доказываетъ, что это невообразимо высокое право Іисуса должно имѣть объективное основаніе; кто сдѣлался Судьею міра, тотъ можетъ быть и Спасителемъ міра. То и другое находится въ неразрывной связи; съ этимъ долженъ согласиться всякій любящій истину человѣкъ. Богъ далъ Ему «законное коллективное отношеніе къ цѣлому человѣчеству». Если при этомъ за-

даютъ вопросъ: какъ же это возможно; то христіане на это отвѣчаютъ: Онъ—Сынъ Божій; *все Имъ и для Него создано* (Колос. 1, 16). Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію тотъ удивительный фактъ, что Онъ имѣетъ нравственное значеніе для всѣхъ и для всякаго человѣка. Онъ—природный представитель въ нравственно-религіозной области. Какъ такой, Онъ съ Своей стороны разрѣшилъ нравственную задачу человѣчества и чрезъ это сдѣлался нравственнымъ идеаломъ для всѣхъ; какъ такой, Онъ въ частности принялъ на Себя исполненіе самой тяжелой нравственной задачи грѣшнаго міра; Онъ взялъ на Себя все, что лежало на цѣломъ человѣчествѣ, вину міра, наказаніе за грѣхъ, проклятіе и судъ Божій. Въ совершенствѣ исполнивъ волю небеснаго Отца въ человѣческомъ естествѣ, даже во время Своихъ страданій Онъ, какъ представитель его, примирилъ міръ съ Богомъ. Таково было Его призваніе.

Но здѣсь возникаетъ второе вѣское недоумѣніе: *возможно ли съ нравственной точки зрѣнія, чтобъ Иисусъ Христосъ, Невинный, взялъ на Себя наказаніе, назначенное грѣшникамъ?* Самое большее, что считаютъ возможнымъ здѣсь допустить,—это—примѣрное наказаніе (Strafexempel): Невинный, Онъ могъ допустить *внѣшнее* выполненіе на Себѣ наказанія, чтобъ этимъ ужаснымъ примѣромъ образумить грѣшниковъ и обратить ихъ съ пути погибели; но душою усвоить Себѣ наказаніе, дѣйствительно умереть подъ тяжестью грознаго суда Божія,—это, говорятъ, для Невиннаго нравственно невозможно.

Кто такъ разсуждаетъ, тотъ, по моему мнѣнію, не обладаетъ полнымъ пониманіемъ таинственной силы любви. Кто не знаетъ, что такое истинная любовь и на что она способна, для того останется совершенно непостижимымъ все глубокое значеніе представительства Христова. Тайна любви состоитъ въ томъ, что она становится едино съ любимымъ существомъ; она отдаетъ ему себя въ собственность и дѣлаетъ своею собственностью то, что принадле-

жить другому. И чѣмъ сильнѣе любовь, тѣмъ болѣе она способна отрѣшиться отъ себя самой и жить въ другомъ. Если такая любовь обладаетъ полнымъ совершенствомъ, то любящій всецѣло живетъ въ любимомъ. — Любовь І. Христа совершенна. Мы можемъ видѣть, какъ Онъ на Своемъ исполненномъ страданій жизненномъ пути болѣе и болѣе сливается съ грѣшниками въ пламенной Своей любви: вслѣдствіе ненависти, которую Онъ терпитъ, любовь Его становится все пламеннѣе, все болѣе выступаетъ изъ себя самой, все полнѣе забываетъ о себѣ самой; Онъ живетъ въ грѣшникѣ, чувствуетъ въ грѣшникѣ, безъ остатка уходитъ въ него. Для Его любви нѣтъ ничего недоступнаго, для нея нѣтъ ничего слишкомъ тяжелаго. Онъ въ состояніи усвоить Себѣ даже вину грѣшника и смотрѣть на нее, какъ на Свою собственную и такимъ образомъ вмѣстѣ съ нами чувствовать наше самое тяжелое страданіе, страданіе совѣсти, страданіе сознанія вины.

Эти мысли необычайно смѣлы. Нужно имѣть мужество вѣрить, что любовь І. Христа дѣйствительно безконечна, дѣйствительно божественна. Большинству людей недостаетъ этого мужества. Равносильныхъ аналогій къ этому не существуетъ. При этомъ можно напомнить развѣ только о томъ, что отецъ и мать чувствуютъ вину своего сына, какъ свою собственную, но они никогда при этомъ не сознаютъ себя совсѣмъ невинными. Переживаніе и подвигъ І. Христа остаются совершенно безпримѣрными, единственными. Но они имѣютъ нѣкоторое подобіе себѣ: единственно въ своемъ родѣ и отношеніе вѣрующаго къ своему Господу. Я живу, *но уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20), говоритъ ап. Павелъ. Подобнаго никто не дерзнетъ сказать по отношенію къ людямъ, потому что здѣсь никогда невозможно столь полное объединеніе... Но это единственное въ своемъ родѣ объединеніе есть не что иное, какъ отраженіе единенія Христа съ Своими послѣдователями. Если вѣрующіе при всей своей грѣховности и виновности въ состояніи забыть о

себѣ самихъ и по вѣрѣ всецѣло жить во Христѣ, то Онъ первый дѣйствительно оказался въ силахъ—въ любви всецѣло объединиться съ грѣшниками; для нихъ же это стало возможно только въ силу Его любви: только потому, что Онъ возмогъ внутренно усвоить нашу неправду, грѣшники съ своей стороны могутъ внутренно усвоить себѣ Его правду. Любовь дѣлаетъ нравственно возможнымъ, чтобъ Невинный принялъ на Себя вину и наказаніе братьевъ своихъ, какъ бы они были Его собственными.

Но этимъ ученіемъ не уничтожается ли *нравственная самостоятельность отдѣльнаго лица*? Это третье сомнѣніе, которое слѣдуетъ устранить. Нравственно возможно ли искупленіе чрезъ посредство третьяго лица? Вѣдь нравственная жизнь есть самое личное въ мірѣ личнаго! Для современнаго человѣка 20-го столѣтія какую въ личномъ отношеніи цѣнность можетъ имѣть то, что нѣкогда совершилъ Иисусъ изъ Назарета? Какъ Онъ можетъ съ каждымъ отдѣльнаго человѣка снять нравственную отвѣтственность? Эти возраженія основываются на недоразумѣніи. Только тотъ удостоивается личнаго искупленія чрезъ І. Христа, кто вѣруетъ въ Него. Вѣра во Христа въ глубочайшемъ основаніи есть не что иное, какъ личное рѣшеніе—быть послѣдователемъ І. Христа,—личное согласіе съ Его личностью. Вѣровать значитъ изъявлять согласіе на то, что Богъ совершилъ во Христѣ и надъ Христомъ. Любовь Бога и Христа на крестѣ открывается съ такою глубиною и силою, что она проникаетъ до глубины человѣческихъ сердець и плѣняетъ ихъ, побуждаетъ людей возложить упованіе на нее. Этому впечатлѣнію совѣсти надобно съ готовностью подчиниться; дѣло вѣры, упованія должно быть завершено дѣйствіемъ воли. Такимъ образомъ нравственная самостоятельность отдѣльнаго лица, воплѣнь сохраняется. Вѣра не есть угнѣтоженіе, но дѣятельное проявленіе нравственной свободы.

Теперь кто по вѣрѣ находится въ сердечномъ единеніи съ Распятымъ, тотъ именно чрезъ это вступаетъ съ Нимъ

во внутренней волевой союзъ: свою волю онъ объединяетъ съ волей Иисуса. Иисусъ оказалъ послушаніе Богу до самой крайней степени; Онъ всецѣло предалъ Свою волю волѣ Божіей; на крестѣ Онъ призналъ правду Божію даже въ судѣ надъ Собою. Поэтому никто не можетъ стать едино съ Иисусомъ въ вѣрѣ, если въ глубинѣ своей души не согласится съ этимъ судомъ Божиимъ надъ человѣчествомъ. Это именно ясно и выражается въ христіанскихъ пѣснопѣніяхъ страстной седмицы: въ нихъ христіанинъ исповѣдуетъ себя виновнымъ въ смерти Христовой и поэтому достойнымъ смерти ¹⁾... Вмѣстѣ съ тѣмъ грѣшникъ лично признаетъ нравственное міроуправленіе Божіе имѣющимъ безусловное значеніе. Подъ дѣйствіемъ креста Христова онъ производитъ судъ надъ самимъ собою, приноситъ самый строгій приговоръ надъ собою.

Поэтому именно смерть Христова и можетъ служить для него источникомъ надежды и утѣшенія: моя смерть была для Него смертю; а теперь Его смерть стала и

¹⁾ Изъ множества пѣснопѣній Православной Церкви, гдѣ говорится о крестной смерти Христовой, какъ умиловительной жертвѣ за грѣхи людей, и гдѣ выражается сознаніе христіанина, что и онъ виновенъ въ крестныхъ страданіяхъ Христовыхъ,—здѣсь мы приводимъ только слѣдующія:

„Искупилъ ны еси отъ клятвы законныя честною твоею кровію, на крестѣ пригвоздився и копіемъ прободся, безсмертіе источилъ еси человѣкомъ, Спасе нашъ слава тебѣ“.

„Яко овца на заколеніе веденъ былъ еси, Христе царю, и яко агнецъ незлобивый пригвоздился еси кресту отъ беззаконныхъ мужей грѣхъ ради нашихъ, человѣколюбче“.

„Что Тебѣ пострадавшему принесемъ всѣхъ Владыцѣ, мы окаяніи? Насъ бо ради крестъ претерпѣлъ еси, Христе“.

„Днесъ Владыка твари и Господь славы на крестѣ пригвозждается и въ ребра прободается, желчи и оцта вкушаетъ, вѣнцемъ отъ тернія облагается... одеждою облачится поруганія и заушается брэнною рукою,.. по плещема біемъ бываетъ... заплеванія и раны приемять, поношенія и заушенія: и вся терпѣть мене ради осужденнаго, Избавитель мой и Богъ“.

Примѣч. перев.

моею смертию, какъ это и выражаетъ апостоль Павель: мы, распявшись со Христомъ, со Христомъ и умерли. Соединеніе со Христомъ чрезъ вѣру дѣлаетъ нравственно возможною такую мысль. Кто чрезъ вѣру живетъ во Христа, тотъ имѣетъ нравственное право сказать себѣ: что пережилъ и претерпѣлъ І. Христось, то пережилъ и я. Я заслужилъ наказаніе; но *наказаніе лежитъ на Немъ; ранами Его мы исцѣлились* (Ис. 53, 5).

Чрезъ это хорошо опровергается мнѣніе, будто ученіемъ о представительствѣ І. Христа уничтожается нравственная самостоятельность отдѣльнаго лица. Здѣсь очень вѣрно замѣтилъ философъ Ейкенъ: «Что въ дѣломъ чрезъ міровыя событія получило вѣрное рѣшеніе, то у отдѣльнаго человѣка всегда становится новою проблеммой». Каждый христіанинъ переживаетъ распятіе и воскресеніе Христова, совершая ихъ въ себѣ самомъ; въ этомъ состоитъ его возрожденіе.—Вмѣстѣ съ тѣмъ становится совершенно яснымъ и то, что представительство І. Христа не дѣлаетъ невозможною для насъ нравственную дѣятельность, а скорѣе дѣлаетъ насъ болѣе способными къ ней. Уже самая вѣра есть нравственное дѣло—фактическая преданность (*Zustimmung*) Лицу и дѣлу І. Христа; и вся жизнь христіанина, согласная съ вѣрою, есть не что иное, какъ постоянное отторженіе себя отъ зла чрезъ постоянное преданіе себя Тому, Кто воплотилъ въ Своемъ лицѣ нравственный законъ Божій. Жертва І. Христа, т.-е. пожертвованіе Имъ Своей воли Святому Богу любви продолжается у вѣрующихъ въ Него въ самоотверженномъ пожертвованіи ими своей волею. Слѣдовательно нравственная самостоятельность отдѣльнаго человѣка не подавляется, но тутъ только и оживаетъ. Всѣ, съ вѣрою во Христа серьезно стремившіеся къ этому, переживаютъ великое внутреннее освобожденіе: *если Сынъ освободитъ васъ, то истинно свободны будете* (Іоан. 8, 36).

Теперь уже не трудно будетъ устранить послѣднее болѣе значительное возраженіе противъ ученія объ иску-

пительномъ значеніи крестной жертвы Христовой: *не со-
вмѣстимо*, говорятъ, *съ правосудіемъ Божиимъ* то, что Не-
винный подвергается наказанію, а виновный остается не
наказаннымъ. Если во взбунтовавшемся полку десятый
подвергается разстрѣлу, то это не противорѣчитъ спра-
ведливости; потому что и тотъ, кто жребіемъ приговоренъ
къ смерти, заслужилъ смертъ; но здѣсь страдаетъ Невин-
ный вмѣсто виновныхъ! Кто осмѣлится праведному Богу
приписать такую несправедливость?

Это разсужденіе было бы безусловно справедливымъ,
если бы І. Христосъ терпѣлъ наказаніе самъ за себя (*für
sich selbst*), но вѣдь Онъ умеръ «за Своихъ братьевъ!» Такъ
Онъ Самъ восхотѣлъ. Онъ добровольно пожертвовалъ
Своею жизнью, добровольно силою любви Своей Онъ
усвоилъ Себѣ духовное бѣдствіе грѣшниковъ, а слѣдова-
тельно и ихъ отчужденіе отъ Бога. Если Богъ «*Незнав-
шаго никакого грѣха сдѣлалъ для насъ грѣхомъ* (2 Кор.
5, 21), то это произошло потому, что Онъ Самъ восхо-
тѣлъ этого,—потому, что Онъ, не совершивъ лично ника-
кого грѣха, какъ бы Себя Самого сдѣлалъ грѣхомъ—
именно по Своей любви къ намъ. Въ ней и чрезъ нее
І. Христосъ составляетъ неразрывное нравственное един-
ство съ грѣшнымъ человѣчествомъ. Поэтому-то Богъ и
могъ наказаніе грѣшниковъ возложить на Него. Не ко-
леблясь можно сказать: лично на Немъ почивала любовь
Божія, но на Немъ, какъ представителъ грѣшнаго чело-
вѣчества, лежало бремя проклятія (Гал. 3, 13). Поелику
Онъ нравственно сталъ едино съ человѣчествомъ въ силу
Своего призванія и въ силу Своей любви, то поэтому въ
Немъ, какъ представителъ своемъ, человѣчество подверг-
лось смертной казни, заслуженной грѣшниками. Такимъ
образомъ Богъ наказаніе человѣчества возложилъ на Него
именно, какъ на его природнаго представителя. Это ни-
какимъ образомъ нельзя признать несправедливымъ.

Точно такъ же этого нельзя сказать и въ томъ случаѣ,
когда ради Христа Богъ оправдываетъ неправедныхъ

и виновныхъ освобождаетъ отъ наказанія. Условіемъ для этого всегда служить вѣра во Христа. Вѣрующій фактически имѣетъ двоякую жизнь: онъ живетъ въ себѣ, но только для того, чтобы отрѣшиться отъ себя и жить во Христѣ. Вѣтхій человекъ все еще существуетъ въ немъ; но въ его внутренней жизни уже обнаружился новый явленіе (Wirklichkeit)—обнаружилась жизнь Иисуса, распятаго и воскресшаго. И эта жизнь гораздо сильнѣе, чѣмъ жизнь вѣтхаго человека: І. Христосъ служитъ порукой за успѣхъ всего нравственнаго развитія вѣрующаго. Поэтому Богъ имѣетъ возможность оправдать грѣшника, не становясь въ противорѣчіе съ истиною; вѣрующій самъ по себѣ есть грѣшникъ; но это только абстракція; въ дѣйствительности онъ существуетъ не самъ въ себѣ, но во Христѣ; но во Христѣ онъ оправданъ: въ Немъ онъ призналъ справедливость суда Божія надъ грѣхомъ; въ Немъ онъ уже уплатилъ долгъ и претерпѣлъ заслуженное имъ наказаніе. Видимая несправедливость становится здѣсь высочайшею справедливостью: святую волю Свою надъ грѣшникомъ Богъ исполняетъ не внѣшнимъ только образомъ черезъ изглаживающее вину наказаніе; возлагая наказаніе на Невиннаго, виновнаго Онъ понуждаетъ къ внутреннему признанію своей вины и къ покорности предъ судомъ Божиимъ надъ нимъ; вслѣдствіе этого внутренняя смерть для грѣшника можетъ сдѣлаться переходомъ къ истинной жизни въ общеніи съ Богомъ, къ жизни въ правдѣ и мирѣ.—Такимъ образомъ выяснено, что крестная жертва Христова находится въ полномъ соотвѣтствіи съ требованіями нравственнаго сознанія и ни въ одномъ пунктѣ не переходитъ въ область нравственныхъ невозможностей.

Въ заключеніе я позволю себѣ сдѣлать еще два замѣчанія. Во-первыхъ я желалъ бы обратить вниманіе на то, въ какой полной гармоніи съ дѣйствительною жизнью находится Богъ, крестомъ спасшій міръ (der Gott des Kreuzes). Бога любви, неспособнаго гнѣваться и наказывать,

никто не можетъ найти въ дѣйствительности. Возможно ли было бы допустить мысль, чтобъ такой Богъ былъ въ состояніи мириться со всѣми ужасными бѣдствіями и смертельными страданіями воздыхающей твари? Отсюда вытекаетъ неизбѣжный выводъ, что Богъ такой любви есть прекрасная мечта, а не дѣйствительность. О Богѣ, крестомъ спасшемъ міръ, напротивъ, этого сказать нельзя. Онъ не падить Своего собственнаго Сына, но возлагаетъ на Него проклятіе крестной смерти; Онъ не падить Себя Самого, но жертвуетъ Собою въ Своемъ Сынѣ. Когда идетъ дѣло о томъ, чтобы спасти души отъ грѣха и преступленія, тогда для Него нѣтъ жертвы, слишкомъ великой и страшной. Такимъ образомъ въ основаніе всей вселенной Онъ положилъ пожертвованіе жизнью. Элементъ долженъ разложиться на свои составныя части, чтобы возникло что-нибудь новое ¹⁾. Физическая причина должна «пожертвовать собою» чтобы произошло психическое явленіе ²⁾. Смертью растений живутъ животныя, смертью одного животнаго живетъ другое животное и человѣкъ; смертью лучшихъ, благороднѣйшихъ людей живутъ народы; смертью Единого чистаго живетъ человѣчество. Въ царствѣ вещей, какъ и въ царствѣ личностей господствуетъ одинаковый законъ жертвы, съ тѣмъ только отличіемъ, что здѣсь онъ долженъ исполняться чрезъ свободную дѣятельность, а тамъ это совершается чрезъ механическій процессъ. Міровой законъ есть въ то же время и нравственный законъ. Мы только потолику приносимъ счастье и благословеніе другимъ, поколику самихъ себя приносимъ въ жертву для нихъ. Безъ сомнѣнія на это способенъ бываетъ только тотъ, кто чрезъ жертву Христову пріобрѣлъ себѣ въ «вѣчно богатомъ» Богѣ содержаніе непрекращающейся жизни. Послѣ всего этого можно сказать: мы живемъ чрезъ жертву для жертвы.

¹⁾ Душ. Чт. 1910 г. май, стр. 89.

²⁾ Душ. Чт. 1910 г. ноябрь, стр. 335.

Столь же важнымъ представляется мнѣ слѣдующее замѣчаніе: христіанству дѣлають упрекъ въ томъ, будто оно принуждаетъ современныхъ людей къ отрицанію истины. Скорѣе слѣдуетъ сказать, что *только дѣло искупленія, совершенное Г. Христомъ, и даетъ намъ возможность—быть безусловно вѣрными истинѣ*. Потому что никто не можетъ мириться съ жизнью, если онъ нравственно вынужденъ — признать себя неимѣющимъ права на жизнь. Кто хочетъ быть безусловно вѣрнымъ истинѣ, тотъ впадаетъ въ отчаяніе. Кто напротивъ безусловно стремится къ душевному спокойствію, тотъ безъ Христа находитъ его только посредствомъ сокрытія истины во лжи. Впрочемъ большинство людей колеблется туда и сюда, отъ истины уклоняются въ ложь, отъ лжи приходятъ къ истинѣ. Чтобъ только избавиться отъ мучительной душевной тревоги, они вынуждены бывають показывать видъ, будто они вполне довольны самими собою: страхъ предъ истинною заставляеть ихъ прибѣгать къ притворству и лицемѣрью—до тѣхъ поръ, пока истина опять не предстанеть предъ ними съ неотразимой силой; тогда она разрушаетъ притворное самодовольство и повергаетъ совѣсть въ новое безпокойство и страданіе, пока ужасъ опять не сплететь ткань лжи, которою можно сокрыть истину. Такъ въ постоянномъ колебаніи проходитъ вся жизнь. При видѣ же креста Христова грѣшнику нѣтъ болѣе нужды казаться добрымъ, чтобъ спасти себя; онъ можетъ признать себя достойнымъ смерти. Потому что именно изъ этого самоосужденія возникаетъ увѣренность во спасеніи. Чѣмъ искреннѣе человекъ исповѣдуетъ свою грѣховность, тѣмъ несомнѣннѣе становится для него прощеніе его грѣховъ по благодати Божіей, ради крестныхъ страданій Христовыхъ. Поэтому проповѣдь о крестѣ имѣетъ несказанно великую важность для людей, любящихъ истину, для тѣхъ, которые стремятся избавиться отъ лжи и лицемѣрія и достигнуть совершенной нравственной истины. *Всякій, кто отъ истины, говоритъ Христось, слушаетъ гласа Моего.* (Іоан. 18, 37).

VI.

Воскресеніе Иисуса Христа.

Воскресъ ли Христосъ? Если бы на этотъ вопросъ необходимо было дать отвѣтъ отрицательный, то все сказанное до сихъ поръ объ І. Христѣ рушилось бы само собою. Но противъ этого именно предмета христіанской вѣры запальчивѣ всего и возражаетъ современный чело­вѣкъ. На требованіе принять съ вѣрою благовѣстіе о воскресеніи Христа смотреть прямо какъ на самое грубое оскорбленіе чистому разуму.

Но именно современному-то чело­вѣку и не слѣдуетъ—безъ оглядки отвергать предметъ, который кажется невѣроятнымъ. Мы принуждены были повѣрить многому, противъ чего сначала возставалъ разумъ разумныхъ. Юлія Роберта Маейра, открывшаго законъ сохраненія энергіи, его современники сочли за сумасшедшаго и посадили въ домъ умалишенныхъ, а теперь его открытіе служитъ основаніемъ всего естествознанія! Всякій прогрессъ въ наукѣ напослѣдокъ достигается посредствомъ побѣды надъ господствующими взглядами и посредствомъ исправленія ихъ. Поэтому высшій идеаль изслѣдованія состоитъ въ отсутствіи предвзятыхъ мнѣній, въ объективности. «Не разсуждай, но изслѣдуй» требовалъ извѣстный англійскій естествоиспытатель Хунтеръ. Наконецъ не научно—безъ всякаго знакомства съ дѣломъ произносить рѣшеніе, что то или это невозможно. Напротивъ надобно устранять свои субъективныя мысли, безъ предубѣжденія изслѣдовать факты и подчиняться имъ. Подлинно новѣйшая, единственно научная точка зрѣнія есть чистый агностицизмъ наприм Романеса, извѣстнаго ученика Дарвина.—Почему же, спрашиваю я, этотъ принципъ изслѣдованія не примѣняютъ къ фактамъ религіи, къ фактамъ христіанства? Ужели можно признать «безпристрастнымъ» простое

утвержденіе: «загробная жизнь невозможна, слѣдовательно невозможно и воскресеніе изъ мертвыхъ!» Всякій мыслящій человѣкъ приходитъ въ изумленіе при встрѣчѣ съ такой неразсудительностью. И здѣсь безъ сомнѣнія научно поступаетъ только тотъ, кто всѣ свои понятія о томъ, что возможно или что невозможно, устраняетъ и просто изслѣдуетъ данные факты. Я приглашаю васъ—прежде всего вмѣстѣ со мною стать *на эту точку зрѣнія чистаго агностицизма* и безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній и предубѣжденій задать вопросъ, не содержится ли чего-нибудь въ утвержденіи: «Христосъ воскресъ». — Мы изслѣдуемъ этотъ предметъ сначала съ исторической, потомъ съ философской и наконецъ съ нравственно-религіозной точки зрѣнія.

1.

Историкъ всегда напередъ задается вопросомъ: существуютъ ли извѣстія *очевидцевъ событія*? На этотъ вопросъ здѣсь приходится дать отвѣтъ отрицательный; никто не присутствовалъ при воскресеніи І. Христа изъ мертвыхъ, но свидѣтели утверждаютъ только, что они видѣли самого Воскресшаго во плоти и говорили съ Нимъ. Но если это утвержденіе вѣрно, то оно служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ воскресенія. Потому что понятно само собою, что Іисусъ могъ явиться Своимъ ученикамъ въ объективномъ тѣлесномъ видѣ только въ томъ случаѣ, если Онъ дѣйствительно воскресъ.

Когда же мы ближе всматриваемся въ историческія извѣстія объ этомъ событіи, то находимъ не мало разнообразныхъ разсказовъ, повидимому прямо *противорѣчащихъ* другъ другу. Всѣ они согласны между собою только въ одномъ, что Марія Магдалина одна или вмѣстѣ съ другими женщинами нашла гробъ Іисуса пустымъ, при чемъ Іоаннъ замѣчаетъ, что это видѣлъ и Петръ и «другой ученикъ». Почти во всѣхъ извѣстіяхъ сообщается и о томъ, что женщинамъ были явленія ангеловъ или одного

(Маркъ 16, 5, Матѣей 28, 5), или двухъ (Лук. 24, 4, Іоаннъ 20, 12). Потомъ мы замѣчаемъ запутанность въ извѣстіяхъ о явленіяхъ Самого Господа: Іисусъ является женщинамъ (Іоан. 20, 14, Матѣ. 28, 9. 10 и Маркъ 16, 9), Петру (Лук. 24, 34; Іоан. 21), такъ называемымъ эммаусскимъ путникамъ (Лук. 24, 13—35 и Марк. 16, 12), «двѣнадцати» (Мѣ. 28, 16 ид., Мр. 16, 14 ид., Лук. 24, 36 ид., Іоан. 20, 19—23; 26—29), наконецъ Симону Петру и другимъ шести ученикамъ на озерѣ Тиверіадскомъ (Іоан. 21).—Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее противорѣчіе: по однимъ евангеліямъ Воскресшій являлся ученикамъ Своимъ только въ Іерусалимѣ, а по другимъ и въ Галилеѣ. Такъ напр. о явленіи «одиннадцати» Лука говоритъ какъ о бывшемъ въ Вифаніи, а Матѣей—какъ о бывшемъ въ Галилеѣ.

Изъ такого состоянія источниковъ имѣютъ ли право дѣлать выводъ: извѣстія столь разнообразны и столь противорѣчивы, что не заслуживаютъ никакого довѣрія? Но такое умозаключеніе было бы прямо дѣтской наивностью. Едва ли ее можно предположить въ юриствѣ и историкѣ; она совершенно несвойственна и всякому, кто близко знакомъ съ дѣйствительною жизнью; повиннымъ въ ней можетъ оказаться развѣ чуждый міру богословъ, знакомый съ жизнью только изъ своего кабинета. Однажды профессоръ Листъ (Liszt) для опредѣленія достовѣрности свидѣтельскихъ показаній въ своемъ криминалистическомъ семинаріи, надъ своими студентами произвелъ слѣдующій опытъ: искусственно была вызвана ссора, окончившаяся выстрѣломъ изъ револьвера. Изъ всѣхъ свидѣтелей, несомнѣнно обладавшихъ способностью воспріятія и совершенно безпристрастныхъ, ни одинъ не далъ вполне вѣрнаго показанія относительно этого происшествія. Самое меньшее число погрѣшностей противъ дѣйствительности было четыре. Но оказались и невѣроятныя ошибки. Господину, вообще непринимавшему участія во всемъ этомъ происшествіи, одинъ изъ свидѣтелей приписалъ во время

бывшей ссоры весьма сильное выраженіе, и будто бы видѣлъ, что стрѣлявшій изъ револьвера прежде, чѣмъ употребить его въ дѣло, отступилъ къ стѣнѣ; но во всемъ этомъ не было ни слова правды. Другіе же совсѣмъ не замѣтили огнестрѣльнаго оружія и т. д. И здѣсь свидѣтели находились еще въ особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, потому что тутъ не было ни партійныхъ интересовъ, ни неспособности къ воспріятію впечатлѣній. Съ такими явленіями знакомъ всякій юристъ. Онъ знаетъ, что «полное согласіе свидѣтелей постоянно служить доказательствомъ того, что если они и не сговорились относительно своихъ показаній, то все же сравнивали ихъ между собою». Чтобъ получить возможность—научно рассуждать при разсмотрѣніи такихъ вопросовъ, необходимо предварительно познакомиться съ новѣйшими изслѣдованіями относительно достовѣрности свидѣтельскихъ показаній!

Точно такъ же будетъ судить объ этомъ и всякій историкъ. Дройзенъ въ своемъ «Очеркѣ исторіи» (Leipzig 1868) подчеркиваетъ слѣдующую мысль: «всякій историческій матеріалъ отрывоченъ». Отсюда уже становится понятною значительная часть противорѣчій въ источникахъ: одинъ рассказчикъ обратилъ вниманіе на одно обстоятельство событія, другой—на другое. Дѣло историка состоитъ въ томъ, чтобъ критически упорядочить имѣющіяся у него свѣдѣнія и на основаніи ихъ «воспроизвести въ душѣ своей точный образъ истиннаго историческаго факта». Къ какимъ невозможнымъ выводамъ пришолъ бы онъ, если бы захотѣлъ отрицать фактъ потому, что извѣстія о немъ полны противорѣчій! Но представимъ примѣръ въ этомъ родѣ. Если бы очевидцы битвы при Седанѣ теперь захотѣли изобразить происшествія того дня, то какое множество противорѣчій оказалось бы въ ихъ разказахъ даже о самыхъ важныхъ моментахъ этого сраженія! Глупъ былъ бы тотъ, кто только ради этого захотѣлъ бы усомниться въ историческомъ фактѣ этой битвы! Всѣмъ такъ-

же извѣстно, какое множество ошибокъ въ подробностяхъ оказалось въ воспоминаніяхъ объ этомъ даже у Бисмарка! Но кто же ради этого рѣшится отвергнуть главное содержаніе его описаній, какъ вымыселъ фантазіи? И библейскіе повѣствователи изображаютъ событія, совершившіяся 30—40 лѣтъ предъ тѣмъ. Къ этому здѣсь надобно прибавить и то, что они сознательно не хотятъ рассказывать всего, что имъ хорошо извѣстно. Такъ въ дополненіи къ Евангелію отъ Іоанна намъ сообщаются такія происшествія, о которыхъ Іоаннъ первоначально умолчалъ въ своемъ евангеліи. Точно также и Лука только мимоходомъ указываетъ на то, что онъ знаетъ о самомъ важномъ изъ всѣхъ явленій воскресшаго Господа—о явленіи Петру: *Господь истинно воскресъ и явился Симону* (24, 34). Слѣдовательно, евангелисты не имѣютъ въ виду совершенной полноты разсказа; они повѣствуютъ только о томъ, что имъ представляется важнымъ сообразно съ ихъ особенной цѣлью. Вообще можно доказать, что они и въ иныхъ случаяхъ, въ указаніи, напр. времени и мѣста событій, не отличаются особенной точностью. Но именно эта ихъ неточность, это разнообразіе ихъ разсказовъ и доказываетъ, что здѣсь нѣтъ никакого подлога и фальши, напротивъ, что содержаніе своихъ повѣствованій они почерпнули изъ распространеннаго живого преданія очевидцевъ. Какъ бы мы ни относились къ этимъ противорѣчіямъ,—но важнѣйшій фактъ исторически неопровержимо подтвержденъ, а именно: цѣлые ряды свидѣтелей утверждали, что они своими глазами видѣли Воскресшаго.

Но вслѣдствіе особенно счастливаго стеченія обстоятельствъ мы въ состояніи—самымъ простымъ способомъ устранить всѣ существенныя противорѣчія въ повѣствованіяхъ о явленіяхъ воскресшаго. Именно рядомъ съ Евангеліями мы еще имѣемъ болѣе раннее извѣстіе о явленіяхъ Воскресшаго Господа въ первомъ посланіи Павла къ Коринтянамъ (15, 3—8). Это посланіе несомнѣнно подлинное, и мѣсто изъ него, о которомъ идетъ

рѣчь, находится въ неразрывной связи съ ближайшими мыслями посланія, и слѣд. совершенно ограждено отъ нападений на него со стороны критики. Здѣсь Павелъ напоминаетъ Коринтянамъ о содержаніи своей проповѣди: *Я первоначально преподалъ вамъ, что и самъ принялъ, то есть, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифъ, потомъ двѣнадцати, потомъ явился больше нежели пяти стамъ братьевъ въ одно время, изъ которыхъ большая часть донынѣ въ живыхъ, а нѣкоторые и почилы. Потомъ явился Иакову, также встѣмъ апостоламъ. А послѣ встѣхъ явился и мнѣ, какъ нѣкому извергу.* Здѣсь мы имѣемъ исторически совершенно достоверное свидѣтельство; потому что Павелъ обратился въ христіанство никакъ не позднѣе четырехъ лѣтъ послѣ смерти Христовой, если только не согласиться съ Гарвакомъ, который обращеніе Павла относитъ уже къ первому году. Спустя три года послѣ обращенія своего, Павелъ пришелъ въ Іерусалимъ (Гал. 1, 18), чтобы видѣться съ Петромъ и провелъ у него дней пятнадцать. При этомъ онъ видѣлъ также и брата Господня, Іакова. При этомъ посѣщеніи,—таково общее мнѣніе—Павелъ получилъ самыя точныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ въ жизни І. Христа. Въ 57 году написано было посланіе Коринтянамъ. Что Павелъ сообщенные ему факты сохранилъ въ своей памяти до этого времени съ безусловной вѣрностью, это не подлежитъ никакому сомнѣнію для всякаго, кто знакомъ съ необычайной дрессировкой памяти, развиваемой раввинами въ своихъ ученикахъ при помощи исключительно устной передачи имъ свѣдѣній. Такимъ образомъ мы имѣемъ здѣсь передъ собою первопреданіе христіанства, рассказъ, идущій отъ самыхъ древнихъ авторитетовъ и притомъ въ самой достоверной формѣ.

Этотъ рассказъ даетъ намъ возможность—самымъ простымъ способомъ устранить большую часть кажущихся противорѣчій. Очевидно Павелъ имѣетъ въ виду—сооб-

щать свѣдѣнія о всѣхъ извѣстныхъ ему явленіяхъ и изреченіяхъ (Господа) въ правильномъ хронологическомъ порядкѣ, поскольку они кажутся ему имѣющими силу доказательствъ. Не имѣли для него доказательной силы, на основаніи раввинскаго права, свидѣтельства женщинъ; онѣ не имѣли права быть свидѣтелями. Это объясняетъ, почему Павелъ не упоминаетъ ни объ одномъ изъ явленій Воскресшаго, бывшихъ женщинамъ. Точно также понятно, почему онъ проходитъ молчаніемъ, какъ неважное, явленіе Христа доселѣ неизвѣстнымъ эммаусскимъ путникамъ.—Теперь если мы обратимъ вниманіе на явленія Воскресшаго, перечисленныя Павломъ, и спросимъ, гдѣ они произошли, то для насъ само собою будетъ ясно, что изъ перечисленныхъ два первыя явленія, явленія Киофъ и двѣнадцати, имѣли мѣсто въ Іерусалимѣ. Потому что если Христосъ явился Своимъ ученикамъ въ третій день, то они никакъ не могли находиться въ Галилеѣ; ибо вечеромъ въ страстную пятницу уже начиналась суббота, когда іудеямъ запрещено было всякое путешествіе. Далѣе легко выясняется, гдѣ должны были послѣдовать четвертое и пятое явленія: Іаковъ безъ сомнѣнія находился въ Галилеѣ, и тамъ же мы должны искать и «всѣхъ апостоловъ», подъ которыми Павелъ разумѣетъ не «двѣнадцать», но соборъ апостоловъ Іисуса Христа. вмѣстѣ съ тѣмъ само собою исчезаетъ главное противорѣчіе: по этому преданію явленія Іисуса Христа имѣли мѣсто въ Іерусалимѣ и въ Галилеѣ. Идетъ рѣчь не о выборѣ одного изъ двухъ, а о томъ и другомъ. Теперь если бы одинъ изъ повѣствователей объ извѣстномъ событіи сталъ утверждать, что оно имѣло мѣсто не въ Іерусалимѣ, а въ Галилеѣ, или наоборотъ, то это было бы совсѣмъ незначительной ошибкой; ради этого сомнѣваться въ дѣйствительности повѣстываемаго событія уже нѣтъ рѣшительно никакого основанія.—Но гдѣ произошло явленіе пяти стамъ братьей? Такое великое множество послѣдователей І. Христа едва ли могло собраться въ Іерусалимѣ, или въ одномъ ка-

комъ-либо мѣстѣ Галилеи. Здѣсь оказываетъ намъ помощь евангеліе Марка, которое, какъ извѣстно, большинствомъ изслѣдователей признается старѣйшимъ. Въ немъ говорится: *Онъ предваряетъ васъ въ Галилею* (16, 7), т.-е. Воскресшій будетъ сопровождать своихъ учениковъ во время путешествія ихъ изъ Іерусалима на родину. Поэтому вѣрующіе изъ Галилеи, въ числѣ болѣе чѣмъ въ пятьсотъ человекъ, возвращались домой вмѣстѣ; въ это время имъ и явился Господь.—Теперь ходъ историческихъ событій становится совершенно яснымъ. Господь прежде всего явился отрешенуся Петру и опять принялъ его въ число учениковъ и въ сонмъ апостоловъ. Такъ какъ бесѣда между ними имѣла пастырскій характеръ, то Петръ умолчалъ о ней и разсказалъ о ней только Іоанну, потому что и о послѣднемъ бесѣдовалъ Воскресшій. Такимъ образомъ объясняется молчаніе евангелій объ этомъ важномъ явленіи, а равно и разсказъ о немъ именно въ приложеніи къ евангелію Іоанна (Лук. 24, 34 и Іоан. 21, 15—19¹⁾). Въ тотъ же самый вечеръ Господь явился еще уже отправившимся въ Галилею двумъ ученикамъ, во время пути ихъ въ селеніе Еммаусъ. Эти возвратились къ одиннадцати апостоламъ, чтобъ возвѣстить имъ о случившемся съ ними (Лук. 24, 33). Когда апостолы были еще всѣ вмѣстѣ, кромѣ Θомы, вдругъ явился среди нихъ Господь (Лук. 24, 36; Іоан. 20, 19). Спустя восемь дней, незадолго предъ тѣмъ, какъ отправиться имъ въ Галилею, Онъ явился имъ опять; теперь и Θома увѣровалъ въ воскресеніе Господа (Іоан. 20, 28—29). Когда ученики Его въ числѣ болѣе пятисотъ человекъ шли вмѣстѣ съ праздника Пасхи обратно въ Галилею, тогда во время

¹⁾ Повидимому, авторъ думаетъ, что разсказъ евангелиста Іоанна 21, 15—24 есть не что иное, какъ передача того, о чемъ бесѣдовалъ воскресшій Господь съ Петромъ при первомъ Своемъ явленіи ему (Лук. 24, 34). Но это мнѣніе не имѣетъ за себя никакихъ достаточныхъ основаній.

пути явился имъ Господь (1 Кор. 15, 6). Въ Галилеѣ Иисусъ призвалъ Своего брата Іакова (1 Кор. 15, 7). Наконецъ, давъ всѣмъ своимъ апостоламъ повелѣніе проповѣдывать евангеліе всему міру, Онъ, на горѣ блаженствъ, въ виду всѣхъ ихъ, вознесся на небо (Мѣ. 28, 16).

Такимъ образомъ всѣ главныя событія свободно, безъ всякихъ натяжекъ могутъ быть расположены въ правильномъ порядкѣ. Но какъ бы то ни было, твердо стоитъ тотъ фактъ, что историческій разсказъ не даетъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію въ достовѣрности самаго воскресенія І. Христа, что напротивъ, оно, какъ центральныи моментъ событія, является неподлежащимъ сомнѣнію: великое множество людей свидѣтельствовало, что они видѣли воскресшаго Іисуса и бесѣдовали съ Нимъ; Онъ истинно являлся имъ въ преображенномъ тѣлѣ, т.-е. не какъ безтѣлесный духъ, но въ тѣлѣ, воспринявшемъ въ себя существенныя свойства духа.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ.

(Къ 19 мая).

Возносился Онъ въ славѣ Божіей
Точно облако—легко, радостно,
И привѣтствуемъ былъ отъ ангеловъ
Пѣсню чудною и пресладостной.
А апостолы, какъ увидѣли,
Что Христось отъ нихъ возвышается,
Всѣ отъ жалости слезъ исполнились,
Всѣ болѣзненно съ Нимъ прощаются.
«Не остави насъ сирыхъ, Господи!—
Говорили ихъ уста скорбныя:—
Да придетъ Твой Духъ Утѣшитель
И смягчитъ умы богоборныя...
Да растеть, цвѣтеть, умножается
Церковь, что стяжалъ Своей Кровію,
И во всѣхъ концахъ прославляется
Она вѣрою и любовію».
И Господь въ отвѣтъ на моленіе
Рекъ апостоламъ: *«всегда съ вами Я!»*..
И въ залогъ имъ благословеніе
Онъ далъ, полное упованія...
И восшелъ Господь выше всѣхъ небесъ,
Славу, честь принявъ отъ Родителя.
А апостолы съ сердцемъ радостнымъ
Огласили міръ словомъ благодатнымъ,
Возвѣщая всѣмъ о Спасителѣ...

И. Евимій.

ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ ¹⁾.

Х.

Остается сказать о значеніи Аввакума въ исторіи старообрядчества. Это его значеніе было громадно. Аввакумъ, какъ было выше сказано, послѣ того какъ Вонифатьевъ и Нероновъ ступевались и сошли со сцены борьбы за «старую вѣру», сдѣлался единымъ главою старообрядческой общины. Засвидѣтельствовавъ свое ученіе собственной кровью, протопопъ придалъ этому ученію въ глазахъ старообрядцевъ особое значеніе, именно: значеніе истинного православія, за которое должно умирать не смущаясь, и самъ сдѣлался мученикомъ за «отеческое благочестіе».

Не отступая ни на шагъ отъ разъ намѣченнаго пути, Аввакумъ смѣло шелъ впередъ и властно велъ другихъ за собою. Онъ—поистинѣ первый расколо-вождь, предводитель старообрядчества, воинствующаго противъ никоновскихъ исправленій.

Какъ глава раскольниковъ, Аввакумъ явился для нихъ главнымъ вѣроучителемъ, духовнымъ наставникомъ, «столпомъ церкви». Онъ пишетъ множество писемъ и къ частнымъ лицамъ, и къ цѣлымъ обществамъ, составляетъ окружныя посланія даже «ко всѣмъ вѣрнымъ, живущимъ по всему лицу земли».

Онъ даетъ тысячи разныхъ наставленій и свои канони-

¹⁾ Продолженіе. См. мартовскую книжку *Душен.* Чт. за 1911 г.

ческія правила для вновь образовавшейся старообрядческой общины.

Аввакумъ, такимъ образомъ, встаетъ какъ бы выше епископовъ, выше соборовъ. Онъ является кѣмъ-то въ родѣ апостола раскола. Такъ и смотрѣлъ на себя Аввакумъ.

«Не имать», говорилъ онъ своимъ послѣдователямъ, «власти таковыя надъ вами и патріархъ, якоже азъ о Христвъ,—кровію своею помазую души ваша и слезами помываю».

Онъ считаетъ себя въ правѣ разрѣшать единолично разные церковные вопросы, ставить свой авторитетъ наравнѣ съ вселенскими соборами: «да будетъ проклять седмю вселенскими соборами и мною грѣшнымъ»... Свои приказанія Аввакумъ уже считаетъ изрѣченіями св. Духа, какъ бы нѣкоторымъ Божественнымъ откровеніемъ: «не я, но тако глаголетъ Духъ святой», писалъ онъ иногда въ своихъ посланіяхъ.

«Изводися Духу святому и мнѣ предати тя сатанѣ во озлобленіе, да духъ твой спасется», пишетъ онъ о какомъ то Лукіянѣ.

Аввакумъ видѣлъ въ себѣ особеннаго избранника Божія, чедовѣка близкаго къ небу и самое житіе свое написалъ съ цѣлью «да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе».

Самый языкъ его рѣчей—то грозный, обличительный, пророческій, то апостольскій.

Аввакумъ любитъ употреблять терминологию Ап. Павла, привѣтственныя и заключительныя фразы изъ его посланій.

«Рабъ и посланникъ Ісусъ Христовъ, волею Божіею земляной юзникъ, протопопъ Аввакумъ», пишетъ онъ о себѣ, или «протопопъ Аввакумъ рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа»¹⁾, приисывая себѣ чуть ли не апостольское достоинство. Всѣ явленія въ своей жизни онъ любитъ сравнивать съ

¹⁾ Мат. V, 231 и 182.

нѣсколько аналогичными фактами изъ жизни не только святыхъ, но даже и самихъ апостоловъ, хотя эти сравненія и не всегда бываютъ вполне выдержаны и совпадающи.

«Якоже Петра на крестѣ», пишетъ онъ, «въ Римѣ пригвоздили, а Павлу главу отсѣли,—намъ бѣднымъ языки отрѣзали и руки отсѣли, и въ землю закопали»¹⁾.

Особенно интересными титулами величаетъ себя Аввакумъ въ посланіи «ко всѣмъ вѣрнымъ». По списку Хлуд. библи. № 257, оно заглавливается такъ: «Посланіе изыщцо страдальца преосвященнаго Аввакума, протосингела російскія церкви, крѣпкаго поборника православныя вѣры, еже убо посла изъ темницы своєю живый убо на брезѣ окіана и о всѣхъ вѣрныхъ попеченіе имѣя немало, яко да вси вѣрніи русстіи сынове, чада свѣтлой Россіи и избранніи Богу людіе церковніи и питомцы духовніи, яко да блюдутъ себѣ крѣпцѣ отъ діавольскихъ ловленій и отъ еретическихъ козней. Писаша же ко всѣмъ вѣрнымъ, на всемъ лицѣ земномъ»²⁾.

Высокій авторитетъ Аввакума поддерживался всякаго рода видѣніями и чудесами, совершавшимися или надъ самимъ Аввакумомъ, или ради другихъ, близко стоявшихъ къ нему людей. О нихъ охотно рассказываетъ самъ протопопъ въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, однажды въ Даурахъ, среди озера, сама собою образовалась прорубь для утоленія жажды Аввакума, а потомъ ледъ сошелся опять.

Много было, какъ самъ описываетъ Аввакумъ, совершенно чудесъ по его молитвамъ.

Разъ въ Даурахъ у снохи Пашкова онъ совершилъ чудо даже и надъ курами. «У боярыни куры всѣ переслѣпли и мереть стали,—такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобы де батко пожаловалъ, помо-

¹⁾ Ibid., стр. 282.

²⁾ Тамъ же, стр. 239.

диль о курахъ. И я су подумалъ: кормилица то есть наша; дѣтки у ней: надобно ей курки. Молебень пѣлъ, воду святиль, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ лѣсъ сбрелъ,—корыто имъ сдѣлалъ изъ чего ѣсть и водою кропилъ, да къ ней все отослалъ. Куры Божиимъ мановеніемъ исцѣлѣли и исправились по вѣрѣ ея». У той же боярыни Аввакумъ исцѣлилъ ея сына.

Особенно же славился Аввакумъ какъ изгонитель бѣсовъ. Иногда бѣсноватые жили даже у него въ домѣ, и онъ ихъ отчитывалъ.

«Бился я съ бѣсами, что съ собаки», говоритъ онъ, рассказывая объ исцѣленіи имъ брата своего Евфимія.

Чудо это описано Аввакумомъ весьма интересно. Бѣсъ, выйдя изъ Евфимія, вскочилъ на окно; протопопъ кропилъ окно,—бѣсъ кинулся на печь; Аввакумъ пошелъ за нимъ и на печь. Тогда бѣсъ юркнулъ подъ печку, и туда уже Аввакумъ не пошелъ за нимъ.

Иногда Аввакумъ совершалъ чудеса даже и безъ своего собственнаго о томъ вѣдома. Такъ, на примѣръ, однажды келарь Угрѣшскаго монастыря Никодимъ, наиболѣе притѣснявшій Аввакума, заболѣлъ на святой недѣлѣ. «И въ нощи, противъ вторника, приде къ нему мужъ во образѣ моемъ, съ кадиломъ, въ ризахъ свѣтлыхъ и покадилъ его, и, за руку взявъ, воздвигнулъ: и бысть здравъ». Только на другое утро узналъ Аввакумъ объ этомъ чудѣ словъ исцѣленнаго.

Были и другіе подобные же случаи.

Нельзя, конечно, представить себѣ, чтобъ всѣ эти чудеса были вымыслены Аввакумомъ: вѣроятно, нѣкоторые подобные факты были въ дѣйствительности. Но въ глазахъ Аввакума они получили свой особый колоритъ, какъ событія сверхъестественныя. Подъ вліяніемъ житій, четьиминейныхъ сказаній, онъ видѣлъ и въ простыхъ случаяхъ нѣчто таинственное, дѣйствіе Бога и діавола въ мірѣ.

А можетъ быть усиленныя аскетическія упражненія,

постоянное нервное напряженіе въ борьбѣ съ врагами легко доводило его до галлюцинацій. Несомнѣнно также, что люди, близко стоявшіе къ нему, невольно проникались уваженіемъ къ его стойкости, что простой народъ, въ особенности же любители старины, не разбираясь въ богословскихъ понятіяхъ, видѣли въ немъ мученика за старую вѣру.

Отсюда одинъ шагъ до признанія Аввакума человѣкомъ богоугоднымъ, молитвенникомъ и чудотворцемъ. Здѣсь уже простой фактъ услужливая фантазія пересоздавала въ чудо.

Что Аввакумъ иногда рассказывалъ о чудесахъ въ экзальтациі, лучше всего говорятъ тѣ преувеличенія, которыя допускалъ онъ въ своихъ повѣствованіяхъ, очевидно находясь въ крайне возбужденномъ состояніи.

Такъ, про Лазаря онъ писалъ, что, когда ему вырѣзали языкъ, такъ тотъ безъ языка говорилъ, а потомъ Богъ далъ ему новый языкъ. А относительно старца Епифанія говорить: «Два языка у него никоніане вырѣзали за исповѣданіе вѣры, да и руку отсѣкли... и паки ему третій языкъ Богъ далъ». Даже въ простыхъ рассказахъ и то Аввакумъ допускалъ разныя преувеличенія, очевидно все подъ влияніемъ своей слишкомъ пылкой фантазіи.

Такъ онъ говоритъ, что по возвращеніи изъ Сибири въ Москву, Богъ ему въ руки Пашкова выдалъ. «Растенія лежатъ предо мною, что мертвыи! Помнишь, жена, какъ онъ мнѣ говоритъ: ты волень, и со мною, что хочешь, то и сотворишь! А я постригъ и посихмилъ по воли Божіи и по доуки къ нему, свѣту».

На самомъ же дѣлѣ, какъ доказываетъ Бороздинъ, ничего подобнаго не было. Въ 1682 г. мы встрѣчаемъ Пашкова воеводой въ Нерчинскѣ. (Бороздинъ. Прот. Аввакумъ, стр. 182).

С. Голощановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

S I L E N T I U M.

Молчи, не нарушай блаженной тишины!
Прозрачна и свѣтла дѣль дѣвственнаго утра;
Потокъ лучей идетъ съ небесной вышины,
На зелени роса, какъ блѣстки перламутра.
Пусть *во время* придутъ полуденныя гровы,
Благословенный дождь—спасительныя слѣзы
Богъ низпошлѣтъ рукой, свимающей вины,
Подастъ желанный миръ въ порѣ вечернихъ жертвъ
Тѣмъ изъ дѣтей, кто былъ повидимому мертвъ.
Ты самъ не нарушай священной тишины
И не вторгайся въ храмъ съ насиліемъ и крикомъ.
Нѣтъ проку въ дѣлѣ зломъ, хотя бы и великомъ.

В. К. Недзвецкій.

ПѢСНЬ РУССКАЯ.

Пѣсня русская заунывная,
Задушевная и тягучая!
Мнѣ слышна въ тебѣ сила дивная,
Слезы въ голосѣ, грусть кипучая...
Къ долѣ злой душа выносливая,
Православная, терпѣливая.
Кто создалъ тебя, дивный звуковъ рядъ?
Настрадавшійся, но могучій братъ.

В. К. Недзвецкій.

ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ.

Мнѣ говорятъ: «зачѣмъ Христось
Цѣпей со всѣхъ рабовъ не снялъ?
«Условій», средь которыхъ росъ,
Не отрицалъ? Не измѣнялъ
Дурныхъ «общественныхъ идей»
Того слѣпого вѣка?»
Онъ—не для «общества» людей,
Христось—для человѣка.

В. К. Недзвецкій.

ВЕЛИКАЯ ЗАПОВѢДЬ ¹⁾.

IV.

Староста, вернувшись изъ церкви, молча и сосредоточенно заходилъ взадъ и впередъ по своей чистой комнатѣ, заложивъ руки за спину. Видимо—какая-то глубокая дума овладѣла его головой. Семейные, зная замкнутый характеръ своего главы, не лѣзли къ нему съ разными вопросами. Только Пелагія, не утерпѣвъ, рѣшилась спросить:

— Купите плащаницу-то?

— Куды намъ,—отмахнулся тотъ:—дорого просять—не по карману.

Обѣ стороны сочли послѣ этихъ словъ вопросъ исчерпаннымъ и замолчали.

А староста, между тѣмъ, все еще продолжалъ медленно шагать по комнатѣ, находясь подъ впечатлѣніемъ никогда невиданной имъ плащаницы. Последняя своимъ блескомъ, своей изящной живописью, золоченой рѣзьбой, всецѣло овладѣла его умомъ и сердцемъ. Она ярко, живо продолжала стоять и теперь передъ его умственными глазами.

Староста видѣлъ, какой бы драгоценной жемчужиной она явилась въ ихъ бѣдномъ храмѣ, какъ украсила бы, оживила его... Но, зная денежные средства церкви, Пѣтуховъ отлично сознавалъ, что пріобрѣтеніе такой цѣнной вещи для нихъ невозможно, надежды на сборъ тоже нѣтъ; слѣдовательно—о пріобрѣтеніи плащаницы нечего и думать.

¹⁾ Окончавіе. См. апрѣльскую кн. *Душеполезное Чтеніе* 1911 г.

— А жаль, жаль,—чуть не въ слухъ произнесъ онъ, ложась спать.

Въ это время въ его ухахъ прозвучали слова священника, сказанныя въ церкви:

— А, право, если бы у меня были свободныя деньги, то я, не задумываясь, купилъ бы плащаницу. Вѣдь это былъ бы даръ на многіе, многіе годы...

— Это вѣрно,—мысленно согласился староста:—да еще даръ-то какой!.. Совсѣмъ особый!.. Это не икону купить, не хоругви, не полы выкрасить. Эхъ, славная плащаница! А не купить ли ее мнѣ одному?—вдругъ молніей пронеслось у него въ головѣ.— Нѣтъ, куды мнѣ, куды!..— чуть не съ ужасомъ прошепталъ онъ:— вѣдь цѣна ей полтора рубливъ! Это только легко сказать... Гдѣ достать такую уйму денегъ?..

Здѣсь староста умышленно погрѣшалъ противъ дѣйствительности. Никому другому, какъ ему самому, было отлично извѣстно, что въ сберегательной кассѣ уѣзднаго города на имя Ѳомы Максимовича Пѣтухова лежитъ около двухъ тысячъ рублей, да на цифру, близкую къ этой, можно было бы продать хлѣба изъ его двухъ объемистыхъ амбаровъ.

— А что, если бы я и взаправду купилъ плащаницу?— снова всталъ передъ нимъ вопросъ;— только дорога она, охъ, дорога!..

Старость не спалось отъ наплыва разныхъ мыслей. Онъ отлично сознавалъ, что покупка плащаницы не является для него дѣломъ совершенно невозможнымъ.

— И для Бога, для души, было бы хорошо, да и отъ людей почетъ,—думалъ онъ, поворачиваясь съ боку на бокъ. — Всякій скажетъ: вотъ каковъ здѣсь церковный староста, ежели онъ для храма Божьяго не пожалѣлъ цѣлыхъ полтора рубливъ своихъ собственныхъ денегъ! Влагодѣтель, значить, буду. Да и память о себѣ на долгіе годы... Славно было бы... И дѣло богоугодное, и отъ людей похвала. Эхъ, только дорога плащаница-то!..

Таковыми двойственными мыслями была полна голова старосты. Скупость и тщеславіе вступили между собой въ ожесточенную борьбу. И Пѣтуховъ, волнуемый этими разнородными чувствами, заснулъ далеко за полночь. Ему грезилось, что онъ стоитъ въ церкви за своимъ старостинскимъ ящикомъ. Передъ клиросомъ красуется купленная имъ плащаница. Церковь полна крестьянъ. Они восторгаются этимъ щедрымъ даромъ, и благодарный гулъ голосовъ по адресу Пѣтухова слился въ одинъ общій хоръ. Самодовольная гордость, упоенное успѣхомъ тщеславіе заползли въ его сердце и пріятно защекотали его самолюбіе. Онъ благодѣтель... Онъ теперь царитъ надъ этой толпой... она преклоняется предъ нимъ...

Староста хотѣлъ что-то сказать, но голова его закружилась, въ ушахъ зазвенѣло, все исчезло и поплыло въ сѣромъ туманѣ.

Онъ проснулся.

— И приснится же такая штука,—довольно подумалъ онъ, находясь подъ впечатлѣніемъ этого пріятнаго сна.

На-скоро выпивъ два стакана чаю, онъ одѣлся и направился къ церкви. При входѣ въ нее онъ остановился, какъ вкопанный. Утренніе, солнечные лучи, врываясь черезъ окно яркими, широкими потоками свѣта, ослѣпительно играли на позолотѣ. Сіяніе, окружавшее главу Христа, казалось теперь точно сотканнымъ изъ однихъ солнечныхъ лучей.

И вчера, при свѣтѣ лампы, Пѣтуховъ былъ не мало изумленъ красотой плащаницы, но теперь, когда вся она купалась въ веселомъ солнышкѣ, онъ былъ прямо пораженъ ея чарующимъ видомъ и не сводилъ съ нее своего восхищеннаго взора. Онъ любовался ей, какъ только можетъ любоваться отецъ своимъ ненагляднымъ, дорогимъ ребенкомъ. И въ его полной власти было пріобрѣсти эту, столь роскошную, плащаницу. Какого мнѣнія будутъ крестьяне, когда узнаютъ, что онъ не пожалѣлъ для ихъ церкви полутора ста рублей!

— Я куплю ее! И Богу даръ, и отъ людей честь,— вдругъ созрѣло въ его головѣ окончательное рѣшеніе въ пользу покупки.

— Наша будетъ плащаница, наша!—вслухъ закончилъ онъ.

— Какъ это?—удивленно спросилъ сторожъ.

— Купимъ, другъ,—неопредѣленно отозвался староста и быстро направился къ о. Георгію.

V.

Покупка старостой плащаницы сильно ошеломила крестьянъ своей неожиданностью. Во всѣхъ домахъ только и было разговору объ этомъ удивительномъ событіи. Имѣющій свободную минуту спѣшилъ въ церковь взглянуть на плащаницу. Предположенія Ѳомы Максимовича блестяще оправдались: тысячи благодарностей сыпались по его адресу за столь щедрый даръ, такъ украсившій бѣдную церковь. Многимъ казалось только страннымъ то обстоятельство, что староста, слышій за скупого человека, не пожалѣлъ на приобрѣтеніе плащаницы такой большой цифры, какъ полтора ста рублей.

Но было въ селѣ лицо, которое извѣстіе о жертвѣ Пѣтухова встрѣтило съ примѣсю большого негодованія. Лицомъ этимъ явилась Матрена, въ домѣ которой нашелъ себѣ временный пріютъ Тихонъ со своимъ семействомъ.

Когда ея сосѣдка прибѣжала и рассказала ей эту новость, то Матрена, выслушавъ, хлопнула руками и искренно изумилась.

— Вотъ такъ оказія! — вскричала она: — полтора ста рублей не пожалѣлъ, а Тихову ни гроша не далъ. А не надо бы и племянничка-то забывать: свой вѣдь, дѣтки малыя у него. Вотъ оказія то, право... И кто бы могъ подумать? Шутка сказать полтора ста рублей! Экой, Ѳома Максимовичъ, не пособилъ племянничку-то... Обижаться онъ будетъ...

Къ вечеру вернулся и Тихонъ съ женой. Матрена, за-

видѣвъ ихъ, выбѣжала во дворъ и выпалила имъ эту животрепещущую новость. Изумленію Тихона не было и границъ. Онъ, какъ бы не довѣря своимъ ушамъ, нѣсколько разъ переспросилъ Матрену и, наконецъ, съ видомъ крайняго отчаянія схватился за голову.

— Эхъ, дядя, дядя, а баялъ, что денегъ нѣту!.. хоша бы не обманывалъ!—съ горечью вырвалось у него.

— Не горюй, Тихонъ,—проговорила Матрена, видя какъ тотъ тяжело принялъ это извѣстіе:—вотъ я пойду до батюшки и все ему расскажу. Можетъ, онъ и заставить Оому-то помочь.

— Дѣлай, что хочешь: все равно,—какъ-то тупо отозвался бѣдный мужикъ.

Матрена не замедлила привести въ исполненіе свои слова.

На другое утро, кончивъ необходимыя работы по дому, она накинула на голову новенькій платочекъ и отправилась къ священнику.

Обладая бойкимъ, живымъ языкомъ, она краснорѣчиво рассказала о. Георгію о бѣдственномъ положеніи Тихона и отказѣ Оомы Максимовича помочь своему племяннику въ такой крайней нуждѣ.

— Жаль Тихона: вѣдь трое малыхъ ребятокъ на рукахъ-то,—закончила сердобольная Матрена.—Марья голубушка такъ и убивается, все плачетъ, прямо жалость на нее глядѣть. Вы поговорите ужъ, батюшка, старостѣ-то. Пускай онъ поможетъ племяннику. Не пожалѣлъ же онъ полуторыхъ сотъ рублей на плащаницу. А тутъ своя вѣдь кровь плачетъ... Дѣти малыя.. Не помирать вѣдь имъ съ голоду.

Священникъ внимательно выслушалъ Матрену.

— Спасибо тебѣ, голубушка, за сообщеніе,—отвѣтилъ онъ. — Я непременно переговорю со старостой. Постараюсь убѣдить его помочь племяннику, а если онъ откажетъ — поможемъ изъ попечительства. Пусть Тихонъ не горюетъ. Богъ дастъ—устроимъ дѣло. Иди, успокой его.

Матрена, передавъ Тихону разговоръ со священникомъ, добавила:

— Стыдно будетъ Ѳомѣ не послушаться батюшки. Ну, а ежели онъ и послѣ этого будетъ тугъ на деньги, все же не убивайтесь: не одинъ Ѳома свѣтъ въ окошкѣ. Помогаютъ и окромя его. Миръ и попечительство не оставлять.

— Дай то Богъ!—вырвалось у измученнаго Тихона.

О. Георгій глубоко задумался надъ даромъ старосты. Чѣмъ былъ вызванъ онъ? Добрымъ ли расположеніемъ сердца, любовью ли къ Богу, или же однимъ пустымъ тщеславіемъ и желаніемъ прослыть благодѣтелемъ?

О. Георгій сильно склонялся къ послѣднему мнѣнію. Въдъ въ сердцѣ, чуждомъ любви и состраданія къ своему родному племяннику въ такомъ его отчаянномъ положеніи, едва ли могла горѣть истинная любовь къ Богу, во имя которой можно было бы сдѣлать такой щедрый даръ? Человѣкъ, любящій Бога, непременно долженъ любить и своего ближняго. Это—великая Божья заповѣдь. Однако, староста, прекрасно зная безвыходное положеніе своего племянника, имѣлъ твердость отказать ему въ пятидесяти рублѣхъ, тогда какъ на другой же день покупаетъ плащаницу стоимостью въ полтораста рублѣй! Что же это такое, какъ не пища для своего тщеславія?

Священникъ рѣшилъ немедленно объясниться со старостой и походатайствовать за Тихона. Подъ предлогомъ выясненія одного церковнаго вопроса, онъ пригласилъ къ себѣ Пѣтухова. Тотъ поспѣшилъ притти, не подозрѣвая цѣли приглашенія.

О. Георгій не сразу приступилъ къ дѣлу. Разговоръ начался съ разныхъ вопросовъ деревенской жизни. И только за чаемъ, когда Ѳома Максимовичъ, благодушествуя, допивалъ третій стаканъ, священникъ осторожно заговорилъ, наконецъ, о пожарѣ, о бѣдственномъ состояніи пострадавшихъ и упомянулъ, кстати, и о Тихонѣ.

— Я увѣренъ, Ѳома Максимовичъ, что ты поддержишь

его въ такое тяжелое время: это твой христіанскій долгъ,— закончилъ о. Георгій.

Пѣтуховъ смущенно замигаль глазами, откашлялся и вытеръ лобъ полой своего кафтана.

— Батюшка, покойничекъ-то брать съ достаткомъ былъ,— пробормоталь онъ. — Безпремѣнно у Тихона деньжонки остались. А у меня велики ли достатки? Вотъ на плащаницу полтора ста ушло. Ну, да для церкви это: не жалко. Для такого дѣла можно и послѣдній грошъ ухлопать.

— Ома Максимовичъ,—серьезно заговорилъ о. Георгій:—покупка плащаницы, конечно, дѣло хорошее. Но ты забылъ прямую Божью заповѣдь: любовь къ ближнему. Вспомни, что сказалъ Христосъ: милости хочу, а не жертвы. Для твоей души было бы гораздо лучше и полезнѣе, если бы ты эти полтора ста рублей отдалъ племяннику, чѣмъ много облегчилъ бы его горе и нужду.

Староста изумленно взглянулъ на говорившаго и даже опустилъ блюдечко на столъ.

— Ужели моя жертва не угодна Богу?—протянулъ онъ съ оттѣнкомъ неудовольствія.

— Жертва только тогда угодна Богу,—отвѣчалъ священникъ,—когда мы исполняемъ Его заповѣди о любви, состраданіи и милосердіи къ ближнему. Вотъ, что главнымъ образомъ цѣнно въ очахъ Божиихъ, а не вещественныя приношенія. Ну, а подумай-ка здраво, сприси своей совѣсти: хорошо ли ты сдѣлалъ? Купилъ дорогую плащаницу, а не оказалъ милости къ своему собственному несчастному племяннику... Внесъ въ церковь такой щедрый даръ, а обездоленную, родную семью оставилъ на крайнюю нищету и лишенія... Я, какъ пастырь, долженъ дать тебѣ искренній совѣтъ: помоги Тихону, выручи его изъ постигшей бѣды. Вѣдь всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, и какъ ты можешь поручиться, что въ слѣдующій пожаръ твой домъ останется цѣлъ и невредимъ?

— Сохрани, Господи!—невольнo вырвалось у старосты.

— Вотъ видишь: тебѣ объ этомъ страшно даже и по-

думать, хотя ты человекъ и состоятельный. Какъ же должно быть тяжело Тихону, у котораго сгорѣло все добро! А вѣдь на рукахъ у него еще трое малыхъ дѣтей..

Староста молчалъ и морщилъ лобъ отъ неудовольствія. Онъ поторопился окончить чай и, простившись, оставилъ домъ священника. А на душу, вмѣсто прежняго довольнаго настроенія, начала надвигаться какая-то внутренняя пустота.

— Это безпремѣнно Тишка наябедничалъ на меня батюшкѣ,—съ досадою думалъ онъ.—Ну, и племянничекъ!.. Славно удружилъ дядѣ...

И староста порывисто зашагалъ къ своему дому. Въ душѣ его кипѣла сильная досада на Тихона. Сердце было въ чемъ-то сильно разочаровано.

VI.

Сдѣлавъ для церкви такой богатый даръ, староста, казалось, могъ бы теперь спокойно пожинать плоды своей щедрости. И въ самомъ дѣлѣ: односельчане льстили ему въ глаза, превозносили его доброту, и слава о немъ, какъ о благотворителѣ храма, разошлась далеко по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. Оставалось только радоваться этому почету. Но съ Ѳомой Максимовичемъ случилось какъ разъ наоборотъ. Отсутствіе душевнаго мира, сознание какой-то вины — произвели въ немъ большой разладъ. Лесть и похвалы не радовали его, а скорѣе смущали, точно онѣ не были заслужены имъ по справедливости. Все это началось съ того момента, когда священникъ заявилъ ему, что его жертва не будетъ угодна Богу до тѣхъ поръ, пока онъ не выполнитъ одну изъ главнѣйшихъ заповѣдей: любовь къ ближнему.

Въ слѣдующее, за покупкой плащаницы, воскресенье онъ, по обыкновенію, пришелъ въ церковь. Но лишь только Пѣтуховъ винулъ взглядъ на плащаницу, какъ со дна его души еще съ бѣльшей силой поднялось то тоскливое, неудовлетворенное настроеніе, какое овладѣло имъ

въ послѣдніе дни. Роскошная золоченая плащаница, залитая утренними лучами солнца, была для него яркимъ укоромъ совѣсти.

— Не пожалѣлъ ты полтора ста рублей на такой даръ, а племянника оставилъ въ нуждѣ и горѣ, — шепнулъ въ глубинѣ его души какой-то тайный, властный голосъ. А что говорилъ батюшка: милости хочу, а не жертвы. Напрасень твой даръ. Сначала вытри слезы у обѣднаго племянника, а потомъ и жертвуй.

Пѣтуховъ, чтобы заглушить укоръ совѣсти, началъ усердно молиться и внимательно прислушиваться къ службѣ. Но, не смотря на его усилія, въ сердцѣ продолжалъ царить все тотъ же холодъ. Молитва не имѣла успѣха. Умиленіе и душевный миръ были чужды человѣку, который оставался глухъ къ страданіямъ и стонамъ своего ближайшаго родственника.

Староста съ тоской устремилъ свои взоры на крестъ, возвышающійся за плащаницей. О чемъ свидѣтельствовалъ онъ? Онъ краснорѣчиво говорилъ о великой любви Бога къ людямъ, во имя которой была принесена эта Голгоетская жертва для спасенія всего міра. А вотъ онъ, староста Пѣтуховъ, замкнулъ свое сердце къ воплю племянника и оставилъ все семейство мыкать горе, испытывать нужду и крайнія лишенія. Онъ пожалѣлъ только пятьдесятъ рублей, а Богъ не пожалѣлъ для него Своего Возлюбленнаго, Единороднаго Сына и отдалъ на самую мучительную казнь!..

Старость сдѣлалось какъ-то жутко и онъ смущенно началъ креститься на Распятіе. Совѣсть яркимъ факеломъ озарила извилины его души и показала всѣ ея кривизны и неправды.

Обѣдня кончилась. Народъ повалилъ изъ церкви. Направилась къ выходу и Матрена.

Проходя мимо старосты, она пріостановилась на нѣсколько мгновеній, пристально посматрѣла на него и проговорила:

— Хоть и славную плащаницу ты завелъ, Фома Максимычъ, а только не надо бы и племянничка-то забывать... Пятьдесятъ рублей пожалѣлъ ему, а полтора ста издержалъ на плащаницу... Ай, какъ не славно... Грѣхъ тебѣ будетъ за это, Фома Максимовичъ... Пустилъ семью по міру...

Староста опѣшилъ отъ неожиданности и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ для отвѣта, Матрена вышла изъ церкви.

— Ядовитая баба, — съ досадой подумалъ Пѣтуховъ, приводя въ порядокъ старостинскій ящикъ. — Теперь по всему селу станетъ трубить, что я пустилъ Тихона по міру. Тѣфу ты, притча экая!..

Взглянувъ еще разъ на Распятіе, староста съ опущенной головой вышелъ изъ церкви, какъ человекъ, совершившій какое-то преступленіе.

VII.

Прошло нѣсколько дней.

— А, ладно ли я сдѣлалъ, ежели не помогъ Тихону? — всталъ какъ-то неволью въ его головѣ вопросъ.

Староста глубоко задумался. Вопросъ былъ чрезвычайно важный, серьезный и требовалъ немедленнаго разрѣшенія. Для старосты было ясно, что покупка плащаницы его не удовлетворила и не внесла въ душу никакого мира и отрады. Передъ покупкой самолюбіе его тѣшилось, предвкушая тѣ благодарности и похвалы, которыя ему придется выслушать отъ односельчанъ за свой щедрый даръ. Въ этомъ, какъ извѣстно, онъ и не ошибся. Но внутренній голосъ совѣсти отравилъ все его настроеніе, разрушилъ всю мечту. Похвалы мало трогали его, проходили мимо его сердца, точно онѣ были предназначены не ему, а какому-то другому лицу. Отсюда наступило разочарованіе въ покупкѣ и даже сожалѣніе о потраченныхъ деньгахъ, что еще болѣе усиливало его недовольство. Крошѣ

всего этого, слова о. Георгія такъ и звучали въ его ушахъ, взывая, во имя Бога, къ помощи пострадавшему племяннику.

Пѣтуховъ сдѣлался сосредоточенъ и еще болѣе молчаливъ.

Отъ домашнихъ не укрылась эта перемяна.

Но такъ какъ Тома Максимовичъ никому не позволялъ заглядывать въ свою душу и не давалъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, то они и не приставали къ нему съ разспросами, оставивъ его въ покоѣ.

А, между тѣмъ, въ душѣ старосты происходила большая нравственная борьба. Долгъ христіанской любви громко требовалъ своего исполненія. Голосъ совѣсти сильно мучилъ старосту. Послѣдній взнемогалъ и инстинктивно чувствовалъ, что только помощью племяннику онъ можетъ возстановить нарушенный душевный миръ.

— Не выручить ли ужъ его?—думалъ онъ.— Вѣдь не разорюсь я, ежели дамъ ему рублей съ пятьдесятъ, да кое-что для обзаведенія. Пособлю!—наконецъ—твердо рѣшилъ онъ:—пускай меня не поминаетъ лихо...

Пѣтуховъ немедленно послалъ за Тихономъ.

Послѣдній, крайне удивленный приглашеніемъ дяди, не замедлилъ притти.

— Здорово, Тихонъ! Какъ поживаешь, какъ дѣла?—мягко спросилъ онъ, здороваясь съ племянникомъ.

— Плохо живемъ, — отвѣчалъ тотъ, не зная чему и приписать такую внезапную перемяну съ дядей:—совсѣмъ плохо... Самъ знаешь: все сгорѣло.. Нужда большая...

— Да, пожаръ не шутка, — согласился староста;—всякимъ можетъ такая бѣда отрястись. А я вотъ что, Тихонъ, надумалъ, — продолжалъ онъ, понизивъ голосъ: — знаю, какъ плохи твои дѣла... Пособить тебѣ хочу... Выручить тебя надо въ горѣ...

Тихонъ былъ такъ ошеломленъ этими неожиданными словами, что первое мгновеніе совершенно растерялся и молча смотрѣлъ на дядю, все еще не вѣря ушамъ.

Староста замѣтилъ это и съ легкой усмѣшкой спросилъ:

— Обрадовался?

— Дядя, дядя!—вскричалъ, наконецъ, Тихонъ, видя себя отъ радости: — ужели ты мнѣ хочешь помочь?! Вотъ не чаялъ то совсѣмъ. Дай тебѣ, Господи, добраго здоровья! А какъ обрадуется этому Марья!.. Она всѣ глаза выплакала съ горя-то...

— Охо-хо,—вздыхнулъ Пѣтуховъ:—бѣда—не свой братъ. Ну, пускай не горюеть. Все дѣло поправится...

Тихонъ, въ избыткѣ чувствъ, повалился дядѣ въ ноги...

Черезъ полчаса Тихонъ чуть не бѣгомъ летѣлъ домой, не слыша подъ собой ногъ. Лицо его было радостно и сияло счастьемъ. Рука брѣпко сжимала въ карманѣ пачку засаженныхъ кредитокъ.

Онъ вихремъ примчался въ избу Матрены и еще съ порога закричалъ нетерпѣливо ожидавшей его женѣ:

— Марья, Марья! Слава Богу! Вѣдь дядя намъ помогъ! Вотъ смотри! Да по хозяйству еще кое-что хотѣлъ дать...

Онъ вытащилъ кредитки и махнулъ ими по воздуху.

— Слава Тебѣ, Господи!—съ восторгомъ перекрестилась измученная женщина. — Вотъ радость-то... Вотъ не думали...

Она заплакала.

— Спасибо Өомъ Максимовичу: не забудеть и его Создатель, — прошептала Матрена, утирая выступившія слезы.

Она была счастлива, глядя на восторги обездоленной семьи...

Въ слѣдующее воскресенье при первыхъ ударахъ колокола староста поспѣшилъ въ храмъ.

И при взглядѣ на плащаницу ему вдругъ сдѣлалось и легко, и свободно, и весело... Въ сердцѣ заигралъ лучъ мира и покоя...

Съ умиленіемъ онъ смотрѣлъ теперь на свой даръ, широко крестился и шепталъ:

— Слава Тебѣ Создателю! Вразумилъ ты меня грѣш-
наго!..

И только теперь понялъ староста, что значить «милости
хочу, а не жертвы»; понялъ, какъ велика заповѣдь о любви
къ ближнему. Онъ усердно началъ молиться, и молитва
умиротворила его, влила въ его душу тихую святую ра-
дость, потому что въ сердцѣ царилъ любовь, побѣдившая
жестокосердіе и скупость.

А гдѣ любовь—тамъ и Богъ.

Ив. Поповъ-Пермскій.

ДОВОЛЬНИ БУДЕТЕ ОБРОКИ ВАШИМИ.

Другъ мой, братъ мой! если ты
Ходишь, рассуждаешь,
Видишь солнце и цвѣты,
Пишешь и читаешь;
Если ты еще не глухъ,
Слышишь пташекъ пѣнье,
Если радуется твой духъ
Храмъ, богослуженье,—
То позволь тебѣ сказать:
Ты счастливъ премного,
И тебѣ на жизнь роптать—
Тяжкій грѣхъ предъ Богомъ.
Видишь—много есть людей,
Съ самаго рожденья
У которыхъ нѣтъ очей,
Слуха, рассужденья.
Сколько есть безъ рукъ и ногъ,
Въ горѣ и болѣзни!..
Всякій, кто сейчасъ убогъ,
Въ твоей долѣ пѣть бы смогъ
Радостныя пѣсни.
Да, какъ вступишь вѣсьма вѣсьма
Ты въ чужое горе,
То доволенъ будешь, другъ,
И своею долею.

И. Евсимій.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Религіозно-філософская бібліотека.

Неустанно работаетъ человѣческая мысль; лихорадочно стремится она все къ новымъ и новымъ цѣлямъ, подчиняя себѣ всѣ силы природы. Въ наше время, кажется, силы природы послушны волѣ человѣка. Откуда же это отчаяніе, эта неудовлетворенность жизни, самоубійства? Давнымъ давно въ Греціи было произнесено: «познай самого себя»; давно нашъ божественный Учитель далъ намъ въ руки путеводную нить своими словами: «царствіе Божіе внутри васъ есть». Но до сихъ поръ мы все еще у порога и робко стучимся въ незапертую дверь. А между тѣмъ познаніе самого себя, изученіе своего душевнаго міра не требуетъ ни дорогой лабораторіи, ни специальныхъ знаній, ни особаго таланта. Нужно только хотя на нѣсколько мгновеній удаленіе изъ суеты міра, нужна лишь полная искренность передъ самимъ собой и вдумчивое изслѣдованіе. Толчокъ къ такому изслѣдованію можетъ дать всякая книга, затрогивающая вопросы нравственнаго порядка и вызывающая на размышленія. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія серіи книжекъ книгоиздательства «Религіозно-філософская бібліотека». Свѣтильникъ вѣры, яркимъ пламенемъ освѣщающій наше младенчество, не всегда такимъ же свѣтомъ озаряетъ и нашу старость; часто онъ гаснетъ на первыхъ ступеняхъ великой лѣстницы жизни, гаснетъ подъ натискомъ такъ называемаго научнаго міровоззрѣнія. Ужасъ послѣдовательнаго и беспощаднаго къ самому себѣ абсолютнаго невѣрія раскрывается въ статьѣ В. А. Кожевникова—Исповѣдь атеиста, которая представляетъ собою изложеніе и разборъ книги извѣстнаго профессора біологіи Ле-Дантека, «главнаго представителя во Франціи натуралистическаго монизма»

(5). Ле-Дантекъ, по его словамъ, «атеистъ по рожденію, по природѣ» (6) и все же онъ «отрицаетъ у невѣрующихъ самую возможность опровергнуть вѣру, доказать ея несостоятельность» (стр. 11); ему кажется очень труднымъ «быть логичнымъ атеистомъ, т.-е. почти невозможно противодѣйствовать неискоренимому въ насъ понятію добра и зла, правды и справедливости» (ст. 16); «для большинства наука не можетъ стать замѣною религіи» (стр. 21); «общество логически послѣдовательныхъ атеистовъ невозможно» (стр. 19), а «современные свѣтскіе люди, по большей части—не атеисты, а только религіозные индифферентисты» (стр. 19). Къ такому безотрадному для его точки зрѣнія выводу пришелъ послѣдовательный ученый. И дѣйствительно, величайшее зло не въ невѣріи, а въ нежеланіи изслѣдовать это невѣріе, страхъ передъ операцией душевнаго организма, боязнь страданій. Выясненію смысла страданій посвященъ 25 выпускъ той же библиотеки, представляющій сборникъ статей Лавальскаго епископа Бери (Божественное происхожденіе страданій), В. А. Жуковскаго (страданіе и вѣра въ промыслъ Божій), Н. В. Гоголя (значеніе болѣзней), Паскаля (молитвенное размышленіе объ обращеніи во благо болѣзней, размышленіе о смерти). Сюда присоединяются нѣсколько стихотвореній Козлова на ту же тему и двѣ молитвы еп. Игнатія и митр. Филарета. Авторы съ разныхъ сторонъ разсматриваютъ страданіе: «страданіе самый сильный и самый безсмертный союзникъ религіи (стр. 6). Оно дано человѣку, чтобы онъ почувствовалъ «прелесть неба»; страданіе очищаетъ отъ грѣховъ душу, животворитъ ее и возвышаетъ (стр. 25); люди «страдаютъ для того, чтобы стать болѣе праведными, терпятъ испытанія, чтобы стать еще лучшими» (стр. 31); въ немъ испытуются и хорошія качества человѣка, чтобы «предохранить душу отъ всякой неустойчивости» (стр. 37); страданіе ведетъ насъ по лѣстницѣ добродѣтелей, такъ какъ «жизнь—эта громадная мастерская, въ которой души готовятся на небо» (стр. 39). Вотъ почему такъ разнообразны виды страданій, и такъ разнообразно ихъ примѣненіе.

Такъ «жизнь людей вообще, а христіанъ въ частности, есть постоянная жертва, могущая завершиться лишь смертью» (стр. 87). Но эта жертва приносится съ благою цѣлью; теряетъ свою горечь потому, что здѣсь нами руководитъ Богъ, и любовь къ Нему «заставляетъ насъ

смотрѣть на нашу скорбь съ высшей точки зрѣнія, потому что крики скорби превращаетъ въ молитву, именующую и изъясняющую Бога» (стр. 58). Таковъ смыслъ страданій, и вотъ почему великій геній и ученый цѣнится нами постольку, поскольку его произведенія являются имъ выстрадавшими. Великіе писатели ярче насъ переживаютъ свои страданія, ярче отражаютъ свои переживанія въ произведеніяхъ. Но часто эти переживанія теряются для насъ среди другихъ настроеній, картинъ и выводовъ, которые смѣняютъ одни другіе. Религіозно-философская бібліотека сдѣлала интересную попытку выдѣлить изъ произведеній различныхъ писателей ихъ взгляды на вопросы нравственности и церковной жизни. Таковую работу содержитъ 24 выпускъ—церковь. Ея свойство и благодатная жизнь (по А. С. Хомякову).—Извѣстный богословъ и широко-образованный человѣкъ А. С. Хомяковъ не разъ въ своихъ сочиненіяхъ касался вопросовъ церковной жизни. Разбираемый выпускъ составляетъ томикъ въ 108 страницъ; въ немъ разсматриваются со свойственной А. С. эрудиціей, логичностью и силой вопросы о единствѣ церкви, святости и истинности, каеоллизмъ и соборности, о церкви въ отношеніи къ государству и иновѣрцамъ, о таинствахъ, вѣрѣ и изслѣдованіи, вѣрѣ и дѣлахъ, о молитвѣ. При религіозно-философской бібліотекѣ издаются листки «русская религіозная мысль». Это выдержки изъ различныхъ сочиненій. Здѣсь мы нашли выдержки изъ сочиненій Гоголя, Жуковскаго, Достоевскаго, Влад. Соловьева, И. С. Аксакова, Н. И. Пирогова, Б. Н. Чичерина, Ю. О. Самарина, И. В. Кирѣевскаго, С. М. Соловьева и др. Каждая выдержка напечатана на листѣ плотной бумаги съ красивой вензеткой и сопровождается краткою біографіей автора; выдержки касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ нравственнаго порядка, будятъ мысль и способствуютъ вдумчивому чтенію. Вообще изданія религіозно-философской бібліотеки могутъ быть рекомендованы какъ произведенія серьезные, доступныя и назидательныя.

П. Никольскій.

ВОЗВАНІЕ.

На далекой сѣверо-западной окраинѣ нашего великаго отечества, на островѣ Эзелѣ, въ Лаймъяльскомъ приходѣ, находится бѣднѣйшій православный храмъ св. Василя Великаго. Лаймъяльскій приходъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ. Всѣ почти прихожане—безземельные или малоземельные бобыли, которые, поддерживая свое существованіе лишь скудными поденными заработками, сами постоянно бѣдствуютъ и не могутъ, какъ слѣдуетъ, позаботиться о своемъ храмѣ. Часто мѣнялись и настоятели (въ 3 года перебивало здѣсь 4 священника), а потому св. храмъ стоитъ въ такомъ положеніи, что жалко и глядѣть на него. Храмъ по себѣ уже крайне тѣсенъ; колокольни совсѣмъ нѣтъ; вмѣсто облаченій жалкіе лохмотья, почти нѣтъ иконъ, утварь весьма малочисленна и до крайности ветха и убога,—однимъ словомъ, нѣтъ ничего, соотвѣтствующаго благолѣпію св. храма. Положеніе ухудшается еще тѣмъ, что господствующее населеніе—многочисленные лютеране, среди которыхъ разбросаны бѣдняки-православные, постоянно и злостно насмѣхаются надъ убожествомъ храма. До слезъ больно и тяжело видѣть и переносить все это! Между тѣмъ, помощи и поддержки въ дѣлѣ устройства благолѣпія храма ждатель неоткуда. Мало, очень мало, осталось теперь любящихъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Но особенно о нашемъ бѣдномъ храмѣ, сущимъ въ морѣ и далече, заботиться некому. Однако, все же надѣмся, что не погасла еще любовь въ сердцахъ православныхъ, что не перевелись еще на св. Руси

добрые и сострадательные люди. Поэтому мы и осмѣливаемся обратиться со слезной просьбой къ Вамъ, далекимъ собратьямъ по вѣрѣ: не откажитесь снизойти къ отчаянной нуждѣ нашего храма: можетъ быть, найдете возможнымъ удѣлить хоть малую лепту на крайнюю нужду въ благоукрашеніи и расширеніи нашего храма и постройку колокольни, такъ какъ епархіальныхъ средствъ далеко не хватаетъ и на ремонтъ церквей. Господь воздастъ Вамъ сторицею за помощь намъ, бѣднымъ! Смиренно умоляемъ, не оставьте насъ, малыхъ сихъ: на Васъ только и остается надежда! Искренно будемъ молиться о Вашемъ здоровіи и спасеніи, а также о здоровіи живыхъ и упокоеніи усопшихъ присныхъ Вашихъ, имена которыхъ просимъ сообщить.

Отъ имени Лаймъяльскихъ прихожанъ

Лаймъяльскій священникъ *Антоній Лааръ*.

Адресъ: чр. Орисааръ, Лифл. губ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА В И С С А Р І О Н А):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Иисуса Навина, Судей, Царствъ, Іова и Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

духовный учено-литературный журналъ

„Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“

будетъ издаваться по прежней программѣ, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на вопросы христіанской апологетики, а также на исторію церкви г. Москвы.

Цѣна журнала на годъ съ доставкой и пересылкой: 1) для членовъ Общества и всѣхъ его отдѣловъ—2 р. и 2) для лицъ, не состоящихъ членами Общества или какого-либо изъ его отдѣловъ,—4 р.

Подписка на журналъ принимается въ Епархіальной библиотекѣ (Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА
„ПРИХОДСКІЙ СВЯЩЕННИКЪ“.

Задачи журнала: I. Начертать идеаль пастырскаго служенія, вполне достижимый въ условіяхъ современности. II. Указать вѣрные пути къ этому высокому идеалу. III. Какъ въ зеркалѣ отобразить то, что дѣлается духовенствомъ для жизни прихода и отиѣтить условія, среди которыхъ приходится работать православнымъ пастырямъ.

Программа: 1) Очерки современной религіозной жизни. 2) Статьи и изслѣдованія по богословскимъ наукамъ. 3) Приходская реформа. Обсужденіе законопроектовъ и мѣропріятій, направленныхъ къ дѣйствительному возрожденію приходской жизни. Богослуженіе православной церкви; его улучшеніе и введеніе общенароднаго пѣнія и пр. Пастырскія собранія и епархіальные сѣзды. Вопросъ объ обеспеченіи православнаго духовенства. Преобразование консисторій и другихъ епархіальныхъ установленій. Церковно-приходскія братства. Участіе духовенства въ борьбѣ съ алкоголизмомъ. 4) Приходская проповѣдь. Руководящія указанія въ проповѣднической техникѣ. Лучшіе образцы проповѣдей. 5) Приходская миссія. Борьба съ расколомъ и сектанствомъ при посредствѣ народно-собирательной силы; организація въ приходахъ миссіонерскихъ курсовъ. Приходскій священникъ, какъ миссіонеръ. Миссіонерскіе сѣзды. 6) Церковная школа. Вопросъ о православныхъ академіяхъ. Реорганізація средней и высшей духовной школы. Вопросъ о передачахъ церковно-приходскихъ школъ въ вѣдѣніе Мин. Нар. Просв. Защита идеи церковно-школьнаго учительства. 7) Приходская благотворительность. Работные дома. Ясли. Лечебницы. Кредитныя товарищества. Потребительныя лавки и другіе виды приходской благотворительности. 8) Очерки и рассказы изъ жизни духовенства. 9) Лѣтопись церковно-общественной жизни. 10) Вѣсти изъ епархій. Жизнь, нужды и дѣятельность православнаго духовенства по сообщеніямъ съ мѣсть. 11) Отклики читателей. Обиѣн мнѣній читателей по вопросамъ приходской жизни. 12) Библиографическій отдѣлъ. 13) Отвѣты редакціи по вопросамъ приходской практики. 14) Объявленія. Всѣ годовые подписчики, по внесеніи ими подписной платы за цѣлый годъ, получаютъ въ видъ особаго приложенія къ журналу полезную книгу: „конспекты проповѣдей на всѣ воскресные и праздничные дни года“. На каждый воскресный и праздничный день будетъ дано три конспекта: 1) на евангельское чтеніе, 2) на чтеніе апостольское и 3) на какую либо тему вѣро—и правоучительнаго характера. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ — четыре руб. (за границу 6 руб.). Допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—2 руб. и къ 1-му мая—остальные 2 руб. Подписка принимается: С.-Петербургъ, Нарвскій пр. 1, Контора журнала „Приходскій Священникъ“.

Редакторы-издатели: Протоіерей В. П. Галкинъ.

Священникъ М. В. Галкинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911-й ГОДЪ
НА
„ФИНЛЯНДСКУЮ ГАЗЕТУ“

12-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Первый русский органъ въ Финляндіи, издаваемый въ Гельсингфорсѣ.

Выходитъ по вторникамъ, четвергамъ, субботамъ и воскресеньямъ (кроме дней послѣпраздничныхъ). Въ промежуточные дни (въ случаѣ необходимости) будутъ выпускаемы **ОСОБЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ**.

Подписка принимается: въ Гельсингфорсѣ—въ редакціи (Хёгбергская ул. 21, кв. 3, тел. 18-76) и въ русскомъ книжномъ магазинѣ (Зап. Генриховская ул. 10). Въ Петербургѣ—въ конторѣ редакціи „Правит. Вѣсти“, „Русскаго Инвалида“, въ экономическомъ обществѣ офицеровъ гвардейскаго корпуса (Литейный пр. 20), въ конторѣ Метцль и К^о (Морская, 11) и въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“. Въ Москвѣ—въ конторѣ Л. и Э. Метцль и К^о—Мясницкая, д. Сытова.

Иногородніе благоволятъ обращаться въ редакцію „Финляндской Газеты“ въ Гельсингфорсѣ.

Объявленія принимаются: на русскомъ, финскомъ и шведскомъ языкахъ, въ редакціи, въ русскомъ книжномъ магазинѣ въ Гельсингфорсѣ и въ конторѣ объявленій Л. и Э. Метцль и К^о въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ. Плата за строчку петида или занимаемое ею мѣсто, на 4-й страницѣ 10 коп. или 20 пени. При многократномъ печатаніи уступка по соглашенію съ конторой газеты.

Подписная цѣна: въ Гельсингфорсѣ на годъ 9 м., на полгода 5 м., на три мѣсяца 3 м., на одинъ мѣс. 1 м. Съ пересылкой въ другіе города—на годъ 4 р. или 11 м., на полгода 2 р. 50 к. или 6 м., на три мѣс. 1 р. 50 к. или 4 м., на одинъ мѣсяць 50 к. или 1 м. 50 п. За границу на годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. Въ розничной продажѣ 10 пен. или 4 к. Доли рублей и марокъ можно высылать почтовыми марками по 7 и менѣе к. или 20 и менѣе пен. При годовой подпискѣ допускается разсрочка для иногороднихъ въ Россіи: при подпискѣ, 1 марта, къ 1 мая и къ 1 іюля по 1 рублю. Для Финляндіи: при подпискѣ—6 м. и къ 1 іюля—5 марокъ, или черезъ каждые 2 мѣсяца по 3 м. Для городскихъ: при подпискѣ—5 м., къ 1 іюля—5 м., или по 3 м. черезъ каждые 3 мѣс.

За перемѣну адреса 50 пени или 20 коп. Заявленія о неполученіи газеты должны поступать не позже, какъ черезъ двѣ недѣли со дня подписки. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го каждаго мѣсяца. При перемѣнѣ адреса должно прилагать не только новый, но и прежній, причѣмъ самая перемѣна производится лишь со слѣдующаго по перемѣнѣ адреса номера.

Редакторъ В. П. Лебедевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ НА

„ПОДСПОРЬЕ“

Ежемесячный иллюстр. журналъ доходнаго труда, здороваго спорта и веселой забавы.

Подъ редакц. акад. I. Д. Козлова.

ТРУДЪ ДЕНЬГИ! Предпримчивые американцы давно оцѣнили это и имѣютъ, помимо коренной профессіи, двойной притокъ доходовъ подсобнымъ трудомъ. Журналъ „Подспорье“ поставилъ себя цѣлью ввести читателя въ обширную область прикладныхъ знаній, могущихъ безъ особыхъ затратъ приносить изрядный доходъ. Способы приложить трудъ и создать себѣ заработокъ съ каждымъ днемъ множатся и совершенствуются. „Подспорье“ чутко слѣдитъ за стремительнымъ развитіемъ производствъ. Сотрудничество опытныхъ и значущихъ людей и свыше 200 наименованій американскихъ, бельгійскихъ, английскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ журналовъ помогаютъ „Подспорью“ выполнять его широкаго задачи.

„Подспорье“ описываетъ и наглядно поясняетъ рисунками, какъ что дѣлается; оно помогаетъ предпримчивому человѣку въ выборѣ прибыльнаго труда, указываетъ, какъ взяться за дѣло и довести его до конца.

ДѢЛУ—ВРЕМЯ, ПОТѢХЪ—ЧАСЪ! „Подспорье“ не оставляетъ читателя и во время досуговъ, наполняя ихъ увлекательнымъ чтеніемъ и веселыми здоровыми развлечениями. Съ перваго номера въ отдѣлѣ „Изысканная литература“ будетъ печататься оригинальный романъ Виктора Козлова: „РУССКІЙ АМЕРИКАНЕЦЪ“ въ которомъ талантливо и увлекательно описана захватывающая картина борьбы, побѣды и ошибокъ предпримчиваго русскаго рабочаго. Это—миліонъ приключеній человѣка энергичнаго и смѣлаго, обогащающагося, все теряющаго и снова создающаго состояніе.

Въ журналѣ до 20 отдѣловъ: Народный университетъ. Побѣдители воздуха. Среди электрическихъ волнъ. Въ гостяхъ у алхимика XX вѣка. По блѣду свѣту. Тайны камеръ-обскуры. За рабочимъ столомъ. Какъ самому сдѣлать цѣнный аппаратъ. Въ погонѣ за кускомъ хлѣба. Коллекціонеръ-любитель. Новѣйшія открытія и изобретенія. Обзоръ технической литературы всего міра. Дань Эскулапу. Трудники науки. Подспорье хуторянину. Совѣты адвоката. Въ мірѣ искусства. Спортъ и игры. Переписка съ читателями. Всемирный юморъ. Иллюстраціи, чертежи, зарисовки.

Журналъ „Подспорье“ настолько богатъ внутреннимъ, практическимъ и интереснымъ содержаніемъ, что не нуждается въ заманиваніи подписчиковъ кучей приложешій. Только по необходимости, по мѣрѣ нужды, будутъ рассылаться подписчикамъ модели, выкройки и т. п.

Подписная цѣна въ доставкой и пересылкой—4 рубля въ годъ. Второе изданіе на лучшей бумагѣ—6 рублей. Допускается расрочка безъ повышенія подписной платы, по полугодіямъ и четвертямъ года.

Подписку адресовать: С.-Петербургъ, Гатчинская, 12, Конторѣ журнала „Подспорье“.

Подписка принимается также во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ.

Кто не любитъ труда, тому не за чѣмъ подписываться на нашъ журналъ!

Р. С. Сочувствующихъ идеѣ нашего журнала—побѣдить „обломовщину“, и неспособность къ борьбѣ за существованіе, вселяя интересъ къ полезному труду,—просимъ распространять о немъ свѣдѣнія среди взрослыхъ и юношества.

Требуйте подробное объявленіе (проспектъ)!

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

- 1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣроучительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и внѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-правственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Евдофана**-Затворника, іеросхимонаха о. **Амвросія** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Повья данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многообразныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и рассказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1911 году въ *Душеполезномъ Читаніи* вѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Въ 1911 году всѣ подписчики получаютъ бесплатное приложеніе:

МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА.

(ЯНВАРЬ—ІЮНЬ).

Житія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.

Сочиненіе священника **Н. Орлова**.

Опредѣленіемъ **Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ** отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Читаніе*—*одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. За границу—**ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ **Михаилъ Фивейскій**.

Издательница **Ольга Касицына**.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Стр.

- I. ДАННЫЯ ФОРМАЛЬНАГО РАЗСЛѢДОВАНІЯ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ ВОЖЕЙ МАТЕРИ И ЧУДА ОТЪ ЕЯ ИКОНЫ ВЪ РОСТОВСКОЙ БЛАГОВѢЩЕНСКОЙ ЦЕРКВИ. (Съ приложеніемъ рисунка). **Епископа Іосифа**.... 3—13
- II. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инокъ). **А. І.**.. 14—21
- III. ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ. **Ив. Николаина**..... 22—42
- IV. ЮРОДИВЫЙ ТИМОФЕЙ АРХИПОВИЧЪ. (Съ приложеніемъ рисунка). **Ан. Титова**..... 43—47
- V. ГРИГОРІЙ ѲЕОДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. **А. Карасева**..... 48—60
- VI. ХРИСТИАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. **Проф. П. Казанскаго**..... 61—80
- VII. ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ (Къ 19 мая). (Стихотвореніе). **І. Евеймія**..... 81—81
- VIII. ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ. **С. Голощапова**.. 82—86
- IX. SILENTIUM. (Стихотвореніе). **В. К. Недзвецкаго**..... 87—87
- X. ПѢСНЬ РУССКАЯ. (Стихотвореніе). **Его же**..... 88—88
- XI. ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ. (Стихотвореніе). **Его же**..... 89—89
- XII. ВЕЛИКАЯ ЗАПОВѢДЬ. **Ив. Попова-Пермскаго**..... 90—102
- XIII. ДОВОЛЬНИ БУДЕТЕ ОБРОКИ ВАШИМИ. (Стихотвореніе). **І. Евеймія**..... 103—103
- XIV. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Религіозно-философская бібліотека. **П. Никольскаго**..... 104—106
- XV. ВОЗЗВАНІЕ..... 107—108
- ОБЪЯВЛЕНІЯ.
-

Послеши
 Духа Твое-
 го, и сози-
 ждётся, и
 обновят-
 ся лице
 земли. Пс
 рг ѿ. ѿ. ѿ. ѿ. ѿ.
 ѿ. ѿ. ѿ. ѿ. ѿ.
 ѿ. ѿ. ѿ. ѿ. ѿ.

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

Не ѡ хлѣбѣ
 единомъ
 живъ вѣ-
 деть чело-
 вѣкъ, но ѡ
 всѣмъ
 глаголютъ,
 исхощащима
 изобѣсть
 Бжїихъ Мѡисѣ

ГОДЪ ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

1911.

Іюнь.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
 ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ
 продолжается въ
 1911 году на прежнихъ
 основанїяхъ.

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1911 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

Съ 1911 года журналъ *Душеполезное Чтеніе* вступаетъ, съ Божіей помощію, въ **пятьдесятъ второй** годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не измѣнялъ однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ, за время его полстолѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ серьезныхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

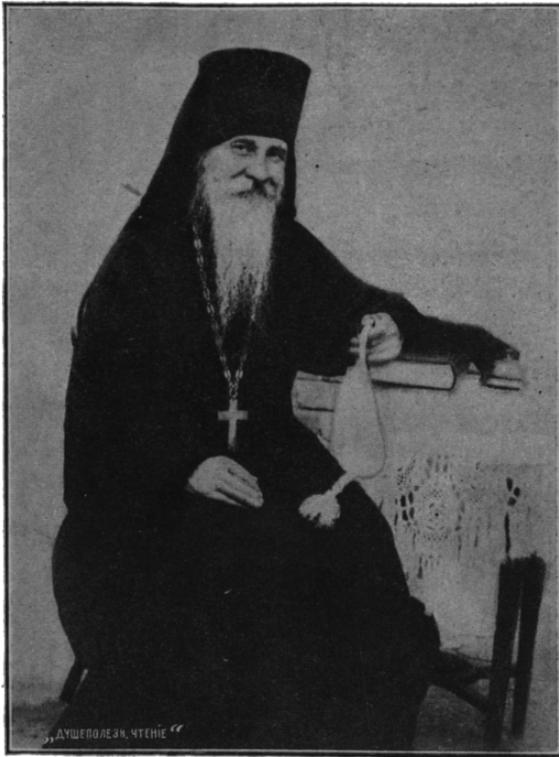
Въ журналѣ постоянно затрѣгивались различные богословскіе вопросы и обсуждались разные предметы, которымъ, по возможности, давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственную фізіономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, былъ всегда самостоятеленъ и самобытенъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 51 годъ заслужилъ многочисленныя одобрительныя отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ выписывается во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о высылкѣ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространены нашъ журналъ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1911 году, **пятьдесятъ второй** году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ **Виссаріонѣ**, епископѣ Костромскомъ и Галичскомъ, и прот. **Д. Ѡ. Касицынѣ**, и главная цѣль его будетъ та же, каковая указана покойнымъ митрополитомъ **Филаретомъ** въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду,—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго* и *понятнаго* духовнаго чтенія“.

Въ изданныхъ доселѣ **612** книгахъ *Душеполезнаго Чтенія* уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ, и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присоветовать, что

(См. 3-ю страницу обложки).

О. Іосифъ Оптинскій.

Оптинскій старецъ іеросхимонахъ о. Іосифъ († 9 мая 1911 г.)

Изъ міра скорбей земныхъ Господь призвалъ къ Себѣ одного изъ Своихъ избранниковъ, носителя святоотеческихъ завѣтовъ и преданій—старца іеросхимонаха Іосифа, возросшаго духовно подъ непосредственнымъ водительствомъ великаго старца прошлаго вѣка о. Амвросія, (въ Бозѣ почившаго 9-го октября 1891 года).

Приснопамятный старецъ Іосифъ скончался 9 мая, по достиженіи 73 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ родомъ Харьковской губерніи, Старобѣльской округи, Городищенской волости, слободы Городища. Отецъ его былъ зажиточный крестьянинъ, женатый на дѣвицѣ духовнаго званія—оба строго-православные. Мірское имя его было Іоаннъ Литовкинъ.—Съ юныхъ лѣтъ пріучала его мать къ церкви. Научась въ домѣ родителей чтенію по славянски и по русски, чтенію псалтири и письму, онъ продолжалъ самообразование, читалъ житія св. отцевъ и укрѣплялся въ помыслахъ богоугожденія. Рекрутская повинность задерживала его поступленіе въ монашество до 1860 года. Только лишь въ этомъ году получилъ онъ увольнительное свидѣтельство отъ Харьковскаго Управленія Государственныхъ имуществъ для поступленія въ монашество и рѣшился отправиться къ старцу о. Амвросію.—Всякія препятствія врагъ ставилъ ему: на пути въ Оптину онъ едва не утонулъ: «Господь спасъ тогда меня отъ смерти» сказывалъ о. Іосифъ. На первыхъ порахъ монастырская жизнь показалась новому послушнику тяжелою.—Задумалъ было

онъ итти (какъ и многіе молодые люди) на Аѳонъ. Но прозорливый старецъ о. Амвросій неожиданно прикоснулся сзади рукою къ его спинѣ, со словами: «у насъ лучше, чѣмъ на Аѳонѣ!» Прерванный въ своей мечтѣ о. Іосифъ безпрекословно оставилъ свою мысль и остался у старца о. Амвросія, служа ему до конца жизни келейникомъ, т.-е. до 1891 года, въ полномъ повиновеніи. Во время прихода въ Оптину молодого Ивана Литовкина, настоятелемъ пустыни былъ одинъ изъ первыхъ основателей въ оной старчества, архимандритъ Моисей († 15 іюня 1862); начальникомъ скита и старцемъ былъ іеросхимонахъ Макарій († 6 сентября 1860 г.), приглашенный въ сотрудники іеромонахомъ Леонидомъ первымъ старцемъ пустыни (11-го октября 1841 г.). Всѣхъ этихъ старцевъ глубоко уважалъ Московскій митрополитъ Филаретъ за ихъ подвижническую жизнь, а послѣднихъ двухъ и за труды по переводу и изданію святоотеческихъ книгъ, собранныхъ знаменитымъ въ духовной жизни Паисіемъ Величковскимъ.

Первоначально послушникъ Иванъ былъ принятъ на скитскую кухню, а потомъ, по испытаніи, въ число келейниковъ самого о. Амвросія. Въ руководство къ монашеской жизни дана была ему сперва книга «Поученіе преп. Аввы Дорошея». Въ этой книгѣ не только монахъ, но и каждый православный христіанинъ найдетъ много душеполезныхъ совѣтовъ и наставленій. — Преподобный Авва, обладая глубокимъ вѣдѣніемъ человѣческаго сердца, представляетъ въ книгѣ, съ простотою и ясностію, какъ бы вѣрное зеркало, въ которомъ всякій можетъ увидѣть самого себя, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, найти совѣтъ о томъ, какъ исправить свои душевныя немощи и, при помощи Божіей, достигнуть чистоты сердца и безстрастія.

Какъ малороссъ, о. Іосифъ имѣлъ отъ природы скрытый характеръ, самоуглубленный; — былъ близорукъ; но все это способствовало ему избѣгать неумѣстнаго любопытства и входить въ обсужденіе чуждыхъ дѣлъ. Смире-

ніе же и цѣломудріе дали ему возможность, подъ непосредственнымъ руководствомъ о. Амвросія, скоро достигнуть благодатнаго состоянія, възгрѣваемаго внутреннею постоянною милитвою. Сыновняя преданность о. Господѣ и благоговѣніе къ о. Амвросію со стороны о. Іосифа были безграничны.

Незадолго до кончины старца Амвросія, одинъ послушникъ получилъ слѣдующій урокъ послушанія и кротости, преподанный ему въ лицѣ о. Іосифа. Во время разговора съ о. Амвросіемъ о хозяйствѣ Шамординской Общины, о. Іосифъ высказалъ свое мнѣніе почти тождественное съ предполагавшимся къ исполненію. Вдругъ о. Амвросій, вспыхнувъ, ударилъ о. Іосифа по щекѣ. Послушникъ понялъ, что это преподанъ ему видимый урокъ кротости, выдержанный о. Іосифомъ—іеромонахомъ.

Въ монашество Иванъ Литовкинъ постриженъ былъ 17 іюня 1872 г. съ нареченіемъ имени Іосифъ, рукоположенъ во іеродіакона 9-го декабря 1877 года; во іеромонаха 1-го октября 1884 года.—Послѣ кончины старца о. Амвросія 9-го октября 1891 года, по завѣту его принялъ о. Іосифъ старчество въ Шамординской женской общинѣ со всѣми неоконченными, по ея устройству, дѣлами. Затѣмъ, по кончинѣ скитоначальника, братскаго духовника и старца о. Анатолія 19 марта 1894 года, принялъ должность скитоначальника и братскаго духовника пустыни; но вскорѣ, по болѣзненному состоянію, отъ должностей сихъ уволенъ 18 іюня 1904 года.—Въ теченіе своей службы былъ награжденъ набедренникомъ 15 декабря 1891 года и наперснымъ крестомъ 14 мая 1896 года.

Всю жизнь монастырскую находясь въ келліи старца о. Амвросія, о. Іосифъ постепенно возрасталъ духовно отъ силы въ силу. Восполняя недостатокъ школьнаго образованія чтеніемъ духовныхъ книгъ подъ непосредственнымъ руководствомъ великаго старца, пользуясь его примѣрами по старчеству, получилъ наконецъ благословеніе его на самостоятельное старчество, что и исполнялъ, ко-

вечно, съ совѣтомъ самого великаго старца въ сомнительныхъ случаяхъ (такъ какъ и самъ о. Амвросій совѣтовался въ духовныхъ предметахъ со скитоначальникомъ старцемъ о. Анатолиемъ, бывшимъ студентомъ семинаріи и сотоварищемъ по переводу книгъ подъ наблюдениемъ о. Макарія).

Смиранный видомъ, съ симпатичнымъ тихимъ голосомъ, о. Іосифъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ приходившихъ къ нему за совѣтами. Нѣкоторые протоіереи—митрофорные, случайно съ нимъ говорившіе, цѣнили краткое благодатное слово вразумленія неученаго монаха, (желалъ его совѣта и отлученный отъ церкви Л. Толстой, знавшій его лично).

Совѣты о. Іосифа были кратки; говорилъ немного, но сразу разрѣшалъ недоумѣнные вопросы. Въ его первыхъ словахъ выражалась воля Божія. Если же кто домогался болѣе снисхожденія къ своимъ немощамъ, то онъ уступалъ просьбамъ, но это было уже человѣческое разсужденіе. По вѣрѣ вопрошающихъ онъ иногда предрекалъ будущее, и молитвы его предъ Господомъ не оставались втуне.

Одинъ студентъ просилъ у старца благословенія ѣхать на службу на предложенное мѣсто вдали отъ родины. Но старецъ не далъ благословенія.—«Нѣтъ, сказалъ онъ, отъ своего города далеко не ѣзди». Пришлось по вѣрѣ въ провидательность старца отказаться отъ мѣста и чрезъ это потерпѣть скорби. Но вскорѣ терпѣніе вознаградилось: лучшее мѣсто досталось въ своемъ городѣ.

Объ одной женщинѣ, ближайшей родственницѣ послушнику, страдавшей смертельной болѣзнію очень длительною, послушникъ просилъ молитвъ старца, чтобы Господь прекратилъ страданія болящей. Старецъ заочно сказалъ: «Ее держать нераскаянный грѣхъ». Послушникъ послалъ ей письмо. Больная исповѣдалась, и страданія ея прекратились; умирала спокойно.

Отъ имени одной женщины сельскій священникъ писалъ о. Іосифу слѣдующее: Доходны до Господа молитвы св-

отцовъ, говорить женщина. Тотъ человекъ, о которомъ просила я молитвъ о. Іосифа, былъ горькій пьяница; но теперь уже не пьетъ; ходитъ въ церковь (а прежде не ходилъ), читаетъ хорошія книги и ведетъ самъ свое хозяйство.

Изъ г. Ефремова писали слѣдующее: «Черезъ ваши св. молитвы предъ Богомъ сколько отрады и утѣшенія въ нашей семьѣ. Писали мы вамъ о N., что онъ сильно пилъ и былъ жестокъ въ семьѣ, но теперь, по вашимъ молитвамъ, семья наша счастлива».

Объ одномъ семействѣ, отецъ котораго долго продавалъ, извѣщаетъ священникъ, что «теперь онъ пришелъ; дѣти и жена счастливы. Невольно слезы льются при видѣ всего сбывшагося; какъ же не благодарить Господа, что Онъ, чрезъ ваши молитвы, такъ щедро посылаетъ утѣшенія».

Пишутъ изъ Двинска... По вашему указанію мы отслужили молебень Царицѣ Небесной съ водосвятиемъ, и послѣ того болѣзнь, угрожавшая моему зрѣнію, стала проходить.

Съ 1907 года жизнь о. Іосифа постепенно угасала, но по возможности онъ принималъ къ себѣ богомольцевъ, Шамординскихъ и другихъ сестеръ, и нѣкоторыхъ изъ братій, для благословенія и утѣшенія. И Господь удостоилъ его христіанской кончины мирной, тихой,—напутствованъ былъ часто Св. Тайнами; съ молитвою на устахъ при послѣднемъ вздохѣ, переселился отъ земли въ небесныя обители.

Помолимся о упокоеніи новопреставленнаго раба Божія іеросхимонаха Іосифа, вѣруя, что и онъ помолится объ насъ предъ Престоломъ Господа.

Е. В.

Р. С. Никакихъ дневниковъ не велось у о. Іосифа.

19 $\frac{24}{V}$ 11

Оптина Пустынь.

ХРИСТИАНСТВО И НАУКА ¹⁾.

Какъ объясняется это свидѣтельство? Мы находимся въ благопріятномъ положеніи, имѣя подѣ собою свободную отъ нападеній почву, откуда и можемъ выйти на путь изслѣдованія. Ни одинъ научно образованный человѣкъ въ настоящее время не держится такъ называемой гипотезы обмана. Совершенно отвергнута мысль, будто Іисусъ или Его ученики ввели въ обманъ человѣчество. Іисусъ не могъ находиться въ состояніи обморока и чрезъ это не могъ ввести въ обманъ Своихъ учениковъ. Во-первыхъ, Онъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ висѣлъ на крестѣ, а снятые со креста почти всѣ умирали въ мучительныхъ страданіяхъ; Онъ не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ Своего тѣла; какъ же Онъ могъ вызвать въ Своихъ ученикахъ впечатлѣніе Побѣдителя, торжествующаго побѣду надъ смертію ²⁾? Но важнѣе всего то, что

¹⁾ Продолженіе. См. майскую книжку *Душев. Чтенія* за 1911 г.

²⁾ Гипотезу Шлейермахера и др., будто Іисусъ на крестѣ не умеръ, а только подвергся обмороку и въ такомъ состояніи былъ снятъ со креста и потомъ былъ приведенъ въ чувство,—даже Штраусъ находитъ весьма неудовлетворительной. „Вышедшій изъ гроба полуживымъ, говоритъ онъ, ходящій въ болѣзненномъ видѣ, нуждающійся во врачевныхъ пособіяхъ и уходѣ и наконецъ изнемогающій отъ томительныхъ страданій, І. Христосъ никакъ не могъ бы произвести на учениковъ то впечатлѣніе Побѣдителя смерти и владыки жизни, которое послужило основаніемъ всей дальнѣйшей ихъ дѣятельности. Такое возвращеніе къ жизни только ослабило бы то впечатлѣніе, какое Іисусъ производилъ на учениковъ при своей жизни и смерти, исторгло бы у нихъ плачевные вопли, но никогда не могло бы превратить ихъ скорбь въ воодушевленіе, ихъ почитаніе къ Нему довести до обожанія“. Энцикл. Слов. Брокг. и Ефронъ, т. 13, стр. 241.

Правдивѣйшему изъ всѣхъ людей—Иисусу Христу, никто не рѣшится серьезно приписать пошлый, низкій обманъ. Гипотеза мнимой смерти—нелѣпость.

Точно также нелѣпо утверженіе, будто ученики Его были обманщиками, будто они подкупили стражу и тайно унесли Его трупъ. Какую пользу они могли получить отъ такого обмана? Проповѣдь о Воскресшемъ навлекла на нихъ насмѣшки и издѣвательства, преслѣдованіе и ссылку. Не смотря на все это они непоколебимо утверждали это даже до своей смерти: ихъ за это распинали, имъ за это отсѣкали головы, а они всетаки оставались при своемъ: Онъ воистину воскресъ. Всякій, спокойно разсуждающій, признаетъ и то, что весь характеръ учениковъ Христовыхъ находится въ непримиримомъ противорѣчій съ такимъ объясненіемъ: Петръ, Іоаннъ и Павелъ никакъ не могли быть обманщиками! Гипотеза обмана психологически невозможна, и повтому она и съ научной точки зрѣнія вообще признана непригодной. Такимъ образомъ мы приобрѣли свободную отъ возраженій область: *ученики І. Христа дѣйствительно искренно вѣрили въ воскресеніе своего Наставника.*

Эта вѣра учениковъ требуетъ объясненія. Можетъ быть, ученики впали въ самообманъ. Какъ извѣстно, это не разъ утверждали даже и до послѣдняго дня. Такъ Ренанъ вѣру въ воскресеніе І. Христа объяснялъ изъ галлюцинаціи преданной разврату женщины, за какую онъ несправедливо принимаетъ Марію Магдалину. Болѣе серьезные ученые объясняютъ эту вѣру видѣніями до крайности возбужденныхъ учениковъ. У Павла, говорятъ, видѣніе Воскресшаго произошло во время припадка эпилепсіи ¹⁾!

Спрашивается, возможна ли съ научной точки зрѣнія эта теорія видѣній. Если такое видѣніе было чисто субъ-

¹⁾ „Рукопись“, Жизнь Спасителя въ изображеніи Г. Френсена. Изд. второе, Спб. 1908, стр. 142 ид.

ективного свойства, то оно необходимо должно было имѣть психологическую подготовку. Какимъ образомъ въ душѣ учениковъ Христовыхъ могла возникнуть вѣра въ воскресеніе ихъ Наставника? Говорятъ: она возникла въ ихъ душѣ вслѣдствіе вѣшнаго воздѣйствія, вслѣдствіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ или предсказаній самого Іисуса. Но при этомъ не принимаютъ во вниманіе слѣдующаго: іудейское чаяніе воскресенія мертвыхъ имѣло совсѣмъ земной характеръ; такъ Иродъ думалъ, что въ лицѣ І. Христа возвратился къ земной жизни Іоаннъ Креститель. Греческій же міръ, наоборотъ, предполагалъ, что будетъ продолжаться только жизнь духа. Воскресеніе же Христа, по убѣжденію Его учениковъ, должно было быть тѣлеснымъ воскресеніемъ для вышеземного существованія. Это было вѣчто совершенно новое.—Даже и І. Христосъ никогда не говорилъ о томъ, что Онъ будетъ являться Своимъ ученикамъ; поэтому-то они и могли принимать Его за духа (Лук. 24, 37) и впадать въ сомнѣніе (Мѣ. 28, 17). Какихъ-нибудь вѣшныхъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ возникновенію вѣры въ воскресеніе І. Христа, нигдѣ указать нельзя.

Столь же мало удачной оказывается попытка — приписать ученикамъ такое внутреннее настроеніе, изъ котораго съ психологической вѣроятностью можно было бы объяснить себѣ возникновеніе видѣній и вѣры въ воскресеніе. Все, что мы знаемъ объ ученикахъ Христовыхъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что ужасъ крестной смерти ихъ Наставника совершенно лишилъ ихъ упованія и вѣры въ Него, и всякій безпристрастный человекъ безъ труда согласится съ тѣмъ, что, принимая въ соображеніе всѣ тогдашнія обстоятельства, и невозможно было предположить у нихъ иное состояніе духа. Какимъ же образомъ изъ такого настроенія безнадежности могло, не противорѣча природѣ (*naturgemäss*), возникнуть «чудо». Бьёрнсонъ въ своей драмѣ «Выше нашихъ силъ» съ поэтической истиной изображаетъ намъ, въ какомъ внутреннемъ настрое-

ни должны находиться человѣческія души, чтобы возможность чудесныхъ явленій стала психологически вѣроятною: необходимымъ условіемъ для этого онъ считаетъ пламенное ожиданіе, а не совершенную противоположность ему. Въ особенности можно ли внутреннее настроеніе невѣрующаго Іакова и невѣрующаго Павла считать благопріятной почвой, изъ которой могла бы развиться вѣра въ то, что Воскресшаго видѣли и бесѣдовали съ Нимъ? Для этого надобно было бы предварительно Павла, обладавшаго могущественной силой воли, превратить въ современнаго неврастеника, страдающаго внутреннимъ разладомъ съ собою, какъ это и сдѣлалъ Френсенъ ¹⁾. Къ этому присоединяется и другое затрудненіе: Апостолы имѣли видѣнія и въ иныхъ обстоятельствахъ; но явленій Воскресшаго никогда не считали за одно и то же съ такими видѣніями: они утверждаютъ, что видѣли Его въ дѣйствительности (*leibhaftig*). Наконецъ какъ можно понять то, что одиннадцать и болѣе и даже 500 мужей, обладающихъ здоровыми чувствами, получили одно и то же впечатлѣніе, что Іисусъ стоитъ предъ ними въ тѣлесномъ видѣ и говоритъ съ ними?! Тутъ предполагается не только обманъ зрѣнія, но и обманъ слуха. Здѣсь невозможны никакія аналогіи!

Но если мы даже допустимъ, что данныя объясненія психологически удовлетворительны, допустимъ даже, что въ душѣ учениковъ дѣйствительно совершился этотъ полный переворотъ, что воспламененное ихъ воображеніе въ состояніи было восторжествовать надъ всѣми противодѣйствующими фактами, и въ особенности забыть объ ужасахъ крестныхъ страданій, то все же для того, чтобы совершился этотъ переходъ отъ невѣрія къ самой безусловной вѣрѣ, необходимъ, безъ сомнѣнія, значительный срокъ времени; съ этимъ вполне согласны всѣ. Но вотъ преданіе относительно этого единогласно говоритъ, что Христосъ воскресъ *въ третій день*. Если есть какой-нибудь фактъ,

¹⁾ См. цитир. сочиненіе, стр. 142 ид.

исторически несомнѣнно засвидѣтельствованный, то это есть именно фактъ воскресенія І. Христа въ третій день, потому что это подтверждается не только тѣмъ, что Павелъ узналъ объ этомъ отъ самыхъ древнихъ свидѣтелей—очевидцевъ (1 Кор. 15 гл.), но и самый фактъ воскреснаго дня, празднованіе котораго мы можемъ замѣтить въ самое раннее время апостольской церкви, доказываетъ то, что первыя явленія Воскресшаго не премѣнно произошли уже въ третій день. Могло ли бы воскресеніе вытѣснить іудейскую субботу, если бы оно не было, по всеобщему убѣжденію первыхъ христіанъ, днемъ воскресенія Христа? Мнѣніе, будто праздникъ воскресенія могъ произойти на основаніи словъ Осіи: *оживитъ насъ чрезъ два дня, въ третій день возставитъ насъ, и мы будемъ жить предъ лицемъ Ело* (6, 2),—не болѣе, какъ выдумка современныхъ критиковъ; по словамъ Лусфа, это мѣсто въ древнее время никогда не поставлялось въ связь съ воскресеніемъ Христовымъ, хотя о немъ часто говорили, какъ объ исполненіи ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Такимъ образомъ фактъ воскресенія І. Христа въ «третій день» въ историческомъ отношеніи стоитъ непоколебимо. И вотъ въ это короткое время трехъ дней въ ученикахъ Христовыхъ изъ совершеннаго невѣрія должна была развиться торжествующая надъ смертію вѣра въ воскресеніе Христова! Это — психологическая невозможность; и съ этимъ согласится всякій безпристрастный человѣкъ. Если вѣру въ воскресеніе Христа хотятъ объяснить изъ душевнаго настроенія Апостоловъ, то для этого придется объявить не подлинными самыя достовѣрныя историческія свидѣтельства; но это научно невозможно.

Важности этихъ соображеній не могли отрицать и такіе великіе историки, какъ Адольфъ Гарнакъ. Поэтому они держатся гипотезы такъ называемаго *объективнаго видѣнія*: хотя явленіе Воскресшаго есть видѣніе, т. е. внутреннее созерцаніе—Онъ не находился предъ ними въ тѣлесномъ видѣ, — но это видѣніе не есть и чисто субъектив-

ный образъ фантазіи, но вызывается таинственнымъ воздѣйствіемъ Бога на чувственные органы учениковъ Христовыхъ. Но и это объясненіе, какъ и всякая другая гипотеза видѣнія, оказывается совсѣмъ неудачной при наличности важнаго историческаго факта—того факта, что «гробъ І. Христа оказался пустымъ». Гробъ дѣйствительно былъ пустъ, относительно этого невозможно никакое сомнѣніе. Поставимъ себя въ положеніе учениковъ Христовыхъ: при первомъ извѣстіи, что «въ гробѣ нѣтъ тѣла Іисуса, Онъ воскресъ», каждый изъ насъ изслѣдовалъ бы положеніе дѣла. Невозможно допустить, чтобы апостолы этого не сдѣлали. И совершенно не допустимо, чтобы у нихъ могла возникнуть вѣра въ воскресеніе Іисуса, если бы они нашли гробъ Его не пустымъ. Тогда всѣ явленія Іисуса были бы рѣшительно отвергнуты, какъ привидѣнія.

Точно такъ же была бы прямо невозможна никакая проповѣдь о воскресеніи Христа, если бы гробъ Его на самомъ дѣлѣ не былъ пустымъ. Апостолы въ этомъ случаѣ оказались бы просто въ смѣшномъ положеніи. Стоило открыть гробъ и указать только на трупъ, находящійся за городомъ, — и ложь ихъ была бы обличена. Но гробъ былъ пустъ—это неоспоримый фактъ.

Но какъ гробъ оказался пустымъ? На этотъ вопросъ необходимо долженъ быть данъ отвѣтъ. Что Іисусъ, пробудившись отъ обморока, не могъ скрыться, что точно такъ же и ученики Его не могли совершить такого обмана, мы показали это выше. Кто же въ такомъ случаѣ могъ унести изъ гроба тѣло Іисусово? Его враги? Но тогда эти лукавые іудеи оказались бы совершеннѣйшими глупцами! Тогда бы они только самимъ себѣ нанесли смертельный ударъ. Сначала они употребили бы всевозможныя средства, чтобы отправить этого Іисуса на тотъ свѣтъ, а потомъ опять умышленно сами искусственными средствами вызвали бы Его къ жизни! По крайней мѣрѣ вполнѣ въ послѣдствіи, когда ученики Іисуса открыто обвиняли ихъ въ

убіеніи Мессіи, они выдали бы себя и показали бы трупъ. Слѣд. это предположеніе невозможно.—Остается еще только одинъ: владѣлецъ сада Іосифъ Аримаѳейскій! Но дѣлающіе такое предположеніе и сами чувствуютъ всю его невѣроятность. Этотъ ученикъ прежде всѣхъ имѣлъ мужество просить тѣла Іисуса, когда всѣ другіе разбѣжались отъ Него. Какъ сильно долженъ былъ онъ любить своего Наставника, чтобы поступить такъ, не обращая вниманія на ненависть Іудеевъ! А потомъ, раскаившись въ своей любви, онъ долженъ былъ бы унести трупъ Своего прежде столь сильно любимаго Наставника и тайно скрыть Его. Несомнѣнно, ни одинъ ученикъ Іисуса не былъ бы въ состояніи поступить такимъ образомъ! Или можетъ быть онъ сдѣлалъ это по страху предъ сочленами синагога? Можетъ быть въ послѣдствіи подъ вліяніемъ угрозъ съ ихъ стороны онъ потерялъ мужество и скрылъ трупъ? Тогда онъ непременно довелъ бы объ этомъ до свѣдѣнія враговъ Іисуса; потому что цѣль сокрытія трупа состояла бы именно въ томъ, чтобы при обнаруженіи ихъ вражды къ нему онъ могъ во всякое время, для своего оправданія, сослаться на это. И до невѣроятности глупыми оказались бы первосвященники, если бы они при первой же проповѣди апостоловъ о воскресеніи Христа не объявили предъ всѣми о всемъ этомъ происшествіи? И что помѣшало бы имъ сдѣлать это? Такимъ образомъ и эта попытка объясненія оказывается совершенно несостоятельной. Фактъ, что во гробѣ не оказалось тѣла Іисуса, не поддается никакому объясненію. Онъ противорѣчитъ и вышеупомянутой гипотезѣ объективнаго видѣнія. Онъ находится въ согласіи только съ пасхальнымъ благоговѣніемъ: воистину Онъ воскресъ!

Сказанное я выражаю кратко: невозможно, чтобы ученики Іисуса были обманщиками; они сами вѣровали въ воскресеніе Его; эту вѣру никакъ невозможно объяснить изъ чистыхъ галлюцинаній, не впадая въ противорѣчіе съ фактами психологіи; возможность такого объясненія въ

частности устраняется опредѣленнымъ извѣстіемъ: «въ третій день». Невозможна также и гипотеза объективнаго видѣнія, потому что она не принимаетъ во вниманіе факта пустаго гроба. Послѣ всего этого не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ факты говорятъ за истину благоговѣстія о воскресеніи І. Христа въ тѣлесномъ видѣ; отрицаніе ея приводитъ къ величайшимъ историческимъ затрудненіямъ.

Конечно, окончательное сужденіе о томъ или другомъ отдѣльномъ историческомъ событіи можетъ быть произнесено только тогда, когда оно разсматривается въ той связи, въ какой оно находится. Если воскресеніе Христово мы будемъ разсматривать въ связи съ *предшествующими* ему и *послѣдующими* за нимъ историческими событіями, то результатъ критическаго изслѣдованія вслѣдствіе этого получить только бѣольшую несомнѣнность, а равно пріобрѣтеть бѣольшую вѣрность. Несомнѣнно, воскресеніе Христово есть и остается недостижимымъ, необычайнымъ чудомъ! Но вы обратите свое вниманіе на то, не обладаетъ ли необычайнымъ величіемъ и Лицо Того, о Комъ разсказывается столь необычайное чудо? Если мы живо представимъ себѣ І. Христа такимъ, какимъ изображается намъ Его неподражаемый образъ на страницахъ Новаго Завѣта, если представимъ себѣ этого Господа и Владыку съ Его властью надъ людьми, съ Его свободой,—этого самаго Сильнаго и Смѣлаго, самаго Чистаго и Безкорытнаго между всѣми людьми, эту царственную, божественно высокую фигуру,—то найдемъ ли гдѣ нибудь подобнаго Ему? Можетъ статься, въ этомъ необычайномъ образѣ Иисуса и сверхестественное «покажется намъ не болѣе какъ естественнымъ»!—И Онъ Самъ безусловно увѣренъ былъ въ томъ, что Ему предстоитъ другая, высшая жизнь и дѣятельность. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только отдѣльныя Его слова ¹⁾, но и

¹⁾ См. Душепол. Чт. мартъ 1911 г. стр. 371—372. Примѣч. перевод.

все Его поведеніе; въ Своихъ ученикахъ Онъ не развиваетъ самостоятельности, но дѣлаетъ ихъ все болѣе не-самостоятельными: Онъ привязываетъ ихъ къ Себѣ, такъ что безъ Него они уже были не въ силахъ начать свою дѣятельность въ мірѣ. Ужели это была близорукость съ Его стороны? Но кто рѣшится приписать это Наставнику всякаго воспитанія? Нѣтъ, Онъ зналъ, что Онъ пребудетъ съ ними во вся дни до скончанія вѣка. Къ этому присоединяется другое противорѣчіе: Онъ хочетъ быть спасителемъ всего міра, и однакожъ Онъ ограничиваетъ Свою дѣятельность Израилемъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше замыкается Онъ въ тѣсномъ кружкѣ—и несмотря на то Онъ твердо предъявляетъ Свои ко всему міру относящіеся требованія. Какъ объяснить все это? Для этого есть только одно объясненіе: Онъ зналъ, что Онъ воскреснетъ для міровой дѣятельности.

И не оправдали ли Его *историческія событія послѣ Его смерти*? Его ученики вѣрують, что Онъ воскресъ, и будучи слабыми, презрѣнными іудеями, завоевываютъ Своему Господу гордый своею образованностью древній міръ. Это, по сужденію Паульсена ¹⁾, «самое поразительное изъ всѣхъ событій». И когда Римъ и Греція пали во время бури переселенія народовъ,—надъ побѣдителями побѣдителемъ оказался Распятый. Представьте себѣ исторію Германіи безъ христіанства—что останется тогда отъ среднихъ вѣковъ, отъ времени реформаціи и даже отъ новѣйшаго времени? Часто оставляютъ безъ вниманія тотъ фактъ, что вѣроисповѣдная противоположность между протестантами и католиками, а рядомъ съ этимъ противоположность между христіанствомъ и антихристіанствомъ управляетъ нашей народной жизнью даже и въ настоящее время. Войны 1866 и 1870 гг., и по мнѣнію Бисмарка, въ глубочайшемъ своемъ основаніи не были ли войнами религиозными? Не такія ли же отношенія замѣчаются и

¹⁾ Паульсенъ, Основы этики 1906 г., стр. 101. Примѣч. переводч.

вообще въ области всемірной исторіи? Здѣсь мы упомянемъ только объ одномъ событіи: боксерское возстаніе въ Китаѣ не было ли также возмущеніемъ языческаго народнаго духа противъ духа Іисуса Назарянина? Гѣте не грѣшитъ противъ правды, утверждая: «истинной, единственной и глубочайшей темой исторіи міра и челоувѣчества, которой подчинены всѣ остальные, всегда бываетъ борьба между невѣріемъ и вѣрой». Но эта борьба все болѣе и болѣе превращается въ борьбу за и противъ І. Христа. И вотъ предъ нашими глазами совершается чудо: несмотря на величайшее противодѣйствіе, несмотря на ужасныя избиенія христіанъ, одинъ народъ за другимъ однакожь открываетъ доступъ въ свою среду Распятому. Да, нѣтъ ни одного народа на землѣ, который могъ бы устоять противъ плѣнительной силы Его Образа. Съ неодолимой силой Онъ пріобрѣтаетъ владычество надъ совѣстью людей, такъ что для того, чтобы только избавиться отъ власти Іисуса, они должны бывають умертвить свою совѣсть. Какъ объяснить то, что никто изъ всѣхъ умершихъ и живыхъ не возбуждаетъ противъ себя столь сильной ненависти, какъ этотъ «умершій Іисусъ», такъ что многіе и въ настоящее время приходятъ въ бѣшенство при одномъ только упоминаніи Его имени? Развѣ въ иныхъ случаяхъ приходятъ въ столь страшное раздраженіе изъ-за умершихъ, — изъ-за людей, скончавшихся за тысячеклѣтія предъ симъ? И какъ объяснить то, что даже и въ нынѣшнее время для многихъ тысячъ людей Іисусъ бываетъ дороже и цѣннѣе, чѣмъ ихъ собственная жизнь, что за Него только въ одномъ 1900 году умерло болѣе 16 тысячъ китайцевъ? Вѣдь для нихъ Онъ былъ болѣе прочнымъ благомъ, чѣмъ все другое, и Его жизнь драгоцѣннѣе, чѣмъ ихъ собственная.

Но все это имѣетъ свое основаніе въ пасхальномъ благовѣстіи: Христось воскресъ! Безъ этой вѣры никогда не возникло бы христіанство. И ужели эта вѣра со всѣми ея необычайными, необозримыми послѣдствіями, эта вѣра,

властно опредѣляющая положительно или отрицательно жизнь человѣчества, народовъ, отдѣльныхъ личностей, можетъ утверждаться на галлюцинаціи, даже на бредовой мечтѣ эпилептика, какъ старается внушить намъ Френсенъ подъ вліяніемъ своихъ наставниковъ?! Этому никто не можетъ повѣрить. Какъ бы то ни было, но вѣдь между причиной и слѣдствіемъ должно находиться соотвѣтствіе. Столь великая всемірноисторическая реальность, какую представляетъ изъ себя церковь Христова, никакъ не можетъ утверждаться на простой мечтѣ воображенія. Недопустимо, чтобъ проповѣдь о воскресеніи І. Христа можно было счесть «за величайшій всемірноисторическій обманъ» (Humbug, Ренавъ). Еще разъ спрашиваю: каково же положеніе дѣла? Говорятъ, что Іисусъ умеръ тысячелѣтія назадъ, а Онъ и доселѣ все еще живъ. Хотятъ, забывая о Немъ, перейти къ текущимъ дѣламъ,—а Онъ все болѣе и болѣе становится въ центрѣ всемірной исторіи. Исторія христіанства, а равно исторія человѣчества превращается въ совершенную загадку, если Онъ не воскресъ. Всѣ факты исторіи настойчиво говорятъ: Христосъ отнюдь не умеръ, Онъ живетъ!

2.

Всѣ эти историческія свидѣтельства хотятъ безъ церемоніи отвергнуть на основаніи общихъ соображеній, исходя изъ *основъ міровоззрѣнія*. Возстаютъ и противъ ученія о безсмертіи вообще, и въ частности противъ воскресенія тѣла для новой вышеземной жизни.

Эти возраженія извѣстны: «нѣтъ никакой загробной жизни», потому что мы не имѣемъ о ней никакого опытнаго знанія. Поэтому никакой дуализмъ недопустимъ; монизмъ есть единственное научное міровоззрѣніе. Но вмѣстѣ съ ученіемъ о загробной жизни падаетъ и ученіе о безсмертіи души. Она привязана и остается привязанной къ своей матеріальной основѣ; съ разрушеніемъ тѣла разрушается и она. — Совершенно невозможно и воскресеніе

тѣла: оно находится въ противорѣчii со всякимъ опытомъ: никогда не бывало, чтобы мертвецъ оживалъ! Оно противорѣчитъ и всему совершающемуся въ природѣ: воскресшее тѣло было бы оторвано отъ всякой естественной связи и такимъ образомъ нарушило бы весь строй естественной жизни.

Возраженія эти отличаются большою ясностью! Но все-таки мы присмотримся къ нимъ повнимательнѣе. При этомъ мнѣ необходимо сослаться на результаты раннѣйшаго изслѣдованія. Доказано ли дѣйствительно научнымъ образомъ, что нѣтъ никакой загробной жизни, т.-е. нѣтъ никакой другой дѣйствительности, кромѣ той, съ которою мы встрѣчаемся въ этомъ мiрѣ? Совсѣмъ напротивъ: мiръ не можетъ быть объясненъ изъ самого себя, слѣдовательно достаточнаго основанія его бытiя надобно искать внѣ его. Законъ разсѣянiя энергiи въ пространствѣ (Entropiegesetz) требуетъ, чтобы мiръ имѣлъ начало, которое находится внѣ его, слѣд. въ потустороннемъ мiрѣ. Какъ существованiе, такъ и фигура вселенной указываютъ на нѣчто, внѣ ея существующее: стремленiе матерiи—отъ хаоса перейти къ порядку не можетъ быть объяснено изъ нея самой. Точно такъ же происхожденiе, сохраненiе, развитiе жизни остается совершенной тайной безъ предположенiя трансцендентнаго творческаго ума: паровая машина никогда не можетъ произойти благодаря простому случаю; тѣмъ менѣе своимъ происхожденiемъ можетъ быть обязанъ случаю несравненно болѣе тонкiй механизмъ вѣточекъ. Въ особенности же душа и въ частности духъ челоуѣка не могутъ быть объяснены изъ матеріальнаго мiра: духъ челоуѣка есть мiръ особенный (für sich), самостоятельный, несмотря на многостороннюю свою зависимость отъ физическихъ явленiй. Откуда происходитъ онъ? По мнѣнiю психофизическаго параллелизма, онъ возникъ съ самаго начала одновременно со всѣмъ физическимъ быванiемъ (Geschehen). Но это неосновательное исполненное натяжекъ ученiе о психизмѣ все болѣе и болѣе оказывается несостоятель-

нымъ. Но тогда гдѣ же причина того, что вдругъ возникаетъ духъ? Рядомъ съ этимъ міромъ явленій и позади него долженъ быть другой міръ, изъ глубинъ котораго и происходитъ духъ. Такимъ образомъ научное знаніе повсюду настойчиво требуетъ предположенія о существованіи потусторонней жизни, другого міра, въ которомъ нашъ видимый міръ имѣетъ свое основаніе и опору. Но тогда вѣра въ воскресеніе Христа въ этомъ отношеніи отнюдь не находится въ противорѣчій съ истинно-научнымъ познаніемъ; напротивъ, если духъ происходитъ изъ другого міра, то послѣдовательное мышленіе непременно придетъ къ выводу, что онъ и опять войдетъ въ него. Поэтому зерно нашего существа не подчинено смерти.

Въ пользу этого говорить и наше непосредственное чувство. Не продолженіе нашей жизни, но ея прекращеніе остается непостижимымъ и непонятнымъ для насъ. Для непосредственнаго сознанія смерть никогда не кажется естественною, но всегда является неестественною, противоестественною. Къ мысли о смерти человѣкъ приходитъ никакъ не путемъ чистаго мышленія, чрезъ углубленіе въ себя самого, а только путемъ вѣшняго опыта. Смерть всегда остается для насъ явленіемъ неестественнымъ, психологически необъяснимымъ, а еще болѣе необъяснима, какъ явленіе физиологическое, смерть отъ старости, о чемъ была рѣчь раньше. Во всякомъ случаѣ противъ ученія о продолженіи жизни души за предѣлами этой земной жизни нѣтъ никакого убѣдительнаго научнаго доказательства.

Тѣмъ большимъ возраженіямъ со стороны науки, по видимому, должна подвергнуться *вѣра въ тѣлесное воскресеніе Христа*. Здѣсь высказываютъ сомнѣніе относительно двухъ пунктовъ: во-первыхъ, не хотятъ допустить, чтобы разъ умершее тѣло опять могло ожить и потомъ, чтобы это опять ожившее тѣло могло явиться въ состояніи просвѣтленія.

Этихъ затрудненій, по видимому, избѣгаетъ прежде упо-

янутая гипотеза объективнаго видѣнія. Она предполагаетъ, что тѣло Христово, какъ и всякое другое мертвое тѣло, подверглось тлѣнію; но духъ Его пребылъ живымъ и какъ таковой обнаружилъ свое дѣйствіе въ сердцахъ и чувствахъ Его учениковъ. Но достигаемая чрезъ это выгода только кажущаяся. Уже было упомянуто, что эта гипотеза, рассматриваемая съ исторической точки зрѣнія, находится въ противорѣчій съ показаніями достовѣрныхъ свидѣтелей, а въ особенности съ тѣмъ фактомъ, что гробъ Христовъ найденъ пустымъ. Но и въ философскомъ отношеніи чрезъ эту гипотезу ничего не достигнуто. Потому что чисто духовная загробная жизнь человѣка по сознанію современныхъ людей кажется похожею на жизнь призраковъ и тѣней, гораздо менѣе мыслимою, чѣмъ жизнь духовно-тѣлесная. Пусть чистый духъ и существуетъ,—но во всякомъ случаѣ это — уже не человѣкъ. Къ тому же христіанинъ ничего не хочетъ знать о «тѣхъ, кто презираетъ тѣло». Такимъ образомъ чрезъ упомянутую гипотезу въ сущности ничего не пріобрѣтается ни въ историческомъ, ни въ философскомъ отношеніи.

Но здѣсь идетъ рѣчь о *возвращеніи къ жизни мертвѣго тѣла*. Что это находится въ противорѣчій съ нашимъ доселѣшнимъ опытомъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Но ужели оно немислимо и на основаніи нашего теперешняго научнаго познанія? Что такое жизнь? Я повторяю слова одного величайшаго изъ всѣхъ физиковъ: «Всѣ живыя существа находятся въ зависимости отъ постоянно дѣятельнаго Творца и Законодателя» (Томсонъ). Жизнь объясняется только изъ непрерывнаго вліянія Бога — по выраженію Э. Гартмана — «Безсознательнаго» — на организмъ. Прекращеніе этого воздѣйствія есть смерть; возобновленіе его было бы воскресеніемъ тѣла. Одно не менѣе чудесно и непонятно, чѣмъ другое. Нужно только отказаться отъ глупаго предубѣжденія, будто вещь становится понятною для насъ отъ того, что мы привыкли къ ней. Хотя воскресеніе тѣла Христова есть нѣчто необы-

чайное, но оно не находится въ столь совершенномъ противорѣчii съ результатами биологическаго изслѣдованiя, чтобъ можно было признать его неразумнымъ.

Такъ же обстоитъ дѣло при другомъ поставленномъ здѣсь вопросѣ: *мыслимо ли съ научной точки зрѣнiя преобразование тѣлесной природы Иисуса?* Что такое въ самомъ дѣлѣ матерiя? Новѣйшая физика и химiя согласно съ философiей на этотъ вопросъ даютъ слѣдующiй отвѣтъ: устойчивая, локализованная энергiя въ отличiе отъ энергiи свободной, которая не можетъ твердо удерживаться въ одной формѣ (Э. Гартманъ, Оствальдъ). И если далѣе задается вопросъ, какими свойствами обладаетъ эта энергiя, то на него есть только одинъ отвѣтъ: духовными свойствами. Нужно только имѣть мужество отнести съ довѣрiемъ къ этому научному знанiю и, говоря словами Гартмана, отбросить «суевѣрiе относительно субстанціональности матерiи», — и тогда можно будетъ согласиться съ мыслью: если матерiя нашего тѣла обладаетъ духовными свойствами, то что препятствуетъ тому, чтобъ она, не утрачивая своей внутреннѣйшей сущности, еще болѣе одухотворилась, т. е. приблизилась къ сущности духа, отрѣшилась отъ матеріальности, преобразилась?

При этомъ конечно предполагается, что духъ можетъ воздѣйствовать на матерiю. Непосредственный опытъ съ неотразимой силой говорить въ пользу этого, и философская наука, какъ было доказано выше, вынуждена была постепенно подчиниться этой силѣ фактовъ. Рѣшительно нельзя понять того, какъ философы могутъ приписывать духовную природу даже матерiи и въ то же время взаимодѣйствiе между духомъ и веществомъ опровергать при помощи догмы: «физическое дѣйствiе должно имѣть физическую причину!» Вѣдь матерiя въ существѣ своемъ родственна духу! Слѣдовательно есть полная возможность думать, что духъ имѣетъ власть надъ матерiей, по существу своему сродной съ нимъ. Безъ сомнѣнiя это есть фактъ опыта уже и въ этой жизни, съ тѣмъ только раз-

личіемъ, что здѣсь на землѣ матерія еще противится духу, еще не вполне находится въ его власти. Вотъ это-то полное подчиненіе матеріальныхъ силъ тѣла духу и утверждается нами, когда мы говоримъ о преобразеніи воскресшаго тѣла Иисуса Христа. Его тѣло освободилось отъ границъ матеріи и сдѣлалось покорнымъ орудіемъ Его духа. Очевидно, это состояніе ничуть не противорѣчитъ теперешнему: оно есть только его совершенная форма. Конечно тутъ есть нѣчто новое, но нѣтъ ничего противостественнаго, а есть только сверхъестественное, нѣтъ никакого противорѣчія существующему творенію, а есть только его завершеніе. Чрезъ то, что Богъ производитъ это состояніе, Онъ не становится въ противорѣчіе съ самимъ Собою, а только приводитъ Свое созданіе къ той цѣли, къ которой оно Имъ предназначено, и достигаетъ этого именно въ Немъ, второмъ Адамѣ, Родоначальникѣ новаго человѣчества, Первенцѣ изъ мертвыхъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что съ этимъ вмѣстѣ произошло «разрывъ въ природной связи явленій»: тѣло Иисуса Христа выдѣляется изъ этого міра; слѣдовательно происходитъ — я высказываю это безъ всякаго колебанія, — уменьшеніе матеріи и силы. Но и это не есть нѣчто неслыханное, невозможное. Хотя новѣйшая психологія не хочетъ допустить принципиально невозможнаго для нея преобразованія физической энергіи въ психическую, но все же, какъ это было доказано нами выше, она должна признать то, что физическая энергія исчезаетъ, когда вызываетъ психическую, и наоборотъ. Законъ сохранения энергіи имѣетъ силу только въ области чисто физическихъ явленій. Слѣдовательно не существуетъ никакого убѣдительнаго научнаго доказательства, которое можно было бы съ успѣхомъ выставить противъ ученія вѣры о томъ, что Христосъ воскресъ въ преобразонномъ тѣлѣ, которое возвысилось надъ законами природы и сдѣлалось вполне подчиненнымъ и покорнымъ духу.

Наконецъ все завершается вопросомъ: существуетъ ли

живой личный Богъ, — Богъ, имѣющій власть—влиять на жизнь природы,—Богъ, все сохраняющій Своимъ всемогуществомъ и творящій новое по Своей волѣ? Если существуетъ такой Богъ, то кто осмѣлится оспаривать эту власть у Господа вселенной, а жалкому человѣку приписывать ее? «Если простое намѣреніе, говоритъ Паульсенъ, можетъ привести въ движеніе молекулу мозга, то оно точно такъ же можетъ передвинуть гору или вывести луну изъ ея орбиты». Теоретически никто не можетъ оспорить возможность чуда вообще и въ частности чуда воскресенія І. Христа. Если присмотрѣться ближе, то окажется, что здѣсь ведется борьба не посредствомъ дѣйствительно научныхъ доказательствъ, а только при помощи догматическихъ опредѣленій (*Machtsprüche*). Новѣйшій безпристрастный агностикъ долженъ признать, что воскресеніе Христа съ научной точки зрѣнія *мыслимо*.

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

Терпя неудачу въ тѣхъ или другихъ горячихъ своихъ желаніяхъ и мечтаніяхъ, мы должны утѣшать себя нашимъ непостоянствомъ и измѣнчивостію нашихъ отношеній къ желаемому и ожидаемому. Какъ часто, спустя нѣкоторое время, иногда самое малое, мы уже не такъ сильно желаемъ прежде горячо желаннаго, не такъ скорбимъ о неполученіи его, а иногда даже и Бога благодаримъ, что не пришло желаемое.

* * *

Узы земныя, узы заботъ о временномъ опутываютъ меня, какъ веревки ноги коню, но рвется мой духъ къ Тебѣ, Господи! Немощи тѣлесныя и расслабленіе душевное держатъ меня въ бездѣйствіи или малодѣйствіи и плоходѣйствіи. Но Ты, Господи, сила и помощь моя! Ты помоги мнѣ и укрѣпи меня, да благоугожду Тебѣ жизнію моею, всецѣло Тебѣ преданною.

* * *

Господи! *«Яко Царя сляща, воины Тя стрежаху, и яко живота сокровище, печатію печаташа...»* Думаютъ сдѣлать одно, а дѣлаютъ другое. Думаютъ нанести позоръ, причиняютъ большую славу. Выражаютъ презрѣніе и осторожность, какъ къ человѣку опасному, а выходятъ—почетъ заслуженная и достойнѣйшая, какъ не только не къ опасному для другихъ человѣку, но и величайшему

для всѣхъ Благодѣтелю. Царь царей спитъ сномъ живительнымъ для насъ, смертельно болящихъ грѣхомъ,—оттого и стража почетная. Сокровище жизни нашей заключается во гробъ и тѣсной пещерѣ,—оттого и печати вышшихъ властей человѣческихъ.

* * *

Благодать Божія оставляетъ иногда насъ, чтобы мы сами погрудились въ дѣлѣ спасенія нашего, или чтобы убѣдились, какъ мы въ ней нуждаемся, какъ мы безпомощны и слабы при своей немощи и грѣховности нашей природы, или еще—чтобы сохранить насъ неосужденными за грѣховность по дарованіи благодати, ибо тѣмъ больше мы оскорбляемъ Бога и заслуживаемъ осужденія и отверженія, если грѣшимъ и измѣняемъ Богу при благодатныхъ дарованіяхъ, долженствующихъ усиленно влечь насъ къ отвѣтной любви къ Богу. Наконецъ, благодать Божія не только оставляетъ насъ, но и попускаетъ даже наши паденія для того, чтобы мы смирились и уврачевались въ нашей гордынѣ, высокоуміи и самомнѣніи, и чтобы послѣ паденія усугубилась наша пламенная любовь и ревность къ богоугожденію, какъ было съ Петромъ апостоломъ послѣ отреченія.

* * *

Паденіе на землѣ не то, что паденіе съ высоты. Такъ неодинаковы и паденія людей—гордаго и смиреннаго. Смиренному не далеко падать: онъ и такъ считаетъ себя ниже всего живущаго и ходящаго на землѣ. А гордый—вѣдь онъ иногда на небѣ себя мнитъ, и паденіе съ такой высоты, конечно, ужаснѣе и гибельнѣе для падающаго.

* * *

Отъ твоихъ трудовъ, усилій, борьбы, подвига зависитъ степень будущей славы и блаженства. Чѣмъ острѣе оттачивается пила, тѣмъ глубже вонзается она въ дерево.

Такъ и тутъ. Чѣмъ больше оттачивается сердце и душа чловѣка подвигами терпѣнія и богоугожденія, тѣмъ большую способность получаютъ они проникать въ познаніе сладости и общенія Божества.

* * *

Господь посылаетъ смерть младенцамъ и недоросткамъ въ предвидѣніи того, что они могли бы потерпѣть сами или причинить другимъ, и прежде всего родителямъ, злого и печальнаго въ будущемъ. Не плачьте же, теряющіе дѣтей! Вы теряете ихъ для земли—въ самой вѣрной надеждѣ сберець для неба и вѣчной блаженной жизни.

* * *

«Горе тебѣ, душе, яко вѣдущи согрѣшаеши! Горе тебѣ, душе, яко и еще не пристаеши, согрѣшающа! Горе тебѣ, душе, яко согрѣшиши и еще прилагаеши! Горе тебѣ, душе, яко прилагающи не стыдишися, но и ины грѣхи прилагаеши!.. Горе тебѣ, душе, ни сего помнѣши, яко аще кто согрѣшитъ къ Богу, той праздника на земли не имать, но плачь всегда и сокрушеніе сердца!..» (Прол. 27 окт.).

Слышите ли, грѣшныя? Слышишь ли, окаянная душа моя? *Нѣтъ праздника* Божія на землѣ тому, кто грѣшенъ предъ Богомъ. Тому, какъ Адаму по наденіи, плачь и сокрушеніе сердца. А у насъ—всегда смѣхъ, всегда праздность.

* * *

Съ презрѣніемъ отнесись къ грязнымъ нашептываніямъ, помысламъ и образамъ грѣха и грѣховнаго. Вѣрь, что грѣхъ въ дѣйствительности вовсе не таковъ, какимъ рисуетъ его помысль и внушеніе врага. Грѣхъ подобенъ тому Содомскому яблоку, которое на видъ отличалось замѣчательною красотою, но взятое въ руки—распадалось, издавая невыносимый смрадъ и пыль. Побѣди же врага презрѣніемъ его внушеній. Это великая и пріятная Богу побѣда и жертва.

* * *

Апостолы съ огненными языками Духа Святаго на главахъ—какая трогательная, пылающая и попаляемая Богомъ жертва человечества Богу! Это какъ бы живые факелы и свѣщи, возженные за насъ предъ Всевышнимъ и посланныя отъ Него—освѣтить и прогнать тьму нечестія и мракъ отчужденія отъ свѣта и святости Божіей.

* * *

«*Нерадивый въ работѣ своей — братъ расточителю*» (Притч. Солом. 18, 10). Расточитель расточаетъ уже нажитое богатство, а нерадивый—хотя еще не нажитое но такое, которое несомнѣнно могло бы быть нажитымъ, при усердіи и трудахъ. Всѣ мы — великіе расточители и духовнаго и всякаго богатства. Духовно—какія блага могли бы мы извлечь и не извлекаемъ, показываютъ примѣры св. Угодниковъ Божіихъ, подвизавшихся въ подобныхъ нашимъ тѣлахъ. Много губимъ мы силъ своихъ и богатства—лѣнностію и бездѣйствіемъ, тогда какъ другіе, не зная дня и ночи покоя, трудятся до изнеможенія иногда въ мѣнѣ важныхъ дѣлахъ, восхищая отъ насъ не только земныя богатства, но и Царствіе Божіе.

* * *

«*Кто за добро воздаетъ зломъ, отъ дома того не отойдетъ зло*». (Притч. 17, 13). Такъ, воздающему за добро зломъ, можно сказать: пожалѣй себя самого, пожалѣй собственный домъ: себя губишь, себя дѣлаешь зло. Такъ и во всякомъ злѣ ближнему нашему мы готовимъ себя большее зло, какъ законное и неумолимое возмездіе за нарушение заповѣди Господней о любви.

* * *

Святые Апостолы дѣлали великое, святое, спасительное дѣло Божіе. Казалось бы, тутъ-то особенно Господь и долженъ бы былъ повсюду благословлять явнымъ и полнымъ успѣхомъ это дѣло, помогать ему во всемъ, устра-

нять всё прелятствія. И однако — послушайте, сколько бѣдъ и скорбей перечисляетъ Апостоль въ числѣ едва преодолимыхъ препятствій великому дѣлу Божию: «труды, раны, темницы, смертельныя приключенія, побои палками и камнями, утопаніе въ морѣ, бѣды въ рѣкахъ, бѣды отъ разбойниковъ, бѣды и отъ сродниковъ, бѣды отъ язычниковъ, бѣды въ городахъ, бѣды въ пустыняхъ, бѣды въ моряхъ, бѣды во лжебратіи»... (2 Кор. 11, 24 и дал.). И ко всему этому еще «пагостникъ плоти». Что же это значить? Отчасти объясняетъ Господь, отвѣтившій на троекратныя мольбы Павла: *«довлѣтъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается»*... Такъ и у насъ: когда, несмотря на всё мольбы,—бѣды, скорби и болѣзни не покидаютъ насъ, это *сила Божія въ нашей немощи* очищаетъ насъ отъ грѣховъ, искупляетъ ихъ нашими бѣдами, убиваетъ пристрастія земныя, рождаетъ стремленія горѣ, уничтожаетъ самонадѣянность и высокоуміе, вселяетъ покорность и терпѣніе, *отнимаетъ земное, даетъ небесное*.

* * *

«Возвесели сердце мое, во еже бояться Имене Твоего»... Веселіе и боязнь—богобоязненность. Это вполне возможно, хотя и пишется: *«страха нѣтъ въ любви, ибо совершеннѣйшая любовь вонъ изгоняетъ страхъ»*... Страхъ Божій есть особаго рода страхъ, не только не исключающій любви, но прямо изъ нея вытекающій. Такъ же точно и веселіе сердца: въ боязни Божіей и есть веселіе сердца; богобоязненное сердце собственно не есть боязнь Бога, а скорѣе — боязнь діавола, какъ бы онъ не исторгнулъ насъ отъ радости Божіей и отъ милостей Вышняго. Это заставляеть ограждатьъ насъ страхомъ потери Господа и наоборотъ — въ чувствѣ обладанія Имъ радоваться и веселиться сердцемъ, что страхъ Божій уничтожаетъ страхъ діавольскій — опасность потерять Господа и благовolenіе Его.

* * *

«Иной человекъ искусенъ и многихъ учитъ, а для своей души бесполезенъ»... (Сир. 37, 22). О, горе мнѣ! Нашелъ я въ Словѣ Божіемъ и о себѣ пророческое вразумленіе и указаніе. Дѣйствительно, дерзая учить, я для своей собственной души совершенно пребываю бесполезенъ своими назиданіями, иногда прямо къ самому мнѣ мною и относимыми.

А. I.

Къ исторіи происхожденія образа Пресвятыя Богородицы „Прибавленіе ума“.

Въ русскомъ археологическомъ музеѣ, устроенномъ настоятелемъ берлинской посольской церкви о. протоіереемъ Алексѣемъ Петровичемъ Мальцевымъ, находится образъ Божіей Матери, имѣющій очень большое сходство съ разсматриваемымъ въ сентябрьской книжкѣ *«Душеполезнаго Чтенія»* прошлаго года въ статьѣ *«Образъ Пресвятыя Богородицы Прибавленіе ума»*. Хотя на этомъ образѣ стоитъ совершенно другая надпись, тѣмъ не менѣе, думаемъ мы, описаніе его можетъ имѣть значеніе для исторіи происхожденія иконъ *«Прибавленіе ума»* и ихъ связи съ католическими изображеніями Божіей Матери.

Икона эта принесена въ даръ вышеупомянутому музею 11 іюня 1899 г. Александромъ Васильевичемъ Паталѣевымъ. На первый еще взглядъ бросается въ глаза ея большое сходство съ приводимымъ Андр. Александровичемъ Титовымъ рисункомъ въ указанной книжкѣ *«Душеполезнаго Чтенія»*. И здѣсь — на иконѣ берлинской коллекціи — Божія Матерь одѣта въ эллипсоидную длинную безъ разрѣза одежду, вверху узкую, а внизу постепенно расширяющуюся. На ней отѣнены 13 дугообразныхъ поперечныхъ полосокъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными, изображенными въ краскахъ камешками, послѣ седьмой (сверху) изъ которыхъ нарисованы три маленькихъ креста, съ жемчужными (нарисованными) вѣнками вокругъ, а послѣ восьмой — побольшій крестъ съ двумя малевькими по сторонамъ. Божія Матерь стоитъ надъ старинными

укрѣпленіями, съ Младенцемъ въ рукахъ, окруженная херувимами, по два съ обѣихъ сторонъ и тремя надъ головой. Находящіеся по сторонамъ херувимы, изъ которыхъ нижніе стоятъ, а верхніе летаютъ, держатъ въ рукахъ горящія свѣчки (безъ подсвѣчниковъ). Богомладенецъ держитъ въ лѣвой рукѣ державу, а правой благословляетъ. Надъ головой Богоматери простирается абсидъ, по угламъ котораго помѣщены двѣ горящія лампы.

Будучи сходной съ вышеупомянутымъ образомъ по общему виду и не отличаясь отъ него на первый взглядъ, эта икона имѣетъ довольно много отличныхъ отъ него чертъ. Прежде всего на ней нѣтъ ясной надписи «Прибавленіе ума» ¹⁾, которую носятъ другія, извѣстныя намъ иконы этого рода. Но надпись, находящаяся внизу, ставитъ эту икону въ соотношеніе съ самыми мелочными потребностями человѣческой жизни, и этимъ больше, чѣмъ надписью «Прибавленіе ума», подтверждается фактъ большого почитанія иконъ, имѣющихъ отличительный признакъ Лоретской Божіей Матери—феланообразную одежду ²⁾ — и фактъ частаго обращенія къ нимъ, какъ къ специальнымъ помощницамъ при самыхъ разнообразныхъ нуждахъ практической жизни. Эта надпись гласитъ такъ: **«Изображеніе Прѣтѣ Бѣны Прибавленіемъ Кжтїю судити жнвѣхъ ѿ мертвѣхъ ѿ смѣртнаго ꙗвѣствѣ Зѣщнцѣствѣ ѿлетворнїхъ Вѣтрѣ ѿтрѣсовнцѣ ѿозебѣ ѿнѣходѣ зверей лдовнтыхъ ѿвраговъ Ншнцѣ**

¹⁾ На эту надпись, однако, можетъ указывать слово „Прибавленіемъ“ въ фразѣ: „изображеніе Пресвятыя Богородицы Прибавленіемъ....“

²⁾ Иконы Божіей Матери въ феланообразной (эллипсоидной) одеждѣ въ католической церковной живописи очень распространены. Кромѣ Лоретской Божіей Матери подобную приблизительно форму имѣютъ: St. Maria von Trens (Баварія), Maria Schutz, unsere liebe Frau vom heiligen Berge zu Pribram (Богемія), Gnadenbild in Bildstein, Maria Rankweil, Mutter Gottes von Kevlaar, Mutter Gottes von Luxemburg, Maria Zell, Mutter Gottes von Allütting (Баварія) и многія другія. (Этимъ спискомъ мы обязаны о. Василію Гёкену, священнику русской въ Потсдамѣ церкви).

Икандровъ Пртеуѣтъзеть и а Ѡвнѣства Нрата Вназдреть и 2 о Н ВВифлсемъ и 3 о Вгефниміію Пѣлгдѣти Бѣга Врнзу ѣтъкающнхъ навѣки—1784 года Март 23 дна».

На абсидѣ написано двойными (черными и красными) буквами слѣдующее: свещехеръ (слѣва) внии назирателн чистоты (по серединѣ, на закругленной части абсида) носцы (справа). По всей вѣроятности, это нужно читать: «Свещехеруносцы» и «свещехерувимы назиратели чистоты». Другихъ надписей, кромѣ обычныхъ ѿр ѿѣ и ѿнс Хр не имѣется. Нѣтъ никакого и никакихъ изображеній святыхъ и никакого указанія на первоначальнаго жертвователя.

Другая разница этой иконы отъ иконы г. Титова заключается въ томъ, что на ней Богоматерь держитъ Богомладенца не на правой, а на лѣвой рукѣ, какъ на Лоретской иконѣ и на иконѣ Рыбинскаго Спасопреображенскаго храма и Романовскаго Крестовоздвиженскаго собора³⁾. Нѣтъ у нея и того сіянія около Богоматери, дѣлающаго икону А. А. Титова подобной Огневидной (Почаевской) Божіей Матери. На нижнемъ концѣ ризы Богоматери виденъ агнецъ или левъ (изображеніе неясно) въ крилахъ.

По сочетаніямъ красокъ, по обстановкѣ изображенія (храмъ съ каменными колоннами) и главное по изображенію ангеловъ, икона эта обнаруживаетъ большое сходство съ итальянскою живописью.

По отсутствію какихъ-нибудь чертъ, отличительныхъ для специально православной живописи, а также по неимѣнію ясной надписи «Прибавленіе ума», можно заключить, что эта икона прямо списана съ тѣхъ первоначальныхъ списковъ католическихъ образцовъ, которые имѣли мѣсто въ то время, когда русскіе иконописцы слѣпо подражали западнымъ образцамъ⁴⁾. Если это заключеніе

³⁾ См. указанную выше статью, стр. 79 и 82.

⁴⁾ Сама икона, повидимому, древнѣе лежащей внизу датированной надписи.

вѣрно, то спеціалисты, можетъ быть, могутъ найти въ этомъ матеріалѣ для исторіи западнаго вліянія на русскую живопись и для объясненія прибавляемой этой иконѣ, въ другихъ спискахъ, надписи: «Прибавленіе ума» ⁵⁾.

Дилетантъ.

Швейцарія.

⁵⁾ Можетъ быть, это названіе можно ставить въ связи съ сходнымъ по смыслу воззваніемъ: „Sedes sapientiae, ora pro nobis!“ (Сѣдалище мудрости, молись о насъ!), находящимся въ католическомъ акаѳистѣ Лоретской Божіей Матери. (См. „Каноникъ“ („Andachtsbuch“) прот. Ал. Петр. Мальцева).

ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ ¹⁾.

44. Промышленіе Божіе о первожданномъ человѣкѣ.

Человѣкъ сотворенъ былъ совершеннымъ въ томъ смыслѣ, что онъ получилъ всѣ средства и силы для исполненія своего высокаго назначенія. Но совершенство его не было полнымъ и законченнымъ. «По самообразованію, говоритъ Климентъ Алекс., Адамъ еще не былъ совершеннымъ, но былъ настроенъ къ принятію добродѣтели. Ибо иное дѣло обладаніе добродѣтелию, а иное дѣло настроенность къ ея приобрѣтенію. Настроенность—только стремленіе къ добродѣтели, а еще не добродѣтель». Это стремленіе къ добродѣтели должно было окрѣпнуть въ Адамѣ путемъ соответствующаго самодѣятельнаго развитія и упражненія въ добрѣ. Но человѣкъ былъ созданъ свободнымъ, и эта его свобода не исключала возможности дѣлать зло. Поэтому первый человѣкъ нуждался въ особомъ содѣйствіи Божіемъ, въ ближайшемъ промысленіи Его о себѣ. И, дѣйствительно, Библия свидѣтельствуетъ намъ, что Богъ проявилъ высокую попечительность о сотворенномъ человѣкѣ. Тотчасъ по сотвореніи Онъ вводитъ человѣка въ рай. По вещественной своей сторонѣ рай былъ блаженнымъ жилищемъ человѣка на землѣ. По духовной сторонѣ райская жизнь была состояніемъ особенной близости человѣка къ Богу, въ которой, по словамъ св. Іоанна Дамаскина, человѣкъ наслаждался сладчайшимъ созерцаемъ Бога и

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1911 г.

питался этимъ созерцаемъ. Разумѣется, такая близость Бога къ человѣку озаряла обильнымъ свѣтомъ естественныя силы первозданнаго. Какъ бы усиливая Свою близость къ человѣку, Богъ неоднократно являлся первымъ людямъ въ раю, бесѣдовалъ съ ними, вводилъ ихъ въ свѣтъ Богопознанія. Съ тою же цѣлью укрѣпленія и развитія духовныхъ и физическихъ силъ человѣка «Богъ произрастилъ древо жизни посреди рая и древо познанія добра и зла» (Быт. 2, 9). Первое — «древо жизни», какъ оно названо въ подлинникѣ, т.-е. дающее жизнь, служило проводникомъ жизни и Божественной благодати. Приобщаясь Божественной благодати чрезъ вкушеніе плодовъ этого дерева, какъ чрезъ символическій знакъ ея, смертный по природѣ человѣкъ, ибо онъ произошелъ изъ тлѣнной матеріи, могъ сдѣлаться бессмертнымъ не только по душѣ, но и по тѣлу (ср. 3, 22). Второе древо, въ случаѣ вкушенія его, несло людямъ не жизнь, а смерть: «въ онъже аще день съѣсте отъ него (если вкусите), смертію умрете» (Быт. 2, 17). Но смертоносно оно было не по ядовитости плодовъ своихъ, а по тому символическому значенію, какое получало вкушеніе ихъ. Богу угодно было запретить людямъ вкушеніе плодовъ этого дерева съ тѣмъ, чтобы вызвать людей къ свободному предпочтенію добра предъ зломъ. Нужно было дѣтскую невинность первыхъ людей перевести въ сознательную и свободную рѣшимость избрать добро и отвергнуть зло. Этой цѣли служила райская заповѣдь. Тутъ не слѣдуетъ смущаться ея видимою незначительностью и виѣшностью. Сила не въ содержаніи заповѣди, а въ самомъ существованіи ея. «Намъ дана была заповѣдь, пишетъ св. Григорій Богословъ, потому, что Богъ постановилъ законъ свободы. Человѣка, почтивъ свободою, Богъ поставилъ въ рай. Даетъ ему и законъ для упражненія свободы». «Нужна была заповѣдь, по словамъ св. Василія Великаго, для испытанія нашего послушанія». Что значило нареченіе именъ для развитія и изощренія ума первозданнаго человѣка, то же значила за-

заповѣдь о невкушеніи плодовъ запрещеннаго дерева для испытанія воли и личнаго подвига со стороны человѣка. И возможно, что это испытаніе кончилось бы для человѣка благополучно, если бы не вмѣшался, съ своимъ коварнымъ освѣщеніемъ заповѣди, діаволь. Значить, паденіе никакъ нельзя признавать, вслѣдъ за древними еретиками-офитами и новѣйшими раціоналистами (Гегель), необходимымъ внутреннимъ моментомъ въ развитіи человѣка, видѣть въ самоопредѣленіи ко грѣху условіе самоусовершенствованія человѣка, пробужденіе въ немъ человѣческаго разума и способности различать добро отъ зла, или начальный моментъ интеллектуально-моральнаго развитія. Какъ-будто грѣхъ есть совершенство, а не отрицаніе добра! Какъ-будто здоровому человѣку нужно непременно сдѣлаться больнымъ, чтобы развивались его тѣлесныя и духовныя силы! Св. Іоаннъ Златоустъ, съ особенною силой опровергая бывшее въ его время въ ходу мнѣніе, будто бы древо познанія добра и зла, какъ показываетъ самое наименованіе его, въ себѣ самомъ заключало и послѣ вкушенія отъ него сообщало и человѣку таковое знаніе, противопоставляетъ ему то соображеніе, что человѣкъ, одаренный совершеннѣйшимъ разумомъ и даже сподобившійся дара пророчества, не могъ на первыхъ же порахъ не обладать нужнымъ знаніемъ добра и зла; заповѣдь о невкушеніи плодовъ съ одного дерева была средствомъ для опытнаго примѣненія этого различенія. Отсюда дано имя самому дереву согласно съ обычаемъ писанія давать многимъ мѣстамъ и вещамъ имена отъ случившихся при нихъ событій,—заключаетъ свою мысль Златоустъ.

Послѣ грѣхопаденія людей Богъ также не оставилъ ихъ Своимъ промысленіемъ. Тотчасъ послѣ паденія Онъ приближается къ нимъ, призываетъ ихъ къ раскаянію, объявляетъ, правда, имъ суровый приговоръ за ихъ грѣхъ, но тутъ же присоединяетъ утѣшительное обѣтованіе о «Сѣмени жены», имѣющемъ поразить власть діавола. Самыя наказанія: женѣ—болѣзненное рожденіе дѣтей и по-

корность мужу (3, 16), мужу — воздѣлываніе земли не всегда успѣшное, но всегда утомительное (3, 17), обимъ имъ — смерть тѣлесная и изгнаніе изъ рая—имѣли цѣлью ограничить силу и распространеніе грѣха.

45. *О грѣхопадѣніи прародителей.*

О грѣхопадѣніи прародителей въ кн. Бытія разсказывается такъ: «змій же бѣ мудрѣйшій всѣхъ звѣрей, сущихъ на земли, ихъ же сотвори Господь Богъ. И рече змій женѣ: что яко рече Богъ: да не ясте отъ всякаго древа райскаго? И рече жена змію: отъ всякаго древа райскаго ясти будемъ: отъ плода же древа, еже посреде рая, рече Богъ, да не ясте отъ него, ниже прикоснетесь къ нему, да не умрете. И рече змій женѣ: не смертію умрете. Вѣдѣше бо Богъ, яко, въ онъже аще день снѣсте отъ него, отверзутся очи ваши, и будете яко бози, вѣдѣще доброе и лукавое. И видѣ жена, яко добро древо въ снѣдъ, и яко угодно очима видѣти, и красно есть еже разумѣти: и взявши отъ плода его, яде: и даде мужу своему съ собою, и ядоста» (3, 1—6).

Судя по тому, что змій говоритъ, разсуждаетъ, клевететь на Бога, старается увлечь Еву ко злу, нужно заключать, что соблазнителемъ первыхъ людей былъ діаволь. Не напрасно Христось называлъ его «человѣкоубійцей искони и отцомъ лжи» (Іоан. 8, 44), а ап. Іоаннь въ Апокалипсисѣ прямо говоритъ, что «змій великій, змій древній «есть именно» діаволь и сатана, льстѣй вселенную всю» (12, 9, 20, 2). Но въ собственномъ смыслѣ причиною паденія первыхъ людей были они сами, такъ какъ злоупотребили своею свободою, склонившись на обольщеніе діавола, почему они и понесли отвѣтственность за свою вину.

Самый разсказъ библейскій о грѣхопадѣніи часто разсматривается, какъ простой мифъ, но на самомъ дѣлѣ онъ полонъ глубокой психологической правды и носитъ на себѣ всѣ внутреннія черты исторической достовѣрности.

Приступая къ Евѣ, діаволь хочетъ прежде всего заронить въ нее искру сомнѣнія въ благожелательствѣ и любви къ нимъ со стороны Бога и вызвать въ ней чувство недовѣрія и непріязни къ Богу. Діаволь представляетъ Бога несправедливымъ, недобрымъ, завистливымъ, потому что Онъ, насадивши рай, запретилъ имъ вкушать плоды со всѣхъ деревъ райскихъ. Діаволь имѣлъ очевидный успѣхъ, потому что Ева не только вступаетъ въ бесѣду съ діаволомъ, но и искажаетъ заповѣдь Божию, усиливая ее прибавленіемъ, что Богъ запретилъ прикасаться къ дереву познанія добра и зла. Здѣсь замѣтно желаніе подчеркнуть строгость и несправедливость заповѣди,—черта, психологически вполне правдоподобная въ человѣкѣ, который поддался вліянію злыхъ мыслей. Теперь діаволь дѣйствуетъ уже прямѣе и смѣлѣе. Онъ употребляетъ прямую ложь, утверждая, что отъ вкушенія плода съ дерева познанія добра и зла люди не умрутъ, но сами сдѣлаются, какъ боги, знающіе добро и зло. Стремленіе къ богоподобию было заложено въ первыхъ людяхъ, и они, ощущая его въ себѣ, несомнѣнно желали и стремились къ достиженію богоподобія. Значитъ, Ева въ словахъ діавола должна была слышать, такъ сказать, знакомый мотивъ. Но она упустила изъ виду, что такое высокое состояніе должно было зависѣть отъ свободнаго развитія ими своихъ духовныхъ силъ въ полномъ соотвѣтствіи съ волей Божіей, а не вслѣдствіе самостнаго направленія своей воли. Она захотѣла достигнуть нравственнаго совершенства личными средствами при помощи запрещенныхъ плодовъ, въ полной увѣренности, что мнимо-волшебная сила этихъ плодовъ механически или магически сдѣлаетъ ихъ болѣе совершенными. Человѣкъ, какъ поясняетъ св. Григорій Нисскій, не пожелалъ владѣть отображенными совершенствами и захотѣлъ имѣть свои собственныя совершенства, которыхъ у него никогда не было,—поэтому онъ остался совсѣмъ безъ совершенствъ. Такъ совершился въ душѣ чловѣка разрывъ его «я» съ Богомъ,—человѣкъ избралъ

самостное направленіе воли къ личному нравственному совершенству. Это было въ сущности полнымъ внутреннимъ переворотомъ, зломъ, которое тотчасъ же обнаружилось въ Евѣ, какъ похоть плоти, похоть очей и гордости житейской (I Іоан. 2, 16). Ева сдѣлалась новымъ человѣкомъ, а потому все окружающее получило въ ея глазахъ новое освѣщеніе, и плоды дерева запрещеннаго показались ей прекрасными для зрѣнія, пріятными на вкусъ и вождѣльными—приносящими знаніе, и она ѣла ихъ, а за ней ѣлъ и Адамъ. Послѣднее являлось простымъ результатомъ ихъ новаго внутренняго настроенія. Значить, грѣхъ первыхъ людей состоялъ не просто только въ томъ; что они ѣли съ запрещеннаго дерева, а въ полномъ извращеніи своей внутренней духовной природы, своей личности. Поэтому онъ повлекъ столь гибельныя и великія послѣдствія.

Повѣствованіе кн. Бытія о грѣхопаденіи прародителей принимается за подлинную исторію какъ въ неканоническихъ, такъ и въ каноническихъ книгахъ В. З. Въ кн. Премудрости Соломон. говорится: «Богъ созда человѣка въ неистлѣніе, и во образъ подобія Своего сотвори его, завистию же діаволею смерть вниде въ міръ» (2, 23—4). «Отъ жены начало грѣха, и тою умираемъ вси», пишетъ Іисусъ, сынъ Сираховъ (25, 27). Прор. Іезекіиль пользуется общими чертами библейскаго повѣствованія о райской жизни и паденіи прародителей, чтобы изобразить величіе и паденіе царя Тира: одно историческое событіе освѣщается другимъ. «Ты печать совершенства, полнота мудрости и вѣнецъ красоты. Ты находился въ Эдемѣ, саду Божіемъ... Ты совершенъ былъ въ путяхъ твоихъ со дня сотворенія твоего, доколѣ не нашлось въ тебѣ беззаконія... и ты согрѣшилъ» (28, 12,—13, 15, 17). Прор. Осія говорилъ о евреяхъ: «они, подобно Адаму, нарушили заветъ и измѣнили Мнѣ» (6, 7). Въ Н. З. библейскому повѣствованію о паденіи также придается историческая достовѣрность. Ап. Павелъ говоритъ, что «змѣй хитростью

своею прельстилъ Еву» (2 Кор. 11, 3), или: «прежде созданъ Адамъ, а потомъ Ева, и не Адамъ прельщенъ, но жена, прельстившись, впала въ преступленіе» (1 Тим. 2, 13—14). Кромѣ библейскихъ, существуютъ внѣ-библейскія, весьма древнія преданія языческихъ народовъ въ пользу историчности Моисеева повѣствованія о грѣхопадѣніи. Таковы, напр., данныя, извлекаемые изъ клинообразныхъ надписей такъ называемаго «халдейскаго генезиса». Особенно интереснымъ въ этомъ отношеніи является сравнительно недавно открытый Георгомъ Смитомъ весьма древній халдейскій цилиндръ. По срединѣ этого цилиндра изображено дерево съ семью вѣтвями и двумя плодами. По сторонамъ его сидятъ двѣ фигуры съ протянутыми руками, судя по головнымъ уборамъ—мужчина и женщина. Съади женщины изображенъ поднывшійся змій. Вообще, сравненія библейскаго и халдейскаго разсказа о грѣхопадѣніи воспроизводятъ одну и ту же историческую традицію, при чемъ библейскій разсказъ передаетъ фактъ въ первоначальной чистотѣ, а халдейскій есть болѣе или менѣе удачная вариация.

46. *Понятіе о первородномъ грѣхѣ и отношеніе его къ слѣдствіямъ грѣха.*

Въ Библии нѣтъ такого термина—первородный грѣхъ. Онъ принадлежитъ Тертуллиану и распространенъ блаж. Августиномъ въ его полемикѣ противъ Пелагія. Пелагій, еретикъ конца 4-го и начала 5-го вѣка, проводилъ мысль, что грѣхъ первыхъ людей не повредилъ существенно духовной природы ихъ, такъ что не можетъ быть рѣчи о наследственной порчѣ потомковъ Адама. Но психологія учитъ насъ, что ни одно душевное явленіе, ни одно душевное движеніе не пропадаетъ безслѣдно, но оставляетъ болѣе или менѣе глубокой слѣдъ въ душѣ и оказываетъ вліяніе на ея послѣдующую жизнь. Тѣмъ болѣе неестественно было бы ожидать, чтобы безслѣдно прошелъ для

первыхъ людей и ихъ потомковъ такой глубокой нравственный переворотъ, какой они пережили въ своемъ паденіи. Поэтому былъ правъ Августинъ, когда онъ училъ, вслѣдъ за Свящ. Пис., о всеобщности и наследственности прародительскаго грѣха или, что то же, о первородномъ грѣхѣ въ потомкахъ. Ученіе о первородномъ грѣхѣ въ Свящ. Пис. наиболѣе подробно изложено у ап. Павла въ посл. къ римлянамъ. Здѣсь установлена мысль о всеобщности грѣха, внутренней силѣ его надъ человѣкомъ, отношеніи къ закону, посредствомъ котораго человѣкъ яснѣе познаетъ грѣхъ свой, и смертельности его для человѣка (гл. 5—7).

Подъ именемъ первороднаго грѣха разумѣется та грѣховность или грѣховное состояніе нашей природы, съ которымъ мы рождаемся. Другими словами: первородный грѣхъ является наследственной порчей и растлѣніемъ нашей духовной природы, внутренней наклонностью, живымъ грѣховнымъ началомъ, которое дѣйствуетъ въ человѣкѣ съ силою закона, преклоняя его ко злу. «Вѣмъ, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе: еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Не еже бо хочу доброе, творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю. Аще ли еже не хочу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живой во мнѣ грѣхъ. Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ» (Римл. 7, 18—21. Но въ своемъ воззрѣніи на первородный грѣхъ православіе не раздѣляетъ пессимистическаго взгляда протестантовъ, по которому человѣкъ въ своемъ паденіи извратилъ свою природу до того, что потерялъ самую способность къ добру. Съ другой стороны, оно свободно отъ поверхностнаго оптимистическаго взгляда римскихъ католиковъ на прародительскій грѣхъ, который будто бы состоялъ только въ утратѣ первобытной сверхъестественной благодати, упорядочивающей противоположности плоти и духа, и возвращеніи человѣка въ состояніе чистой, предоставленной самой себѣ, природы. Тутъ прои-

зошло ослабленіе природы, а не порча въ собственномъ смыслѣ слова. По православному представленію грѣхъ, подобно яду проникая всю природу человѣка, заражаетъ ее въ основныхъ ея способностяхъ и силахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ разстройство въ порядокъ и чинъ виѣшней природы, подвергая ее, по выраженію Апостола, суетѣ (Рим. 8, 20).

Слѣдствія грѣха стоятъ въ двойномъ отношеніи къ самому грѣху. Во-первыхъ, эта связь внутренняя, причинная, поскольку слѣдствія грѣха являются естественными результатами, вытекающими изъ самой природы грѣха, подобно тому, какъ обжогъ бываетъ естественнымъ слѣдствіемъ прикосновенія къ огню. Грѣшникъ, по изображенію В. З., «самъ носить съ собою свои беззаконія» (Лев. 17, 16) или «грѣхъ свой» (20, 17 ср. Ис. 53, 11), такъ что онъ не можетъ освободиться отъ нихъ безнаказанно. Богъ предастъ грѣшниковъ «въ руки ихъ же собственныхъ беззаконій» (Іов. 8, 3—4), такъ что «оравшіе нечестіе и сѣявшіе зло пожинаютъ его» (Іов. 4, 8), и «сѣявшіе вѣтеръ, пожинаютъ бурю» (Ос. 8, 7). Ап. Іаковъ указываетъ на естественную внутреннюю связь между грѣхомъ и смертью, какъ слѣдствіемъ грѣха, когда говоритъ: «грѣхъ сдѣланный рождаетъ смерть» (1, 15).— Во-вторыхъ, связь слѣдствій со грѣхомъ — виѣшняя, поскольку слѣдствія грѣха служатъ въ качествѣ наказаній грѣшникамъ. Такъ смотритъ напр. на смерть ап. Павелъ: «смерть—оброкъ грѣха» (Рим. 6, 23), возмездіе за грѣхъ или та дань, которую грѣхъ беретъ съ человѣка. Значитъ, смерть есть наказаніе за грѣхъ. Но разсматриваемая, какъ наказанія за грѣхъ, слѣдствія его не имѣютъ характера кары, мщенія за грѣхъ, а соединяютъ съ собою глубоко-педагогическую или исправительную и спасительную цѣль. Напр. та же смерть служитъ наказаніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ благомъ для человѣка. Она полагаетъ препятствіе развитію грѣха до безконечности, заставляетъ человѣка думать о Богѣ, о будущемъ мірѣ, о вѣчности.

Страхъ смерти и мысль о ней—лучшее средство къ поддержанію въ душѣ нашей серьезнаго нравственнаго настроенія... «Помни послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши».

Наибольшее недоумѣніе вызываетъ проклятіе земли Богомъ за грѣхъ человѣка. Подъ «проклятіемъ» разумѣется лишеніе земли нѣкоторыхъ ея совершенствъ, дарованныхъ ей благословеніемъ Бога при ея сотвореніи. Наиболѣе очевиднымъ показателемъ этого лишенія является уменьшеніе ея плодородія: «терніе и волчцы произраститъ она» (Быт. 3, 18). По апостолу «суетъ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю» человѣка (Рим. 8, 20). Тварь подверглась суетъ, т.-е. напрасному, безцѣльному существованію, иначе: потеряла разумную цѣль своего бытія, перестала соотвѣтствовать разумному основанію бытія. И это потому, что самъ человѣкъ, вслѣдствіе грѣха, не могъ осуществить предвѣчную цѣль и истину своего бытія, а потому не могъ сдѣлать разумнымъ и нравственнымъ какъ свое личное существованіе, такъ и существованіе цѣлаго міра. Цѣль міровой жизни могла достигаться только чрезъ человѣка и въ человѣкѣ, который долженъ бы быть царемъ природы, но со грѣхомъ потерялъ это господство, подпавши подъ дѣйствіе и зависимость отъ матеріальныхъ законовъ существованія. Первые люди, ожидая, что со вкушеніемъ запрещенныхъ плодовъ они достигнутъ высшаго Божескаго вѣдѣнія, скоро должны были разочароваться въ этомъ: «открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги» (Быт. 3, 7). Другими словами: вмѣсто того, чтобы сдѣлаться богами, люди убѣдились чрезъ грѣхъ, что они подчинили себя внѣшнимъ, физическимъ законамъ существованія и тѣмъ самымъ въ значительной степени обезсмыслили свое существованіе для себя и для міра. Господство надъ міромъ смѣнилось рабствомъ предъ нимъ.

47. *Слѣдствія прародительскаго грѣха для первыхъ людей и ихъ потомковъ.*

Надъ падшими людьми прежде всего сбывается судъ Божій въ той его части, по которой, какъ только они нарушатъ заповѣдь, подвергнутся смерти: «въ день, который ты вкусишь отъ него (дерева), смертію умрешь» (Быт. 2, 17). Здѣсь разумѣется, во-первыхъ, смерть духовная, которая состоитъ въ удаленіи человѣка отъ Бога, Источника жизни. Если истинное благо заключено въ Богѣ, то Богъ долженъ быть послѣднею цѣлью и главнымъ предметомъ человѣческой любви, знанія, всѣхъ стремленій. Человѣкъ не имѣетъ жизни въ самомъ себѣ, такую самобытную жизнь имѣетъ лишь Богъ, «о Немъ бо живемъ, движемся и есмы» (Дн. 17, 28). Удаленіе души человѣка отъ Бога естественно сказывается ослабленіемъ духовныхъ силъ и жизни, въ чемъ и состоитъ духовная смерть человѣка. Это удаленіе человѣка отъ Бога немедленно отражается въ совѣсти человѣка чувствомъ страха, виновности, нравственной тревоги. Когда Богъ хотѣлъ призвать первыхъ людей къ покаянію, Адамъ говоритъ ему: «я услышалъ голосъ Твой и убоялся» (Быт. 3, 10). Прежде голосъ Бога былъ пріятенъ Адаму, а теперь сталъ страшенъ.—Во-вторыхъ, подъ смертію нужно разумѣть смерть тѣлесную, поскольку первый человѣкъ со дня вкушенія сдѣлался смертнымъ, потому что грѣхъ привнесъ съ собой въ организмъ человѣка начало поврежденія и разстройства, болѣзней и ослабленія. Съ большей опредѣленностью говорить объ этомъ Богъ Адаму: «въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, отъ нея же взять еси: яко земля еси и въ землю отъидеши» (Быт. 3, 19). Съ тѣхъ поръ смерть сдѣлалась общимъ удѣломъ всѣхъ людей. Апостоль говоритъ: «единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако

смерть во вся челоуѣки вниде, въ немже (потому что въ Адамѣ) вси согрѣшиша» (Римл. 5, 12). Игажъ, смерть есть произведеніе грѣха. Значить, нельзя разсматривать ее, какъ явленіе нормальное, присущее челоуѣку наравнѣ со всѣмъ живущимъ, нельзя держаться такъ называемаго натуралистическаго взгляда на смерть. По этому взгляду жизнь въ природѣ нельзя представить отдѣльно отъ смерти живыхъ существъ. Жизнь, въ силу закона борьбы за существованіе въ органическомъ мірѣ, поддерживается смертью: каждый организмъ живетъ на счетъ другого. Животныя истребляютъ растенія, а растенія, въ свою очередь, питаются остатками животныхъ, разложившихся въ землѣ. Но на самомъ дѣлѣ есть большое различіе между смертью животныхъ и смертью челоуѣка. Смерть для животныхъ не можетъ быть такъ тяжела и страшна, потому что животное не сознаетъ смерти. Оно безсознательно теряетъ жизнь и сливается съ общей жизнью природы. Для челоуѣка смерть страшна вслѣдствіе присущаго ему сознанія о значеніи смерти.—Натуралистическій взглядъ на смерть ищетъ себѣ опоры въ самой Библии. Богъ говоритъ Адаму: «земля еси и въ землю отидеши». Точно также писатель кн. Екклесіастъ представляетъ смерть физическую, повидимому, естественной, неизбѣжной участью челоуѣка наравнѣ со всѣми животными, когда говоритъ, что одна участь челоуѣка и скота, что все живущее умираетъ, и далѣе: «и возвратится персть (тѣло) въ землю, якоже бѣ, а духъ возвратится къ Богу, Иже даде его» (12, 7). Наконецъ, Апостоль приписываетъ Адаму тѣло смертное, душевное въ отличіе отъ тѣла воскресшаго Христа (1 Кор. 15, 42—55).

Но нужно имѣть въ виду, что здѣсь вездѣ тѣло берется въ падшемъ, а не нормальномъ первобытномъ состояніи его. Въ падшемъ, естественномъ состояніи челоуѣка смерть, разумѣется, необходимое, неизбѣжное явленіе. Но собственно «Богъ смерти не сотворилъ, а создалъ челоуѣка въ неистлѣніе» (Прем. Солом. 1, 13, ср. 2, 23). Возможность

смерти заключалась въ первоначальной природѣ человѣка («земля еси»), но осуществилась она отъ личнаго участія человѣка въ грѣхѣ. Значить, Адамъ могъ не умирать физически. Это ясно изъ словъ Бога, какъ бы падшій Адамъ «не простеръ руки своей и не взялъ также отъ древа жизни, и не вкусилъ, и не сталъ жить вѣчно» (Быт. 3, 22). Очевидно, человѣкъ предназначался къ вѣчной жизни и по тѣлу.

Какъ показываетъ исторія грѣхопаденія, грѣхъ прежде всего внесъ разстройство въ область человѣческой воли—ея нравственной свободы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нежеланіе первыхъ людей покаяться во грѣхѣхъ, исправиться. вмѣсто раскаянія мы встрѣчаемъ въ нихъ самооправданіе: Адамъ слагаетъ вину на Еву, Ева на змія. Въ потомствѣ Адама склонность ко злу больше, чѣмъ къ добру, пріобрѣтаетъ характеръ внутренняго закона, о чемъ говоритъ ап. Павелъ въ седьмой главѣ посл. къ Римлянамъ: «я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое», или, по славянски: «обрѣтакъ убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человѣку, вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противоющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ» (21—23). Опущеніе добра и желаніе его остались въ человѣкѣ, но не осталось силы дѣлать добро, перевести свое желаніе въ «существованіе».

За нравственнымъ извращеніемъ человѣка естественно должно было послѣдовать поврежденіе въ человѣкѣ ума, способности познавательной. Здѣсь подъ умомъ разумѣется способность познания высшихъ, религіозныхъ предметовъ, а не логическая способность мышленія. Способность познания внѣшняго міра сохранилась, хотя и въ этомъ отношеніи человѣкъ далеко не походитъ на то господина природы, какимъ изображаетъ его кн. Бытѣ до паденія. Человѣкъ посредствомъ знанія и теперь пооряетъ себѣ природу, но частично и съ большимъ напряженіемъ. Исто-

рія просвѣщенія говорить, что слабую сторону въ области человѣческихъ знаній составляетъ, впрочемъ, не та часть ихъ, которая обращена въ внѣшнему міру и пріобрѣтается внѣшнимъ опытомъ, а та, которая обращена къ человѣку, къ его внутреннему духовному міру, а въ особенности къ міру сверхчувственному, божественному. Міръ высшій, горній, божественный сталъ для человѣка какъ бы чужимъ, а обыкновенно уму становится чуждымъ то, что далеко отъ сердца. «Душевенъ (плотской) человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія: юродство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовнѣ востязуется», т.-е. потому, что о духовномъ нужно судить по духовному (1 Кор. 2, 14).

48. Наслѣдственность первороднаго грѣха и основы смнненія его всему роду человѣческому.

Мысль о наслѣдственной всеобщности первороднаго грѣха ясна дана въ священномъ Писаніи. «Предукорихомъ бо (доказали), говоритъ Ап., Іудеи же и Еллины вся подъ грѣхомъ быти: якоже есть писано, яко нѣсть праведенъ никтоже» (Римл 3, 9—10). Или: «всеи бо согрѣшиша и лишени суть славы Божія» (3, 23). Священное Писаніе указываетъ и на способъ распространенія грѣха въ родъ человѣческомъ — посредствомъ преемственнаго рожденія. Псалмопѣвецъ въ своемъ покаянномъ псалмѣ говоритъ: «се бо въ беззаконіихъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя» (Пс. 50, 7). Христось говорилъ Никодиму: «аминь, аминь глаголю тебѣ, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ Царствіе Божіе. Рожденное отъ плоти плоть есть, и рожденное отъ духа духъ есть» (Іоан. 3, 5, 6). Слово «плоть» выражаетъ здѣсь общее грѣховное направленіе жизни естественнаго человѣка, такъ сазать общій нравственный обликъ естественнаго человѣка. Переходъ грѣха отъ Адама на его потомство стоитъ въ полномъ согласіи съ біологическимъ закономъ наслѣдственности, въ силу котораго родители пере-

даютъ дѣтямъ не только свои физическія особенности, родовыя и индивидуальныя, но и нравственныя черты своего характера. По общему закону сѣмя даетъ плодъ по роду своему, и произведеніе не бываетъ лучше своей причины. Этотъ законъ выражаетъ, напр., св. Григорій Нисскій: «по закону природы рожденное есть то же съ родившимъ: такъ и отъ человѣка рождается человѣкъ, отъ страстнаго—страстный, отъ грѣшника—грѣшный». А преосв. митроп. Филаретъ замѣчаетъ: «какъ отъ зараженнаго источника естественно течетъ зараженный потокъ, такъ и отъ Адама, зараженнаго грѣхомъ и потому смертнаго, естественно должно было произойти грѣховное и смертное потомство». Обычай крещенія дѣтей, существующій въ Церкви издревле, представляетъ ясное свидѣтельство всегда существовавшей въ Церкви вѣры въ наслѣдственный первородный грѣхъ.

Послѣ этого слишкомъ мелкимъ и неправдоподобнымъ кажется объясненіе Пелагія, что грѣхъ распространяется въ людяхъ внѣшнимъ путемъ—черезъ подражаніе грѣховному примѣру Адама и пріобрѣтаемую привычку воли грѣшить. Вліяніе примѣра чисто нравственное, а не принудительное и неизбѣжное. Примѣръ дѣлается заразительнымъ для всѣхъ отъ наслѣдственнаго влеченія природы ко злу. Даже младенцы съ первымъ пробужденіемъ своей сознательной жизни, прежде всякаго посторонняго вліянія на нихъ среды, обнаруживаютъ весьма замѣтные зачатки зла или эгоизма, симптомы зависти, ревности, жадности, злости, каприза и т. п. Безъ наслѣдственнаго влеченія ко злу все это было бы необъяснимо.

Но если удовлетворительно уясняется такимъ образомъ наслѣдственная прирожденность первороднаго грѣха, то какъ объяснить вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ вины и осужденія на всѣхъ потомковъ Адама за грѣхъ, лично ими не совершенный? Справедливо ли возлагать на всѣхъ людей отвѣтственность за грѣхъ Адамовъ? Вѣдь всѣ мы, по выраженію Ап., были по природѣ чадами гнѣва (Ефес. 2, 3) Божія.—Нѣкоторые богословы пытались примирить отвѣт-

ственность за первородный грѣхъ съ его наслѣдственностію тѣмъ соображеніемъ, что Богъ на основаніи Своего предвѣдѣнія зналъ, будто каждый изъ насъ на мѣстѣ Адама непременно совершилъ бы его грѣхъ. Поэтому Онъ вмѣняетъ людямъ Адамовъ грѣхъ, какъ ихъ собственный, личный. Объясненіе явно неудовлетворительное. Здѣсь несуществующая вина разсматривается, какъ дѣйствительная, подлежащая наказанію до ея совершенія. — Другіе пользуются теоріей физическаго и нравственнаго представительства, такъ какъ Адамъ есть глава происходящаго отъ него человѣчества, родоначальникъ его въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Несомнѣнно, мы, какъ выражается Оригенъ, «всѣ были въ чреслахъ Адама»,—но мы заключались въ Адамъ по природѣ, а не какъ личности. Между тѣмъ всякая отвѣтственность имѣетъ начало въ личномъ самоопредѣленіи человѣка. Наконецъ, прибѣгаютъ къ такъ называемой теоріи солидарности, т.-е. взаимной отвѣтственности однихъ за другихъ, каждаго за всѣхъ. Все человѣчество есть организмъ, всѣ члены котораго тѣсно связаны другъ съ другомъ. Въ этой теоріи заложена глубокая нравственная идея, по которой дѣти, или, въ широкомъ смыслѣ, потомки, такъ сказать, раздѣляютъ судьбу своихъ прародителей, не отказываются отъ несчастій ихъ. Такъ какъ спасеніе прародителей отъ грѣха, по приговору Божию, заключено въ «Сѣмени жены», отдаленномъ благословенномъ Потомкѣ происходящаго отъ нихъ рода, то все послѣдующее потомство несетъ на себѣ отвѣтственность за грѣхъ, чтобы не оставить своихъ прародителей въ состояніи гибели. Спасеніе Христомъ потомства прародителей, сознавашаго свой грѣхъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ избавленіемъ и предковъ нашихъ отъ грѣха, «дабы они не безъ насъ достигли совершенства» (Евр. 11, 40). Такъ дѣти въ обыденной жизни своимъ добрымъ поведеніемъ возстановляютъ честь своихъ преступныхъ предковъ, покорно и добросовѣстно неся на себѣ всѣ карательныя слѣдствія ихъ преступленій.

Но въ собственномъ смыслѣ ключъ къ правильному пониманію отвѣтственности за первородный грѣхъ дается въ правильномъ ученіи объ искупленіи. По правильному воззрѣнію на искупленіе, восстановление союза между Богомъ и человѣкомъ, или спасеніе человѣка, достигается не только однимъ фактомъ жертвы Христовой, но и личнымъ участіемъ каждаго въ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ. Участіе вѣрующаго въ искупленіи достигается тѣснымъ единеніемъ его со Христомъ, подобно соединенію лозы съ своими вѣтвями (Іоан. 15, 5—7), главы съ членами (Ефес. 4, 16). Мѣрою личнаго единенія со Христомъ выражается степень нашего участія въ плодахъ искупленія, объясняется переходъ дѣла Христова на насъ. Точно также преступленіе Адама, его грѣховность несутъ съ собою осужденіе и гибель всѣмъ потомкамъ Адама потому, что каждый изъ нихъ въ той или иной степени, слѣдуя влеченію и голосу ветхой Адамовой въ себѣ природы, свободно приобщается грѣху Адама, лично участвуетъ въ немъ. «У дверей грѣхъ лежитъ, онъ влечетъ тебя къ себѣ, но ты господствуй надъ нимъ», говорилъ Богъ Каину послѣ его преступленія (Быт. 4, 7). Но люди большею частію не только не обнаруживаютъ борьбы съ грѣховнымъ влеченіемъ, но охотно поддаются ему. Поэтому они становятся виновны. Потомки наказываются только въ тѣхъ случаяхъ, когда они продолжаютъ грѣхи своихъ отцовъ или когда они грѣшатъ «по ихъ отцамъ», т. е. такъ же, какъ и ихъ отцы, и тѣмъ самымъ какъ бы объединяются съ своими отцами въ одинъ нераздѣльный грѣховный организмъ. Такъ, Ветхому Завѣту присуща мысль о наказаніи вины отцовъ «въ дѣтяхъ и въ дѣтяхъ дѣтей до третьяго и четвертаго рода» (Исх. 34, 6—7). Но при какомъ условіи? Это указываетъ та же кн. Исходъ, когда говоритъ: «Господь Богъ—Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго рода, ненавидящихъ Его» (20, 5). Последнее добавленіе и показываетъ, какъ поясняли пророки, что «каждый умираетъ за свое собственное беззаконіе» (Іер.

31, 30), «сынъ не понесетъ вины отца, и отецъ не понесетъ вины сына; правда праведнаго при немъ и остается, и беззаконіе беззаконнаго при немъ и остается» (Иезек. 18, 20). Этотъ принципъ личнаго вмѣненія и личной отвѣтственности за первородный грѣхъ могъ проявиться въ полной силѣ только въ христіанствѣ, благодаря искупленію Христову, когда человѣкъ получилъ возможность и силу побѣждать грѣхъ. Недаромъ и пророки созерцаютъ полное примѣненіе этого принципа въ будущемъ Мессіанскомъ времени, когда собственно сдѣлалось возможнымъ свободное отношеніе ко грѣху.

Итакъ, первородный грѣхъ самъ по себѣ заключаетъ лишь возможность духовной смерти, обращающейся въ дѣйствительное наказаніе только чрезъ личные грѣхи или личное развитіе въ себѣ наслѣдственной грѣховности. Но если такъ, то подлежатъ ли осужденію преждевременно умершіе младенцы, сознательно, умомъ не соучаствовавшіе грѣху Адама? Въ Откровеніи мы не встрѣчаемъ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но нѣкоторые отцы Церкви, касавшіеся этого вопроса (Григорій Богословъ, Григорій Нисскій), допускали для такихъ младенцевъ возможность освобожденія отъ наказанія, ибо «не всякій, недостойный чести, достоинъ уже наказанія» (Григорій Богословъ).

49. Невозможность спасенія для человѣка при способности къ тому.

Первородный грѣхъ, внесшій разстройство во внутреннюю природу человѣка и внѣшній міръ, не лишилъ, однако, человѣка способности къ избавленію отъ него, спасенію. Вотъ почему идея спасенія, наравнѣ съ идеей грѣхопаденія, занимаетъ центральное мѣсто въ библейскомъ міровоззрѣніи. При всей склонности ко злу, въ падшемъ человѣкѣ сохранилось влеченіе къ добру. Въ естественномъ человѣкѣ (у язычниковъ) сохранилось, по Апостолу,

сознаніе своей грѣховности, т.-е. сознаніе того, что добро должно дѣлать, а зло нѣтъ, ибо «дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую» (Римл. 2, 15). Помимо сознанія ненормальности грѣха, естественному человѣку было присуще сознаніе виновности своей. Язычники, по слову Апостола, «знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такіа (злыя) дѣла достойны смерти» (Римл. 1, 32). Такимъ образомъ, изнутри самого человѣка, изъ глубины его сердца можетъ зародиться желаніе освободиться отъ грѣха, положительное стремленіе къ спасенію. Это желаніе и стремленіе могли получить и получили большую силу напряженія у евреевъ подъ вліяніемъ даннаго имъ Откровенія. — Въ виду этого возникаетъ естественное предположеніе: не можетъ ли человѣкъ освободиться отъ грѣха и спастись самъ по себѣ? Не можетъ ли онъ развить въ себѣ задатки добра до такой степени, чтобы зло въ немъ было совершенно подавлено добромъ?

Но полное уничтоженіе въ себѣ грѣховности—дѣло невозможное для человѣка. Стоитъ лишь здѣсь припомнить картинное изображеніе ап. Павломъ безсильной борьбы въ человѣкѣ добра со зломъ (Римл. 7, 18—23). Сознвая безсиліе самому освободиться отъ грѣха, Апостолъ съ тоской и горечью восклицаетъ: «бѣдный я человѣкъ! Кто избавить меня отъ сего тѣла смерти»? (Рим. 7, 24)—Но даже если бы люди, помимо смутнаго сознанія своего грѣха и безсильнаго желанія освободиться отъ него, могли бы привести Богу искреннее раскаяніе въ своемъ грѣхѣ,—и тогда они не достигли бы спасенія. Эту мысль раскрываетъ св. Афанасій Великій въ своемъ знаменитомъ словѣ «о воплощеніи Бога Слова». «Покаяніемъ не соблюдалась бы справедливость въ отношеніи къ Богу. Не былъ бы Онъ вѣрнымъ Себѣ, (т.-е. Своему законоположенію о смерти за грѣхъ), если бы смерть перестала обладать людьми. Притомъ, покаяніе не выводитъ изъ естественнаго

состоянія, а только прекращаетъ грѣхи. Если бы было только прегрѣшеніе, а не послѣдовало за нимъ тлѣніе, то прекрасно было бы покаяніе».

Равнымъ образомъ человѣкъ не могъ бы вымолить прощенія своего грѣха у Бога. Не могъ ли Богъ словомъ Своимъ разрѣшить клятву, лежащую на людяхъ?—ставить вопросъ св. Афанасій и отвѣчаетъ на него такъ. «Надо полезное имѣть въ виду, а не то принимать въ разсужденіе, что Богу все возможно... Если бы Богъ по всемогуществу изрекъ, и разрѣшилась клятва, то благодать, возвращенная человѣку, по отношенію къ нему была бы вышшею. Черезъ это человѣкъ только бы научился преступать законъ, а непрестанно согрѣшая, онъ непрестанно имѣлъ бы нужду въ прощеніи, и Богу снова и снова настояла нужда изрекать повелѣніе и разрѣшать клятву. И посему потребность въ этомъ продолжалась бы въ безконечность, люди же все еще были бы виновны, работѣствуя грѣху». Грѣхъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не могъ быть прощенъ, извиненъ человѣку, потому что всякое извиненіе грѣха въ сущности можетъ быть только примиреніемъ съ нимъ, а вовсе не освобожденіемъ отъ него. Очевидно, для освобожденія отъ грѣха, для спасенія человѣка нужно было всецѣлое нравственное возрожденіе человѣка, ибо грѣхъ лежалъ на немъ не только какъ вина, но и какъ извѣстное состояніе. Такое своеобразное нравственное возрожденіе было невозможно для надломленныхъ грѣхомъ силъ человѣка такъ же, какъ невозможно для стараго человѣка войти въ утробу матери своей и снова родиться (Іоан. 3, 4). Но невозможное для людей, по слову Христа, возможно для Бога (Мат. 19, 26). И спасеніе людей, невозможное и непосильное для нихъ своеобразнымъ напряженіемъ, было осуществлено Богомъ. Въ свящ. Пис. оно представляется дѣломъ Тріипостаснаго Бога: «егда благодать и чловѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по Своей Его милости спасе насъ банею пакибытія и обновленія

Духа Святаго, Егоже излія на насъ обильно Іисусъ Христомъ, Спасителемъ нашимъ» (Тит. 3, 4—6). Частіѣе, дѣло спасенія усвоается Сыну Божию: «мы видѣхомъ и свидѣтельствуемъ, яко Отець посла Сына Спасителя міру», пишетъ ап. Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 4, 14).

50. Побужденія къ дѣлу спасенія и сущность его.

Богъ, въ силу Своей святости, не причастенъ грѣху. Грѣхъ есть слѣдствіе злоупотребленія со стороны людей своей свободой. Но нельзя предположить, чтобы грѣхъ и связанное съ нимъ зло явились помимо вѣдѣнія Божественнаго, или чтобы они были необходимы, такъ что сотворенный Богомъ міръ по необходимости заключалъ въ себѣ зло, какъ необходимую черту своего несовершенства и ограниченности. Міръ, какъ и человѣкъ, по мысли Творца, должны были служить отраженіемъ Его совершенствъ, обрѣтая въ этомъ свое блаженство. Человѣкъ неправильнымъ употребленіемъ своей свободы произвелъ зло нравственное и физическое. Но опредѣленіе Божіе относительно блаженства тварей должно быть неизмѣннымъ: «у Бога не остается безсильнымъ никакое слово» (Лк. 1, 37). Предвидя паденіе человѣка, Богъ отъ вѣчности положилъ и спасеніе его. Эта мысль ясно выражена въ свящ. Писаніи. «Жертвы и приношенія не восхотѣлъ еси, тѣло же совершилъ Ми еси (приготовилъ Мнѣ тѣло, или, буквально съ евр., прокололъ Мнѣ ухо, какъ это дѣлали съ рабомъ, если онъ въ седьмой юбилейный годъ не хотѣлъ уходить отъ своего господина, для обозначенія его полной покорности на вѣкъ. Въ слав. пер. цѣлое (тѣло) взято вмѣсто части). Всесожженій и о грѣсѣхъ не благоволилъ еси. Тогда рѣхъ: се иду: въ главизнѣ книжнѣй написася о Мнѣ, еже сотворити волю Твою, Боже» (Пс. 39, 7—9, ср. Евр. 10, 5—7). Ап. Павелъ пишетъ Солунянамъ: «избралъ есть васъ Богъ отъ начала во спасеніе» (2 Сол. 2, 13). Вслѣдствіе такого вѣчнаго опредѣленія (въ главизнѣ книжнѣй, въ началѣ)

Богъ тотчасъ же послѣ грѣхопаденія человѣка даетъ обѣтованіе о пораженіи змія Сѣменемъ жены. Дальнѣйшая исторія человѣчества есть исторія божественнаго домостроительства, гдѣ зло мертвѣетъ, а добро и слава Божія торжествуютъ. Это торжество добра раскрывается съ пришествіемъ Сына Божія на землю во всей полнотѣ, ибо Онъ «Своею смертію упраздняетъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и избавляетъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все житіе повинни бѣша работѣ» (Евр. 2, 14—5).

Богъ по природѣ Своей есть любовь. Но намѣреніе любви Божіей облаженствовать разумныхъ тварей и довести ихъ до цѣли ихъ бытія оказалось неисполнимымъ вслѣдствіе грѣха человѣка. Грѣхъ стѣснилъ проявленіе любви Божіей: человѣкъ не давалъ Богу любить себя. Конечно, и до акта спасенія Богъ любилъ человѣка. О томъ говоритъ до-христіанская исторія, запечатлѣнная явными слѣдами вроткой попечительности божественнаго Промысла о больномъ, падшемъ человѣчествѣ—іудействѣ и язычествѣ. Но этой любви не доставало полноты дѣйствительнаго общенія. Это была любовь долготерпѣвнн, выжидающая времени открытъ себя, любовь отца къ непослушному, блудному сыну. А такая любовь не могла открытъ своихъ объятій любимому. Для полноты ея нужна отвѣтная любовь. И Богъ ждалъ этой любви, ждалъ, когда, наконецъ, человѣкъ одумается, броситъ себя и выкажетъ полную готовность любить Бога. Но такъ какъ самъ человѣкъ не можетъ освободиться отъ грѣшнаго самолюбія и воспламенить въ себѣ святую любовь къ Богу, то Богу нужно было, такъ сказать, пойти къ нему и проявленіемъ Своей любви къ нему обратитъ его и привязать къ Себѣ. Любовь Божія къ человѣку не могла не возродитъ въ человѣкѣ отвѣтной любви къ Богу. Опытъ обыденной жизни убѣждаетъ насъ, что даже наша собственная несовершенная любовь привлекаетъ къ намъ сердца другихъ людей. Тѣмъ болѣе Богъ Своею любовью къ людямъ воспламеняетъ въ нихъ искру любви къ Себѣ. «Будемъ любить Бога, гово-

рять Апостоль любви, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ» (1 Іоан. 4, 19). Сынъ Божій, спешій на землю по любви къ людямъ, чрезъ дѣло спасенія возвращаетъ Богу человѣка, сдѣлавъ возможною любовь его къ Богу. Онъ возрождаетъ человѣка къ новой жизни, преобразуетъ, возсоздаетъ его внутренній міръ, возстановляетъ въ немъ образъ Божій, будучи Самъ Образомъ Божиимъ. «Богъ богатъ сый въ милости, за премногую любовь Свою, ея же возлюби насъ, и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенми, соживи Христомъ» (Ефес. 2, 4—5) или, по русск., «Богъ, богатый милостію, по Своей великой любви, которою возлюбилъ насъ, и насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ со Христомъ». «Для дѣла сего, разъясняетъ св. Афанасій Великій, не довѣлѣ никто другой, кромѣ Отчаго Образа. Поелику написанный на деревѣ ликъ сдѣлался невидимымъ отъ вѣшнихъ нечистотъ, то надобно было опять придти Тому, Чей это ликъ, чтобы на томъ же веществѣ можно было возстановить изображеніе, ибо ради изображеннаго лика и самое вещество, на которомъ онъ написанъ, не бросается, но возстановляется на немъ ликъ. Подобно сему и Всесвятый Сынъ Отца, какъ Отчій Образъ, пришелъ въ наши страны, чтобы обновить человѣка, созданнаго по сему образу». Разумѣется, «не могло совершиться это чрезъ людей, потому что они сами сотворены по образу, не могло и чрезъ ангеловъ, потому что и они не образы. Посему-то Божіе Слово пришло самолично, чтобы Ему, какъ Отчему образу, можно было возсоздать по образу сотвореннаго человѣка» (Аѳанасій).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣло спасенія заключаетъ въ себѣ двѣ стороны, неразрывно, органически связанныя между собой: 1) возстановленіе Божіей любви къ человѣку (сторона объективная) и 2) возстановленіе любви человѣка къ Богу (сторона субъективная), связанное съ возсозданіемъ его для новой Божественной жизни. Совершиться это спасеніе могло только путемъ явленія Сына Божія на землю, Его воплощенія со всѣми послѣд-

ствіями этого воплощенія. Только подь условіемъ соединенія Божескаго естества съ человѣческимъ Богъ могъ сообщить воспринятой Имъ человѣческой природѣ силы Божественной жизни, а чрезъ нее обновить и освятить природу всего человѣчества. «По неизмѣримой благодати Своей, говоритъ св. Иринеи, Сынъ Божій сдѣлался тѣмъ, что и мы, дабы насъ сдѣлать тѣмъ, что есть Онъ». «Само Слово Божіе, Образъ неизмѣняемый, выраженіе Отца, является къ своему образу, принимаетъ плоть ради плоти, соединяется съ душою ради моей души, очищая подобное подобнымъ», писалъ св. Григорій Богословъ.

Ив. Николинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ бумагъ Нижегородскаго архіепископа Іакова Вечеркова.

Помѣстивъ въ 6—9 книжкахъ *Душеполезнаго Чтенія* за 1910 годъ біографію высокопреосвященнѣйшаго Іакова, архіепископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, я обрисовалъ его миссіонерскую дѣятельность преимущественно за время управленія его Саратовской епархіей на основаніи подлинныхъ документовъ и воспоминаній о немъ его современниковъ. Затѣмъ, имѣя въ виду постановленіе Нижегородской Архивной Комиссіи издать сборникъ, посвященный памяти преосвященнаго Іакова за время пребыванія его въ Нижнемъ-Новгородѣ, я почти и не касался дѣятельности его на Нижегородской кафедрѣ; да и теперь позволяю себѣ напечатать лишь одинъ документъ, бывшій въ рукахъ Нижегородскаго владыки.

Около 1847—1849 гг. преосвященный Іаковъ получилъ донесеніе, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Арзамасскаго уѣзда стали снова появляться послѣдователи хлыстовскаго ученія и притомъ съ большою обрядовою разницею противъ проповѣдываемаго хлыстомъ Радаевымъ, въ томъ же Арзамасскомъ уѣздѣ, въ сороковыхъ годахъ. При этомъ, какъ видно изъ донесенія, главная разница, противъ Радаевской обрядности, заключалась въ томъ, что кромѣ круженія или бѣганія, называемаго радѣніемъ, сектанты во время такого радѣнія хлестали другъ друга ременными короткими кнутами и даже столь сильно, что кровь иногда сочилась сквозь бѣлую коленкорovou рубаху, въ которую

по обыкновенію облачаются передъ радѣніемъ хлысты, и рубаха эта называется у нихъ парусомъ». Затѣмъ въ донесеніи говорилось, что расколоучитель хотя и русскій, но пришелъ изъ Польши, гдѣ онъ жилъ немалое время и по всей вѣроятности и вывезъ оттуда сіи мерзкіе обычаи.

Принимая дѣятельныя мѣры противъ этого ученія, преосвященный Іаковъ очевидно заинтересовался и вопросомъ, существуетъ ли подобнаго рода хлыстовщина въ западномъ краѣ, почему и обратился съ этимъ запросомъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Къ сожалѣнію полнаго отвѣта Академіи на запросъ преосвященнаго Іакова въ нашихъ матеріалахъ не сохранилось, но уплѣлъ любопытный документъ, сообщенный инспекторомъ Духовной Академіи архимандритомъ Макаріемъ Булгаковымъ, впоследствии митрополитомъ Московскимъ, по поводу возникновенія бичеванія въ Польскомъ краѣ. Вотъ это сообщеніе знаменитаго церковнаго историка.

Хотя еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства ревностные и благочестивые люди, памятуя то, что Спаситель былъ бичеванъ, усердно предавались этому роду покаянія, однако обычаи бичевать себя, заслужившій названіе «похвальнаго» въ церковной лѣтописи Баронія, началъ распространяться въ половинѣ XVI вѣка. Въ это время Бенедиктинскій монахъ св. Доминикъ, прозванный «панцирникомъ» отъ ношенія на голомъ тѣлѣ желѣзнаго панцыря, особенно ревностно совершалъ такое покаяніе; а товарищъ его, принадлежавшій къ тому же ордену, Петръ, сынъ Даміана изъ Равенны, впоследствии кардиналъ и епископъ Остійскій, убѣдительноѣше заповѣдалъ всѣмъ христіанамъ, особливо же инокамъ, обрядъ бичеванія, какъ спасительное средство къ снисканію отпущенія грѣховъ, уча, что давшій себѣ три тысячи ударовъ и пѣвшій при этомъ псалмы, получаетъ отпущеніе согрѣшеній на одинъ годъ. Это ученіе, утвержденное строгимъ житіемъ Петра, — житіемъ, котораго живые примѣры обыкновенно сильнѣе дѣйствуютъ на народъ, чѣмъ пустая слава учащихъ, если

они, при всемъ своемъ изыществѣ, заключаютъ въ себѣ только хвастовство добродѣтелю,— а также прославленное его благочестіе, побудило многихъ послѣдовать ему. Отсюда духовные и свѣтскіе, мужчины и женщины разнаго состоянія и возраста начали бить свое тѣло розгами, ремнями и цѣпочками и называли «дисциплиною» такой родъ покаянія, равно какъ и употребляемое при немъ орудіе, которое состояло изъ трехъ или четырехъ полосъ, а чаще всего изъ пяти, въ воспоминаніе пяти ранъ Христовыхъ. Государи, какъ, напримѣръ, Генрихъ II († 1056 году), употребляли для такой услуги своихъ духовниковъ, а св. Лудвигъ, девятый этого имени король французскій, носилъ при себѣ ящикъ изъ слоновой кости съ желѣзною плетью и весьма часто приказывалъ бичевать себя своему духовнику. Этотъ набожный монархъ раздавалъ подобнаго рода желѣзныя плети принцамъ и принцессамъ, какъ особенные знаки своей милости.

Такой примѣръ дурно понятаго благочестія постепенно распространялся, особенно же когда люди во время несчастій, униженія гнетомъ и при чрезмерныхъ бѣдствіяхъ лишившіеся всякаго чувства свободы, достоинства и человечества, въ своемъ умственномъ снѣ, не находили другого утѣшенія въ религіи, которую исказили своимъ фанатизмомъ католическіе патеры, погруженные сами во тьму грубаго невѣжества.

Убѣжденіе, что черезъ такое покаяніе можно достигнуть отпущенія грѣховъ и вѣчнаго спасенія, вдохновило въ 1260 году пустытника Райнера изъ Перуджіи усиленно предлагать этотъ способъ умилоствленія Всевышняго народу, упадающему подъ бременемъ несчастій и внутреннихъ войнъ, и учить, что всякій, кто не будетъ предаваться бичеванію и смиренно просить Бога объ успокоеніи и милосердіи, вскорѣ неминуемо погибнетъ отъ язвы. Эти слова ужаса и смущенія проникли насквозь умы, угнетенные бѣдствіемъ, и стѣсненные сердца. Они жадно бросились къ покаянію, указанному Райнеромъ. Въ позд-

нюю осень мужчины и женщины всякаго состоянія и возраста, внезапно, какъ бы по уговору, обнажась по поясъ, ходя по городу и поражая нагое тѣло дисциплиною, горестно вzywали къ Божіей Матери, чтобы Она соизволила исходатайствовать у Своего Сына отпущеніе имъ грѣховъ, и, отказавшись отъ прежнихъ неудовольствій и ненависти, просили другъ у друга прощенія, обвинялись и мирились. Потомъ, оставивъ родной городъ, съ длиннымъ впереди рядомъ хоругвей, обходили сосѣдніе города, въ которые входа, къ всеобщему изумленію, то на дорогѣ, то въ храмахъ совершали этотъ новый образъ покаянія. Поощряемые этимъ зрѣлищемъ горожане также присоединялись къ нимъ и, бичуясь и горячо моля Бога объ успокоеніи и милосердіи, спѣшили къ дальнѣйшимъ городамъ вмѣстѣ съ пришельцами и подобно рѣкамъ, разливающимся въ теченіи, непрерывно умножаясь въ числѣ, съ епископами и правителями впереди, обходя окрестныя мѣста, поощряли къ послѣдованію за собою людей обоѣго пола и всякаго состоянія и возраста. Этотъ новый родъ покаянія нашелъ столь многочисленныхъ послѣдователей, что перваго числа ноября того же 1260 года въ Модену прибыло съ хоругвями уже около 20,000 бичевниковъ; отсюда они разошлись въ послѣдствіи не только по другимъ областямъ Италіи, но также и по сосѣднимъ странамъ, особливо, когда Манфредъ, сдѣлавшійся королемъ Сициліи и Апуліи и завоевавшій часть областей Тусской и Анконской, а также Маркграфъ Палавичина въ Кремонѣ и другихъ своихъ владѣніяхъ, запретили общеніе съ бичевниками подъ смертною казнію, не столько изъ религиозныхъ видовъ, сколько изъ опасенія, чтобы, по поводу этого ученія, имъ не лишиться власти, которую они себѣ присвоили.

Когда въ концѣ того года (1260) и въ послѣдовавшемъ году эта толпа, составившаяся изъ стеченія разныхъ народовъ, перешедши Альпы, разлилась до Германіи, тогда она коснулась своею пагубною заразою и сосѣдней Поль-

ши. Въ самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству Башкопа, Познанскаго казначея, въ 1261 году начала заводиться и въ Польшѣ секта бичевниковъ, которыхъ толпы, пмѣя впереди себя двухъ людей съ хоругвями и свѣчами, обнаженные и только по чресламъ препоясанные, идя одинъ за другимъ и распѣвая какія-то пѣсни, больно сѣкли себя плетми и въ теченіе 30 сутокъ два раза на дню совершали это покаяніе, въ 1-мъ и 9-мъ часу, увѣренные, что, кто будетъ бичевать себя столь долгое время, тотъ получитъ отпущеніе всѣхъ грѣховъ. Янушъ, архіепископъ Гнѣзненскій, въ цѣлой митрополіи, подѣ страхомъ проклятiя, запретилъ подобныя стеченія народа и своими усиленными представленіями привелъ владѣтельныхъ князей къ тому, что они принялись истреблять эту секту, угрожая ея членамъ тюрьмою и лишеніемъ имущества.

Длугошъ, а за нимъ Матвѣй изъ Мѣхова и Нарушевичъ неправильно свидѣтельствуютъ, будто бы эта секта вышла изъ Франціи. Въ первомъ изъ нихъ мы читаемъ, что толпы этого общества, прибывъ въ Польшу, обходили страну въ торжественномъ порядкѣ, съ клобуками на головѣ, по обычаю монаховъ. Эти кающіеся, обнаженные по поясъ, били другъ друга по плечамъ дисциплинами о четырехъ пасмахъ съ узелками на концахъ, при чемъ каждый пѣлъ благочестивыя пѣсни на своемъ языкѣ. Эти люди исповѣдывались не священникамъ, но взаимно другъ другу и даже давали одинъ другому разрѣшеніе смертныхъ грѣховъ, утверждая, что ихъ ученіе и Богу весьма пріятно и душамъ родныхъ, даже вверженнымъ въ адскія муки, полезно и что умирающіе въ этомъ покаяніи наслаждаются спасеніемъ. Но какъ скоро эти ревнители, прибывъ въ Краковъ, посѣтили нѣкоторыя церкви и совершили въ нихъ свое покаяніе, то Прандота, епископъ Краковскій, выгналъ ихъ изъ города, угрожая имъ тюрьмою. И въ другихъ Польскихъ земляхъ, какъ выше сказано, они были приняты не лучше. Они вездѣ встрѣчали насмѣшки и презрѣніе.

Хотя эта секта, по причинѣ опасности своихъ правилъ, почти всюду была преслѣдуема и искореняема какъ свѣтскими, такъ и духовными властями, но, несмотря на суровыя постановленія противъ нея, она и въ позднѣйшее время до 1347 года неоднократно обнаруживалась въ разныхъ мѣстахъ—въ Италіи, Германіи и Польшѣ.

Нѣкоторые, впрочемъ, относятъ къ 1340 году начало дѣйствительной секты бичевниковъ, утверждая, что поводомъ къ распространенію этого ученія было стеченіе народа близъ Кремоны въ деревенькѣ Корриджизіордѣ въ числѣ почти 10.000 мужчинъ и женщинъ, происходившее 25 марта того года. Эти люди, босые и въ рубищѣ, шатались по деревнямъ и мѣстечкамъ, бичевались и просили милостыни. Впереди этой толпы шла дѣвушка дурного поведенія. Схваченная по приказанію Кремонскаго епископа она была затѣмъ сожжена на кострѣ.

Впрочемъ, ничто такъ не способствовало возрожденію и распространенію этого особеннаго рода покаянія, какъ то страшное повѣтріе, которымъ Европа была охвачена въ 1347 и послѣдующихъ годахъ. Эта зараза, занесенная въ Западные государства изъ Азіи, такъ свирѣпствовала почти во всѣхъ странахъ нашей части свѣта, что, по общему свидѣтельству историковъ, вскорѣ распространилась могильная тишина въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ, храмахъ, въ цѣлыхъ мѣстностяхъ и даже въ цѣлыхъ провинціяхъ. Разваливались опустѣлые города, въ которые приманка большихъ выгодъ звала новыхъ поселенцевъ. Проливные дожди разрушали дома и храмы, ибо не было никого, кто бы предохранилъ ихъ отъ истребленія.

Эти страшныя бѣдствія, соединенныя во многихъ округахъ съ великимъ землетрясеніемъ и, по сказаніямъ, поглотившія половину тогдашняго народонаселенія, имѣли чрезвычайное вліяніе на угрюмыхъ, одичалыхъ, смущенныхъ тягостію несчастій, но жившихъ глубоко-вкорененною и сильною вѣрою людей. И вотъ въ то время, желая молитвами отклонить отъ себя угрожающую опасность,

послѣдователи новаго образа покаянія, называемые бичевниками, разлились отъ Венгріи до Польши и достигли со-сѣдней ей Германіи, а также Франціи, Италиі и Англии.

Бичевники, которыхъ къ ихъ заблужденію главнѣй-шимъ образомъ привела молва, будто письмо, принесен-ное съ неба ангелами и поверженное на алтарь св. Петра въ Римѣ, накрѣпко заповѣдывало 33-дневное бичеваніе тѣла, какъ единственное средство искупленія предъ Спа-сителемъ, разгнѣваннымъ грѣхами христіанъ, указанное вслѣдствіе молитвы за нихъ Божіей Матери,—эти бичев-ники, имѣя красные кресты на головѣ спереди и сзади, или же на одеждѣ, босые и обнаженные по поясъ, сѣкли свое тѣло до крови по два раза днемъ и разъ ночью. Никому изъ нихъ не дозволялось собирать милостыню и потому они отнюдь не принимали въ свою общину людей безъ запасовъ; всѣ же вступавшіе въ нее были обязаны исповѣдываться и отпустить всякія вины всѣмъ, кого считали виновными предъ собою. Сперва нѣмцы другъ передъ другомъ приглашали ихъ къ своему столу, пере-бывая одинъ у другого эту честь. Но они нигдѣ не ѣли два раза и оставались не долѣе, какъ на ночь или на день. Многочисленныя толпы людей разнаго званія при-ставали къ этимъ ханжамъ, которые часто обращались съ рѣчами къ народу и, презирая священниковъ и легко-мысленно обращаясь съ Божіемъ словомъ и религіею, не воздавали подобающей чести святому причастію и все свое упованіе возлагали на свое ложное ученіе. Мужчины, перемѣшанные съ женщинами, босые, полуобнаженные, препоясанные только по чресламъ, въ клобукахъ, съ де-ревянными крестами въ рукахъ, каждый воспѣвая на своемъ нарѣчій пѣсни о Христовомъ страданіи и иныя, противныя нашей вѣрѣ, въ церквахъ и общественныхъ мѣстахъ жестоко сѣкли себя дисциплинами, имѣющими на концахъ по три узла съ желѣзными кольцами, или же, распростершись крестообразно, молились, или пѣли духов-ныя пѣсни, а между тѣмъ каждый изъ бичевниковъ пе-

республикавалъ черезъ лежащихъ такимъ образомъ и ударялъ каждаго своею плетью по одному разу. Несмотря на такія нелѣпыя и позорныя правила, несмотря на то, что къ этимъ толпамъ присоединился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сбродъ людей самаго дурного поведенія,—бичевники такъ далеко распространили свой обрядъ покаявiя, что въ разныхъ мѣстностяхъ къ нимъ приставали не только священники, но даже епископы.

Ан. Титовъ.

Ростовъ Великiй.

Пятидесятилѣтіе Соловецкаго пароходства.

Въ текущемъ году исполнилось 50 лѣтъ съ того времени, когда знаменитый Соловецкій монастырь, пріютившійся въ XV столѣтіи на бѣломорскихъ пустынныхъ Соловецкихъ островахъ, обзавелся своимъ пароходствомъ, имѣющимъ специальное назначеніе привозить и отвозить въ Архангельскъ своихъ посѣтителей богомольцевъ, число коихъ достигаетъ за лѣто до 15 тысячъ человекъ.

Учрежденіе пароходства стоило монастырю большихъ усилій и значительныхъ средствъ. Но тѣ благотворные плоды, какіе приноситъ теперь пароходство и самому монастырю и въ особенности богомольцамъ, побуждаютъ совсѣмъ забыть и о трудностяхъ дѣла и о большихъ затратахъ, сопровождавшихъ смѣлое предпріятіе иноковъ.

Чтобы вполне оцѣнить благодѣтельность учрежденія Соловецкаго пароходства въ отношеніи къ многочисленнымъ поклонникамъ Соловецкихъ святыхъ, необходимо припомнить о томъ способѣ перевозки богомольцевъ по морю, какой практиковался до учрежденія пароходства въ теченіе 400 лѣтъ.

I.

Прежній способъ переправы по Бѣлому морю къ Соловецкимъ островамъ.

Въ теченіе трехъ съ лишкомъ столѣтій, до половины XIX столѣтія, никакихъ особыхъ приспособленій съ этой стороны самимъ монастыремъ не предпринималось потому,

что до этого времени монастырь не имѣлъ привилегіи заниматься этимъ дѣломъ одинъ: имѣли полное право заниматься перевозкою и усердно занимались и частные люди, архангельскіе мѣщане. У постороннихъ промышленниковъ-перевозчиковъ было только то общее съ монастыремъ, что всѣ они перевозили чрезъ бурное Бѣлое море невзыскательныхъ паломниковъ въ утлыхъ небольшихъ парусныхъ закрытыхъ лодкахъ. Богомольцы стекаются въ обитель съ различныхъ сторонъ: изъ Архангельска, отстоящаго отъ Соловецкихъ острововъ на 350 в., изъ Оныи за 90 верстъ и изъ Кеми въ 60 верстахъ. Определенныхъ промежуточныхъ станцій почти нѣтъ ни на томъ, ни на другомъ пути; по крайней лишь нуждѣ приворачивали къ западному берегу Бѣлаго моря, или приставали къ попутнымъ пустыннымъ островамъ. Особенно былъ труденъ и опасенъ путь изъ Архангельска, который большею частью приходилось совершать безостановочно.

Какимъ испытаніямъ подвергались богомольцы-пассажиры на этомъ пути въ плохихъ, допотопной конструкціи лодкахъ, при сѣверномъ холодѣ, при морскомъ волненіи, и представить трудно. Только непоколебимая вѣра въ Бога и въ святость подвига ради Соловецкихъ угодниковъ заставляли переносить испытанія всякаго рода безропотно.

Въ 1851 г. наконецъ правительствомъ было дано Соловецкому монастырю исключительное право заниматься перевозкою къ себѣ своихъ паломниковъ. Монастырь вскорѣ обзавелся десяткомъ такъ называемыхъ «богомольческихъ» судовъ. Они устроены были по типу бѣломорскихъ «тресковыхъ» судовъ, т.-е. тѣхъ, на которыхъ поморцы до сихъ поръ промышленяютъ на Мурманѣ и привозятъ въ Архангельскъ треску. Представьте себѣ небольшое пузатое судно съ палубой и одной мачтой, увѣнчанной золотымъ крестомъ. Для устойчивости при морскомъ волненіи на дно судна погружается нѣкоторое количество булыжника, кое-какъ закрѣпленнаго и прикрытаго досками. На доскахъ этихъ и размѣщались пассажиры, въ перемежку съ прилучившимся грузомъ.

Таково было устройство Соловецких богомольческих судовъ, память о коихъ сохранилась у старожиловъ до сихъ поръ. Судно, наполненное невзыскательными паломниками въ числѣ 150—200 человекъ, смѣло пускалось въ бурное Бѣлое море, отдавалось произволу волнъ и подвергалось всякимъ случайностямъ. При попутномъ умѣренномъ вѣтрѣ оно, отправившись изъ Архангельска, достигало Соловецкихъ острововъ въ сутки съ небольшимъ; но при противномъ вѣтрѣ или при большомъ волненіи приходилось укрываться около попутныхъ острововъ и качаться иногда недѣли. Пассажирамъ за это время приходилось терпѣть и холодъ, и голодъ,—о морской болѣзни уже и говорить нечего.

Вотъ небольшой рассказъ одного изъ старыхъ паломниковъ, представляющій наглядно переправы изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь на Соловецкомъ богомольческомъ суднѣ. «Когда я прибылъ въ Архангельскъ», говоритъ рассказчикъ, «здѣсь на Соловецкомъ подворьѣ было уже скопленіе паломниковъ около 1000 человекъ. Они жили здѣсь уже недѣли въ ожиданіи очереди попасть на Соловецкое судно и пуститься въ море. Многіе выходили изъ терпѣнія и, истощивъ средства, готовы были возвратиться во-свояси. Дѣло было въ началѣ іюня 1858 г.; путь морской былъ уже открытъ ¹⁾, но судовъ не доставало, чтобы помѣстить заразъ тысячную массу жаждущихъ переправы. Вотъ, наконецъ, посчастливилось и мнѣ занять мѣсто на одномъ изъ только что возвратившихся изъ Соловецкой обители богомольческихъ судовъ. Я поспѣшилъ спуститься въ трюмъ черезъ единственное прорубленное въ срединѣ палубы квадратное окно, называемое «люкомъ». Въ трюмѣ было уже человекъ около 200. Размѣстились кто какъ могъ на монастырской кладѣ изъ кудей съ хлѣбомъ и солью. У всѣхъ было настроеніе

¹⁾ Путь открывается въ половинѣ мая, но ледъ по морю носится иногда и въ іюнѣ.

радостно-набожное. Многие странники и странницы, собравшись въ кружки, затаили заунывные духовныя «канти» (пѣснопѣнія) вродѣ «мимо раю — мимо свѣтлаго»... Въ такомъ настроеніи оставались пассажиры все время, пока плыли вдоль по рѣкѣ Двинѣ, на разстояніи 30 в. Но лишь вступили въ море, которое начало слегка волноваться, какъ настроеніе у всѣхъ разомъ перемѣнилось: большая половина пассажировъ почувствовала приступы морской болѣзни и искала спасенія въ лежаніи, уткнувшись въ уголь, а остальные еще крѣпились кое-какъ.

Наступила ночь, ночь сѣверная, июньская, отличавшаяся отъ дня отсутствіемъ лишь на полчаса за горизонтъ солнца. Вѣтеръ боковой начиналъ «свѣжѣть» все болѣе и болѣе. Волны поднимались все выше и выше, качка усиливалась; число страдающихъ морскою болѣзнью постепенно увеличивалось, слышались въ разныхъ углахъ стоны. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что боковая качка стала по временамъ перекидывать пассажировъ съ мѣста на мѣсто, отъ одной стѣны судна къ другой. Больные и трусливые изъ пассажировъ начали жаловаться на судьбу, раскаиваться, что пустились въ опасный и мучительный путь; нѣкоторые призывали на помощь Николая Чудотворца и Соловецкихъ Угодниковъ Зосиму и Савватія. Но вѣтеръ и качка не унимались».

«Я однако не страдалъ морскою болѣзнью и рѣшился подняться на палубу. Предъ моимъ взоромъ раскрылась доселѣ невиданная мною величественная, чудная, неподдающаяся описанію картина природы: ни съ одной стороны не замѣчалось ни малѣйшаго клочка земли: необъятное море у горизонтовъ сливалось съ небесной синевой такъ, что не легко было различить, гдѣ кончается море— гдѣ начинается небо; надъ нами куполообразный сводъ небесный,—подъ нами неизмѣримая глубина морская. Наша уютная посудина, переполненная людьми, неслась какъ бы въ воздушномъ пространствѣ. Все это вызывало въ зрителѣ и непонятный страхъ и благоговѣніе предъ непре-

дѣльнымъ величіемъ Творца и Промыслителя міра; такъ и хотѣлось воскликнуть: «Велій еси Господи, и чудна дѣла Твоя»...

«На палубѣ были только кормщикъ—арендаторъ Соловецкаго судна архангельскій мѣщанинъ и матросъ—рулевой. Кормщикъ зорко слѣдилъ за чрезмѣрно надутымъ парусомъ и направленіемъ судна. Судно, накренившись на лѣвый бокъ, то ныряло, спускаясь съ большихъ волнъ, то скакало съ одной небольшой волны на другую и несло впередъ довольно спѣшно».

«Вѣтеръ продолжалъ усиливаться, волны начинали уже взлѣтать на палубу,—предстояла необходимость въ закрытіи единственнаго люка, что и было сдѣлано, какъ скоро я спустился въ трюмъ. Такимъ образомъ, 200 челов. были наглухо закупорены въ суднѣ. Въ немъ было и тѣсно, и душно, и темно: люди двигались съ мѣста на мѣсто ощупью, наталкиваясь другъ на друга,—иногда подбрасываемые качкой, кормовой и боковой, падали на другихъ. Положеніе становилось невыносимымъ, но выхода никакого не предусматривалось. Обуяло всѣхъ почти отчаяніе, всѣ ждали съ часу на часъ гибели, всѣ во всеуслышаніе молились Богу о спасеніи, призывали на помощь Матерь Божію, угодниковъ Божіихъ, давали обѣты принести за спасеніе жертвы, совершить какой-либо подвигъ, собирали между собой деньги на общій умиловительный молебень».

«Спасеніе наше, конечно, не мало зависѣло и отъ прочности судна и опытности кормщика. На наше счастье и судно, и кормщикъ удовлетворяли своему назначенію: судно было новое, кормщикъ хорошо зналъ свое дѣло. Поскакавъ по волнамъ часовъ 20, дѣлая 3—4 узла ²⁾ въ часъ, кормщикъ рѣшился измѣнить курсъ: съ прямого пути на сѣверъ къ Соловецкимъ островамъ повернулъ на западъ къ Пертоминскому монастырю, стоящему на берегу Бѣлаго моря. Прошло еще нѣсколько часовъ, и мы были

²⁾ Узелъ равняется $1\frac{3}{4}$ версты.

уже на твердой землѣ. О, сколько было нами излито благодарностей къ Богу за спасеніе! Сколько были рады, избавившись невыносимо мучительной качки и болѣзни, продолжавшейся почти сутки! Многіе плакали слезами радости».

«Въ Пертоминскомъ монастырѣ пришлось, въ ожиданіи благопріятной погоды и попутнаго вѣтра для дальнѣйшаго плаванія, пробить двое сутокъ. Всѣ мы достаточно отдохнули и оправились, однако часть слабыхъ и трусливыхъ женщинъ рѣшились избрать путь пѣшей по берегу до ближайшаго къ Соловкамъ пункта, съ коего переправа по морю бываетъ непродолжительная и не столь опасная. Большинство же, въ томъ числѣ и я, снова рѣшились забраться въ свой боченокъ и отдаться произволу капризнаго моря. На этотъ разъ намъ посчастливилось: качка была не столь сильна, и страдали морскою болѣзнью только слишкомъ слабые».

Приведенный разсказъ насъ знакомитъ лишь съ обыкновеннымъ, сравнительно счастливымъ и благополучнымъ плаваніемъ. Но сѣверная погода и Бѣлое море такъ капризны и такъ измѣнчивы, что въ былое время соловецкимъ паломникамъ приходилось нерѣдко подвергаться несравненно болѣе продолжительнымъ и болѣе сильнымъ испытаніямъ, даже съ смертельными исходами: разъ было доставлено въ обитель семь женщинъ, умершихъ отъ продолжительной качки.

Въ послѣднее время особенно были памятны морскими бурями и несчастливымъ плаваніемъ Соловецкихъ судовъ годы: 1856 и 1860. Въ 1856 году непропущенная морскими бурями изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь ладья съ годовымъ запасомъ хлѣба и другой провіант замерзла и оставалась во льдахъ цѣлую зиму. Въ 1860 году два богомольческихъ судна были бурей прибиты къ каменистому западному берегу и настолько повредились, что пассажирамъ пришлось остальной путь около 100 верстъ доканчивать до ближайшей къ монастырю переправы пѣшкомъ. Въ 1859 году всю трудность переправы

моремъ изъ Архангельска въ монастырь испыталъ на себѣ новый настоятель архимандритъ Порфирій. Это путешествіе Соловецкаго настоятеля можно считать началомъ дѣла объ учрежденіи Соловецкаго пароходства. Умный, просвѣщенный, рѣшительный настоятель архимандритъ Порфирій, лично убѣдившись въ трудности переправы черезъ море въ монастырь, тогда же рѣшилъ обзавестись паровыми судами, съ успѣхомъ уже плававшими по русскимъ морямъ и рѣкамъ. Дѣло было новое и чрезвычайно нелегкое: нужно было прежде всего склонить Соловецкую братію, привыкшую жить по традиціямъ и избѣгавшую смѣлыхъ предпріятій, особенно сопряженныхъ съ большими издержками. Необходимо было заручиться сочувствіемъ и готовностію содѣйствовать со стороны своихъ и постороннихъ свѣтскихъ и духовныхъ особъ и т. д. Все это было подъ силу только человѣку, обладающему свѣтлымъ умомъ и сильною волею, каковымъ и былъ архимандритъ Порфирій ³⁾.

Положительно можно сказать, что учрежденіемъ своего пароходства Соловецкій монастырь обязанъ исключительно рѣшительности и энергіи своего настоятеля, архим. Порфирія. Учрежденіемъ Соловецкаго пароходства архимандритъ Порфирій воздвигъ себѣ навсегда незыблемый памятникъ.

II.

Учрежденіе пароходства.

Архимандриту Порфирію въ скоромъ времени удалось заинтересовать задуманнымъ учрежденіемъ Соловецкаго пароходства и Соловецкую братію и Архангельцевъ. Отовсюду послышались одобренія и сочувствія. Начали поступать предложенія отъ различныхъ коммерсантовъ и фабрикантовъ съ готовностію или уступить готовые подержанные пароходы, или устроить новые, приспособленные

³⁾ Скопчался въ 1865 г.

спеціально къ перевозкѣ черезъ море пассажировъ. Но ни архимандритъ Порфирій, ни соловецкая братія не считали себя компетентными въ окончательномъ рѣшеніи столь важнаго вопроса и рѣшились обратиться за совѣтами къ людямъ, болѣе свѣдущимъ, — именно къ начальству Архангельскаго военнаго порта и къ Архангельскому военному генераль-губернатору контръ-адмиралу Константину Ивановичу Истоминому.

И портовое начальство, и генераль-губернаторъ изъяснили полную готовность содѣйствовать осуществленію добраго начинанія и дѣйствительно оказали архимандриту Порфирію въ этомъ дѣлѣ существенную незамѣнимую услугу.

Г. генераль-губернаторъ Истоминъ чрезъ сношеніе съ русскимъ представителемъ въ Лондонѣ А. А. Пещуровымъ скоро доставилъ въ монастырь подробныя свѣдѣнія о томъ, что хорошій новый пароходъ можетъ быть устроенъ въ Англіи за 85 т. руб. сер. Монастырь съ благодарностію принялъ сообщеніе, но сразу воспользоваться имъ пока не рѣшался въ виду потребности на дѣло столь большаго капитала.

Къ удовольствію архимандрита Порфирія и братіи нашелся другой выходъ, не требующій столь большихъ затратъ денегъ.

Между прочимъ, послѣдовало предложеніе отъ купца Бранта купить у него готовый грузовой желѣзный морской пароходъ «Волга». Послѣ немалыхъ затрудненій по перепискѣ съ г. Брантомъ, дѣло пошло на ладъ, и въ началѣ 1861 года этотъ пароходъ за 13000 руб. сер. поступилъ во владѣніе монастыря. Тогда же, въ Архангельскѣ по возможности подготовленный для удобныхъ лѣтнихъ плаваній съ богомольцами, онъ весной явился на морѣ, какъ Соловецкій пароходъ, съ новымъ именемъ «Вѣра».

Въ теченіе зимы 1861/2 года, усиленною дѣятельностію братіи, въ докѣ монастырскомъ, онъ успѣлъ совершенно преобразоваться изъ грузового въ пассажирскій, съ хо-

рошо отдѣланными каютами, для высшаго и средняго класса богомольцевъ, и удобными нарами для низшаго. Кромѣ того, многое исправлено въ пароходѣ снаружи, поновлено и разукрашено внутри. Рано весной, съ открывшеюся навигаціею, пароходъ «Вѣра» явился на водахъ Бѣлаго моря, какъ бы новый, большой, красивый.

Не обманулась обитель въ своей надеждѣ на хорошій исходъ своего предпріятія. Пароходъ «Вѣра», не имѣя ни одного почти соперника въ Бѣломъ морѣ, началъ носиться съ сотнями поклонниковъ по линіи между Архангельскомъ и Соловецкимъ монастыремъ быстро (20—24 часа въ одинъ рейсъ), безопасно и благополучно, какъ нельзя лучше. Казалось, прекратились всѣ непріятности и жалобы, которыя доселѣ встрѣчали и провожали почти каждое утлое судно. Пароходъ «Вѣра» одинъ отнялъ дѣло почти у всѣхъ судовъ парусныхъ. Восхищалась обитель отъ радости такой благой переменны на морскомъ пути въ ней. Она съ удовольствіемъ и постепенно однихъ гостей стала встрѣчать у себя, другихъ провожать, тогда какъ прежде приходилось иногда принимать ихъ при благопріятной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ цѣлыми тысячами вдругъ, а въ ненастное время не видѣть ни одного человѣка ⁴⁾. Въ первый разъ обитель имѣла утѣшеніе слышать отъ посѣтителей не жалобы на непріятности въ бурномъ морѣ, а благодарность за удовольствіе, которымъ наслаждались въ пути.

Явная выгода⁵⁾ и удобство плаванія черезъ море на пароходѣ «Вѣра» произвели то, что еще въ первую навигацію почти никто изъ богомольцевъ не рѣшался уже отправляться въ монастырь на парусныхъ судахъ, отъ чего произошло, что многія сотни изъ нихъ ожидали въ Ар-

⁴⁾ Въ теченіе лѣта ежегодно перебиваетъ въ обители богомольцевъ до 10 тысячъ человѣкъ. Бывало, къ Соловецкой пристани придеть вдругъ до 7 судовъ изъ Архангельска и нѣсколько съ другихъ сторонъ, и число поклонниковъ за одинъ разъ было до 4000 человѣкъ.

хангельскѣ возврата парохода изъ обители, издерживались, томились скукою и обременяли собою городъ; другая часть богомольцевъ томилась и скучала въ монастырѣ, въ ожиданіи отъѣзда своего на пароходъ въ обратный путь, а пароходъ, и по истеченіи срочнаго времени, не являлся иногда въ пристань Соловецкую. Съ нетерпѣніемъ спѣшили къ берегу богомольцы, завидѣвъ пароходъ еще вдали, и едва успѣвали сойти съ него прѣзжіе, какъ истомившіеся ожиданіемъ, за пять и болѣе дней, торопились занять свои мѣста. Должно было вновь разводить пары—и пароходъ, по краткомъ, часто двухъ-часовомъ отдохновеніи, опять пускался въ море. Такое новое неудобство для богомольцевъ при плаваніи на одномъ пароходѣ, еще въ 1861 году, заставило Соловецкую обитель собрать всѣ свои матеріальныя силы, чтобы пріобрѣсти для той же цѣли другой необходимый пароходъ.

Съ прекращеніемъ навигаціи 1861 г. были сдѣланы всѣ распоряженія по другому предпріятію, и приступлено къ постройкѣ въ монастырскомъ докѣ новаго судна. Въ теченіе всей зимы 1862 г., несмотря ни на какія бури и непогоды, тысячи рукъ братіи, богомольцевъ и наемныхъ людей безпрерывно трудились; стукъ топора, молота, лѣсопильнаго завода и токарнаго станка умолкалъ только въ самую глухую ночь; работа кипѣла,—однимъ словомъ, дѣло шло спѣшно подъ руководствомъ рекомендованнаго архангельскимъ портовымъ начальствомъ энергичнаго и знатока своего дѣла, комендора Кошшиня. Такимъ образомъ, къ концу апрѣля, деревянный, прочно и надежно отстроенный корпусъ для новаго парохода, въ полномъ видѣ, съ внутреннею и наружною отдѣлкою, былъ готовъ. Въ то же время въ Шотландіи, по заказу чрезъ англичанина Гандисейда, приготовлена за 28 тысячъ руб. новая машина въ 60 силъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ эта машина доставлена уже была на корабль въ Архангельскъ, и, несмотря на непредвидѣнныя немалыя препятствія со стороны таможни, скоро прибыла въ монастырь и поставлена на

мѣсто нарочно прибывшими изъ Шотландіи съ фабрики тремя искусными механиками англичанами.

Въ первыхъ числахъ августа на водахъ, омывающихъ Соловецкіе острова, красовался уже второй Соловецкій изящно устроенный новый пароходъ, съ именемъ «Надежда», который доказывалъ свою готовность къ вѣрной службѣ частными удачными пробными рейсами. Въ первые дни явленія въ свѣтъ новичка любопытные не сводили глазъ съ него и съ нетерпѣніемъ ждали подвиговъ новаго парохода на бурныхъ водахъ угрюмаго Бѣлаго моря.

15-го августа—въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, послѣ торжественныхъ богослуженій въ храмахъ Божіихъ, при звонѣ колоколовъ, открытъ изъ церкви крестный ходъ на пристань, сопровождаемый братією и множествомъ богомольцевъ. Послѣ должнаго молитвословія, пароходъ «Надежда» освященъ окропленіемъ святой воды, съ произнесеніемъ замѣчательной рѣчи о. архимандритомъ Порфиріемъ⁵⁾, въ которой ораторъ между прочимъ назвалъ новый пароходъ «подвижнымъ храмомъ Божіимъ, малою церковію Христовою»...

Черезъ нѣсколько часовъ пароходъ «Надежда», подъ гулъ колоколовъ, съ богомольцами и цѣлымъ обществомъ монаховъ - пассажировъ, въ главѣ коихъ былъ самъ о. настоятель, въ первый разъ понесся въ открытое море... Долго остававшаяся на берегу братія провожала его взорами, привѣтствуя похвалами пароходъ, а плователей молитвеннымъ искреннимъ желаніемъ благополучнаго плаванія и низкими поклонами.

Кто не былъ въ этотъ рейсъ на пароходѣ, тотъ, конечно, не почувствовалъ удовольствія, которымъ пишуцій это имѣлъ счастье наслаждаться. Не обращая вниманія на неблагоприятную дождливую погоду, мы трепетно восхищались отъ удовольствія быть въ морѣ на новомъ суднѣ. Когда каменные берега дрожали отъ грома колоколовъ, и

⁵⁾ Рѣчь эта напечатана была въ „Духовной бесѣдѣ“ 1862 г. Церковн. Лѣт., стр. 860.

священный гулъ этихъ благовѣстниковъ, разсѣкая воздухъ, уносился далеко впередъ—ликъ иноковъ - пассажировъ стройнымъ хоромъ гремогласно пѣлъ прощальный умиленный церковный гимнъ: Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему съ миромъ... Затѣмъ послышались: Спаси, Господи, люди Твоя... Въ чернѣмъ мори неискусобрачныя Невѣсты образъ написася иногда...

Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній, мы незамѣтно удалялись быстро отъ пристани. Вскорѣ начался водосвятный молебенъ, съ окончаніемъ котораго мы очутились довольно далеко. Отъ взоровъ нашихъ уже скрылись золотые кресты обители, и впереди представилась безконечная даль широкаго моря, сомкнувшагося съ небеснымъ сводомъ. Горизонтъ неба сталъ чище и нѣсколько какъ бы предвѣщалъ благопріятную погоду, что дѣйствительно и сбылось на утро. Солнце, медленно опускаясь въ пучину моря, какъ бы на ночной отдыхъ, рдѣло подъ тонкою завѣсою и будто прощалось съ нами. Вѣтеръ утихъ. Широкія воды преобразились въ одну необъятную равнину, которую колеса парохода и самый пароходъ бороздили. На пароходѣ царствовало мертвое безмолвіе; каждый, обративъ взоры къ морю, какъ бы съ нимъ только и говорилъ, говорилъ и съ самимъ собою, съ своею душою, которой почему-то было тѣсно въ тѣлѣ своемъ: она уносилась въ безконечность, трепетно взирала на дѣла Творца и въ глубокомъ умиленіи повторяла: велий еси, Господи, и чудна дѣла Твоя! Впереди приближалась къ намъ страшная мгла ночная, которой нѣсколько уподоблялся нашъ, далеко тянувшійся позади, черный кудрявый дымъ. Вдругъ послышался на другомъ концѣ парохода звонъ въ маленькій колоколъ: это былъ благовѣсть ко всенощному бдѣнію по случаю праздника нерукотворенному Образу Господню. Мгновенно всѣ собрались въ одну толпу и молились Богу... Все это наглядно подтверждало слова о. архимандрита Порфирія, что пароходъ отсель есть подвижной храмъ Божій... И это насъ пловцовъ много радовало.

Ночью былъ такой сильный вѣтеръ, что даже бывшія на пароходѣ въ трюмѣ лошади, истощивъ въ борьбѣ силы, не могли стоять на ногахъ. Однако, все обошлось благополучно.

Наконецъ, 17 августа въ 10 часовъ утра, при яркомъ солнечномъ свѣтѣ и тихой погодѣ, показался Архангельскъ. Въ виду его иноки составили на палубѣ стройный хоръ и въ чувствахъ благодарности за благополучное плаваніе, воспѣли священный гимнъ Господу: Тебе Бога хвалимъ. Пристань наша въ Архангельскѣ и берега были унижены разноцвѣтною публикою, которая съ привѣтствіемъ встрѣтила насъ, жадно смотрѣла на новое судно и поспѣшила, какъ скоро присталъ пароходъ, набиться въ него до тѣсноты съ цѣлю полюбопытствовать, обзрѣть и оцѣнить новое судно.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней стоянки пароходъ «Надежда» съ утра до вечера подвергался осмотру со стороны любопытныхъ специалистовъ и неспециалистовъ, которыхъ было очень не мало.

О. настоятель, архимандритъ Порфирій, въ благодарность за успѣхъ въ своихъ трудахъ и согласно желанію братіи, восхотѣлъ доставить удовольствіе бѣднѣйшимъ изъ своихъ ближнихъ сосѣдей, гражданъ архангельскихъ и соломбальскихъ—прокатиться на новомъ пароходѣ до Соловецкой обители бесплатно. — Было опубликовано о такомъ распоряженіи Соловецкаго настоятеля по всему городу чрезъ печатныя объявленія. Въ назначенный къ отъѣзду день, съ утра, пароходъ весь былъ занятъ пассажирами, несмотря на то, что онъ долженъ былъ отправиться послѣ 12 часовъ дня. Многіе изъ торговцевъ, особенно соломбальскихъ, посѣщали вступить въ число пассажировъ, не извѣстивъ даже своихъ домашнихъ. Число охотниковъ простиралось до 600 человекъ.

Впередъ и обратно даровое плаваніе на новомъ пароходѣ, при весьма тихой солнечной погодѣ, совершилось, какъ нельзя лучше. Пассажиры были всѣ въ восхищеніи

отъ удовольствія, какое испытали въ морѣ и въ обители ⁶⁾).

Затѣмъ, въ теченіе двухъ недѣль, пароходъ «Надежда» еще неоднократно подвергался подробному освидѣтельствуванію и испытанію на Двинѣ со стороны особой комиссіи, составившейся изъ членовъ управленія Архангельскаго порта. 29 августа гг. члены комиссіи составили свой актъ освидѣтельствванія, коимъ и признали его прочнымъ и благонадежнымъ во всѣхъ отношеніяхъ для плаванія по Вѣлому морю. — Отъ сего числа пароходъ «Надежда» ноступилъ на дѣйствительную службу общему благу.

Оба Соловецкихъ парохода—«Вѣра» и «Надежда»—не отличались грандіозностію размѣровъ, но были очень приличны и удовлетворяли своему назначенію десятии лѣтъ безъ существенныхъ измѣненій ⁷⁾).

Въ самомъ началѣ существованія пароходства было установлено, чтобы эти пароходы, какъ пароходы монастырскіе, занимающіеся перевозкою паломниковъ, жаждущихъ духовной пищи, напоминали собой «малые подвижные храмы». Въ этомъ расчетѣ на тотъ и другой пароходъ на лѣтнее время назначается особый іеромонахъ, который и совершаетъ на пароходѣ дневныя службы и нужныя для богомольцевъ требы, имѣя запасныя Святые Дары.

Съ этою же цѣлью, при отсутствіи на пароходахъ буфетовъ, запрещается пассажирамъ имѣть съ собою спиртные напитки и курить табакъ.

Пароходами управляютъ способные монахи, пріобрѣтая практикой и сдачею въ Архангельскомъ портѣ экзаменовъ званіе «шкиперовъ» и «машинистовъ». Весьма добрую оставили по себѣ память изъ первыхъ шкиперовъ и машинистовъ четыре человѣка: это іеромонахъ Александръ Заборщиковъ, командовавшій около 20 лѣтъ пароходомъ

⁶⁾ Всего этого я, случайно, былъ опять очевидцемъ.

⁷⁾ „Вѣра“ служитъ до сихъ поръ, но „Надежда“ уже отслужила.

«Надежда» и монахъ Іоаннъ Падоринъ, плававшій 8 лѣтъ на англійскихъ корабляхъ по всѣмъ морямъ и въ послѣднее время управлявшій Соловецкимъ пароходомъ «Вѣрою»; изъ машинистовъ—монахъ Вонифатій и монахъ, послѣ игуменъ, Θεодосій. Всѣ уже скончались. Вѣчная имъ память!

На зиму Соловецкіе пароходы ставятся въ Соловецкій докъ, гдѣ и починаются.

Въ настоящее время Соловецкій монастырь имѣеть уже три парохода, въ томъ числѣ и старый «Вѣра».

Страданія, какимъ подвергались Соловецкіе паломники до 1861 г., отошли уже въ область преданій. Правда, по временамъ бываетъ Бѣлое море настолько бурнымъ, что и пароходами играетъ, какъ мячикомъ, но это случается очень рѣдко и на очень короткое время. Опытные шкипера по барометру легко предусматривають наступающую перемѣну и не пускаются въ море въ дурную погоду.

Остается пожелать Соловецкому монастырю совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ болѣе и болѣе. Учредителямъ же пароходства, и особенно главному виновнику дѣла архимандриту Порфирію, да воздается въ потомствѣ вѣчная благодарность и память.

Протоіерей Іоаннъ Сырцовъ.

Еще о Ростовской новоявленной иконѣ „Умиленія“.

Милости Божіей Матери, чрезъ Ея новоявленную св. икону, льются неистощимой рѣкой. Нѣтъ никакой возможности записывать и провѣрять всѣ случаи Ея благодатной помощи вѣрующимъ. Многіе изъ удостоившихся этой помощи не считаютъ нужнымъ заявлять о ней, храня лишь въ сердцѣ своемъ тайну своихъ скорбей и урочеванія ихъ.

Изъ объявленныхъ за послѣднее время случаевъ помощи Царицы Небесной приведемъ лишь нѣкоторые, наиболѣе поразительные и удостовѣренные:

Въ среду Св. Пасхи сего 1911 года въ Благовѣщенской церкви происходило торжество возложенія на икону Божіей Матери цѣнной ризы, сооруженной на пожертвованія благочестивыхъ гражданъ. При множествѣ стекшихся богомольцевъ, св. икона прежде всего была вынута изъ киота и возложена въ алтарѣ на св. престолѣ. Здѣсь, по прочтеніи надъ ризою установленной молитвы и окропленія ея св. водою, риза была прикрѣплена архіереемъ къ иконѣ. Пѣвчіе пѣли стихиры въ честь Божіей Матери. По окончаніи украшенія иконы, архіерей, вынеся ее изъ алтаря, осѣнилъ Ею съ амвона предстоящій народъ, со слезами умиленія принявшій это благословеніе новою своею святынею. Минута была захватывающая.

Какъ бы въ изъявленіе благоволенія Царицы Небесной къ сему усердію Ея почитателей и богомольцевъ, этотъ день ознаменовался новымъ чудомъ отъ св. иконы, сви-

дѣтелями во его были всѣ, до тѣсноты переполнявшіе церковь, богомольцы.

Минуть за 10 до начала литургіи, ко св. иконѣ подвѣдѣли бѣсноватую женщину. Несчастливая, едва удерживаемая пятью сильными мужчинами, кричала такимъ неистовымъ голосомъ, что присутствующіе въ ужасѣ затыкали уши. Съ неимоверными усиліями ее подвели кое-какъ къ образу и силою заставили коснуться головою св. иконы. Въ тотъ же моментъ несчастная какъ снопъ свалилась на землю къ подножію кіота и лежала какъ бездыханная. Полагали даже, что она умерла, видя ея мертвенно блѣдное лицо. Окружающіе со слезами молились о милосердіи къ болящей, потрясенные происходящимъ. И вотъ, полежавъ недолго, вдругъ эта женщина встаетъ, поднимается совершенно спокойная, со слезами на лицѣ крестится, сама цѣлуетъ съ умиленіемъ и радостію икону Владычицы и идетъ въ толпу либующаго народа. Взрывъ радости и благодаренія Богу многочисленныхъ свидѣтелей чуда не поддается описанію...

Исцѣленная женщина — крестьянка дер. Нелидова, Переяславскаго уѣзда, Влад. г., Глѣбовской волости и прихода, Евдокія Иванова Данилова, 44 лѣтъ, страдавшая своею ужасною болѣзнію 4 года. Много средствъ и усилій прилагала она къ своему выздоровленію, но все было тщетно. Узнавъ о новой иконѣ Владычицы, дала съ мужемъ своимъ обѣтъ—сходить въ Ростовъ, куда дѣйствительно пришла и въ тотъ же день получила исцѣленіе.

* * *

Ростовская гражданка г-жа Блаженова рассказала и засвидѣтельствовала о себѣ письменно слѣдующее:

Будучи тяжело больна, она видѣла во снѣ около своего дома (надѣво отъ двора) какое-то новое строящееся зданіе, на которомъ стояла Царица Небесная въ необыкновенномъ сіяніи. Обрадованная такому дивному видѣнію, я—говоритъ г. Блаженова — стояла, молилась и спраши-

вала: *«куда эту Царицу Небесную поставят?»* Мнѣ на это отвѣтили: *«тутъ Ее и поставятъ! вотъ Ей и мѣсто припасено!»* Услыхавъ это, я радовалась, что Царица Небесная отъ моего дому будетъ такъ близко стоять. Но тутъ вдругъ все видѣнное мною опять пропало. Это было во вторникъ, 8-го марта 1911 года. Въ этомъ же свѣг-жа Блаженова видѣла затѣмъ, какъ къ ней, лежащей на постели, подошла какая-то женщина и спросила: *«что ты лежишь?»* Болящая отвѣчала: *«хвораю, вотъ и лежу»*. Тогда явившаяся говоритъ: *«полно лежать! вставай и молись Царицѣ Небесной! Она исцѣлила дѣвочку, и тебя дожидается!..»* Пробудившись, больная стала молиться, посылала своего сына въ Благовѣщенскую церковь отслужить молебень Царицѣ Небесной и принести св. воды отъ Нея. Когда больную покропили и попили св. водою, ей сразу сдѣлалось легче, и вскорѣ она уже могла ходить.

* * *

Города Нерехты, Костромской губерніи, мѣщанская вдова Екатерина Феопемптова Соколова, 42 лѣтъ, по занятію прачка, живущая въ г. Ярославль, сообщила, что предъ Пасхою сего 1911 года, спускаясь по ступенямъ высокой лѣстницы съ кадучкою, она сначала выронила изъ рукъ кадучку, а затѣмъ полетѣла и сама за нею, упала на нее бокомъ и тяжело расшиблась. Первое время она не могла даже и вздохнуть. Боль въ боку была такая, что Соколова на могла ни лежать, ни сидѣть, ни ходить спокойно, и нѣсколько ночей совсѣмъ не могла даже заснуть. Доктора дѣлали перевязки, забинтовывая ушибленный бокъ, а потомъ посовѣтовали ей даже лечь въ больницу, предупреждая, что требуется продолжительное лѣчение. Такъ какъ въ Ярославль требовалась плата за лѣчение, то Соколова рѣшила какъ-нибудь добраться до своего родного города Нерехты и лечь тамъ. Въ этихъ видахъ она попросила написать своимъ роднымъ письмо,

извѣщая, что ѣдетъ въ больницу и прося встрѣтить ее, тяжело болящую. Вслѣдъ за письмомъ, она вскорѣ же собралась и сама въ путь. На вокзалѣ въ Ярославлѣ она, уже готовая сѣсть на Костромской поѣздъ, разговорилась съ какой-то женщиной, которая рассказала ей о новой иконѣ Божіей Матери, прославляющей въ Ростовѣ многими чудесами отъ Нея. Соколова, слыша объ этомъ, вдругъ разгорѣлась непреодолимымъ желаніемъ побывать въ Ростовѣ, воскликнувъ: *«не поѣду и я къ земнымъ врачамъ, а поѣду я лучше въ Ростовъ! Можетъ, и меня исцѣлитъ Врачъ Небесный!»* И тотчасъ, попросивъ купить себѣ другой билетъ, взамятъ уже купленнаго, она сѣла на Ростовскій поѣздъ и прямо съ вокзала направилась въ Благовѣщенскую церковь. Здѣсь служили молебны. Церковь была настолько полна молящимися, что больная не рѣшалась съ больными боками протискиваться черезъ толпу, а прилегла пока въ отдаленіи и начала горячо молиться. Вскорѣ она чувствуетъ какъ-будто силу исполнить свое желаніе подойти ко св. образу, и дѣйствительно — вставъ, протискивается черезъ толпу и припадаетъ къ Царицѣ Небесной со слезами умиленія, прося себѣ помощи. Долго еще молилась она, не выходя изъ церкви; потомъ — облегченная — пошла на одинъ изъ постоянныхъ дворовъ и здѣсь, впервые послѣ многихъ малосонныхъ и совершенно безсонныхъ отъ боли ночей, легла отдохнуть, *легла нарочно на больной бокъ*, желая лучше провѣрить свое облегченіе, и крѣпко уснула. Проснувшись, она, со всѣмъ уже легко себя чувствуя, опять была въ Благовѣщенской церкви. Потомъ, довольная очевиднымъ улучшеніемъ своего здоровья, рѣшила сходить помолиться еще въ Лавру преподобнаго Сергія. *«Спѣшить домой не буду!»* — говорила она себѣ: *«вѣдъ все равно лежала бы теперь въ Нерехтѣ, а теперь — слава Богу, что хоть могу побогомольничать!»* И пошла пѣшкомъ въ Лавру. Шла все время очень легко, ночи вездѣ спала спокойно. Повязки докторовъ сразу же сбросила, храня на память въ

своемъ дорожномъ кошелѣ и показывая всѣмъ въ удостовѣреніе своего исцѣленія.

Побывавъ въ Лаврѣ, опять заходила въ Ростовъ, гдѣ на сей разъ и повѣдала все съ ней происшедшее, со слезами благодарности къ Царицѣ Небесной, Которую единственно считаетъ своею Исцѣлительницею.

* * *

Еще болѣе поразительный случай рассказанъ и засвидѣтельствованъ письменно крестьяниномъ деревни Воробылова, Угодичской волости, Алексѣемъ Николаевичемъ Оедосѣевымъ, который, начитавшись разныхъ современныхъ вольнодумныхъ книгъ, долгое время былъ совершенно невѣрующимъ. Онъ пишетъ въ своемъ показаніи:

«Разумныхъ, Господи, яко правда судьбы Твоя и воистину смирилъ мя еси!..» «Преосвященнѣйшій Владыко! Да будетъ позволено мнѣ грѣшному повѣдать дивныя дѣла Царицы Небесной надо мной грѣшнымъ.

20-го сего апрѣля, въ среду, я былъ въ своей родной деревнѣ по случаю бракосочетанія моего родного брата. Когда всѣ гости разъѣхались, между нами (мой братъ и его жена и моя жена) зашелъ разговоръ о новоявленной иконѣ Божіей Матери въ Благовѣщенской церкви и о чудесахъ отъ Нея. Моя жена рассказывала невѣсткѣ, что какъ въ томъ домѣ, гдѣ исцѣлила Царица Небесная дѣвочку, хотятъ устроить часовню, и при этомъ сказала, что за этотъ домъ выдаютъ (будто бы) много денегъ. Я же грѣшный тутъ вставилъ неумѣстное слово: «вотъ счастье!» Но—этого мало. Моя жена, продолжая рассказывать, сказала, что Божія Матерь исцѣлила еще вѣскольکو человекъ. Я же окаянный сказалъ, «а кто это видѣлъ?» Жена же мнѣ сказала: «что ты? невѣрующій что ли?» (надо замѣтить, что она мнѣ много разъ говорила сходить помолиться предъ иконой Матери Божіей, я же подъ разными предлогами все отълаживалъ сходить помолиться). И вотъ, когда я сказалъ вышеприведенныя слова, какъ въ ту

же минуту со мной стало дѣлаться дурно. Я почувствовалъ слабость во всемъ тѣлѣ, какъ передавали—поблѣднѣлъ, и губы посинѣли, и почувствовалъ, что языкъ мой начинаетъ деревнѣть, словомъ—почувствовалъ, что я вотъ сію минуту овѣмью. Я поднялся съ мѣста и сказалъ: *«Господи! со мной что-то дурно! Родимые мои! что-то со мной не ладно дѣлается!.. Господи! прости меня! Царица Небесная! я сказалъ нехорошо»*... И сталъ молиться, но лучше не было. Тутъ я вспомнилъ, что въ горницѣ видѣлъ на кіотѣ (божницѣ) книжечку съ описаніемъ чуда Божіей Матери. Тогда я ушелъ въ горницу и, раскрывши книжку, сталъ молиться предъ изображеніемъ иконы Божіей Матери. Помолившись, я взошелъ въ избу и сталъ ходить по комнатѣ. Родные стали ужинать, говорятъ и мнѣ: *«садись ужинать!»* Я сѣлъ, но лишь только хлебнулъ 2 ложки, опять чувствую, что языкъ мой плохо мнѣ повинуется. Я вышелъ опять въ горницу и вновь молился. Потомъ взялъ книжечку съ собой въ избу, по совѣту жены прочиталъ описаніе чуда и прочиталъ молитву ко Пресвятой Богородицѣ, и поставилъ изображеніе Божіей Матери вновь на божницу и помолясь сѣлъ на лавку. Жена же молилась на колѣняхъ со слезами. И такъ я сидѣлъ минутъ 20—30, мысленно каюсь и призывая Божію Матерь помиловать меня. Жена говоритъ, что спрашивала меня нѣсколько разъ, какъ я себя чувствую? Не помню я, слышалъ или нѣтъ ея вопросы (былъ въ какомъ-то забытьи). Наконецъ, она воскликнула: *«Матерь Божія! у него впрямъ языкъ отнялся?»* Я это слышалъ... И вдругъ—о чудо! Мой языкъ помимо моей воли сталъ выговаривать: *«Я тебя пощадила! смотри: впредь не позволяй!»* И съ меня какъ бы что спало, и я въ ужасѣ вскочилъ съ мѣста и сказалъ женѣ: *«Маша! ты слышала?»* Она говоритъ: *«слышала»*. Я вскрикнулъ: *«дивны дѣла Господни и Его Пречистой Матери!»* Жена съ умиленіемъ и испугомъ смотрѣла на меня. Братъ и невѣстка тоже. Я сказалъ: *«родимые мои! Саша (брату)! голубчики! Божія Матерь меня*

простила!» И всѣ стали молиться. Невѣстка слышала тѣ слова, но говорить, что не поняла. И всѣ мы прославили дивныя и великія чудеса Царицы Небесной. О, Пресвятая Богородице! благодарю Тебя, что помиловала меня грѣшнаго и недостойнаго Твоей милости! Не остави же насъ Твоимъ милосерднымъ вразумленіемъ бѣдныхъ грѣшниковъ! Обращай и вразумляй подобныхъ мнѣ невѣрующихъ и заблуждающихся!..»

Въ заключеніе своего показанія Ѳедосѣевъ пишетъ: «если угодно будетъ, все мною вышеписанное могу подтвердить съ клятвою». Искренняя рѣчь крестьянина Ѳедосѣева, при такихъ его завѣреніяхъ, не оставляетъ сомнѣнія въ достовѣрности имъ описываемаго, что подтверждала и его плачущая жена.

Поразительно то, что здѣсь второй разъ Божія Матерь пользуется устами человѣческими для сообщенія Своей воли.

* * *

Купеческая жена Е. М. Гудкова долгое время страдала какою-то непонятною болѣзью рукъ. Каждую весну и осень на нихъ появлялась краснота, опухоль. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ дѣлались очень болѣзненными, причиняя сильныя страданія. Всѣ средства для устраненія этой болѣзни не приносили никакой видимой пользы. Въ великомъ посту нынѣшняго 1911 года она видѣла во снѣ икону Божіей Матери, подобіемъ какъ въ Благовѣщенской церкви и слышала голосъ: *«оттой молебень Мнѣ и Кресту, и выздоровѣешь!»* Болящая исполнила повелѣнное ей и отслужила молебень въ Благовѣщенской церкви Кресту и Умиленію Божіей Матери. Послѣ этого ночью она опять увидѣла во снѣ Саму Царицу Небесную, Которая, приблизившись къ ней, сказала: *«покажи Мнѣ твои руки, Я пришла помочь Тебѣ»*. Когда болящая протянула свои руки, Царица Небесная маленькими щипчиками вытащила изъ одной ея руки маленькаго червячка и, показывая его, промолвила:

«*вотъ это и есть твоя болѣзнь! теперь же ты здорова*». И, дѣйствительно, проснувшись, она увидѣла свои руки совершенно здоровыми, приведя въ удивленіе ихъ здоровымъ видомъ всѣхъ своихъ домашнихъ, привыкшихъ видѣть эти руки опухшими и красными. Исцѣленная горячо благодарила потомъ Царицу Небесную особымъ благодарственнымъ молебномъ, сообщивъ священнику о своемъ исцѣленіи.

* * *

Извѣстный всему Ростову иконописецъ В. В. Лопаковъ сообщилъ любопытныя свѣдѣнія о св. новоявленной иконѣ, прося записать сообщенное имъ, какъ *самое первое чудо* отъ этой иконы.

Въ 1906 году, по случаю возобновленія Благовѣщенскаго храма, упомянутому иконописцу поручено было промыть, очистить отъ копоти и грязи и, гдѣ можно, исправить всѣ иконы верхняго предѣла Благовѣщенской церкви. Въ числѣ этихъ иконъ была и икона Умиленія, бывшая тогда запрестольною. По недостатку мѣста на столахъ маленькой квартиры Лопаковыхъ, иконы лежали въ мастерской Лопакова прямо на полу, въ рядъ одна съ другой. «Умиленіе» стояло дальше всѣхъ. Иконы промывались и реставрировались по очереди, которая до «Умиленія» должна была дойти очень нескоро. Неожиданно, однако, эту очередь пришлось ускорить. Икона произвела какое-то особое сильное впечатлѣніе на жену иконописца, которая стала усердно просить мужа: «промой ее, Володя, поскорѣе, да я поставлю ее къ себѣ и буду. Ей молиться». Иконописецъ исполнилъ просьбу жены: икона, дотолѣ черная и грязная, была тотчасъ очищена отъ множества копоти и грязи, промыта, покрыта олифою, вѣнчикъ ея подзолоченъ (въ поправкахъ собственно письма иконы не оказалось никакой надобности), и она, точно новая и живая, возсіяла во всей своей неописанной красотѣ и какой-то особенной, неземной выразительности и умилен-

ности. Жена благоговѣнно поставила св. икону въ особой комнатѣ и усердно стала молиться передъ нею о своихъ горестяхъ и скорбяхъ, главная изъ коихъ была для нея та, что мужъ ея былъ очень слабъ—часто запивалъ, губя свои таланты и счастье ихъ семейной жизни. Молитва эта была услышана: все время, пока стояла икона въ домѣ иконописца, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ вину, хотя прежде ни могъ устоять и трехъ мѣсяцевъ безъ того, чтобы не предаться своей несчастной слабости.

* * *

Большая милость Божія, явленная г. Ростову въ прославленной св. иконѣ, обязываетъ и насъ къ усугубленію нашего усердія къ прославленію имени Божія и Царицы Небесной — благочестивою жизнію, возстановленіемъ и укрѣпленіемъ добрыхъ нравовъ, молитвенно-умилненнымъ настроеніемъ и дѣлами милосердія и любви къ ближнему. Надлежитъ также позаботиться и о достойномъ увѣковѣченіи чуда, положившаго начало прославленію новой св. иконы. Способъ такого увѣковѣченія достаточно ясно подсказывается обстоятельствами дѣла. Уже теперь многочисленныя толпы богомольцевъ, посѣдая Благовѣщенскій храмъ и поклонившись св. иконѣ, текутъ и къ дому Лепешкиныхъ, умоляя показать, *«гдѣ были сладочки Царицы Небесной?»* да и научить, *«какъ вы Ей, Матушкѣ, молитесь?»* Все это говоритъ о необходимости того, чтобы въ домикъ Лепешкиныхъ была устроена въ память посѣщенія Божіей Матери часовня, гдѣ, не измѣняя обстановки, все могло бы оставаться на своемъ мѣстѣ, лишь въ углу теплились бы неугасимыя лампадки и свѣчи по усердію богомольцевъ. Здѣсь могла бы быть сооружена и поставлена и икона, изображающая Божію Матерь такую, какою Она благоволила явиться дѣвочкѣ. Засимъ эта дѣвочка могла бы тутъ находиться всегда, поддерживая свѣтъ лампадъ и свѣчей и вообще завѣдывать всею часовнею. Правда,

Лепешкины ни за какія деньги дома этого, ставшаго для нихъ столь дорогимъ, не продадутъ. Но они уступили бы его для устройства часовни при условіи, если бы рядомъ имъ дана была возможность помѣститься въ особомъ домикѣ, который стоилъ бы не такъ дорого.

Еще было бы лучше, если бы на этомъ мѣстѣ удалось устроить пріютъ хотя человекъ на 10 припадочныхъ дѣтей, по образцу устроеннаго въ С.-Петербургѣ въ домѣ мальчика Николая Грачева, послѣ исцѣленія его въ часовнѣ Скорбящей Божіей Матери. Въ этомъ случаѣ мать Лепешкиной могла бы завѣдывать хозяйствомъ пріюта, отецъ—исполнять всѣ требующія мужскихъ рукъ работы, а дѣвочка, кромѣ ухода за своею часовнею, помогать матери въ ея трудахъ по пріюту. Это было бы поистинѣ прекраснѣйшимъ и достойнѣйшимъ увѣковѣченіемъ столь дивной милости Царицы Небесной городу Ростову. Можетъ быть, нашлись бы добрыя души, которыя дали бы и средства на это и помогли безотлагательно устроиться сему святому дѣлу, въ благодарность и прославленіе Царицы Небесной.

Замѣчательно, что къ обращенію дома Лепешкиныхъ въ часовню ведетъ ихъ какъ будто особая высшая сила. Они свидѣтельствуютъ, что съ самаго дня прославленія иконы въ домѣ становится имъ жить какъ-то жутко. Страхъ овладѣваетъ ими, и они все болѣе и болѣе чувствуютъ, что не могутъ и не должны жить рядомъ съ такимъ благодатнымъ мѣстомъ обычною суетною и многомятежною человѣческою жизнью!..

Епископъ Іосифъ.

DUM SPERO—SPIRO.

Братъ! Корабли при свѣтѣ звѣздъ
Плывуть и въ мглистой тьмѣ ночей.
До смерти не теряй надеждъ,
Съ нихъ не своди своихъ очей!
Онѣ помогутъ намъ итти,
Какъ звѣзды, въ жизненномъ пути.

В. К. Недзвецкій.

FESTINA LENTE!

Спросили: почему вотъ этотъ кустъ хирѣеть?

Послѣдовалъ отвѣтъ: «онъ энергично цвѣлъ».

Такъ въ жизни средь людей тотъ дольше не старѣеть,

Кто потихоньку жить и дѣйствовать умѣлъ,

А вспыльчивый порывъ скорѣхонько слабѣеть.

В. К. Недзвекій.

НА МЫСЛЬ ДОКТОРА ГААЗА.

Спѣши благотворить, не медли помогать,
Поторопись хоть грошъ несчастному подать
И помни, чтобъ къ себѣ не чувствовать укора:
Въ нуждѣ, въ большой бѣдѣ твори ты помощь скоро.

В. К. Недзвецкій.

ГРИГОРІЙ ФЕОДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ¹⁾.

Если когда-нибудь будетъ обсуждаться вопросъ, въ какой странѣ труднѣе пробить себѣ дорогу генію, таланту, въ какой странѣ труднѣе жить, работать, развиваться генію и проявить себя во всемъ блескѣ своихъ дарованій, то родной Россіи будетъ отведено если не первое мѣсто, то уже, навѣрное—далеко не послѣднее.

Выясненіе причинъ подобнаго трагическаго положенія потребуесть многихъ стопъ бумаги, создастъ цѣлую литературу.

Гр. Θ. Львовскому, не менѣе чѣмъ другимъ выдающимся талантамъ, выпало на долю переиспытать за 64 г. жизни различныхъ невзгодъ духовныхъ, душевныхъ и тѣлесныхъ страданій; и если онъ проявилъ при этомъ свой геній, геніальное терпѣніе, то исключительно благодаря своей искренней религіозности, всегда памятуя, что никакія страданія человѣка не сравнятся со страданіями Христа: если бы не было страданій Христа, то каждый страдающій человѣкъ превозносилъ бы свои страданія выше мѣры.

Подойдя со мною ²⁾ къ висѣвшему въ залѣ его квартиры портрету митрополита Григорія, Гр. Θ. сказалъ: «Только три года прожилъ я здѣсь счастливо подъ крыломъ незаб-

¹⁾ Продолженіе. См. майскую кн. *Душен. Чит.* за 1911 г.

²⁾ Съ Гр. Θ. я видѣлся 11 дней въ моей жизни, живя въ его квартирѣ, въ одинъ изъ пріѣздовъ въ С.-Петербургъ, въ концѣ декабря 1891 года и въ началѣ января 1892 года.

веннаго владыки и могъ исполнять за службами то, что мнѣ было по душѣ и въ чемъ я признавалъ настоящее церковное пѣніе». Изъ сказаннаго видно, что послѣдующіе годы, а ихъ было болѣе 30, служенія Гр. Θ. были годами незаслуженныхъ душевныхъ страданій. Причиною этихъ страданій было малое вниманіе митрополита Исидора къ церковному пѣнію и его исполненію, т.-е. не проявлялось такого вниманія, которое было существенно необходимо по тому времени и какого желалъ бы Гр. Θ. Къ тому же отпускаемыя на хоръ Александро-Невской Лавры средства были очень скудны, общежитіе требовало ремонта и т. п.

Неизмѣримо счастливѣе оказался въ этомъ отношеніи преемникъ Гр. Θ., И. Я. Терновъ.

Малое вниманіе митрополита Исидора къ своему хору, къ своему композитору-регенту и къ тому, что поють въ храмѣ, а также къ духовно-музыкальнымъ произведеніямъ своего регента, звучало удручающимъ аккордомъ во всей жизни Гр. Θ. Какими же могучими силами обладалъ Гр. Θ., если онъ мало того, что переносилъ все это, но находилъ еще возможность отдаваться творчеству.

Отношенія нѣкоторыхъ начальствующихъ духовныхъ лицъ къ своимъ даже выдающимся регентамъ рѣдко соотвѣтствуютъ заслугамъ послѣднихъ. Зависитъ это отъ того, что первые по своему высокому положенію и дѣятельности или не имѣютъ времени на большее вниманіе къ своимъ подданнымъ въ лицѣ регентовъ, даже и такихъ какъ Гр. Θ., или вообще свысока смотрятъ на нихъ, низводя ихъ на линію прочей меньшей братіи и послушниковъ до келейника и повара включительно ¹⁾. — Регенты же въ виду сознаваемыхъ своихъ рѣдкихъ дарованій, въ виду несомнѣнно высшаго собственнаго значенія и зна-

¹⁾ Повару заказываютъ кушанья, а регенту духовно-музыкальные № для службы. Невольно вспоминается и Моцартъ, имѣвшій, по его словамъ, честь обѣдать у г. камердинера своего начальника—архiepископа.

ченія хора (созданнаго затратою громадныхъ силъ) для церковнаго богослуженія, дають себѣ оцѣнку далеко превосходящую оцѣнку начальствующихъ. Отсюда вѣчная драма въ душѣ регента, драма, невѣдомая начальнику.

Жизнь регента—особенная жизнь.

На клиросѣ она полна постоянныхъ тревогъ и опасеній за удачное исполненіе того или другого произведенія, того или другого отдѣльнаго мѣста въ этомъ произведеніи, а сносное исполненіе зависитъ отъ массы причинъ: отъ общей и нотной грамотности пѣвчихъ, отъ физическаго и духовнаго состоянія ихъ и т. п. Нервы регента на клиросѣ въ ежесекундномъ напряженіи: хорошо поетъ хоръ—трата нервной и духовной силы на воспріятіе этихъ высшихъ ощущеній; плохо, невнимательно, апатично поетъ хоръ—подавленное состояніе духа и еще нужнѣе трата нервной энергіи для направленія хора на настоящую дорогу. Для художественнаго исполненія духовно-музыкальныхъ произведеній регенту необходимо самому быть художникомъ, необходимы особенныя высшія способности, которыя отразились бы какъ на выборѣ произведеній, (если этотъ выборъ зависитъ отъ регента, что рѣдко бываетъ), такъ и на стилѣ исполненія. Для всего этого необходима наличность высшихъ духовныхъ силъ, высшихъ чувствъ не только у регента, но и у пѣвчихъ; а регенту, помимо этихъ силъ и чувствъ, необходимо обладать еще особенными душевными силами, которыя заставили бы пѣвчихъ проникнуться высшими чувствами, подняться на высоту, необходимую для духовнаго исполненія пьесы.

Лица, обладающія подобными высшими чувствами, а тѣмъ болѣе рѣдкимъ даромъ духовно-музыкальнаго творчества, каковымъ въ полнотѣ былъ надѣленъ Гр. О., вправѣ ожидать отъ всѣхъ особеннаго къ себѣ вниманія и уваженія. Это уваженіе можетъ проявиться также только тогда, когда лица, отъ которыхъ зависитъ хоръ, обладаютъ художественными чувствами. Для правильной оцѣнки духовно-музыкальныхъ произведеній, для правильной оцѣн-

ки ихъ исполненія, для правильной оцѣнки духовной силы и художественной работы регента и пѣвчихъ также необходимо присутствіе высшихъ духовныхъ и художественныхъ силъ въ цѣнителяхъ.

Но сколько ни тернистъ путь регента, сколько ни скудна его домашняя обстановка, все же сносна была бы его жизнь, если бы онъ получалъ правильную оцѣнку своей работы, правильную оцѣнку исполненія хоромъ того или другого произведенія. Рѣдко кто задумывается надъ вопросомъ, чего стоитъ регенту достиженіе только безошибочнаго и стройнаго пѣнія, не говоря уже о художественномъ исполненіи пьесъ.

Какъ ни старательно, какъ ни художественно была исполнена на клиросѣ, по мнѣнію регента и поющихъ, та или другая служба, регентъ не можетъ быть спокойнымъ: онъ съ трепетомъ ждетъ отзыва начальства, а этотъ отзывъ не всегда совпадаетъ съ мнѣніемъ регента и пѣвчихъ, а иногда, и по различнымъ причинамъ, по тому или другому настроенію начальства, идетъ въ полный разрѣзъ. Регентъ ожидаетъ похвалы, одобренія, а получаетъ или холодный взглядъ, или порицаніе, или выговоръ. Не менѣе неприятно выслушивать сужденіе объ исполненіи и отъ постороннихъ лицъ разнаго ранга. На всѣхъ не угодишь, а между тѣмъ церковное пѣніе такой предметъ, въ которомъ каждый считаетъ себя знатокомъ и понимающимъ человѣкомъ. Подобная оцѣнка ложится тяжелымъ гнетомъ на душу. Если эта душа находится въ постоянномъ припадкѣ, если она, отчасти по этому же, не въ состояніи проявлять въ полнотѣ свои силы, то насколько же велики ея страданія? А Гр. Ѳ., какъ мы видѣли раньше, не всегда имѣлъ даже возможность пѣть съ хоромъ свои дивныя произведенія, замѣняя ихъ подчасъ шаблонными вещами.

Наконецъ мы подходимъ къ самымъ трагическимъ страницамъ жизни Гр. Ѳ. Страницы эти открываются смертью митрополита Исидора, послѣдовавшей въ сентябрѣ 1892

года, за два года до кончины его регента Гр. О., который служилъ ему болѣе 30 лѣтъ.

Многочисленными письмами въ эти два года Гр. О. даетъ полную картину этихъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, а потому и обратимся къ этимъ письмамъ.

Изъ письма къ А. Н. К. отъ 2-го октября 1892 года.

«Что же вы, дорогой мой, перестали ворковать!..

Давно не имѣю отъ васъ извѣстій и недоумѣваю, что бы сіе значило?.. Даже на письмо мое изъ Финляндіи вы не отвѣтствовали; здоровы ли, и что съ вами дѣется?

Прошу вашего немедленнаго отвѣта.

По прїѣздѣ изъ Финляндіи 20 августа, мнѣ пришлось много потрудиться надъ приготовленіями къ празднику св. Александра Невскаго, а вскорѣ скончался и нашъ митрополитъ; вотъ тутъ я положительно выбился изъ силъ.

Отпѣваніе было полное, безъ пропусковъ, а мы его въ такомъ видѣ никогда не исполняли; пришлось почти съ утра и до самаго глубокаго вечера работать; въ день же отпѣванія и похоронъ мы были въ церкви съ 9-ти до 3-хъ часовъ. По окончаніи службы я едва добрался домой и въ теченіе 3-хъ дней едва могъ двигаться по комнатѣ.

Старога владыку мы похоронили, а новаго ожидаемъ и не знаемъ,—каковъ будетъ для хора и для нашего дѣла???

Изъ письма отъ 16 декабря 1892 г.

«Начну вашими же словами: «Неужели вы не вѣрите», что долгое молчаніе еще не есть признакъ желанія огорчить кого-либо изъ своихъ друзей, и почему вы не подумаете хорошенько о моемъ настоящемъ положеніи!.. Новый митрополитъ, да еще, къ несчастію, *любитель* ¹⁾.. новые порядки, и пѣніе—все по новому или возвращеніе къ временамъ Сарти, Галуппи и прочихъ мастеровъ по фабрикаціи нашего православнаго церковнаго пѣнія.

¹⁾ Курсивъ Гр. О.

Вотъ мнѣ и приходится теперь, на склонѣ дней, когда я радовался за принятое направленіе въ нашей церковной музыкѣ¹⁾, съ сердечною скорбію и слезами на глазахъ, служить не дѣлу, а лицу, и не такъ, какъ бы желалось, а какъ велятъ; нахожусь теперь между молотомъ и наковальнею и не знаю еще, что будетъ дальше, но теперь мнѣ очень жутко...

А меня теперь считайте несчастнымъ человѣкомъ, повѣсившимъ носъ не на квинту, а на цѣлую октаву.

Изъ письма къ А. Н. К.

«Вчера я отправилъ къ вамъ письмо, а сегодня получилъ ваше, — значитъ, мы другъ о другѣ думаемъ, и взаимная связь любви и дружбы продолжается, какъ и подобаетъ.

Тревожное состояніе сомнѣвающейся во всемъ души вашей меня очень печаливаетъ; но, къ прискорбію, кромѣ своего глубокаго сочувствія, ничего въ утѣшеніе предложить не могу. Изъ всѣхъ вашихъ стоновъ и воздыханій видно, что вы слишкомъ много живете сердцемъ, и къ головѣ своей, которая, слава Богу, довольно свѣтла, не часто обращаетесь, а это ужъ и нехорошо!

Результаты жизни сердцемъ безъ частаго обращенія къ разсудку всегда бываютъ плачевны.

Думать, что всѣ люди должны быть прекрасны, добры и во всемъ намъ сочувствовать, есть великое заблужденіе; жизнь всѣхъ тружениковъ преисполнена терній, и потому, если возможно, то необходимо отстранять отъ себя колючія мѣста, если же этого сдѣлать невозможно, то намъ только и остается думать, что такъ намъ на роду написано.

Въ свое будущее я смотрю безъ страха, потому что, претерпѣвъ физически и нравственно многіе годы, претерплю и то малое время, которое осталось въ моей жизни.

Будетъ новый владыка милостивъ и внимателенъ къ

¹⁾ Курсивъ составителя.

своему хору, порадоюсь и послужу, принеся остатокъ силъ своихъ,—а не будетъ, то мнѣ не привыкать стать, еще потерплю, а въ случаѣ чего, то не задумаюсь уйти на покой, да и пора! Въ августѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года прошло ровно 50 лѣтъ моего пребыванія на клиросѣ: началъ съ маленькаго пѣвца и дошелъ до высшей степени блирснаго послушанія. Чего же еще?.. Благодареніе Богу за вся, яже ми содѣлалъ даже до сего дне.

Очень радъ, что у васъ прибавилось занятій; все-таки меньше времени будетъ вамъ печалиться. Я сужу по себѣ: когда нахожусь за дѣломъ, то я все на свѣтѣ забываю.

Съ произведеніями г. Сокольскаго постараюсь познакомиться, и думаю, что должны быть хороши, если вамъ понравились. Слава Богу! Нужно радоваться прибавленію числа дѣятелей на нашемъ поприщѣ, а то наши заправилы поставили свои фонари, и думаютъ, что кромѣ ихняго свѣта нѣтъ другого, да и быть не должно!

Вся моя семья благодарить васъ за добрыя о ней воспоминанія и шлетъ вамъ и семейству вашему привѣтъ и поклонъ. Жена и дѣти всегда читаютъ ваши письма съ особеннымъ удовольствіемъ».

Изъ письма къ Л. С. Р. отъ 31 декабря 1892 г.

«Переживаю я теперь тяжелые дни: новый начальникъ, новыя требованія, новый или, лучше сказать, стародавній взглядъ на церковное пѣніе; всѣ стремленія къ возстановленію древняго церковнаго пѣнія и устроенію его въ церковномъ духѣ и стилѣ долой! Подавай Сарти, Галуппи даже Моцарта (не знаю съ какой стороны) et tutti quanti заморскихъ фабрикантовъ нашего православнаго церковнаго пѣнія.

Поэтому можете судить о моемъ положеніи. Выписывается регентъ архіерейскаго хора изъ Тамбова, который будетъ называться младшимъ регентомъ и который, зная вкусъ новаго владыки, постарается удовлетворить его требованіямъ; но все-таки подѣ моимъ наблюденіемъ».

Изъ письма къ А. Н. К. отъ 5 января 1893 г.

«Служебныя обст^нтельства мои приняли другое направление: митрополить, не говоря никому ни слова, выписалъ изъ Тамбова регента Арх. хора г. Тернова, (котораго онъ давно знаетъ, какъ бывшаго у него въ Рязани регентомъ) и, какъ видно, предложилъ ему занять мое мѣсто; но г. Терновъ прямо заявилъ митрополиту, что замѣнить меня онъ не можетъ, а если желаютъ, то онъ готовъ быть моимъ сотрудникомъ и работать въ угоду и во вкусъ митрополита, только подъ моимъ руководствомъ. Тогда рѣшено было, что г. Терновъ дѣлается младшимъ регентомъ, а я остаюсь въ качествѣ руководителя и наблюдателя старшимъ регентомъ. Хотя это и лестно для меня, и труды мои значительно облегчаются, но я душевно желалъ бы и совсѣмъ развязаться со службою: очень ужъ надобно быть вѣчно подъ гнѣтомъ. Хочется хоть остатокъ дней испытать, что значить быть свободнымъ гражданиномъ: вѣдь я 50 лѣтъ на клиросѣ и не знаю, что значить праздникъ. Все сіе пишу вамъ какъ доброму и вѣрному другу, прося сохранить въ тайнѣ и не сообщать объ этомъ ни единому человѣку. Что будетъ дальше еще, неизвѣстно, но положеніе мое находится въ напряженномъ состояніи.

Всѣмъ сердцемъ радуюсь, что вы нашли себѣ утѣшеніе въ устройствѣ концертовъ, и что они прошли съ успѣхомъ; но очень сожалѣю, что вы не прислали программы. Подвигъ не малый, а по вашему не вполне крѣпкому здоровью не легкій; очень вы не увлекайтесь, поберегите свое здоровье и сохраните, при хлопотахъ съ концертами, должное хладнокровіе.

Да укрѣпитъ васъ Господь и поможетъ во всѣхъ трудахъ на пользу искусства».

Изъ письма къ Л. С. Р. отъ 26 марта 1893 г.

«Что реку и что возглаголю?.. Писать обо всемъ, что происходитъ въ области церковнаго пѣнія и служенія моемъ этому искусству, значило бы огорчить и васъ до глубины души, а этого я не желаю. Не писалъ вамъ, потому что не могъ, да и теперь пишу съ трудомъ; на мени

часто находить столбнякъ, и я все думаю, что происходящее не есть дѣйствительность, а тяжелый сонъ или кошмаръ. Прискорбна душа моя, даже до смерти; бодрый духъ мой сравнялся съ плотію, и уже другъ друга не укоряютъ. Не думайте, что я скорблю объ оставленіи мною службы: я всѣмъ сердцемъ готовъ хоть сейчасъ уйти, но, по многимъ причинамъ, вынужденъ изображать изъ себя временно обязаннаго,—а когда дадутъ мнѣ полную свободу, не знаю, но чувствую, что все это должно скоро совершиться. И вотъ, когда я почувствую себя свободныхъ гражданиномъ, тогда повѣдаю вамъ обо всемъ и въ подробности.

Поздравленіе ваше съ пятидесятилѣтіемъ моего регентства ошибочно!—я писалъ вамъ, что прошло 50 лѣтъ моего пребыванія на клиросѣ, т.-е. пѣвца, а затѣмъ уже и регентства, но и регентству моему скоро будетъ 40 лѣтъ. Ошибка ваша могла бы послужить причиною прибавки и вамъ нѣсколькихъ годочковъ, а этого, хотя мы и не женщины, не особенно желательно.

Вы забыли, что когда мы впервые видѣлись съ вами въ Могилевѣ, я былъ еще юнецъ, а вы въ полномъ возрастѣ и регентъ Каменецъ-Подольскаго архіерейскаго хора. Бесѣдуя съ вами, я какъ-будто приободрился и, какъ видите, подшутилъ, а это со мною теперь рѣдко бываетъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать глубокочтимому и доброму преосвященному Иларіону мой земной поклонъ и испросить для меня его святительскаго благословенія; а васъ, добрый другъ, прошу помолиться за меня, чтобы милосердый Господь не оставилъ меня во время старости и устроилъ мою и семьи моей судьбу, по своей благодати.

Благодареніе Богу, что хоть вы, наклонѣ дней, имѣете добраго начальника, а мнѣ Богъ послалъ въ концѣ жизни и службы тяжкое испытаніе».

Изъ письма къ А. Н. К. 26 марта 1893 г.

«Ради Бога, простите и не вините, что давно не пи-

саль вамъ,—а не писалъ потому, что все это время находилъ и нахожусь въ угнетенномъ состояніи. Вы себѣ представить не можете, что происходитъ въ исполненіи церковнаго пѣнія въ управляемыхъ мною хорахъ!

Все передѣлано, и всѣ лучшія пѣснопѣнія (особенно мои труды) замѣняются другими, привезенными изъ разныхъ мѣстъ, безграмотными и невыдерживающими критики — однимъ словомъ, зданіе, надъ которымъ я не мало потрудился, рушится, а на его мѣстѣ строятся лачужки, безъ всякихъ правилъ архитектурнаго художества!

Вы поймете состояніе больной души моей и придете къ убѣжденію, что не писалъ я вамъ потому, что не хотѣлъ огорчать васъ, зная, что вы огорчитесь не менѣе меня самого. Нахожусь я въ положеніи временно-обязаннаго, но когда дадутъ мнѣ полную свободу, не знаю??? А когда это будетъ, и я почувствую полную свободу, напишу вамъ обо всемъ подробно; теперь же умоляю васъ ни на минуту не сомнѣваться въ моей къ вамъ дружбѣ и расположеніи; излить предъ вами всю свою скорбь я не въ силахъ, и сіи нѣсколько строкъ я съ большимъ трудомъ написалъ. На меня часто находятъ столбнякъ, и я все думаю, что происходящее не есть дѣйствительность, а тяжелый сонъ или такъ называемый кошмаръ.

Вотъ вамъ, дорогой мой, и письмо, которое, если и не порадуетъ васъ, то, по крайней мѣрѣ, послужитъ увѣреніемъ въ неизмѣнности моихъ къ вамъ чувствъ любви и дружбы, съ коими и остаюсь навсегда!..»

А. Карасевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ЛОНѢ СЕЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ.

Раннее лѣтнее утро...
Солнце ужъ вышло въ дозоръ;
Въ капляхъ росы перламутры
Видитъ обманчивый взоръ.

Въ чащѣ лѣсовъ раздается
Пѣсня прилетныхъ гостей,
Какъ бы въ отвѣтъ имъ несется
Звонъ съ монастырскихъ церквей.

Нива, зерномъ наливаясь,
Вдаль безъ границъ разлеглась,
Свѣтлому дню улыбаясь,
Пахаря радуя глазъ.

Точно рѣзвясь и играя,
Мчится журча ручеекъ.
Гдѣ-то, людей пробуждая,
Слышенъ пастушій рожокъ.

Спѣшно возставши отъ ложа,
Всякій на дѣло идетъ...
Призри съ небесъ и виждь, Боже,
И посѣти Твой народъ.

Дай ему знанье и силы
Свято свой трудъ совершить,
Духъ его слабый, унылый
Ты поспѣши укрѣпить,

Чтобы, сліясь въ союзъ тѣсный,
Мы, дѣти праха земли,
Вмѣстѣ съ природою пѣсней
Славить Тебя всѣ могли!

И. Евимій.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Профессоръ В. О. Ключевскій.

Имя профессора В. О. Ключевского настолько общеизвѣстно, по поводу его смерти такъ много говорилось въ печати, что сказать о немъ что-нибудь новое и неизвѣстное рѣшительно невозможно. Не ново будетъ, если скажемъ, что это былъ,—безъ всякаго преувеличенія,—величайшій ораторъ, который положительно приковывалъ къ себѣ вниманіе всѣхъ слушателей, когда входилъ на свою профессорскую кафедру. Одни изъ учениковъ Василія Осиповича знаютъ его по академіи, а другіе по университету; но онъ, конечно, былъ одинъ и тотъ же какъ въ академіи, такъ и въ университетѣ. Пишущій эти строки былъ ученикомъ Ключевского по академіи и хорошо помнитъ еще то время, когда Василій Осиповичъ читалъ свои лекціи въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Лекціи молодого доцента были, говорятъ, даже еще лучше, чѣмъ впоследствии, когда Ключевскій сдѣлался «старъ». Средняго роста, немного сутуловатый, въ очкахъ, прищуривая глаза и немного какъ-будто заикаясь, начиналъ Ключевскій свои лекціи, и всѣ онѣ продолжались не болѣе пяти минутъ. Такъ казалось. Только что Ключевскій началъ лекцію, только что слушатели забыли о всемъ постороннемъ, не относящемся къ предмету русской исторіи, какъ уже лекція кончается, бьетъ звонокъ. Эти лекціи были до-нельзя увлекательны, несмотря на свое серьезное содержаніе; Ключевскій былъ въ буквальный смыслъ артистъ на профессорской кафедрѣ, подчинявшій себѣ всѣхъ, кто только его слушалъ. Слушать его хотѣлось всѣмъ, не только въ теченіе мнимыхъ пяти минутъ, но цѣлые дни, цѣлыя ночи. Студенты академіи изобрѣтали всякіе поводы, чтобы зайти къ Ключевскому, когда онъ пріѣзжалъ въ

Сергіевъ посадъ, въ старую гостиницу, гдѣ онъ бралъ себѣ на два дня 50 копеечный номеръ, двери котораго были всегда отперты, хотя бы Ключевскій въ это время и спалъ. Если онъ спалъ, то его можно было разбудить. Изъ деликатности студенты приходили къ нему, конечно, только тогда, когда онъ уже долженъ былъ выспаться. Такой простоты отношеній у студентовъ не было ни съ однимъ профессоромъ, даже съ Д. Ѳ. Голубинскимъ. Когда они приходили въ номеръ, и Ключевскій пробуждался, то первымъ долгомъ самъ зажигалъ на столѣ стеариновую свѣчку и послѣ первыхъ вопросовъ, относящихся, конечно, къ русской исторіи, начиналъ читать двоимъ, троимъ или нѣскольکو болѣе студентамъ новыя лекціи, столь же интересныя и увлекательныя, какъ и въ аудиторіи. Къ познаніямъ студентовъ Ключевскій относился весьма снисходительно. Онъ, повидимому, хорошо сознавалъ, что ничего похожаго на какую-нибудь дѣйствительную исторію студенты отъ своихъ прежнихъ учителей не слыхали, и изъ его лекцій и частныхъ бесѣдъ знакомились съ нею въ первый разъ. Но отвѣчая на какіе угодно вопросы по своей спеціальности и постоянно всѣхъ увлекая, Ключевскій обыкновенно дѣлалъ лишь легкіе намеки, какъ-будто только мимоходомъ и проговариваясь, на методы, при помощи которыхъ онъ могъ достигнуть своего изумительнаго знанія. Увлекаясь его ораторскими приѣмами и ораторскою рѣчью, студенты совершенно упустили изъ виду, что за кулисами былъ положенъ огромный трудъ, была огромная работа и надъ самимъ собой, и надъ наукой. Эта работа не была никому замѣтна, видны были только ея результаты, которые ослѣпляли и поражали всѣхъ своимъ блескомъ. Никому даже не приходило и въ голову спросить, какъ все это достигается. Ключевскій былъ плотникъ, который не училъ своихъ работниковъ строить дома, но постоянно самъ ихъ строилъ, не пользуясь ничѣю постороннею помощью. Его соотрудники только видѣли, какъ появляется предъ ними одно великолѣпное изящное зданіе за другимъ, но сами почти не принимали участія въ этой работѣ. Иногда Ключевскій ихъ за это очень легко и деликатно стыдилъ. Однажды, напр., онъ заговорилъ на своей лекціи о Фюстель-де Куланжѣ и тутъ же прибавилъ: «я думаю, что вы всѣ знакомы съ этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ». Знакомы были съ Куланжемъ, конечно, только немногіе, и тутъ же послѣ лекціи поже-

дали съ нимъ познакомиться. Читали, но интереснаго находили мало. Ключевскій былъ интереснѣе, чѣмъ Фюстель-де-Куланжъ; прочтенное въ его книгѣ скоро забывалось.—Студенты писали Ключевскому иногда плохія сочиненія, и онъ ихъ пропускалъ. Вообще научнаго руководства молодыми силами Ключевскій проявлялъ мало. Онъ не показывалъ, какъ работать, не приучалъ къ самостоятельности и не заставлялъ особенно много трудиться. Все это, конечно, отчасти искупалось его собственнымъ талантомъ. Онъ умѣлъ вкладывать и впечатлѣвать въ душъ своихъ слушателей каждое свое слово. Лица, слышавшія его лекціи, могутъ отличить, что онъ говорилъ на кафедрѣ и чего не говорилъ, чрезъ 20—30 лѣтъ послѣ ихъ произнесенія, когда онъ сдѣлался доступенъ для всѣхъ въ печатномъ видѣ, въ «единственно-подлинномъ экземплярѣ». Громадный талантъ Ключевского былъ бы признанъ и оцененъ по достоинству во всѣхъ, даже самыхъ образованныхъ, странахъ. Онъ оцененъ былъ и у насъ въ Россіи. Ключевскій провелъ всю свою жизнь почти никѣмъ не тревожимый. Рѣдкій человекъ проходитъ свой жизненный путь съ такимъ искусствомъ и безопасностію, какъ Ключевскій. Онъ всѣхъ подкупалъ своимъ необыкновеннымъ даромъ рѣчи. Среди темныхъ явленій онъ постоянно свѣтилъ, какъ яркая звѣзда, будучи чуждъ при этомъ всякаго самохвальства, самомнѣнія и самодовольства. Россія гордилась и всегда можетъ гордиться имъ, какъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ, талантливѣйшихъ своихъ сыновъ. Со смертію В. О. Ключевского она понесла тяжелую и вознаграждаемую утрату.

Свящ. М. Θ—скій.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРОТОІЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА В И С С А Р І О Н А):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Исуса Навина, Судей, Царствъ, Іова и Паралипоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзоръніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василя Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

ДУХОВНЫЙ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“

будеть издаваться по прежней программѣ, съ преимущественнымъ обращеніемъ вниманія на вопросы христіанской апологетики, а также на исторію церкви г. Москвы.

Цѣна журнала на годъ съ доставкой и пересылкой: 1) для членовъ Общества и всѣхъ его отдѣловъ—2 р. и 2) для лицъ, не состоящихъ членами Общества или какого-либо изъ его отдѣловъ,—4 р.

Подписка на журналъ принимается въ Епархіальной библіотекѣ (Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1911 ГОДЪ НА

„ПОДСПОРЬЕ“

Ежемесячный иллюстр. журналъ доходнаго труда, здороваго спорта и веселой забавы.

Подъ редакц. акад. I. Д. Козлова.

ТРУДЪ ДЕНЬГИ! Предпримчивые американцы давно оцѣнили это и имѣютъ, помимо коренной профессіи, двойной притокъ доходовъ подсобнымъ трудомъ. Журналъ „Подспорье“ поставилъ себѣ цѣлью ввести читателя въ обширную область прикладныхъ знаній, могущихъ безъ особыхъ затратъ приносить изрядный доходъ. Способы приложить трудъ и создать себѣ заработокъ съ каждымъ днемъ множатся и совершенствуются. „Подспорье“ чутко слѣдитъ за стремительнымъ развитіемъ производствъ. Сотрудничество опытныхъ и знающихъ людей и свыше 200 наименованій американскихъ, бельгійскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и другихъ журналовъ помогаютъ „Подспорью“ выполнить его широкія задачи.

„Подспорье“ описываетъ и наглядно поясняетъ рисунками, какъ что дѣлается; оно помогаетъ предпримчивому человѣку въ выборѣ прибыльнаго труда, указываетъ, какъ взяться за дѣло и довести его до конца.

ДѢЛУ—ВРЕМЯ, ПОТѢХЪ—ЧАСЪ! „Подспорье“ не оставляетъ читателя и во время досуговъ, наполняя ихъ увлекательнымъ чтеніемъ и веселыми здоровыми развлечениями. Съ перваго номера въ отдѣлѣ „Изыщная литература“ будетъ печататься оригинальный романъ Винтора Козлова: „РУССКІЙ АМЕРИКАНЕЦЪ“ въ которомъ талантливо и увлекательно описана захватывающая картина борьбы, побѣды и ошибокъ предпримчиваго русскаго рабочаго. Это—милліонъ приключеній человѣка энергичнаго и смѣлаго, обогащающагося, все теряющаго и снова создающаго состояніе.

Въ журналѣ до 20 отдѣловъ: Народный университетъ. Побѣдители воздуха. Среди электрическихъ волнъ. Въ гостяхъ у алхимика XX вѣка. По блѣу свѣту. Тайны камеръ-обскуры. За рабочимъ столомъ. Какъ самому сдѣлать цѣнный аппаратъ. Въ погонѣ за кускомъ хлѣба. Коллекционеръ-любитель. Новѣйшія открытія и изобретенія. Обзоръ технической литературы всего міра. Дань Эскулапу. Трудники науки. Подспорье хуторянину. Совѣты адвоката. Въ мірѣ искусства. Спортъ и игры. Пересылка съ читателями. Всемирный юморъ. Иллюстраціи, чертежи, карриатуры.

Журналъ „Подспорье“ настолько богатъ внутреннимъ, практическимъ и интереснымъ содержаніемъ, что не нуждается въ заманиваніи подписчиковъ кучей приложений. Только по необходимости, по мѣрѣ нужды, будутъ рассылаться подписчикамъ модели, выкройки и т. п.

Подписная цѣна въ доставкѣ и пересылкой—4 рубля въ годъ. Второе изданіе на лучшей бумагѣ—6 рублей. Допускается разорочка безъ повышенія подписной платы, по полугодіямъ и четвертнымъ годамъ.

Подписку адресовать: С.-Петербургъ, Гатчинская, 12, Конторѣ журнала „Подспорье“.

Подписка принимается также во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ.

Кто не любитъ труда, тому не за чѣмъ подписываться на нашъ журналъ!

Р. S. Сочувствующихъ идеѣ нашего журнала—побѣдить „обломовщину“, и неспособностей къ борьбѣ за существованіе, всеяя интересъ къ полезному труду,—просимъ распространять о немъ свѣдѣнія среди взрослыхъ и юношества.

Требуйте подробное объявленіе (проспектъ)!

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ДУХОВНЫЯ ДАРОВАНІЯ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Священника **Михаила Фивейскаго.**

цѣна **2** рубля.

Можно пріобрѣтать у автора: Мал. Толмачевскій пер., за
Москвой рѣкой, д. церкви св. Николая въ Толмачахъ.

НОВАЯ КНИГА:

„ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ“.

Сборникъ статей по вопросамъ вѣры
и нравственности на „злобу дня“.

Священника *Н. М. Орлова.*

Выпускъ III-ій.

Цѣна **65** к., съ пересылкой **80** коп.

У того-же автора (Москва, Шаболовка): „При Свѣтѣ Евангелія“ (52 церковн. бесѣды). Вып. 2-й.

Цѣна **80** к., съ пер. **1** рубль.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

П Р И Р Е Д А К Ц И Я
„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына, редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗУЛОЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и пригласеніемъ проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой. Т. III, вып. 1. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміи, Іезекииля, Даніила, Іоилы, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Исаіи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 19) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣновъ христіанства. Монтеанизмъ, новаціанство, гностицизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе Д. Касицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Ѳеоданъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврическій. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 гг., по 15 к. за каждое десятилѣтіе.

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно приобрѣтать слѣдующія брошюры Епископа ВИССАРИОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп. 2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к. 3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к. 4. **Гордость.** Ц. 4 к. 5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к. 6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к. 7. **Свекрови и невестки.** Ц. 5 к. 8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к. 9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к. 10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣяніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к. 11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к. 13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к. 14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к. 16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к. 18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к. 19. **Женихи и невесты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к. 21. **Изъясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к. 22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к. 23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к. 26. **Нюма ПАРΘΕΝΙΑ.** Число раскольниковъ. Ц. 2 к. 27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника.** Врачевство духовное отъ міра собираемое (52 стр.). Ц. 10 к. 28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к. 29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **ЛѢСТВИЦЫ** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **Лѣствичника** (52 стр.). Цѣна 10 к. 30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюрь (въ нихъ около 825 стран.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюрь сразу на 25 и болѣе рублей 20%, уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за пятьдесятъ одинъ годъ, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за восемнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой, и 1907, 1908, 1909 и 1910 годы по 4 рубля съ пересылкой.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЪ:

- 1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и вѣробогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-правственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія пресвященнаго **Ееофана-Затворника**, іеросхимонаха о. **Амвросія** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и рассказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1911 году въ *Душеполезномъ Читеніи* нѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соответственными рисунками.

Въ 1911 году всѣ подписчики получаютъ бесплатное приложеніе:

МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА.

(ЯНВАРЬ—ІЮНЬ).

Жизія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.

Сочиненіе священника **Н. Орлова**.

Опредѣленіемъ **Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ** отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Читеніе*—*одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для библиотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. За границу—**ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ **Михаиль Овевейскій**.

Издательница **Ольга Касицына**.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>
I. ОПТИНСКІЙ СТАРЕЦЪ ІЕРОСХИМОНАХЪ О. ІОСИФЪ († 9 мая 1911 г.). (Съ приложеніемъ рисунка). Е. В.	109—113
II. ХРИСТІАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскаго	114—130
III. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника явона). А. І. ..	131—136
IV. КЪ ИСТОРІИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ОБРАЗА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ „ПРИБАВЛЕНІЕ УМА“. Диллѣтанта	137—140
V. ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ. Ив. Николина	141—164
VI. ИЗЪ БУМАГЪ НИЖЕГОРОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА ІАКОВА ВЕЧЕРКОВА. Ан. Титова	165—172
VII. ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СОЛОВЕЦКАГО ПАРХОДСТВА. Протоіеря Іоанна Сырцова	173—187
VIII. ЕЩЕ О РОСТОВСКОЙ НОВОЯВЛЕННОЙ ИКОНѢ „УМИЛЕНІЯ“. Епископа Іосифа	188—197
IX. DUM SPERO—SPIRO. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго .	198—198
X. FESTINA LENTE! (Стихотвореніе). Его-же	199—199
XI. НА МЫСЛЬ ДОКТОРА ГААЗА . (Стихотвореніе). Его-же ..	200—200
XII. ГРИГОРІЙ ФЕОДОРОВИЧЪ ЛЪВОВСКІЙ И ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. А. Карасева	201—210
XIII. НА ЛОНѢ СЕЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ. (Стихотвореніе). І. Евенимія	211—212
XIV. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Профессоръ В. О. Ключевскій. Свящ. М. Э—скаго	213—215
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1911 ГОДУ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

Съ 1911 года журналъ *Душеполезное Чтеніе* вступаетъ, съ Божіей помощію, въ **пятьдесятъ второй** годъ своего изданія. Такое долговременное существованіе журнала рѣдко выпадаетъ на долю не только духовныхъ, но и свѣтскихъ журналовъ. Причина этого заключается столько же въ сочувствіи читающей публики, сколько и въ томъ, что журналъ не измѣнялъ однажды принятой Редакціей задачъ. Въ немъ, за время его полстолѣтняго существованія, кромѣ простыхъ, напечатано не мало научныхъ серьезныхъ статей, которыя привлекали къ себѣ вниманіе многихъ лицъ, привыкшихъ къ научному и серьезному чтенію въ области богословія.

Въ журналѣ постоянно затрогивались различныя богословскіе вопросы и обсуждались разные предметы, которымъ, по возможности, давалось всестороннее освѣщеніе. При этомъ Редакція журнала никогда не считала своею обязанностію рабски слѣдовать „духу времени“, даже при самыхъ тяжелыхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Худо ли, хорошо ли,—но журналъ постоянно сохранялъ свою собственную физиономію, по которой его можно было отличить отъ десятковъ другихъ духовныхъ журналовъ, былъ всегда самостоятеленъ и самобытенъ.

При такой постановкѣ дѣла журналъ за 51 годъ заслужилъ многочисленныя одобрительныя отзывы какъ со стороны духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Журналъ хорошо извѣстенъ и за границей и даже въ отдаленной отъ насъ Америкѣ онъ выписывается во многихъ экземплярахъ; присылаются требованія о высылкѣ его въ Китай и Японію, не говоря о многочисленныхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ очень распространенъ нашъ журналъ.

Изданіе журнала *Душеполезное Чтеніе* въ 1911 году, **пятьдесятъ второй** году его существованія, будетъ продолжаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ издавался при прежнихъ его редакторахъ: преосвященномъ **Виссаріонѣ**, епископѣ Костромскомъ и Галичскомъ, и прот. **Д. В. Касицынѣ**, и главная цѣль его будетъ та же, какая указана покойнымъ митрополитомъ **Филаретомъ** въ его донесеніи о журналѣ Святѣйшему Синоду,—„служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности *назидательнаго* и *понятнаго* духовнаго чтенія“.

Въ изданныхъ доселѣ **612** книгахъ *Душеполезнаго Чтенія* уже имѣется твердое основаніе для сужденія о журналѣ, и только для лицъ, незнакомыхъ съ нимъ, считаемъ необходимымъ присоветовать, что

(См. 3-ю страницу обложки).

**ПИСЬМА О. АНАТОЛІЯ, ОПТИНСКАГО СТАРЦА,
къ г-жѣ Н. Н.**

(Съобщено духовной дочерью о. Анатолія.)

10 января 1877 г.

Глубокоуважаемая о Господѣ Н. Н.!

Вмѣсто васъ самихъ, получилъ письмо ваше отъ 28 декабря. Какъ же это сдѣлалось? Впрочемъ, я не берусь разбирать, какъ сдѣлалось, что вы не пріѣхали къ намъ—ибо не думаю, что вы не желали бы видѣть меня собственно. Тѣмъ больше, что давно и не видались мы, и время для насъ самое удобное: но дѣло въ томъ, что собственно со мною вамъ не пришлось бы даже и видѣться. И вотъ почему:

Матушка игуменія Макарія давно просила меня къ себѣ въ Каширу. Я не прочь былъ заѣхать изъ Петербурга; но устроилось такъ, что я въ Питерѣ заболѣлъ, и батюшка посовѣтовалъ ѣхать прямо въ Оптину, никуда, даже въ Орель, не заѣзжая. Такъ я и миновалъ Каширу. Но теперь матушка игуменія настоятельно обратилась съ письмами къ батюшкѣ, ко мнѣ и о. игумену. — И вотъ меня везутъ къ Каширу на нѣсколько недѣль. А это мнѣ, да думаю и вамъ, было бы не кстати. А теперь все само собою уладилось.

Выѣду изъ Скита, вѣроятно, 19 января. Желаю душевно почтить память отца моего и благодѣтеля въ стѣнахъ, гдѣ онъ жилъ. Ото всей души благодарю васъ и досточтимѣй-

шаго А. Н. за поздравленіе меня недостойнаго съ праздни-ками. Да поможетъ и вамъ Господь начать новое лѣто въ благополучіи и—главное—въ памятованіи того лѣта, которое не вѣдаетъ зимы, ни осени, ни вьюгъ, ни непогодъ, гдѣ вѣчная весна—веселіе вѣчное. Уповаемъ на Того, Кто пришелъ *не праведники*, но грѣшники призвати къ покаянію. О семъ помолимся, сего да возжелаемъ.

Много утѣшили меня описаніемъ своей домашней жизни. Слава Богу за все!

— Даже и за то, что поѣздка ваша не состоялась теперь.

Исполнилъ желаніе ваше: въ Рождество и Богоявленіе Господне заходилъ на могилку батюшки о. Иларіона, поклонился и помянулъ имя ваше.

Батюшка о. Амвросій къ Рождеству Христову писалъ вамъ, и теперь посылаетъ вамъ и всему семейству вашему миръ и благословеніе.

И азъ многогрѣшный молю и обязанъ молить Господа ниспослать на васъ всѣхъ благословеніе и спасеніе.

Съ каковымъ желаніемъ и пребываю
вашъ нижайшій слуга недостойный І. Анатолій.

Т. М. живетъ въ отцовскомъ домѣ, съ сестрою А. попадьей, въ с. Боболяхъ, вдвоемъ.

2 марта 1877 г.

Глубокоуважаемая о Господѣ N. N.!

Вотъ уже не третье ль письмо получилъ, а вамъ не отвѣтилъ. Простите Бога ради немощи моей. Едва пріѣхалъ отъ неотдышной молвы, какъ въ тотъ же день погрузился чуть ли не въ большую пучину. Потому что для духовниковъ первая недѣля поста труднѣйшая въ году. И доселѣ головы не соберу. Двадцать разъ брался за ваше письмо, и волны молвы назадъ относили. Простите и теперешнюю несладкицу.

Батюшка все еще болѣзнуеть глазами. И слабенеѣтъ. 3-го дня у насъ были славныя похороны очень не славнаго—по мірскому смыслу славы—старца о. Пахомія схимонаха. Обѣдню служилъ о. арх. Ювеналъ. Погребеніе о. игум. съ старшею братіею. Народу полва церковь.— Погребали какого-то безвѣстнаго старца—ни племени, ни роду его никто у насъ не знаетъ. Жилъ у насъ въ скиту; потомъ съ сестрами на скотномъ дворѣ. И обладалъ удивительнымъ даромъ прозорливства и пророчества.

Около мѣсяца до смерти совершенно ничего не ѣлъ. Послѣднія недѣли каждадневно приобщался Св. Тайнъ. И вотъ похоронили.

И какъ похоронили!..

Пробовалъ я урезонивать вашу М. на счетъ умершаго ея сына. Слыша не слышитъ! Пристрастіе и въ святомъ дѣлѣ не полезно. Не знаю, какъ она теперь.

А что вы сами взяли на себя тяготу—хотя и собственную ношу, но очень вѣскую—обученія дѣтей, это истиннѣ отраднo. Какая ни будь наемница, но все наемница. Дай Боже вамъ видѣть въ своихъ новонасажденіяхъ рай, если и не небесный, то семейный, миръ и еди-вoдушіе.

Батюшка посылаетъ вамъ и всему вашему семейству благословеніе.

И азъ многогрѣшный испрашиваю у Господа на васъ и всѣхъ васъ благословеніе Господне и пребываю съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію недостойный І. Анатолій.

Христось воскресе!

Достоуважаемая и благоговѣйнѣйшая N. N.!

Пишу сколько могу, чтобъ принести вамъ усердное поздравленіе со днемъ Свѣтлаго Воскресенія Христова.

Нынѣ вся исполнишася свѣта: небо же и земля, и преисподняя. То-есть радуются не только ангелы, но и свя-

тые человѣки и даже преисподняя — живущіе въ преисподней — значить, обладаемые страстями, отъ нихъ же первый есмь азъ. Христось бо воста.—Веселіе вѣчное.

Душевно порадовался я и вмѣстѣ съ батюшкой, что, по силѣ возможности, хранится миръ въ Богохранимомъ семействѣ вашемъ. Мы дѣлаемъ, т.-е. сѣемъ по нашей и вѣрной намъ почвѣ; а поливая и возвращая есть Богъ.

Сейчасъ же пишу и Е. А. письмо. Радуюсь за нее; она потянула крѣпко къ монастырю и стала скучать своими разъѣздами и многопопечительностію. Птица обрѣте себѣ хранину, и горлица гнѣздо себѣ.

Да сохранить васъ нынѣ Воскресшій отъ всѣхъ напастей и да сподобитъ праздновать и сію Пасху, и оную Великую, гдѣ будутъ участвовать не приходскій только причтъ и собраніе, но небо и земля: но не будетъ лишь праздника для преисподней, ибо двери покаянія, или двери райскія, затворятся и не отворятся во вѣки.

Мы же, немощные, аще и не дѣломъ, но произволеніемъ и любовію къ Воскресшему, яко жены съ муръ богомудрыя, въ слѣдъ Его тецемъ и вѣруемъ поклониться радующеся Живому Богу, и Пасху тайную узрѣть и благовѣстить.

Прошу васъ передать мое усердное поздравленіе А. Н. и всему вашему боголюбивому семейству. И пребываю съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Анатолій.

22 марта 1877 г.

Скитъ О. П.

27 іюня 1877 г.

Скитъ О. П.

Душевноуважаемая Н. Н.!

Получивъ письмо ваше отъ 12 іюня съ извѣстіемъ о неблагопріятныхъ видахъ на урожай и уборку хлѣбовъ и сѣна, мнѣ было очень жаль васъ, и я хотѣлъ тотъ часъ

же писать отвѣтъ, да не успѣлъ взять пера, — и пока собрался, прошло около 10 дней. — Вотъ такая наша жизнь! Отсчитываемъ недѣли да годы и ложимся спать, какъ бы увѣренные, что протекшее въ нашемъ сундукѣ — и все еще наше!..

А получилъ-то я ваше письмо, по обычаю, чуть ли не день спустя по отсылкѣ къ вамъ моего, что васъ вѣроятно разувѣрило, будто я забылъ васъ.

Очень не забылъ!

Вы, въ письмѣ, ставите себѣ какъ бы въ невыгодную сторону, что болите о семьѣ и трудитесь по *дому*, а не по любви то-есть. Да это-то и есть христіанское дѣло! Это и есть высокочтимое самопожертвованіе! Дѣлать по любви, по увлеченію, по инстинкту—есть дѣло общее съ животными, и какая тутъ честь? Какое благородство?—Слѣдовать влеченію сердца? Аще любите любящія васъ, кую мзду имате? Не и язычницы ли такожде творять? Потому естественно и къ З. будете снисходительнѣе, замѣчая наружную ея холодность. Почему знать: быть можетъ, въ крови вашей есть нѣчто влекущее сердце въ иную сторону? И быть можетъ, болѣе полезную для васъ самихъ? Что, отчасти, и сами вы доказываете, когда исполняете семейный долгъ по принужденію. Ибо и самое царство небесное *нудится*.

Что это больно для плоти—не спору. Ибо и азъ изъ немощнѣйшихъ.

А З., судя по тому, какъ она приняла дѣтскимъ сердцемъ мои совѣты, и старается надъ собою: это должно бы доставить матери истинное утѣшеніе. Вѣдь она мірская барышня, дитя, а несетъ жизнь чуть не монашескую: по-нуждаетъ себя на разумное духовное чтеніе, по силѣ молится, старается угодить вамъ. Чего жъ еще искать отъ дѣвочки. Недавно у насъ былъ одинъ богатый человекъ и очень ученый, высокой духовной жизни, который изъ любви къ молитвѣ бросилъ все громадное хозяйство и заводы, но никакъ не можетъ успокоить дочерей въ

имѣньяхъ. Вези въ Москву, да за границу. Вдыхаетъ, а везетъ.

Домашнія же неудачи всегда присущи дому, также какъ и удачи; безъ этого не порадовала бы насъ и прибыль. Вечеръ водворится плачь, а завтра радость, коей достигнуть вамъ желая и ожидая вамъ помощи въ предстоящихъ семейныхъ отношеніяхъ; пребываю съ глубокимъ почитаніемъ и преданностію недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Анатолій.

Батюшка о. Амвросій посылаетъ вамъ благословеніе.

24 августа 77.

Глубокоуважаемая N. N.!

Письмо ваше отъ 6 августа прочелъ съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что единственное существенно огорчавшее васъ горе—дожди, погноившіе было плоды, миновало благополучно. Впрочемъ, это—конецъ вашего письма, а самое письмо исполнено такихъ немощей и желаній, которыя понимаются нами неодинаково. Такъ многочадность принимается за благословеніе Божіе, а вы за наказаніе Божіе. Борьба съ собою для васъ томительна и нежелательна, а Господь сказалъ: въ мірѣ скорбь имѣти будете. Аще кто захочетъ по мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ *свой*. Свой, т. е. болѣзнь—именно свою подобающую нашей душѣ, нашей немощи.

Ученѣйшіе позитивисты, извѣдавшіе поднебесные и земные законы, послѣ всѣхъ изслѣдованій, открыли, что главнѣйшій двигатель жизни и дѣятельности всего живущаго и существующаго есть *борьба* за существованіе. Одно существо поборааетъ или поборается другимъ, чтобъ существовать. Цѣлые миллионы, цѣлые классы умерщвляютъ или истребляютъ другія громады, живущія или существующія, чтобъ самимъ пожить, или посуществовать. И это—ученіе въ области позитивистовъ, слѣдовательно, только въ тѣхъ царствахъ, которыя *видятся* на небѣ и на землѣ:

какъ же возможно устранить этотъ законъ изъ области двухъ разнородныхъ міровъ—временнаго и вѣчнаго? Можно ли увидѣть свѣтъ дня, не переждавши темныхъ часовъ ночи? Потому великій проповѣдникъ и сказалъ: елико тѣлѣтъ нашъ внѣшній человекъ, толико внутренней обновляется по всякъ часъ. Здѣсь *внѣшній* разумѣется не въ смыслѣ только мяса и крови, но разума, воли, навыковъ—и всего, что создается по стихіямъ міра сего.

Все это, конечно, вы не хуже меня знаете: но—по замѣчанію врачей—самому больному нельзя себя лѣчить. Вотъ я и составилъ вамъ рецептъ, хотъ и не очень мудрый, но отъ души.

Касательно З. я и не думалъ, чтобъ вы измѣняли правила ея воспитанія. Я съ вами со всѣмъ рѣшительно согласенъ, и даже такого именно воспитанія желаю. Да и она сама такого же мнѣнія, и довольна своимъ положеніемъ.

Испрашивая на васъ и на все семейство ваше благословенія Божія и благопоспѣшенія въ дѣлахъ вашихъ, пребываю съ искреннимъ почитаніемъ и преданностію

І. Анатолій.

Батюшка посылаетъ вамъ свое благословеніе. Матушка Макарія приглашаетъ меня опять къ себѣ. Время то не изберу. Тогда ужъ непременно побываю у васъ.

Игуменей утверждена въ Бѣлѣвѣ м. Магдалина Чилищева.

Глубокоуважаемая N. N.!

Миръ вамъ и благословеніе отъ Господа!

Нынѣ у насъ память старца о. Иларіона. Праздновалось и въ скиту, и въ монастырѣ очень торжественно. На общей закускѣ было много монахинь. О. игуменъ нынче же уѣхалъ въ Курскъ. И у меня спросилъ, почему я не ѣду въ Каширу? Ему м. Игуменья писала о моемъ къ нимъ путешествіи. Значить, я долженъ ѣхать, не мѣшкая долго. Только не знаю, какъ къ вамъ завернуть. Впрочемъ дѣло само лучше покажетъ.

Очень порадовали вы меня, что оставили бесполезныя скорби и боязнь неизвѣстнаго будущаго. Даруй вамъ Господи разумъ истинный и спасительный.

Испрашивая на васъ и семейство ваше благословеніе Божіе, въ надеждѣ быть можетъ недалекаго свиданья, пребываю съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Анатолій.

18 сентября 1877 г.

Скитъ О. П.

Глубокоуважаемая N. N.!

Имѣлъ удовольствіе получить уже и второе ваше письмо, возымѣвъ прежде невѣжество не отвѣтить на первое. Представляю въ оправданіе сего недосугъ: съ утра до ночи все въ монастырѣ. И теперь, отъѣзжая изъ Каширы, кропаю четвертое письмо. Нынѣ отправляемся въ Москву, откуда уповаемъ видѣть васъ, побывавъ и въ Орлѣ.

Въ надеждѣ скорого свиданья и съ желаніемъ вамъ милости Божіей пребываю недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Анатолій.

24 окт. 1877 г.

Кашира.

Глубокоуважаемая N. N.!

По возвращеніи домой, при первой возможности, спѣшу писать вамъ, принося вамъ всеусердную благодарность за радушное, родное привѣтствіе въ домѣ вашемъ и пожертвованіе на скитъ. Одолжается памятовать и молить Господа о здравіи и спасеніи всего семейства вашего. И батюшка посылаетъ вамъ благословеніе и поклонъ. Доѣхалъ я до Оптиной пустыни, за молитвы и благожеланіе ваше, благополучно. Въ Мценскѣ пробылъ сутки. Не знаю, поспѣютъ ли ваши садовые подарки къ Л. во время: оныя готовить къ намъ транспортъ съ рыбою.

Еще усердно васъ благодарю и приношу нижайшее почитаніе благоговѣйнѣйшему А. Н. и посылаю мой по-

клонъ З., Н., Л., вострушекъ Л. и маленькому К. и многолюбящей ихъ бабушкѣ и прошу у Господа на всѣхъ васъ благословенія и благопоспѣшенія и паче всего спасенія, и пребываю навсегда съ искреннимъ моимъ почитаніемъ и преданностію недостойный богомолецъ многогрѣшный І. Анатолій.

10 ноября 1877 г.

Скитъ О. П.

3 декабря 1878.

Скитъ О. П.

Достоуважаемая N. N.!

Вотъ и съ вами творится то же, что въ природѣ. Все ясно, ясно, да и опять наволокло. Но безъ этого нельзя. И человѣкъ именуется малый міръ; и законы малаго и великаго міра должны во многомъ сходиться; особенно же въ существенномъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ—ведро тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ долже стояло ненастье. Мы вѣруемъ и исповѣдуемъ, что мы граждане Іерусалима небеснаго и не имамы здѣ пребывающаго града. Потому-то и спѣшимъ заготовить на ту жизнь богатства—т. е. кто вольныхъ, а кто невольныхъ скорбей. И чѣмъ больше, тѣмъ лучше, надежнѣе входъ въ царство, ибо многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе. Потому я и смотрю на ваши болѣзни, смущенія, недоумѣнія, неустроенія, какъ на наличный капиталъ.

«Богатіи людстїи обрестъ Его принесутъ дары», поетъ Давидъ: Какіе жъ это дары? Разумѣется, не фонды, не художества, не воинскія и гражданскія доблести. А что же? Скорби. Да при нихъ еще скорби. И наконецъ еще скорби вольныя и невольныя.

«Понеже, пишетъ ап. Петръ, приобщаетесь Христовымъ страстемъ, радуйтесь, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетесь веселящеся... Да не кто постраждетъ, яко убійца, яко тать или яко злодѣй. Аще же яко христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей».

1 декабря я нынѣ служилъ и по приходѣ отъ обѣдни пишу вамъ. Нынѣ 1-й свѣтъ. Значить, запремся въ хатѣ и будемъ утѣшаться, кто чѣмъ можетъ. У васъ же теперь есть велие утѣшеніе: новая физ-псалтирь.

А что баронъ васъ пугаетъ, не трусьте. Вы забыли поговорку: у всякаго барона своя фантазія. Конечно, бѣшенныя польки, вальсы и многія инныя визгливыя варианты вамъ могутъ повредить: но мы ихъ предоставимъ баронамъ; а сами воспоемъ пѣснь нову во псалтири десятиструннѣмъ. Востани слава моя! Востани псалтирь и гусли! Востану рано. Исповѣмся Тебѣ въ людѣхъ, Господи. Воспою Тя во языцѣхъ.

Достолюбезнѣйшему А. Н., нашему утѣшителю, и всему Боголюбезному семейству, съ вами миръ и благословеніе Господне.

Недостойный І. Анатолій.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

«Блаженъ, иже имать племя въ Сионъ и юзики во Иерусалимъ»... (Сирах.). Какъ счастливы и мы, имѣя такое племя родное и столько близкихъ намъ по плоти и духу родныхъ въ горнемъ Иерусалимѣ, у самаго престола Царя Небеснаго. Они, родные наши, конечно, неумолгаемо ходатайствуютъ за насъ, ибо мы не менѣ дороги имъ, какъ и они намъ. И, пользуясь сами такимъ блаженствомъ на небесахъ, не можетъ быть, чтобы не желали и не содѣйствовали всячески и намъ въ достиженіи того счастья, какое сами получили.

* * *

«Жизнь и свѣтъ сердцу моему, Богородице. Ненадеждно спаси мя»!.. Я безнадежно умираю для жизни небесной недостойною жизнію моею. Нечистое, растлѣнное сердце мое преисполнено мрака и безнадежнаго отчаянія. Но Ты, Владычице, истинная жизнь и свѣтъ сердцу моему! И хотя нѣтъ у меня никакой надежды заслужить спасеніе, но Ты—и безъ этой надежды—спаси меня.

* * *

Плохъ я теперь, плохъ буду и впредь. Не вижу въ себѣ силъ, задатковъ и умѣнія къ перемѣнѣ на лучшее. Такимъ ли сойду и въ могилу? Такъ ли мало страшить меня отверженіе Божіе? Такъ ли мало дѣйствуетъ на мою жизнь и сердце познанная умомъ истина, что если кто

хочетъ большаго себѣ счастія и блаженства, возлюби больше и Господа, ибо въ большей любви большее и блаженство, большая способность наслажденія. Мѣра любви къ Богу—мѣра и блаженства.

* * *

«*Да не погубиши мене, Создателю мой!*» то-есть: да не буду я потерянь для Тебя въ конецъ, да не погибну и эту гибелью да не сдѣлаю того, чтобы Ты потерялъ меня совершенно; да не причиню Тебѣ сего лишенія и огорченія.

* * *

Чѣмъ больше милосердѣ къ намъ Господь, тѣмъ болѣе вина наша, что и такое милосердіе не останавливаетъ насъ отъ грѣха. Посему боюсь, чтобы и милосердіе не было мнѣ въ судъ и вину моей погибели.

* * *

Не только молись за врага, но и добавляй: *помилуй, Господи, и меня грѣшнаго его святыми молитвами!* Вотъ истинная любовь ко врагамъ, независтно ставящая ихъ въ ряды святыхъ, а себя смиренно въ ряды грѣшныхъ. Вотъ истинное христіанское смиреніе, объясняющее такую любовь и рождающее такое трогательное самоуничиженіе.

* * *

Смиренный искренно ставитъ себя въ самаго послѣдняго, искренно считаетъ себя хуже всѣхъ. Для такого человѣка не можетъ быть обидъ и оскорбленій отъ другихъ. Онъ все приметъ какъ посылаемое отъ руки Божіей—на очищеніе его души, на искупленіе ея недостойнаго и ничтожества.

* * *

Если захочешь, Господь избавитъ тебя отъ всѣхъ страданій, какъ только ты горячо помолишься о томъ. Но

только смотри: будетъ ли тебѣ это лучше? Онъ избавить тебя вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдь и... отъ вѣнца небеснаго, приготовленнаго за терпѣніе страданій. Отсюда видно, что легкость испрошенія у Бога милостей («просите, и дастся вамъ!») должна быть употребляема съ большимъ разсужденіемъ и осторожностію.

* * *

«Пришелъ Господь въ Свой градъ»... Это не Іерусалимъ, не Вилеємъ, не Назареть, а... Капернаумъ—городъ грѣшниковъ. Вотъ какой городъ былъ Своимъ для Іисуса, пришедшаго не праведниковъ, а грѣшниковъ призвать на покаяніе. Такъ и мы можемъ быть городомъ, который будетъ Своимъ для Іисуса, если будемъ жить въ покаяніи, (Капернаумъ—село покаянія) и городомъ убійць Іисусовыхъ, какъ Іерусалимъ, Назареть и то несчастной памяти селеніе Самарянское, которое Его не приняло.

* * *

Господи! Исповѣдую Тебѣ полное мое безсиліе въ борьбѣ съ искушеніями, соблазнами, своею страстностію, грѣховностію. О, какъ тяжело мнѣ это, сознающему высоту своего сана и всю непристойность душевной жизни моей, помышленій и желаній моихъ. Не оставь меня Твоею благодатію, всеблагій Господи! Не накажи лютымъ паденіемъ. Это было бы мнѣ больнѣе смерти.

* * *

Почему за побѣду искушеній вѣнчаются вѣнцемъ мученическимъ? Потому, что источникъ зла тутъ одинъ—врагъ сатана. Онъ и мучениковъ гналъ чрезъ воздвигаемыхъ имъ мучителей. Онъ же и насъ палитъ и терзаетъ искушеніями и скорбями. Потому и значеніе побѣды одинаково и вѣнцы за нее.

* * *

Дивлюсь громадной неисчислимой пользѣ рѣкъ—этому дивному устроенію мудрости и рукъ Создателя. Онѣ служатъ: для орошенія земли, для питья, для освѣженія воздуха, для очищенія, для украшенія, для сообщенія, для прокормленія живущей въ нихъ рыбою, и т. д. Бѣгущая въ нихъ вода, постоянно пополняя свой запасъ, въ то же время тѣмъ самымъ постоянно самоосвѣжается и обновляется въ своихъ благодѣтельныхъ дѣйствіяхъ и свойствахъ. Мудро и то, что онѣ такъ извиваются въ непрямомъ теченіи своемъ: чрезъ это больше земли и людей пользуются благодѣтельнымъ дѣйствіемъ рѣкъ.

* * *

Илія — доселѣ грозный ревнитель славы имени Божія. Донынѣ не терпитъ и наказуетъ гнѣвно—не чествующихъ праздники его. Та вѣра, которую питаютъ къ этому великому Пророку Божію, и то благоговѣніе, которымъ почитается Ильинская Пятница и Ильинъ день, находятъ себѣ основаніе въ грозныхъ явленіяхъ, коими каралъ этотъ грозный пророкъ соединявшихъ будничное провозженіе его дней *съ сознательнымъ намѣреніемъ* пренебречь памятью и почтеніемъ сего Пророка.

* * *

Высота Креста знаменуетъ его силу возводить до неба ниспадшихъ до ада. Отъ ада до неба достигаетъ высота Креста и глубина, какъ и подобаетъ Кресту, который есть лѣствица къ небеси и мостъ къ нему. Ширина Креста знаменуетъ, что Крестъ для всей вселенной достаточно служить такою лѣствицею и мостомъ.

* * *

«Вѣсть стыдѣтиса добродѣтели и безсловесное естество»... (кан. Пант. п. 9). Умѣютъ оказывать почтеніе добродѣтели и безсловесныя созданія. Это сказано по поводу замѣчательныхъ случаевъ въ исторіи мученій хри-

стіанъ, когда распаленные продолжительнымъ голодомъ хищные звѣри, выпущенные на христіанъ, ложились къ ногамъ ихъ и ласкались, вмѣсто того, чтобы терзать ихъ. Господь не разъ показывалъ этимъ чудомъ, что если и погибають христіане отъ злобы язычниковъ, то по соизволенію воли Божіей и готовности самихъ христіанъ, горѣвшихъ желаніемъ всецѣло отдать себя въ жертву Христу, возлюбленному ихъ Учителю и Спасителю.

* * *

Смерть и мысль о ней — какое это сильное цѣлебное средство отъ всякихъ скорбей и страданій! Ничего намъ здѣсь не нужно. Все забудется, все потеряетъ цѣну и интересъ. А мы столько за все это страдаемъ, боремся, изнемогаемъ!..

* * *

Грустно подумать о столькихъ неудачахъ, ошибкахъ, недочетахъ моей жизни и дѣятельности. Но не молилъ ли я Тебя всегда, Господи, о помощи? Не у Тебя ли искалъ разумленія и руководства? Ты не помогъ, не избавилъ меня отъ многого, что теперь удручаетъ меня. Почему не избавилъ? Не потому, думаю, что не хотѣлъ услышать меня, а потому, конечно, что мнѣ такъ пострадать *надо* было. О, да будетъ воля Твоя!

* * *

Господи! Ты одинъ защититель невинныхъ или не по тяжести дѣлъ страждущихъ. У Тебя единственно правый судъ о каждомъ. Отъ Тебя не такъ больно пострадать и лишнее, зная, что все зачтется у Тебя въ сугубо драгоценныхъ приобрѣтеніяхъ и благодатныхъ дарованіяхъ и утѣшеніяхъ.

* * *

Съ терпѣніемъ, покорностію и благодарностію Господу пей горькое лѣварство скорбей и испытаній, и съ вѣрою въ его цѣлительную силу. Не на горечь настоящаго взирай вниманіемъ, а на сладость будущаго.

А. І.

ХРИСТИАНСТВО и НАУКА ¹⁾.

3.

Вопросъ о мыслимости воскресенія І. Христа совсѣмъ отличается отъ вопроса о его *дѣйствительности*. Мы — члены евангелической церкви—вовсе не пристрастны къ чудесному, напротивъ очень склонны критически относиться къ разсказамъ о чудесахъ. Самъ І. Христосъ не благоволилъ къ вѣрѣ пристрастной къ чудесамъ: *вы не уверуете, если не увидите знаменій и чудесъ* (Іоан. 4, 48). Соотвѣтственно этому, при всякомъ чудѣ мы постоянно спрашиваемъ о томъ, согласно ли оно съ цѣлями установленнаго Богомъ строя міровой жизни, или нѣтъ.

.....

Чудо воскресенія Христова сообразно ли съ міровой цѣлью или нѣтъ? Чтобъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо составить себѣ ясное понятіе о томъ, въ чемъ состоитъ высочайшая и послѣдняя цѣль жизни. Что кажется вамъ цѣлью жизни, цѣлью вашего бытія? Вѣдь вы несомнѣнно размышляли о томъ, для чего вообще существуетъ человекъ. Или вы отрицаете, что жизнь имѣетъ какую-либо цѣль? Можетъ быть въ теоріи вы это и отрицаете, но навѣрное не въ практикѣ; иначе какъ дошли бы вы до того, чтобы придавать столь важное значеніе своимъ дѣламъ и себѣ самимъ? Мы никогда не убѣдимъ себя въ томъ, что вся наша жизнь вообще не имѣетъ никакого смысла и разумнаго значенія. Для этого она—

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1911 г.

слишкомъ серьезное дѣло. Въ душѣ своей мы носимъ невольное побужденіе—къ самимъ себѣ относиться серьезно. Жизнь должна имѣть послѣднюю цѣль.

Въ чемъ же состоитъ эта цѣль? Заключается ли она въ чемъ-нибудь вещественномъ, или въ жизни самой личности? Человѣкъ есть ли только средство для цѣлей культуры, или сама культура существуетъ для человѣка? Для мыслящихъ людей относительно этого предмета не можетъ быть никакого сомнѣнія, потому что они безусловно убѣждены въ томъ, что вся внѣшняя культура человѣка со всей нашей наукой и искусствомъ нѣкогда должны погибнуть. Относительно этого предмета совершенно одинаковаго мнѣнія и наука и вѣра.

«Земля громоздитъ на землѣ дворцы, замки и каменные зданія. Земля говоритъ землѣ: все будетъ моимъ» (Фонтань).

Слѣдовательно послѣдняя цѣль жизни — не культура. Если цѣль эта есть и если она должна быть, то она можетъ находиться только въ духовной области, въ самомъ человѣкѣ. Не вещественный, но личный міръ долженъ быть послѣдней цѣлью бытія.

Если спросить частнѣе, что именно въ личности можетъ быть единственно прочнымъ, устойчивымъ; то на это долженъ послѣдовать отвѣтъ: это—сама личность, но не въ ея отношеніи къ внѣшнему міру, а въ ея отношеніи къ себѣ самой, потому что, удаляясь изъ внѣшняго міра въ часъ смерти, личность прекращаетъ и свою къ нему относившуюся дѣятельность; остается только внутреннее отношеніе ея къ себѣ самой. Но оно заключается не въ томъ, что мы представляемъ изъ себя какъ художники, ученые, техники, кратко не въ нашемъ внѣшнемъ призваніи, но въ томъ, что такое мы, какъ люди, т. е. какъ нравственные личности. *Если жизнь вообще имѣетъ смыслъ и прочную и неизмѣнную цѣль, то она можетъ находиться только въ сохраненіи нравственной личности;* потому что все другое по самой природѣ своей скоропреходяще. Слѣдовательно здѣсь, въ нравственной жизни,

должна находиться и послѣдняя цѣль Божія. Этотъ выводъ находится въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣмъ, что проповѣдуетъ христіанство о приобрѣтеніи и спасеніи нравственной личности или, говоря словами библии,—о приобрѣтеніи и спасеніи души.

Если мы теперь спросимъ, *чудо воскресенія І. Христа можетъ ли быть понято изъ этой мировой цѣли*; то на этотъ вопросъ долженъ послѣдовать отвѣтъ: безъ сомнѣнія. Я утверждаю даже, что оно есть единственный фактъ, который служитъ для насъ порукой за спасеніе нравственной личности,—что если бы за крестной смертью Христа не послѣдовало Его воскресеніе, то крестъ Христовъ служилъ бы даже доказательствомъ невозможности спасенія нравственной личности. Постараемся доказать это.

Во-первыхъ, безъ воскресенія Христова не было бы никакого ручательства за то, что жизнь имѣетъ прочную цѣль, что нравственная личность все же напослѣдокъ сохранить свое бытіе. Мы видимъ, что человѣчество употребляетъ отчаянныя усилія, чтобъ осуществить и сохранить свой личный міръ въ его внутренней чистотѣ, и не допустить его гибели въ желѣзныхъ тискахъ міра вещественнаго. Человѣчеству удалось изучить законы природы и чрезъ это постепенно достигнуть владычества надъ нею. Но въ борьбѣ противъ нравственныхъ искушеній весь культурный прогрессъ не оказываетъ ему никакой помощи; наука, искусство, техника не въ состояніи оказать нравственной личности помощь, необходимую для одержанія побѣды. И если бы удалось это... но доколѣ наукъ еще не удалось побѣдить смерть—а мысль объ этомъ никому не приходитъ въ голову даже и во время самыхъ смѣлыхъ мечтаній—дотолѣ вещественный міръ въ концѣ концовъ все же будетъ одерживать побѣду надъ личнымъ міромъ. Древнее, ужасное повѣствованіе о потопѣ и доселѣ остается еще истиной: вокругъ насъ люди ведутъ отчаянную борьбу за жизнь—и одинъ за другимъ поглощаются волнами смерти.

Умы посредственные этого факта вообще въ расчетъ не принимаютъ; но вліяніе его на *глубокихъ мыслителей* очень замѣтно въ ихъ отвѣтахъ на послѣдніе вопросы. Вспомните о Буддѣ! Онъ хочетъ освободить личность чело-вѣка изъ желѣзнаго механизма мірового закона, подъ которымъ онъ разумѣетъ душепереселеніе; для этого онъ требуетъ уничтоженія всякаго желанія. Если этого дости-гаютъ, то личность погружается въ нирвану, въ совер-шенную пустоту. Слѣдовательно чтобъ избавиться отъ страданія, личность должна отречься отъ себя самой; чтобъ спасти себя отъ мірового механизма, личность должна уничтожить себя саму. Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобъ Будда былъ въ состояніи доставить побѣду нрав-ственной личности.—Всѣмъ извѣстно, что и новѣйшіе пес-симисты приходятъ къ точно такимъ же результатамъ. Такъ для Э. Гартмана послѣдней цѣлью всего развитія служить избавленіе воли отъ несчастія бытія посредствомъ отрицанія всякаго хотѣнія. Поэтому цѣль жизни была бы чисто отрицательною.—В. Вундтъ правда не доходитъ до такого утвержденія окончательной безцѣльности всякаго бытія. Онъ настаиваетъ на томъ, что всѣ преходящія цѣли служатъ средствомъ для достиженія цѣли вѣчной, непре-ходящей. Онъ идетъ еще дальше: міровая цѣль, по его мнѣнію, должна быть мыслима необходимо адекватной нравственному идеалу, который ему данъ въ І. Христѣ. Но, во-первыхъ, Вундтъ совсѣмъ не можетъ указать въ дѣйствительности никакого объективнаго основанія для такого своего нравственнаго оптимизма, потому что міръ становится не лучше, но хуже не смотря на все культур-ное развитіе, а можетъ быть вслѣдствіе всего этого раз-витія. И, во-вторыхъ, даже и онъ не осмѣливается припи-сать нравственной личности личную побѣду надъ угне-тающими ее силами; отдѣльная личность сохраняетъ свою непреходящую цѣнность въ процессѣ развитія духа, только какъ духовная сила.

Слѣд. именно глубокіе мыслители и не могутъ ни пря-

знать справедливымъ непосредственнаго ощущенія чело-
вѣческаго духа, ни доставить ему удовлетворенія, не мо-
гутъ они ни обѣщать побѣды нравственной личности, ни
представить *доказательства* въ пользу того, что эта уди-
вительная, таинственная жизнь вообще имѣетъ смыслъ,
имѣетъ цѣль. Но это послѣднее предположеніе (цѣли жизни)
становится совершенно невозможнымъ благодаря *кресту*
Христа—*въ томъ случаѣ, если имъ и закончился Его жиз-*
ненный путь. Вотъ другое положеніе, которое необходимо
доказать. Здѣсь въ Иисусѣ Христѣ предъ нами находится
несомнѣнно самая мощная всемірно-историческая Фигура,
крѣпкая, побѣдоносная, всецѣло самостоятельная, всецѣло
свободная, независимая, всесовершенная Личность, совер-
шенная личная Сила, возвышающаяся надъ всѣмъ—и надъ
людьми и надъ вещами—но и Она на послѣдокъ раздавлена
смертью, побѣждена силою желѣзныхъ законовъ природы!
И эта по самому существу своему всесовершенная нрав-
ственная Личность, безъ всякаго пятна чистая, и беско-
нечно сильная по своей безкорыстнѣйшей любви—но и
Она побѣждена ненавистью, подавлена людьми міра сего,
вечистыми, грѣшниками, потерпѣла самую жалкую неудачу
въ Своихъ идеальныхъ стремленіяхъ! Наконецъ этотъ Чи-
стѣйшій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и самымъ благочестивымъ.
Съ Владыкою міра Онъ находился въ самомъ искреннемъ
общеніи, какъ сынъ съ своимъ отцомъ; Онъ жилъ въ Богѣ
и Богъ въ Немъ. Это чувствуютъ люди и до нынѣшнихъ
дней. Такъ какъ Онъ дѣйствительно служилъ Богу и только
Ему одному былъ послушливъ, то поэтому именно Онъ и
подвергся самымъ ужаснымъ страданіямъ отъ набожныхъ
людей своего времени; поэтому именно они Его осудили
неправеднымъ судомъ, Его мучили, опозорили, распяли
и умертвили. А Богъ не обнаруживаетъ никакого состра-
данія къ Нему, не уничтожаетъ преступниковъ, хотя Его
кровь вопіетъ на небо: Онъ умираетъ оставленнымъ отъ
Бога! Даже враги Его чувствовали, что такое молчаніе
живого Бога есть нѣчто невозможное; для нихъ оно было

доказательствомъ, что Іисусъ былъ богохульникомъ: *уповалъ на Бога; пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему* (Матѣ. 27, 43), говорили они. Такъ какъ для насъ І. Христосъ — никакъ не богохульникъ, отнюдь не безнравственный человѣкъ, то мы неизбежно приходимъ къ обратному выводу: если крестъ есть конецъ Его жизненнаго пути, то «самый вѣрующій изъ вѣрующихъ» съ своей вѣрой не подвергается ли посрамленію? тогда не имѣемъ ли мы права обратиться къ Распятому съ вопросомъ: «гдѣ же твой Богъ»?

Слѣдовательно на крестѣ Христовомъ рушится все, что у человѣчества есть самаго великаго и святаго! Здѣсь терпитъ крушеніе самая сильная Личность: кто же можетъ спасти свой личный міръ, если этого не въ состояніи былъ достигнуть І. Христосъ? Въ какихъ бы прекраснѣйшихъ художественныхъ чертахъ ни рисовалась Его Личность, — она все-таки на послѣдокъ гибнетъ отъ желѣзныхъ законовъ вещественнаго міра! Здѣсь на крестѣ торжествуетъ зло надъ воплощеннымъ Добромъ, ложь надъ Истиною, пошлость надъ Величіемъ, низость надъ Чистотою, самолюбіе и ненависть надъ Любовію и Безкорыстіемъ. Величайшая нравственная сила сокрушена, нравственный идеалъ униженъ, уничтоженъ — кто же послѣ этого еще можетъ искренно вѣрить въ послѣднюю побѣду добра подъ впечатлѣніемъ креста? Здѣсь превращенъ въ ничто весь нравственный міропорядокъ, а съ нимъ вмѣстѣ и вѣра въ любовь и правду Божию. Если Богъ не спасъ Іисуса, — эту недосыгаемо высокую Личность, Святѣйшаго изъ святыхъ, — то кто же еще можетъ ожидать отъ Бога спасенія своей нравственной личности? Если І. Христосъ не воскресъ, то не только вѣра христіанская суетна, но и всякая религія окончательно и безъ всякихъ возраженій должна быть признана не болѣе, какъ прекрасной мечтой, не болѣе какъ иллюзіей. Кто же еще можетъ послѣ этого вѣрить въ Бога? Это не есть съ моей стороны пустое пристрастіе къ страннымъ выводамъ; крестъ Христовъ не рѣдко на-

носилъ смертельный ударъ всякому идеализму, и не мало людей доводилъ до грубаго атеизма.

Можетъ быть вы мнѣ возразите: «Но я не позволю ввести себя въ заблужденіе! Вѣдь я вѣрую въ побѣду личности надъ міромъ вещественнымъ, вѣдь я вѣрую въ окончательное торжество добра въ мірѣ; я не допущу, чтобъ у меня изъ сердца взяли Бога моего».—Этому я былъ бы только очень радъ. Вѣра въ побѣду нравственной личности, вѣра въ Бога въ цѣломъ человѣчествѣ неискоренима. Съ стихійной силой она постоянно обнаруживаетъ свою жизнь. Но именно поэтому она становится неподкупнымъ присяжнымъ свидѣтелемъ (Schwurzeugen) въ пользу—воскресенія Иисуса Христа! Кто еще вѣруетъ въ дѣйствительное существованіе цѣли этой жизни и въ превосходство личности надъ міромъ, кто убѣжденъ въ существованіи нравственнаго міроуправленія и святого Правителя вселенной, тотъ долженъ признать, что смерть Христова угрожаетъ погибелью всѣмъ этимъ идеаламъ, что она прямо лишаетъ ихъ въ дѣйствительности твердой почвы. Такимъ образомъ напослѣдокъ воскресеніе І. Христа становится постулатомъ нравственнаго и религіознаго сознанія. Для кого Иисусъ есть нравственный идеалъ—а рядомъ съ нимъ не можетъ быть никакого другого идеала—для того Его побѣда надъ грѣхомъ и смертью становится принципиальнымъ нравственнымъ требованіемъ. Для болѣе глубокаго мышленія воскресеніе І. Христа становится необходимымъ условіемъ для обоснованія и оправданія лично-нравственнаго, а равно и нравственно-религіознаго міра. *Если смерть Иисуса Христа есть фактъ въ высшей степени не благоприятный достиженію жизненной цѣли человечества, то Его воскресеніе есть фактъ въ этомъ отношеніи самый цѣлесообразный, какой только можно представить себѣ.* Потому что если Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то, во-первыхъ, для Своей личности Онъ одержалъ побѣду надъ вещественнымъ міромъ; Его духъ освободился отъ тисковъ законовъ матеріи и обратилъ ихъ

на служеніе Себѣ: Личность Иисуса торжествуетъ побѣду надъ безличнымъ міромъ. Въ этомъ состоитъ высшее значеніе тѣлеснаго воскресенія. Мы вѣрующіе во Христа не ищемъ убѣжища въ безчувственности, чтобъ спасти нашъ внутренній міръ; мы не отказываемся отъ окончательной побѣды духа надъ матеріей. Тѣлесное воскресеніе служитъ для насъ ручательствомъ за то, что духовно-тѣлесный составъ полнаго человѣческаго существа останется для насъ въ сохранности.—И если Онъ воскресъ, то, во-вторыхъ, въ Немъ добро оказалось могущественнѣе зла: Иисусъ—нравственный идеалъ человѣчества—удержалъ побѣды за Собою. Его воскресеніе есть твердое ручательство какъ за спасеніе нравственной личности, такъ и за окончательную побѣду нравственнаго міроуправленія силою Божіею! Наконецъ, если Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то существуетъ Богъ, Который есть правда и любовь и соблюдаетъ ихъ въ Своей дѣятельности, — правъ былъ Иисусъ, всѣмъ пожертвовавшій для этого Бога, и имѣютъ глубокое значеніе исполненныя достоинства слова Его ученика Іоанна: *«сія есть побѣда, побѣдившая міръ, врагъ наша (1 Іоан., 5, 4). Потому что побѣда Иисуса есть побѣда человечества!»* Его смерть и воскресеніе имѣютъ принципиальное значеніе для всѣхъ людей вообще и для каждаго человѣка въ частности. Не Себя Самого хотѣлъ Онъ спасти, но Свою жизнь Онъ отдалъ въ искупленіе за многихъ. Спасеніе душъ Своихъ братьевъ, погибавшихъ отъ грѣха и смерти,—вотъ что было цѣлью всей Его жизни. Для этого силою любви Своей Онъ усвоилъ Себѣ внутреннюю и внѣшнюю нужду грѣшниковъ, какъ-будто Онъ былъ одинъ изъ нихъ. Но во всемъ и всегда Онъ сохранялъ единство Своей воли съ волей Отца Своего, оказывая Ему полнѣйшее послушаніе. Оттого Онъ и одержалъ въ душѣ Своей побѣду надъ силою зла; воскресеніе есть фактическое доказательство того, что умирая Онъ имѣлъ право на побѣдный кличъ: *«совершилось»*. Онъ прошелъ сквозь всѣ внѣшнія и внутреннія страданія. Въ Его лицѣ

достигнута та цѣль, къ которой предназначено было человечество,—достигнуто спасеніе нравственной личности чрезъ вѣчное общеніе со всемогущимъ Отцомъ. Но Его побѣда есть и наша побѣда, потому что не ради Своего Лица Онъ умеръ и воскресъ, но ради человечества. Точнѣе: въ Немъ человечество воздало Богу то, что Ему принадлежитъ, а это есть его избавленіе, его искупленіе. Во Христвъ человечество осуждено на крестъ; во Христвъ человечество воскресло для новой жизни. Спасеніе Одного отъ смерти, заслуженной грѣшниками, есть спасеніе всѣхъ, потому что Онъ есть нашъ по призванію и по заслугамъ Ходатай предъ Богомъ. Это не то значить, что какое-нибудь внѣшнее дѣйствіе Его могло искупить насъ; наше спасеніе находится въ Лицѣ Распятаго и Воскресшаго. Радость воскресенія въ томъ именно и состоитъ, что Тотъ, безъ Котораго невозможна наша жизнь, Самъ лично даруетъ Себя Своимъ, но теперь, какъ побѣдитель надъ грѣхомъ и смертью. Какъ Воскресшій Онъ предлагаетъ всѣмъ быть Спасителемъ ихъ нравственной личности отъ внутренней и внѣшней гибели.

Такъ въ воскресеніи І. Христа для человечества принципиально достигнута послѣдняя цѣль — избавленіе нравственной личности отъ міра грѣха и смерти въ сыновнемъ общеніи съ вѣчнымъ Отцомъ. Единственная цѣль нашей личной жизни, могущая возбуждать серьезное сомнѣніе, здѣсь нашла полное обезпеченіе и осуществленіе—чрезъ это единственно великое чудо воскресенія Іисуса Христа изъ мертвыхъ. Только Воскресшій даетъ намъ въ Своемъ Лицѣ ручательство того, что и всякій изъ насъ можетъ достигнуть послѣдней цѣли жизни и окончательной побѣды нравственной личности надъ грѣхомъ и смертью,—всякій, кто съ вѣрою и упованіемъ предаетъ себя Ему—Владыкѣ жизни (Osterfürsten).

Что принесло съ собою человечеству благовѣстіе о воскресеніи І. Христа—этого невозможно и представить. Даже *неотврующіе* въ сущности ему обязаны вѣрою въ

смысль жизни и значительной долей своей жизненной бодрости, необходимой для неутолимаго исканія и борьбы. Это очень ясно понимает Гете: Фаустъ утрачиваетъ вѣру во все, въ Бога, міръ и самого себя. Что же снова сообщаетъ ему мужество? Благовѣстіе о воскресеніи І. Христа:

«Христось воскресъ! Радуйся смертный, коего держить въ оковахъ пагубное, коварно подвѣрадывающееся, наслѣдственное зло» 1)!

У него нѣтъ вѣры, но радостная вѣсть о воскресеніи Христовомъ все еще имѣетъ силу — опять призвать его въ жизни, опять пробудить въ немъ вѣру въ жизнь:

«О, продолжайте звучать сладостныя пѣсни неба! Полились слезы—я опять принадлежу землѣ» 2).

Таково таинственное, животворное дѣйствіе благовѣстія о воскресеніи Христа на невѣрующихъ, большинствомъ изъ нихъ уже ясно несознаваемое. Какое могущество духа, побѣждающее міръ и смерть, развило оно въ сердцахъ *вѣрующихъ* въ продолженіе 19 столѣтій! Кто былъ бы въ состояніи описать исторію страданій людей на одрѣ болѣзни и смерти! Какое множество милліоновъ людей среди самыхъ тяжкихъ страданій вмѣстѣ съ Павломъ съ торжествомъ возглашали: *Смерть! гдѣ твоё жало? адъ! гдѣ твоя побѣда? Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ* (1 Кор. 15, 55, 57). Я осмѣливаюсь сказать: воскресеніе І. Христа есть важнѣйшій фактъ, служащій основаніемъ вѣры въ цѣль жизни, и ручательствомъ достиженія ея. Такимъ образомъ *чудо воскресенія Христова оказалось въ высшемъ смыслѣ слова полезнымъ для достиженія единственно возможной послѣдней цѣли человечества и вселенной.* Съ религиозно-нравственной точки зрѣнія оно является не только справедливымъ, но и неизбѣжно необходимымъ требованіемъ. Потому что еслибы Христось не воскресъ, а остался

1) Гёте Фаустъ, перев. Петра Вейнберга, Сбл., 1904, стр. 27.

2) Тамъ же, стр. 28.

въ гробѣ, то Онъ и всѣ идеалы человѣчества съ неодолимой силой увлекъ бы за Собою во гробъ; въ Немъ, вождѣ человѣчества, погибъ бы личный нравственно-религіозный міръ человѣчества, погибло бы все, что есть великаго и святаго для насъ. *Но если Онъ воскресъ, то въ Немъ одержана побѣда надъ грѣхомъ и смертію, даровано спасеніе нравственной личности для общенія съ Богомъ.*

Съ нѣмецкаго. Проф. П. Казанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АРЗАМАССКІЯ ПОДВИЖНИЦЫ.

Арзамасская Алексіевская женская община, нынѣ Арзамасскій Новодѣвичій Алексія человекъ Божія первоклассный монастырь, издавна славится своимъ благоустройствомъ и доброю иноческою жизнью своихъ насельницъ. Какъ звѣзды небесныя, особенно ярко свѣтящія, выдѣляются на духовномъ небосклонѣ имена почившихъ о Господѣ подвижницъ сей обители—схимонахини Марѣы, монахини Олимпиады и Христа ради юродивой Елены Аванасьевны. — Не въ нашихъ задачахъ подробно излагать житіе сихъ истинныхъ о Христѣ крестоносицъ,—это трудъ не нашего слабаго пера; но кратко ознакомить православнаго читателя съ трудами и подвигами ихъ почитаемъ священнымъ долгомъ; особенно въ виду имѣющаго исполниться 30 апрѣля 1913 года столѣтія со дня преставленія блаженной первоначальницы Арзамасской обители схимонахини Марѣы.

Схимонахиня Марѣа, въ міру Марія Петровна Протасьева, происходила изъ стариннаго дворянскаго рода Костромской губерніи. Отецъ ея, бригадиръ Петръ Григорьевичъ Протасьевъ, служилъ воеводою въ г. Ростовѣ. Здѣсь и родилась Марія Петровна 2 марта 1760 г. Оставшись послѣ смерти матери шестилѣтнею сиротою, Марія Петровна воспиталась подъ благотворнымъ руководствомъ высоко-благочестивой бабушки, матери своего отца, съ которою часто путешествовала по монастырямъ. Изъ всѣхъ впечатлѣній святыхъ мѣстъ и бесѣдъ съ иночествующими одно за другимъ добрыя сѣмена западали въ чуткую душу

ребенка, а затѣмъ и дѣвушки, которая, отъ юности возлюбивъ Христа, всю жизнь свою рѣшила посвятить на всецѣлое служеніе Богу. И вотъ, имѣя всего около 15 лѣтъ отъ роду, Марія Петровна тайно оставляетъ домъ родительскій и, несмотря на прещенія отца, остается тверда въ своемъ рѣшеніи и вселяется въ Костромской монастырь, гдѣ отдается молитвѣ, посту и всяческому удрученію плоти. Послѣ смерти отца, въ 1782 году, Марія Петровна, по благословенію знаменитаго старца о. Ѳеодора Санакарскаго (Ушакова), перешла въ Алексіевскую общину, находившуюся подъ его духовнымъ руководствомъ. Здѣсь раба Божія, своею строго-подвижницею жизнью и безграничнымъ смиреніемъ, вскорѣ заслужила всеобщую любовь и такое уваженіе, что въ 1785 году о. Ѳеодоръ, несмотря на ея всего лишь 25-лѣтній возрастъ, поставилъ ее настоятельницею общины. Въ великихъ трудахъ по вѣшнему и внутреннему устроенію обители, въ великихъ подвигахъ милосердія, поста и молитвы текла ея жизнь. Принявъ же тайно великій ангельскій образъ—схиму, схимонахиня Марѳа еще усугубила свои подвиги строгаго во всемъ воздержанія и пощенія. Общиною она управляла 28 лѣтъ и скончалась 30 апрѣля 1813 года, оплакиваемая сестрами и мірянами. Память о схимонахинѣ Марѣѣ жива и доселѣ и пользуется глубокимъ почитаніемъ какъ въ обители, такъ и въ Арзамасѣ и окрестностяхъ его, и въ другихъ мѣстахъ.

Ольга Васильевна Стригалева, въ монашество Олимпіада, дочь Костромскаго именитаго гражданина, была настоятельницею общины съ 13 августа 1813 года по день кончины, послѣдовавшей 6 августа 1828 года. Поступивъ въ обитель въ 1793 году, при настоятельницахъ схимонахинѣ Марѣѣ, Ольга Васильевна была дѣятельною продолжательницею дѣла почившей, къ памяти которой истинно благоговѣла. Мудро управляя обителью, Ольга Васильевна пользовалась безграничною любовью и глубокимъ уваженіемъ не только сестеръ, но и мірянъ. Часто съ любовью

поучала она сестеръ, и рѣчь ея, отъ сердца идущая, дѣлалась, какъ бы она читала по книгѣ. Памятникомъ ея простаго, безыскусственнаго, но трогательнаго по силѣ слова осталось ея завѣщаніе сестрамъ. Еще съ юныхъ лѣтъ Ольга Васильевна,—въ 1795 году, вскорѣ по вступленіи своемъ въ обитель, тайно принявшая монашество съ именемъ Олимпіады,—имѣла сильное желаніе побывать въ Кіевѣ и поклониться святынямъ Кіевскимъ. Часто мысль ея останавливалась на молитвѣ преподобнаго Феодосія, просившаго у Господа небеснаго царствія и водворенія съ преподобными тѣмъ, кто будетъ погребенъ на мѣстѣ ихъ обиталища. И вотъ, въ 1828 г., желаніе сердца ея исполнилось: несмотря на болѣзнь, отправилась въ Кіевъ и здѣсь 6 августа мирно отошла ко Господу. Погребена на дальнихъ пещерахъ, близъ церкви Рождества Богородицы. Память матушки Олимпіады свято чтится въ Алексіевской обители.

Елена Аѳанасьевна была изъ рода дворянъ Дертьевыхъ, проживавшихъ и служившихъ въ Арзамасѣ. Благочестивые родители ея Аѳанасій и Анна, воспитавшіе ее въ страхѣ Божіемъ, не соглашались однако исполнить желаніе дочери — отпустить ее въ одинъ изъ монастырей, а непременно хотѣли выдать ее замужъ, что, конечно, страшно тяготило дочь, жаждавшую посвятить себя жизни иноческой. Однажды домъ родительскій посѣтилъ извѣстный Валаамскій игуменъ Назарій, и дѣвица Елена, провожая его, когда онъ уже простился съ родителями, открыла ему свою душу, и старецъ Божій указалъ ей на путь юродства, могущій спасти ее отъ врага: «будь юродствующею Христа ради, покрой разумъ буйствомъ; симъ путемъ спасешься и угодишь Богу». Дѣвица Елена твердо рѣшила слѣдовать совѣту старца. И вотъ, когда родители, несмотря на ея слезы и нежеланіе, принудили ее къ браку, раба Божія, послѣ вѣнчанія, возвратясь изъ церкви, во всемъ подвѣнечномъ нарядѣ выскочила въ окно и бросилась въ лужу. Гости и молодой женихъ, видя такое стран-

ное происшествіе, постепенно разошлись, единогласно положивъ, что Елену испортили. Съ тѣхъ поръ Елена Аѳанасьевна оставила родительскій домъ, не имѣла опредѣленнаго пристанища и проводила гдѣ день, гдѣ ночь, причѣмъ вездѣ изгоняема была и дѣлала разныя юродства. Наконецъ ее, какъ сумасшедшую, отправили въ Нижній Новгородъ въ домъ умалишенныхъ, а оттуда опредѣлили въ Николаевскій Арзамасскій женскій монастырь, но монашествующія, тяготясь ею, просили уволить ее изъ монастыря. Тогда приняла въ ней участіе любвеобильная настоятельница Арзамасской Алексіевской общины схимонахиня Марѳа и пріютила рабу Божию въ своей обители. Не оставляя подвига юродства, Елена Аѳанасьевна водворилась въ Алексіевской общинѣ и здѣсь же мирно скончалась 28 марта 1820 года, въ самое Свѣтлое Христово Воскресеніе, въ вечерню перваго дня. При жизни Елена Аѳанасьевна пользовалась большимъ уваженіемъ сестеръ и мірянъ, и многіе имѣли большую вѣру въ ея прозорливость. Между прочимъ, она прикровенно предсказала намѣстнику Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандриту Антонію ¹⁾, тогда еще свѣтскому человѣку, будущее его монашество. А по кончинѣ подвижницы Христовой, память о ней творится неопустительно чтеніемъ псалтири въ молитвенной келліи, устроенной тамъ, гдѣ проводила подвижническую жизнь свою отшедшая ко Господу раба Божія.

Итакъ, вотъ какія святія праведницы подвизались въ Арзамасской Алексіевской обители! И если мы о нихъ умолчимъ, то каменіе храмовъ монастырскихъ возопіють. И прежде всего повѣдаютъ о первоначальницѣ обители, схимонахинѣ Марѳѣ, нетлѣнно почивающей близъ алтаря Вознесенской церкви, въ придѣлѣ Кіево-Печерскихъ чудотворцевъ, о чемъ въ монастырской лѣтописи содержится

¹⁾ † 12 мая 1877 года.

нижеслѣдующая записъ, сдѣланная одною еще нынѣ здравствующею старицею, свыше шестидесяти лѣтъ подвизающеюся въ обители:

«30 апрѣля 1813 года почила о Господѣ первая настоятельница нашей обители Марія Петровна Протасьева—схимонахиня Марѳа, и была погребена близъ алтаря холодной Вознесенской церкви. При ея пріемницѣ по настоятельству, Ольгѣ Васильевнѣ Стригалевоѣ, въ іюнѣ 1821 года было приступлено къ распространенію и перестройкѣ Вознесенской церкви. Такъ какъ могила схимонахини Марѳы приходилась на линіи новыхъ стѣнъ церкви, и при рытьѣ канавъ для фундамента не представлялось возможности обойти ее и сохранить неприкосновенною, то въ силу необходимости вынуждены были могилу схимонахини разрыть. При этомъ, къ великому изумленію, нашли, что гробъ, въ которомъ была погребена схимонахиня Марѳа, весь сгнилъ, тѣло же ея оказалось совершенно цѣлымъ и почти невредимымъ, такъ какъ только часть верхней губы предалась тлѣнію, хотя со времени кончины и погребенія прошло болѣе девяти лѣтъ. Пораженная такимъ открытіемъ настоятельница Ольга Васильевна пригласила духовника обители протоіерея Аѳанасія Максимовича Крутовскаго и монаха Арзамасской Высокогорской пустыни Антонія, бывшаго впослѣдствіи намѣстникомъ Свято-Троицкой Сергіевоѣ Лавры, чтобы посовѣтываться съ ними, какъ поступить и что предпринять при такомъ необыкновенномъ обстоятельстве. На этомъ совѣтѣ рѣшили устроить подъ престоломъ придѣла Кіево Печерскихъ чудотворцевъ склепъ-усыпальницу и здѣсь положить нетлѣнные останки схимонахини Марѳы. Новый кипарисный гробъ для тѣла схимонахини имѣлся готовый у настоятельницы Ольги Васильевны, которая, будучи всегда больна, приготовила его для себя. Все это держалось до времени въ великой тайнѣ. Когда все было готово, вечеромъ, по закрытіи монастырскихъ воротъ, Ольга Васильевна пригласила нѣсколькихъ высокой жизни старицъ и благословила ихъ взглянуть на

нетлѣнные останки своей дорогой матери и мудрой наставницы. Кто можетъ передать то благоговѣнное чувство, которымъ переполнились сердца благочестивыхъ старицъ! Съ трепетомъ и слезами радости приникли онѣ къ нетлѣнному тѣлу своей матери, при жизни бывшей для нихъ любвеобильнымъ ангеломъ-утѣшителемъ, вѣруя, что имѣютъ въ ней дерзновенную молитвенницу и ходатаицу за нихъ предъ престоломъ Божиимъ. Но недолго пришлось имъ насладиться лицезрѣніемъ этого дорогого сокровища. Поздно ночью пришли о. Аѳанасій и о. Антоній, и при участіи настоятельницы Ольги Васильевны съ приглашенными старицами, положили тѣло схимонахини Марѣы въ новый кипарисный гробъ и внесли въ усыпальницу. Здѣсь гробъ поставленъ былъ въ ранѣе приготовленный деревянный ящикъ, который былъ обтянутъ наглухо заклепанными желѣзными обручами.

Кромѣ вышеупомянутыхъ лицъ и избранныхъ старицъ, никто изъ сестеръ обители не зналъ о происходившемъ въ эту таинственную ночь, такъ какъ настоятельница приказала, чтобы не только сестры не выходили на монастырь, но чтобы и окна келлій, обращенныя къ Вознесенской церкви, были наглухо завѣшаны. Это распоряженіе и присутствіе въ монастырѣ въ такое необычное время духовника о. Аѳанасія и о. Антонія до того возбудило сестеръ, что никто изъ нихъ не могъ спать; всѣ молились, всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго, всѣ были въ какомъ-то особенномъ, благодатномъ, возвышенномъ настроеніи.—Чтобы сестры имѣли возможность помолиться у гроба своей благодатной матери, для нихъ и только для нихъ, за амвономъ придѣла Киево-Печерскихъ чудотворцевъ, устроенъ былъ тайный сходъ, который и открывали трижды въ годъ: въ день блаженной кончины схимонахини Марѣы—30 апрѣля, въ день ея ангела—4 іюля и въ прощенное воскресенье. Эти дни были всегда для обители днями знаменательными; сестры, помолясь у гроба блаженно-почившей и испросивъ ея благословенія и прощенія

нія, получали какое-то особенно благодатное спокойствіе духа. Но такъ какъ въ мірѣ ничто же покровено есть, еже не открыется, и тайно, еже не уразумѣется,—съ теченіемъ времени узнали и міряне о перенесеніи въ усыпальницу схимонахини Марѣы, и стали приходять слушать панихиды по ней, но не въ склепѣ, а въ церквѣ, въ придѣлѣ Кіево-Печерскихъ чудотворцевъ, и многіе получали благодатную помощь.

Въ одинъ изъ прїѣздовъ въ г. Арзамасъ преосвященнаго Епископа Нижегородскаго Модеста владыка посѣтилъ и нашу обитель. Здѣсь въ разговорѣ съ владыкой настоятельница Евгенія, между прочимъ, сказала ему, что тѣло почившей схимонахини Марѣы до сихъ поръ сохранилось нетлѣннымъ. На вопросъ владыки, чѣмъ это можно доказать, она сказала, что лично слышала объ этомъ отъ намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандрита Антонія.—Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, еще бывши послушницею, я сопровождала въ Лавру настоятельница нашей обители Прасковью Александровну Щетинину — схимонахиню Сергію, и отецъ намѣстникъ рассказывалъ намъ, что онъ самъ принималъ личное участіе при переложеніи схимонахини Марѣы въ новый гробъ, что тѣло ея вполнѣ сохранилось, и лишь часть верхней губы предалась тлѣнію,—это я могу подтвердить присягою, да кромѣ того живы еще нѣсколько монахинь, которыя помнятъ объ этомъ изъ рассказовъ своихъ старицъ—участницъ этого событія. Тогда владыка благословилъ устроить открытый входъ въ усыпальницу, который и былъ устроенъ въ 1890 году у наружной сѣверной стѣны Вознесенскаго храма.

Въ настоящее время мы имѣемъ свободный доступъ въ усыпальницу и ежедневно можемъ поклониться гробу нашей нетлѣнно-почивающей матери и испросить ея благословеніе. Теперь и для мірянъ панихиды служатся здѣсь же.

Дѣлаемъ эту запись для послѣдующихъ родовъ насельницъ нашей обители, чтобы и онѣ вѣдали, и своимъ пре-

емницамъ передавали, что первоначальница наша схимонахиня Марѳа благодатію Божіею почиваетъ нетлѣнно».

Въ дополненіе къ сей лѣтописной записи, досточтимая лѣтописица монастырская, въ особомъ къ намъ письмѣ, пишетъ слѣдующее:

«Посылаю вамъ какія я могла собрать и имѣть свѣдѣнія, мнѣ лично извѣстныя отъ приснопамятнаго и великаго старца архимандрита, Свято-Троицкой Сергіевой Лавры бывшаго намѣстника, глубокаго почитателя нашихъ приснопамятныхъ подвижницъ схимонахини Марѳы, монахини Олимпиады и блаженной старицы Елены Аѳанасьевны. Покойный о. архимандритъ Антоній любилъ нашу обитель и уважалъ нашихъ подвижницъ. Какъ о нетлѣннй нашей матушки схимонахини Марѳы, такъ и о себѣ многое передавалъ бывшей у него матушкѣ Прасковѣ Александровнѣ — схимонахинѣ Сергіи. Говорилъ онъ: «тамъ мнѣ помогаетъ преподобный Сергій управлять братією; былъ у меня просфорникъ скупой, началъ просфоры маленькія печь; я много разъ говорилъ, но тотъ не слушалъ меня; тогда я ему сказалъ — ну, какъ хочешь, преподобный Сергій тебя исправить; и вотъ разъ ночью слышу въ дверь стукъ; всталъ, отворилъ, вижу просфорника,—бухъ мнѣ въ ноги—«батюшка, прости, ко мнѣ приходилъ преподобный Сергій, гнѣвался за ослушаніе, послалъ къ тебѣ просить прощенія». И я неоднократно видѣлъ преподобнаго Сергія; разъ стучить въ окно, зоветъ къ себѣ; я выхожу; говоритъ мнѣ—«смотри къ Востоку, видишь, какъ лучъ сіяетъ въ келліи моей»; я отвѣчаю—вижу, преподобне, не знаю, что это. Онъ мнѣ отвѣчаетъ: «это путь, которымъ приходила ко мнѣ Матерь Божія съ двумя апостолами, и онъ будетъ до второго пришествія Господня». И еще тоже вызвалъ меня на Смоленское кладбище, показываетъ и говоритъ: «смотри, видишь столпы отъ земли къ небу огненные; это ваши здѣсь старцы почивающіе; они за васъ молитвенники теплые!»

«Эти всѣ слова такъ у меня запечатлѣлись глубоко въ

сердцѣ, такъ же какъ и разсказъ о переложеніи мощей матушки схимонахини Марѣы памятенъ остался у меня съ 1866 года, мѣсяца января, числа не запомню, потому что въ продолженіе нашего пребыванія болѣе недѣли въ св. Лаврѣ матушка каждый день у батюшки бывала, и я съ нею.

Все изложенное въ сей краткой замѣткѣ написано во славу Бога нашего, дивнаго во святыхъ Своихъ, и имѣть цѣлью показать ту великую духовную связь, соединяющую подвижниковъ Божіихъ разныхъ временъ, разныхъ мѣстъ и положеній... Преподобный Сергій, намѣстникъ архимандритъ Антоній, схимонахиня Марѣа и другіе св. подвижники и св. подвижницы—вотъ та невидимая міру, но крѣпкая духовная цѣпь, связующая людей, паче и прежде всего въ земномъ житіи своемъ помышляющихъ, како угодити Господеву. Поучимся у нихъ «горѣ имѣть сердца»!

А. З.

ГРИГОРІЙ ФЕОДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ

И

ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ¹⁾.

Изъ письма къ А. Н. К. отъ 6 іюня 1893 г.

«Возлюбленнѣйшій, дорогой и сердечноуважаемый
Алексѣй Николаевич!»

Не дивитесь тому, что я такъ долго не писалъ вамъ; причинъ было много, а главная та, что я не хотѣлъ огорчать васъ извѣстіями о томъ, что со мною во все это время происходило—а происходило многое непріятное и мною непредвидѣнное; но, благодареніе Богу, давшему мнѣ силы и терпѣніе, я перенесъ всѣ невзгоды, и все кончилось благополучно, хотя для дѣла, которому я посвятилъ остатки жизни, не совсѣмъ.

Отъ должности регента хора Его Высочества я, по слабости здоровья, уволился, а въ Исаак. хорѣ остался до сентября мѣсяца, а затѣмъ оставлю и тотъ хоръ. За службу въ Невскомъ хорѣ я получилъ пожизненно квартиру въ Лавровскомъ домѣ изъ пяти комнатъ и 300 руб. пенсіи; по увольненіи изъ Исаак. хора надѣюсь и оттуда получить денежное пособіе, но въ какомъ размѣрѣ еще не знаю, думаю же, что не обидать.

Благодареніе Богу за вся, яже ми содѣялъ, даже до сего дне.

Письмо ваше я получилъ въ Бессарабіи на своей родинѣ, гдѣ я провожу время въ воспоминаніяхъ своего дѣтства.

¹⁾ Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душен. Чт.* за 1911 г.

По увольненіи своемъ, я бѣжалъ изъ Питера, какъ изъ темницы, и почувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ,—не знаю, какъ возблагодарить Бога; мнѣ кажется, что я только теперь живу тою жизнію, какъ хочу, а не такую, какую другіе повелѣваютъ.

Письмо ваше доставило мнѣ большое удовольствіе и послужило укрѣпляющимъ лѣкарствомъ въ настоящемъ моемъ положеніи; благодарю васъ за все, вами написанное, и совѣтами воспользуюсь, такъ какъ они исходятъ отъ вашей доброй и благожелательной души.

Въ лѣтахъ моихъ вы ошиблись на цѣлыхъ 10; мнѣ всего 63, но по болѣзни и по силамъ болѣе тѣхъ, какіе вы мнѣ дали; во всякомъ же случаѣ, работать не перестану, пока есть еще кое-какія силы; и теперь я гармонизую стихиры, подъ названіемъ «Подобны».

Радуюсь, что вы работаете, и отъ всей души желаю вамъ успѣха и благополучнаго окончанія трудовъ вашихъ, но очень сожалѣю, что обстоятельства вынудили васъ уклониться отъ церковнаго пѣнія, которому вы также не мало послужили; да даруетъ вамъ Господь силы и здоровья послужить, хоть и не церковному, но все же музыкальному искусству.

Семь вашей привѣтъ и поклонъ.

О помѣщеніи въ Хрестоматіи произв. авторовъ, кажется, нужно испросить согласіе, но навѣрное не знаю; когда буду въ Питерѣ, справлюсь и напишу вамъ».

Изъ письма къ А. Н. К. отъ іюня 1893 г.

«Онъ ужъ больше не воркуеть».

Что же это значить, дорогой мой, что вы перестали ворковать и оставляете меня безъ всякихъ извѣстій о себѣ? Я же не писалъ вамъ потому, что находился все это время въ нерѣшительномъ и угнетенномъ состояніи, не вѣдая, какъ Господь устроитъ остатокъ моей жизни... А въ такомъ положеніи не писалъ, чтобы не огорчить васъ, моего добраго и дорогого друга. Теперь же, когда выяснилось мое положеніе, пишу вамъ сія нѣсколько строкъ».

чтобы и вы порадовались если не моему материальному обезпеченію, то моему оставленію службы въ обоихъ хорахъ, чему самъ я очень радъ, такъ какъ, подъ тяжелымъ гнетомъ, я положительно изнемогалъ.

А теперь, благодаря Бога, послѣ 51-го года всей службы, въ числѣ коей 40 лѣтъ управленія хорами, я почувствовалъ себя свободнымъ гражданиномъ: но представьте себѣ, что и до сихъ поръ не могу привыкнуть къ своему настоящему положенію, до того я втянулся въ ярмо!

Отъ Александро-Невской Лавры я получилъ квартиру (5 комн.) 20 саж. дровъ и 300 руб. денегъ въ годъ—пожизненно; отъ Исаакіевскаго собора 300 руб. ежегоднаго пожизненнаго пособія, да за службу въ Смольномъ институтѣ надѣюсь получить 400 р. пенсіи—а всего 1000 руб. Какъ видите, не особенно широко вознаградили меня за многіе годы тяжкихъ трудовъ, но благодареніе Богу и за сіе, какъ и за вся, яже содѣлалъ Онъ мнѣ даже до сего дне; я счастливъ и доволенъ!

Не легко будетъ мнѣ жить въ столицѣ съ семьєю и большимъ знакомствомъ на эти средства, но все же лучше, чѣмъ если бы я продолжалъ службу, и особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Вотъ все, дорогой мой, что я считалъ долгомъ сообщить вамъ, какъ доброму и сочувствующему мнѣ другу. Всѣ члены семьи моей здравствуютъ и шлютъ вамъ и семьѣ вашей привѣтъ и поклонъ. Забылъ еще сообщить вамъ наипріятнѣйшую новость: нашъ дорогой сынъ Феодоръ Григор. получилъ мѣсто бухгалтера воспитательнаго дома съ содерж. 1500 р. и готовую казенную квартиру; и въ этомъ я вижу явное благоволеніе Божіе ко мнѣ и близкимъ моимъ!»

Изъ послѣдняго письма Гр. О. отъ 1-го іюля 1894 г.

«Возлюбленнѣйшій и сердечноуважаемый

Алексѣй Николаевичъ!

Великое спасибо вамъ за письмо, въ которомъ хотя вы и не воркуете, но оно доставило мнѣ и всѣмъ моимъ большое удовольствіе.

Не взирая на минорные лады вашего изложенія, намъ пріятно было узнать, что вы и семья ваша здравствуете. Для того, чтобы получить отъ жизни больше того, что намъ дано, необходимо трудиться (что вы и дѣлаете), придерживаясь мажорнаго лада; а впадать въ минорные тоны—значить унижать себя и умалять свое достоинство. Идите по пути жизни твердою стопою, и рано или поздно Господь воздвигнетъ васъ, и люди воздадутъ вамъ должное.

Пріѣхали мы въ Бессарабію 15 мая, въ надеждѣ, что здѣсь на югѣ мы согрѣемся, но, вмѣсто тепла, насъ встрѣтилъ холодъ, и дожди лили ежедневно по нѣскольку разъ до 20 числа іюня; теперь же настали такіе жаркіе дни, что изнемогаемъ; и холодъ, и жаръ дѣйствуетъ на меня неблагоприятно, почему и мечты мои—работать здѣсь на свободѣ—разлетѣлись.

Сына вашего поцѣлуйте за меня и поздравьте съ переходомъ въ высшій классъ; душевно радуюсь и его успѣхамъ по фисгармоніи.

А кто руководствуетъ курсами въ Кіевѣ, и почему къ вамъ не обратились?.. Это меня удивляетъ. Цѣлую васъ крѣпко и благодарю за *ваши неизмѣнно-сердечныя отношенія* къ моимъ посильнымъ трудамъ; они мнѣ дороги.

Вся моя семья, а съ нею и я кланяемся вамъ и вашей семьѣ, при пожеланія здоровья и всего лучшаго въ вашей супруженической жизни.

Цѣлую васъ крѣпко,
искренно любящій васъ
Гр. Львовскій».

Черезъ три мѣсяца Гр. Θ. скончался.

Сколько разъ перечитывалось мною это послѣднее письмо. Въ немъ звучитъ именно «духовное завѣщаніе», въ немъ и пророчество надѣющейся на лучшее будущее души, въ немъ два послѣднихъ заочныхъ поцѣлуя, въ немъ досада и удивленіе тому, что тотъ, кто велъ первые въ Россіи въ Кіевѣ курсы, былъ обойденъ, въ немъ звучитъ какъ бы предчувствіе, что это послѣднее прощальное письмо.

«Мечты мои — работать здѣсь на свободѣ, разлетѣ-
дись» ¹⁾. Съ какою скорбію читалъ я эти строки, — съ ка-
кою скорбію будутъ читать ихъ и всѣ, которые въ со-
стояніи проникнуться красотами творчества Гр. О.! Онъ
поѣхалъ работать на свободѣ. Въ немощной отъ двух-
дѣтней послѣдней драмы плоти былъ бодрый духъ и рѣд-
кое всеоружіе для творчества, доказательствомъ чего мо-
гутъ служить: «Да молчить» и «Херувимская пѣснь № 42»,
которыя были навѣрное написаны въ Бессарабіи въ по-
слѣднюю поѣздку.

Этой ежедневной трагедіи не могло вынести его уже
давно надломленное сердце. Какъ скорбно становится на
сердцѣ, какъ скорбно жаль Гр. О., какъ грустно на душѣ,
когда представишь эту трагедію и вспомнишь, какъ мало
интересовались этой трагедіей и жизнью Гр. О. тѣ, кому
надлежало бы интересоваться, и какъ мало оказано за-
ботъ, чтобы эта рѣдкая жизнь и дѣятельность продолжа-
лась и приносила такіе цѣнные плоды; какъ мало про-
явлено заботъ для облегченія этой жизни и очищенія съ
пути ея всего, что служило помѣхой жизни и творчеству.
Вотъ тутъ то болѣе всего и желательно, чтобы люди
имѣли какъ можно больше силы «отвергать себя» и про-
являть болѣе любви къ ближнему, согласно второй запо-
вѣди Господа нашего Иисуса Христа, Который предви-
дѣлъ цѣну эгоизма нашего времени и будущихъ временъ.

Что можетъ быть трагичнѣе слѣдующаго положенія:
человѣкъ 35 лѣтъ страдалъ душевно за церковное пѣніе,
ждалъ перемѣны къ лучшему; явился новый начальникъ,
и этой перемѣны не только не послѣдовало, но получи-
лась какая-то несообразность. Печать и лучшія музы-
кальныя силы хлопотали о введеніи древняго пѣнія, о
такомъ пѣніи, которое было бы доступно истинному хри-
стіанину — нашему народу, а новый владыка требуетъ

¹⁾ Послѣдніе два года жизни Г. О. по выдающимся событіямъ и
переживаемымъ имъ волненіямъ были поистинѣ трагичны.

произведеній Сарти, Галлуппи, на бывшаго регента не хочеть и смотрѣть и, не спрашивая его, выписываетъ другого регента. Угасаль духъ Гр. Θ., страдала его душа, страдало и тѣло.

Какъ жаль, что около такихъ рѣдкихъ людей, какъ Гр. Θ., не было въ послѣдніе годы жизни лицъ, которыя, облегчая его непосильные труды, дали бы ему дѣло, которое возбуждало бы его дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ давало бы духовное удовлетвореніе. Случилось какъ разъ наоборотъ. Все, къ чему онъ стремился, рухнуло. Церковное пѣніе въ его хорѣ приняло показную форму, и на это уже щедрою рукою отпускались средства, изъ за которыхъ такъ всю жизнь страдалъ Гр. Θ.

По своимъ лѣтамъ, по своему характеру, по своему міровоззрѣнію и умственному кругозору, по знанію церковной и общественной жизни, по своимъ высокимъ чувствамъ Гр. Θ. долженъ былъ бы найти въ новомъ начальникѣ друга, опору въ старости. Явись этимъ начальникомъ іерархъ, проникнутый чудными твореніями Гр. Θ. (какихъ іерарховъ въ настоящее время десятки),—какую громадную пользу принесли бы эти два дѣятеля для православной церкви, сколько вдохновенныхъ сочиненій и переложеній созданы были бы Гр. Θ., скончавшимся хотя и въ лѣтахъ, но въ полномъ расцвѣтѣ своей музыкально-религіозной творческой силы! Случилось наоборотъ, и рѣдкій духъ, рѣдкій человѣкъ, рѣдкая натура и музыкально-религіозная душа отлетѣла отъ насъ раньше, чѣмъ бы слѣдовало.

Будемъ утѣшать себя надеждою, что оставленное Гр. Θ. все же великое наслѣдство найдетъ другую душу, которая возгорится отъ огня души, живущей въ произведеніяхъ Гр. Θ. и будетъ продолжать творчество въ его духѣ.

А. Карасевъ.

„НА ВЫКСУ“.

(Изъ моихъ воспоминаній).

Въ июль прошлаго 1910 года пришлось мнѣ выполнить мое желаніе, побывать въ Иверскомъ-Выксунскомъ женскомъ монастырѣ, находящемся въ Нижегородской губ., Ардатовскаго уѣзда, близъ села Выксы. Обитель эту въ 1864-мъ году основалъ извѣстный почти всей Россіи старецъ Геосиманскаго, что при Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ, Скита, (нынѣ умершій) Геромонахъ Варнава.

Путь мой лежалъ изъ Москвы на Выксу по Нижегородской желѣзной дорогѣ. Заручившись билетомъ до станціи Муромъ, на Курскомъ вокзалѣ, я долженъ былъ отъ Мурома проѣхать 20 верстъ по рѣкѣ Ока до пристани Досчатой, путь отъ которой до монастыря пришлось совершить въ 10 верстъ на лошадахъ.

Несмотря на столь разнообразный способъ переезда, путь мой прошелъ для меня почти незамѣтно. Поѣздъ изъ Москвы отправляется въ 7 съ половиной часовъ вечера и приходитъ въ Муромъ въ 9 часовъ утра; совершая переездъ въ ночное время, можно было спокойно предаться сну. Утромъ слѣдующаго дня я отправился на пароходную пристань рѣки Оки и, благодаря хорошей и ясной погодѣ, мое путешествіе было чудной прогулкой по рѣкѣ; съ парохода я любовался дивными прибрежными картинами природы.

На пристани Досчатой всегда можно найти свободнаго возницу, который за недорогую плату взялся доставить меня до Иверской обители, 10-ти верстное разстояніе до кото-

рой обошлось около рубля. Дорога идетъ песчаная,—только не доѣзжая немного до монастыря начинается лѣсъ, который, окружая монастырь сплошной стѣной, далѣе идетъ на далекое пространство, соединяясь, какъ говорятъ; съ Саровскимъ лѣсомъ, и извѣстенъ подъ названіемъ «Муромскихъ лѣсовъ».

По пути къ монастырю находится село Выкса, съ двумя церквями и громадными прудами, около которыхъ раскинулись чугунно-жельзо-дѣлательные заводы.

Подвигаясь тихонько по песчаному грунту, приблизились къ лѣсу, и дорога до монастыря пошла уже лѣсомъ. Соляце хотя и свѣтило, но скрылось за верхушками деревьевъ,—только лучи его проглядывали сквозь деревья и освѣщали лѣсную дорогу, оставляя любоваться подою неба надъ лѣсомъ.

Очаровательная природа, оградивъ лѣсомъ обитель, какъ бы скрыла отъ міра монашествующихъ, а безмолвная тишина, нарушаемая громкимъ хоромъ птицъ, какъ нельзя болѣе способствовала удалившимся отъ міра славить Создателя.

Наконецъ окончился лѣсъ, и взору моему открылась большая поляна, на которой ровнымъ квадратомъ раскинулась дивная обитель, и заблѣлись ея каменные зданія. Весь монастырь открылся въ благолѣпно-священной красѣ своей, съ величественною въ 32-сажени колокольною съ сіяющимъ на ней крестомъ. Колокольный звонъ 1000 пудового колокола, расплываясь въ воздушномъ пространствѣ, какъ бы напоминаетъ путнику, что мѣсто это, освященное Промысломъ Божиимъ,—для неба и молитвы. Говорятъ, что съ колокольни открывается чудный видъ на монастырь и его окрестности, а въ ясную погоду виденъ г. Муромъ въ 30-тиверстномъ разстояніи отъ монастыря.

Все пространство, занятое монастыремъ, окружено каменной оградой, и такая же другая, соприкасаясь съ первой, огораживаетъ большое пространство земли, занятое подъ посѣвъ.

Въѣзжая въ монастырскія ворота, я удивленъ былъ картиной иноческаго труда на полевыхъ работахъ. На всемъ пространствѣ занятой подъ посѣвъ земли множество сестеръ обители, подъ знойными лучами июльскаго солнца, заняты жнитвомъ, складывали въ снопы посланный отъ Бога урожай. Сердечно пожелалъ имъ христіанское—«Богъ въ помощь»!

Подъѣхали къ прекрасной двухъэтажной каменной монастырской гостиницѣ, которая, благодаря стараніямъ заведующей монахини м. Платониды и ея помощницъ, содержится въ безукоризненной чистотѣ, образцовомъ порядкѣ и удобствѣ. Вотъ гдѣ воистину можно отдохнуть отъ шумной суеты мірской жизни! Спокойствіе полное. Мнѣ дали чистый и хорошо обставленный просторный номеръ и съ видимымъ радушіемъ предложили съ дороги самоварчикъ. Приведа одежду и себя въ порядокъ отъ пыльной дороги и немного отдохнувъ, я отправился обозрѣвать обитель.

По направленію отъ гостиницы до св. вратъ идетъ прямая асфальтовая дорожка, которая въ ненастное время представляетъ для богомольцевъ большое удобство.

Колокольня съ наружной стороны расписана изображеніемъ хода событій изъ жизни Пресвятой Богородицы. Св. врата колокольни открываютъ входъ въ самый монастырь; внутри, надъ вратами, находится въ большомъ кіотѣ чудный образъ Иверскія Божія Матери, именуемой «Вратарница», предъ которымъ, когда посѣщалъ обитель почившій о. Варнава, читался акаѳистъ, и при заключительныхъ словахъ «Радуйся, благая Вратарница, двери райскія вѣрнымъ отверзающая»... внутреннія двери колокольни внутрь монастыря отверзались, и старецъ съ сестрами монастыря и съ пріѣзжими гостями вступали въ монастырь.

Внутри монастыря, вправо отъ колокольни, находится больничный храмъ, въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы, съ хорами для престарѣлыхъ и больныхъ сестеръ.

Больничное зданіе, примыкающее къ храму въ верхнемъ своемъ этажѣ, имѣетъ дверь, ведущую на хоры, что даетъ возможность больнымъ присутствовать или же слышать церковное богослуженіе. Поистинѣ здѣсь приложена для страждущихъ христіанская заботливость и попеченіе. Въ этомъ же храмѣ ежедневно собираются сестры обители, и читаются утреннія молитвы съ акаѳистомъ.

Противъ больничнаго храма прекрасное и прочно устроенное каменное зданіе настоятельскихъ покоевъ съ келліями для сестеръ.

Идя по асфальтовой дорожкѣ, останавливаешься предъ соборнымъ храмомъ въ честь иконы Иверскія Божія Матери. Храмъ трехъ-престольный, прекрасно расписанный; полъ храма плиточный, скромнаго простого рисунка. Въ храмѣ—икона Иверской Богоматери, особо-чтимая по бывшимъ отъ нея чудесамъ. Подъ соборомъ еще храмъ, съ дубовымъ иконостасомъ, безъ всякой позолоты. Во всемъ замѣчается образцовая чистота и порядокъ.

Съ правой стороны Иверскаго соборнаго храма находится чудный по своей величественности вновь сооруженный соборъ во имя Живоначальной Троицы, своей архитектурой напоминающій Преображенскій соборъ въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ подъ Москвой. Соборъ весь оштукатуренъ и имѣетъ прекрасную виѣшность: чѣмъ болѣе смотришь на него, тѣмъ яснѣе представляется, что онъ какъ-будто отдѣляется отъ земли и уходитъ отъ взора въ воздушное пространство.

Внутренность собора еще не закончена отдѣлкою; украшается великолѣпнымъ металлическимъ вызолоченнымъ среднимъ иконостасомъ и громадными хорами, гдѣ могутъ свободно помѣститься всѣ сестры обители до 500 чело-вѣкъ.

Поставленные не такъ давно во главѣ громадной и сложной обязанности управленія монастыремъ игуменія Серафима и казначея м. Маргарита много потрудились въ достройкѣ величественнаго иконостаса этого собора, и,

благодаря ихъ энергіи и усердію благотворителей, съ Божіею помощію этотъ чудный соборъ освященъ. Вмѣстительность собора на 4000 человѣкъ.

Съ лѣвой стороны Иверскаго собора—прекрасный каменный двухъ-этажный трапезный корпусъ; въ нижнемъ этажѣ помѣщается трапезная, художественно расписанная сестрами обители, а въ верхнемъ этажѣ келліи для сестеръ.

Монастырь имѣетъ трехъ священниковъ и одного діакона, къ слову сказать, обладающаго хорошимъ голосомъ. Ежедневно совершаются ранняя и поздняя литургіи.

Хоръ пѣвчихъ состоитъ изъ 60 человѣкъ. Пѣніе хорошее и благоговѣйно-стройное. Для практическихъ пѣвческихъ занятій въ одномъ изъ монастырскихъ корпусовъ устроено просторное и свѣтлое помѣщеніе.

Кромѣ описанныхъ зданій и храмовъ, внутри монастыря есть еще много другихъ зданій для хозяйственнаго употребленія, какъ-то: иконописная, просфорная, хлѣбная, портновская, башмачная, золотошвейная, переплетная, фотографія, прачечная, малярная, квасоварня, оранжереи и образцовые огороды.

Всѣ строенія большею частію каменные, прочныя, храмы красивы и блестятъ украшеніемъ и чистотою. Во всемъ видна заботливая рука почившаго старца—«Кормильчика», какъ привыкли называть всегда сестры обители о. Варнаву.

Закончивъ обзоръ монастыря и получивъ разрѣшеніе отъ настоятельницы, я на монастырской лошаdkѣ отправился за девять верстъ отъ монастыря на монастырскую дачу-пчельникъ. Дорога все лѣсомъ.... тихо кругомъ. Воздухъ, растворенный ароматомъ растений, громкое пѣніе хора всевозможныхъ птицъ,—все располагало путника къ молитвѣ Отцу Небесному, подателю всякихъ благъ, давшему жизнь и дыханіе человѣку и чувство ко всему прекрасному.

Встрѣтила насъ очень благодушная старица м. Іулія,

завѣдующая пчельникомъ, усердно все объяснила и показала по пчеловодству, а затѣмъ радушно угостила чайкомъ съ душистымъ липовымъ медомъ. За любовь и христіанское радушіе да воздастъ Господь сторицею по Своей милости.

Осмотрѣвъ пчельникъ, я отправился въ обитель, куда и прибылъ поздно вечеромъ, а на другой день рано утромъ мнѣ должно было выѣхать изъ обители, чтобы своевременно быть въ Москвѣ.

Жизнь въ монастырѣ, проходящая въ трудахъ, послушаніи, постѣ и богослуженіи благотворно дѣйствуетъ на жителей окрестныхъ селъ, зараженныхъ расколомъ, и немало возвратилось въ лоно православной церкви.

Въ обители для богомольцевъ - странниковъ находится хорошая каменная страннопріимная, гдѣ странники получаютъ бесплатный пріютъ, пищу и чай.

Два дня, проведенные мною въ обители, протекли незамѣтно, но это время долго не изгладится изъ моей памяти: я отдохнулъ душою и тѣломъ.

Иеромонахъ Ефремъ.

Краткая записка о раскольниковских слободахъ, монастыряхъ, вновь возникшихъ сентахъ и прочихъ тому подобныхъ.

Учнена при Саратовскомъ архіерейскомъ домѣ единовѣрческимъ инокомъ Мельхиседекомъ Якубовскимъ по приказанію преосвященнаго Іакова, епископа Саратовскаго, и имъ исправленная. 1837 года, іюля 1 дня.

Въ окончаніи жизнеописанія Нижегородскаго архіепископа Іакова, помѣщеннаго въ *Душеполезномъ Читаніи* за 1910 г. ¹⁾, я упомянулъ, что изъ числа историческихъ сочиненій по расколу, написанныхъ пр. Іаковомъ, или правленныхъ имъ, имѣется любопытная рукопись: «Записка о Саратовскихъ раскольниковскихъ слободахъ, и т. п.», при чемъ я и обѣщаль напечатать эту записку.

Составитель этой записки былъ единовѣрческій монахъ Мельхиседекъ, уроженецъ юго-западнаго края и съ молодыхъ лѣтъ бродившій по старообрядческимъ монастырямъ разныхъ «упованій».

Самое интересное мѣсто въ этой запискѣ есть, безспорно, описаніе Лужковскаго согласія, получившаго свое начало въ 1822 г. въ посадѣ Лужкахъ.

Надо замѣтить, что, несмотря ни на усилія православныхъ миссіонеровъ, ни на запечатаніе церквей, благодать Божія, какъ писалъ въ 1845 г. въ своихъ запискахъ протоіерей Тимоѣей Александровичъ Верховскій, не коснулась еще сердца Лужковцевъ, и онъ скорбѣлъ душою о грубости нравовъ жителей посада Лужковцевъ.

¹⁾ №№ 6—9.

«И ночью въ Лужкахъ, — продолжаетъ о. Верховскій, мнѣ не спалось. Такъ грустно было на душѣ за мрачныя и непривѣтливныя событія въ Лужкахъ! Что оставалось дѣлать? идти по домамъ съ проповѣдью на устахъ, значило бы идти на прямыя оскорбленія, которыя, пожалуй, могли повести и къ преступленіямъ уголовнымъ»¹⁾...

Не малый интересъ представляетъ и описаніе Саратовскихъ сектъ и лжеучителей Кабановской часовни перекрестцевъ—новоженовъ, о которой уже упоминалось въ біографіи преосвященнаго Іакова.

Прочитавъ описаніе сектъ, въ большинствѣ наполнявшихъ Саратовскій край, представляется понятнымъ полная освѣдомленность преосвященнаго о состояніи раскола во ввѣренной ему епархіи.

Ан. Титовъ.

¹⁾ Записки Т. А. Верховскаго, ч. I, стр. 550.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

I. О мѣстахъ, гдѣ писатель И. М. Якубовскій родился и первоначально находился, равно и о монастыряхъ.—II. О восхищеніи писателемъ, взирая на старину.—III. О лужковскомъ пеатновскомъ согласіи.—IV. О выходѣ писателя изъ Турціи.—V. О вновь возникшемъ спорѣ въ согласіи.—VI. О прибытіи іеромонаха Мельхиседека въ Одессу и паки изъ Одессы въ г. Таганрогъ.—VII. О таганрогской мнимопрефальной Ѳеклѣ безпоповщинскаго согласія.—VIII. О цымлянскихъ сектахъ и поморянскомъ лжеучителѣ Никитѣ.—IX. О скитахъ Обливнаго острова на Дону.—X. О пятиизбянской мрежѣ.—XI. О забольскомъ согласіи.—XII. О лжеучителѣ Иванѣ Ѳедоровѣ.—XIII. О вступленіи іеромонаха Мельхиседека въ Саратовскую губернію и о дубовскихъ молоканахъ.—XIV. О другихъ дубовскихъ сектахъ.—XV. О сектѣ отцовщинѣ.—XVI. О поступленіи іеромонаха Мельхиседека въ единовѣріе.—XVII. О замѣченныхъ іеромонахомъ Мельхиседекомъ вредныхъ книжкахъ.—XVIII. О сектѣ лѣвлянахъ.—XIX. Объ аминовщинѣ.—XX. О безаминовщинѣ.—XXI. Объ отцовщинѣ.—XXII. Объ отчаянныхъ.—XXIII. О бальчужныхъ.—XXIV. О балтовскихъ хатосогласникахъ.—XXV. О случившемся въ г. Балтѣ любопытномъ случаѣ.—XXVI. О раскольнической изговоркѣ.—XXVII. Объ опроверженіи на оную.—XXVIII. О климовскомъ согласіи или обществѣ.

По урожденности Якубовскаго въ герцогствѣ Варшавскомъ, съ начала юныхъ лѣтъ находился онъ въ краяхъ польскихъ и литовскихъ, поближе къ Бѣлоруссіи, гдѣ, какъ извѣстно изъ исторіи, съ давнихъ временъ водятся тайные волки, по апостолу Павлу, не щадящіе словесныхъ овецъ, то-есть раскольническіе бѣглые попы, лжеучители и исчадіе ихъ кривотолковщики, уставщики, подъ паствою коихъ и онъ, Якубовскій, съ своимъ родителемъ состоялъ; бывалъ при моленіяхъ въ ихъ неблагословенныхъ церквахъ, часовняхъ и прочихъ молитвенныхъ домахъ бѣглопоповской вѣтковской секты.

Отколь по ревности своей достигалъ и Малороссіи, тамъ же маловременно былъ въ тамошнихъ Стародубскихъ до 30 и вяще раскольническихъ слободахъ и монастыряхъ. Показанныхъ мѣсть, какъ припомнить, въ Бѣлоруссіи мужскіе монастыри: Лаврентьевъ, Пахомовъ, Новониколь-

скій и прочіе скиты мужскіе и женскіе, при тамошнихъ раскольническихъ слободахъ состоящіе.

Въ Малороссіи, Черниговской губерніи, мужскіе монастыри: Никольскій, Красный боронъ, онъ же и дальняя полоса; Клиновскій, — Покровско-Митьковскій, Никольско-Свяцковскій. Скиты мужскіе: Воронковскій и Лужковскій наподобіе монастыря.

Монастыри женскіе: Успенско-Клиновскій, Казанско-Климовскій. Пустыньки: Воронковская, Лужковская, Митьковская, Зыбковская и прочія. Онымъ подобныя почти при каждой слободѣ есть, и всѣ оныя, равно и Добрянскій женскій монастырь, по бѣглому священству разныхъ согласій. Двѣ безпоповскихъ обители, при слободѣ Злыньѣ состоящія, изъ коихъ одна довольно большая, а другая поменьше оной. Якубовскій, какъ припомнить, въ сущемъ еще малолѣтствѣ, выйдя обще съ отцомъ своимъ вовсе изъ предѣловъ герцогства Варшавскаго въ Россію, и въ скорости затѣмъ лишасть родителя, проживаль по разнымъ мѣстамъ Россіи и, почти всегда ходя, по немогутству своему въ здоровьѣ, по разнымъ монастырямъ, приобучиль себя къ славянскимъ письменамъ.

По достиженіи возраста бываль за рѣками: Днѣпромъ, Бугомъ, Днѣстромъ и Прутомъ, также по разнымъ мѣстамъ, гдѣ, какъ и выше показано, находится множество раскольническихъ слободъ и часть монастырей, въ нихъ церквей, часовенъ и прочаго тому подобнаго, изъ коихъ о главныхъ упоминаеть: за Днѣпромъ Кіевской губерніи пустынно Никольскій мужской и весьма не въ дальнемъ разстояніи отъ онаго таковой же женскій Чернобольскій, въ 35 верстахъ отъ оныхъ — Ильинско-Терентьевъ большой скитъ мужской и тутъ же непоодалъ таковой же женскій Залѣшенскій. Они всѣ стоятъ въ большихъ черныхъ лѣсахъ. Два большіе монастыря — мужской и женскій Черкасскіе, отстоящіе отъ первыхъ въ 400 верстахъ, надъ самымъ Днѣпромъ внизъ.

За Бугомъ — Никольскій мужской и таковой женскій,

Куреневскіе, Каменецъ - Подольской губерніи; за Дѣвѣ-струмъ — Серповскій мужской Бессарабской области, и за Прутомъ въ Молдавіи мужской и женскій монастыри Мануйловскіе. Ходя обще съ раскольниками по церквамъ и часовнямъ, взиралъ Якубовскій на внѣшность раскольническихъ церемоній, восхищался, смотря на старинное по тѣмъ мѣстамъ украшеніе, радовался старопечатнымъ и письменнымъ книгамъ, и, словомъ сказать, всему ихъ устроющему, чрезъ посредство оныхъ и личныхъ раскольническими лжеучителями дѣйствій, льщенію. А того не зналъ, что въ тѣхъ же самыхъ книгахъ есть отъ святыхъ и великихъ вселенскихъ учителей предварительное ученіе, изъ коего съ Божіею помощію нынѣ, дознавши отчасти, на пользу себѣ и другимъ привожу здѣсь ¹⁾:

«Но что глаголю о книгахъ и мѣстѣхъ? Во время гоненія мучащія и тѣлеса мученихъ держать, и стражать, и ранять, убо святы ли тѣхъ руки, понеже тѣлеса святыхъ держаша? да не будетъ. И руки, убо тѣлеса святыхъ держаша, скверныи пребываютъ за то самое, понеже держаша злѣ. Письмена же держаще и святыхъ безчестящи не мѣе, нежели мучащія тѣлеса мучениковъ честнымъ сего ради будутъ, и како не послѣдняго безсловесія сіе есть». *Ниже*: «Что убо святы ли будетъ Серапидовъ храмъ книгъ ради? да не будетъ, но оны убо имуть свою святость. Мѣсту же тому не подають, ради сходящихся скверности, тоже убо и сонмище вмѣняетъ, аще убо и кумиръ не стоитъ тамо? но бѣсове живутъ въ мѣстѣ томъ». *Ниже*: «Тамо бо наго и проявлено есть нечестіе и удобъ не привлечетъ, ниже прельститъ умъ имущаго и цѣломудрствующаго. Здѣ же глаголюще: Богу поклонитися и идолъ отвращатися, и пророки имѣти и почитати. Глаголы сими мною устроюще льщеніе простѣйшая и бессмысленная безъ сохраненія во своя влагають сѣти». Можно бы и еще къ оному довольная показать, но дабы не умножить

¹⁾ Маргаритъ, слово 1, на Іудеи.

сямъ сію записку и не сойти иногда съ тропы описанія замѣченныхъ сектъ, оставлять болѣе того вмѣшать. Чувствуя притомъ, аще кто похочеть благоразумно разсудити, а не завистию, и отъ того можетъ довольно уразумѣть еретическое и раскольническое ухищреніе и льщеніе, а если вопреки, то хотя ему со всея земли снеси книги, то не разумѣти ему ученія ¹⁾.

Когда находился Якубовскій за Прутомъ въ Молдавіи при тамошнемъ раскольническомъ Мануйловскомъ монастырѣ, то по приглашенію чернаго попа Мануила бѣглаго, отправился съ нимъ въ Бессарабскую область въ портовой городъ Смѣшно-Тучковъ, гдѣ, перейдя границу въ 1830-мъ году, вступили Якубовскій и попъ Мануила въ турецкіе предѣлы Бабадасской области, гдѣ, остановясь жительствомъ на островѣ Попинѣ Миланѣ, разили въ тамошнемъ раскольническомъ свитѣ некрасовскихъ иноковъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы побывать и во Іерусалимѣ. Вскрости затѣмъ въ томъ свитѣ по случаю болѣзни Якубовскій постриженъ въ соборную мантию въ инока, съ нареченіемъ имени Мельхиседекъ, тѣмъ же попомъ Мануйлою.

Оный Мануила, узнавши тамъ, что нѣкоторые некрасовскіе казаки, подобныхъ ему поповъ, по усмотрѣнію поведенія, иногда отправляютъ въ рѣку Дунай въ надеждѣ, что они могутъ чрезъ сіе быть мучениками, оставя Мельхиседека, отправился паки въ Молдавію уже на г. Галаць.

Оставшійся Мельхиседекъ на островѣ Попинѣ, пріобрѣлъ себѣ друга бѣльца, по имени Павла, коему сдѣлалъ довѣріе въ наставленіи его ко спасенному пути, поелику Павелъ преклонныхъ лѣтъ, который по времени началъ опровергать секту некрасовскаго согласія, которое состоитъ наравнѣ съ вѣтковскою сектою *съ тѣмъ* ²⁾ только разли-

¹⁾ Отъ книги Пчелы.

²⁾ Съ такимъ.

чиѣмъ, что въ первомъ всѣ раскольники остригаютъ власы на главѣ безъ останка. Поставлялъ Мельхиседеку на видъ Лужковско-пѣятовскую секту и утверждалъ отъ писанія оную за правильную, поелику онъ, Павелъ, той пѣятовской секты есть потаенный отрывокъ.

Мельхиседекъ, знавши прежде сію секту, весьма вредную, хотя во оправданіе свое и показывалъ Павлу отъ книги о Мессіи правдивомъ друиванной року 1069-го, пророчества 18, листа 133, о троякомъ антихристовомъ пятиѣ, но впрочемъ, чрезъ наводимыя Павломъ всегда разныя толкованія оставался въ большомъ сомнѣніи.

О Лужковско-пѣятовскомъ согласіи.

Мельхиседекъ въ юныхъ лѣтахъ побывалъ посреди самаго стана Лужковско-пѣятовскаго согласія или секты, а потому и припомнилъ, что оная секта по внѣшности болѣе называется Лужковская, поелику между стародубскихъ раскольническихъ слободъ есть таковая подъ названіемъ Лужби. По внутренности жъ именуется та секта пѣятовское согласіе, самое плодовитое сѣмя къ поддержанію всѣхъ раскольническихъ сектъ, ибо въ прочихъ сектахъ и согласіяхъ хотя и бѣглые попы, но явленные мѣстному правительству, а пѣятовскаго согласія попы вовсе есть потаенные и никому не вѣдомые, кромѣ своихъ, поелику не даютъ о нихъ знать нивакому начальству и не запрашиваютъ отъ епархіальныхъ епископовъ справокъ для того, чтобы отнюдь не было на нихъ архіерейскаго благословенія, отъ коего они при вступленіи въ оное согласіе отрекаются и проклинаятъ.

Желающихъ принимаютъ въ сіе пѣятовское согласіе таковымъ порядкомъ: пришедшій къ нимъ человекъ первоначально поучается въ ихъ вышеупомянутомъ скитѣ семидоклонному началу восемь дней, въ чемъ увидя его неупорнымъ, дозволяютъ ему стоять при мнимой ихъ церкви у красныхъ дверей на паперти. Потомъ чрезъ

нѣсколько дней, остригши ему власы на главѣ кателкою по-посадски, если мужескаго пола, и огласивши его, допускають въ число таковыхъ внутрь церкви. А затѣмъ, по довольномъ испытаніи, написавъ ему проклятiе на всѣ духовныя греко-россійской церкви тайнодѣйствiя, равно и раскольническія секто-согласiя съ признанiемъ притомъ, что во всей поднебеснѣй одна ихъ только есть Лужковская церковь истинная, соборная и апостольская, приводятъ то во исполненіе чрезъ посредство лжепопа своего. Онъ, вмѣсто янобы древняго мѣра, отъ простого деревяннаго масла налагаетъ на тѣлѣ присоединяющагося къ нимъ по всѣмъ чувствамъ пятна въ знакъ—старой переправы, подтверждая ему, что съ сими только пятнами и троекратномъ прежнемъ его погруженіи крещеніи, коего одного только погруженіи онъ при вышеописанной клятвѣ не проклиналъ ¹⁾, въ царство небесное души входятъ, поелику они за сіи пятны даже и отъ раскольниковъ другихъ согласiй претерпѣвають гоненіе нареканiемъ и укоризною.

Сiя секта хотя и съ давнихъ дѣтъ влечется, но въ исторiяхъ обстоятельно не вмѣщена, почему Мельхиседекъ, объясняя оную, паки возвращается на первое.

Когда прошелъ слухъ въ турецкихъ владѣнiяхъ о всемилостивѣйшемъ прощенiи на свободный выходъ изъ Турціи въ Россію новонекрасовцамъ и прочимъ людямъ, то Мельхиседекъ инокъ и Павелъ бѣлецъ, вида, что прочіе, имъ подобныя, съ острова Попина уже разошлись, кому куда разсудилось, согласася между собою и испрося у Господа Бога помощи, оставили Попинскій скитъ, переправились черезъ Дунай въ числѣ прочихъ пассажировъ и явились на карантинную Смаило-Тучковскую площадь, гдѣ, по выдержаніи карантиннаго времени, первый вышелъ

¹⁾ Здѣсь надо знать, что попъ при поступленіи въ сію секту не упоминаетъ ни слова о хиротонiи, кромѣ, что вообще всѣ еретическія таковыя влечеть.

въ Россію 1835 года въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а послѣдній въ карантинѣ умре и тамъ погребенъ мортусами при отправленіи надъ нимъ молдаванскимъ попомъ погребенія. По выходѣ изъ-за границы въ г. Смаило-Тучковѣ въ тамошнихъ женскихъ пустынькахъ, въ коихъ проживаютъ и нѣкоторые старцы и иноки, кромѣ довольноаго числа бѣлицъ, и прочихъ близъ Смаилова мѣстахъ разсмотрѣлъ инокъ Мельхиседекъ, что всѣ проживающіе тамъ раскольники на прежней же старинной опарѣ раскольниковъ поднимаются. Побывши въ церкви, некрасовскимъ раскольническимъ обществомъ вновь выстроенной каменной, съ дозволенія высочайшаго, и таковой старой деревянной другого общества, получивъ достаточныя словесныя свѣдѣнія отъ появившихся тамъ изъ иргизскихъ мѣстъ Саратовской губерніи раскольниковъ, что якобы у нихъ на Иргизѣ самая старинная христіанская вѣра хранится въ тамошнихъ монастыряхъ, не медля въ Смаиловѣ получилъ паспортъ и отправился оттолѣ на города: Кишиневъ, Бендеры, Тирасполь и Одессу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пробраться на Иргизъ для разсмотрѣнія показанной вѣры.

По всѣмъ онимъ городамъ и свержъ того и слободамъ есть довольное число раскольниковъ прежнихъ сектъ. Но какъ между оними замѣтилъ инокъ Мельхиседекъ вновь возникшее согласіе, то оное обстоятельно здѣсь и описуетъ подъ таковымъ названіемъ: «О вновь возникшемъ спорѣ-согласіи».

Подъ городами Одессою и Тирасполемъ стоятъ двѣ большія расколическія свободы: первая Маяки подъ Одессою, а послѣдняя Плоское подъ Тирасполемъ, не въ дальнемъ разстояніи. Въ нихъ жители—одни раскольники безъ изытія, чернобольской секты. Но не такъ-то давно послѣдовалъ между ними непримиримый споръ, такъ что плосковцы рѣшительно признали маяковцевъ отступнико-еретиками по нижеслѣдующему случаю:

Маяковцы, иные по незнанію, а другіе якобы скудости ради священства приняли къ своей церкви чернаго бѣглаго

попа Боголѣпа, который, служа въ оной, выполнялъ всѣ ихнія требы. А послѣ оказался единовѣрческимъ, самовольно отлучившимся, подъ видомъ православнаго іеромонаха въ Маяки прибывшимъ, поступившимъ въ единовѣріе изъ числа раскольническихъ иноковъ, гдѣ и рукоположенъ во священноинока. Плосковцы признаютъ его за то совершеннымъ отступникомъ и новымъ еретикомъ, равно и всѣ его по маяковской церкви дѣйствія еретическими, и со времени дознанія о жизни его, Боголѣпа, а также послѣ уже смерти и до днесь ни подъ какимъ видомъ маяковскихъ не пускаютъ въ свою церковь быть при богомоленіи; словомъ сказать, ни въ чемъ касательно вѣры и яденія отнюдь не сообщаются, развѣ кто изъ маяковскихъ объявитъ свое желаніе утвердить плосковскихъ мнимое мнѣніе касательно попа Боголѣпа. При полномъ собраніи плосковского общества въ присутствіи ихъ попа и діакона бѣглыхъ, кои всегда въ нихъ не переводятся, отречется и проклянетъ всѣ дѣйствія Боголѣповы; въ тѣ поры производятъ плосковскіе бѣлые поцъ и діаконъ надъ нимъ новую, по своему вкусу, переправу въ крещеніи, и если Боголѣпомъ вѣнчанъ (что у нихъ иногда часто по нуждѣ случается), то и въ перевѣнчаніи вновь, и потомъ допускаютъ тогда въ свое таковое безумное, просто сказать, согласіе.

При сихъ обѣихъ церквяхъ всегда существуетъ по одной жилой пустынькѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ келлій; въ нихъ проживаютъ старцы, бѣлицы и бѣльцы престарѣлые, да еще небольшой особый мужской есть скитъ въ пяти верстахъ отъ Пlosкаго, вновь открытый при виноградныхъ отчасти кустахъ; въ немъ бываетъ жильцовъ чelовѣкъ до 10-и и вѣще иноковъ и бѣльцовъ.

Прибывши инокъ Мельхиседекъ въ Одессу, обратилъ свое вниманіе болѣе на единовѣрческія церкви, коихъ тамъ три; изъ нихъ одна Успенско-часовенная въ недавнемъ времени приняла обще съ нѣкоторыми прихожанами благословенное священство, чему, не знавши до сего случая,

крайне Мельхиседекъ удивлялся, и передъ тамошними раскольниками, кои имѣють еще двѣ часовни—деревянную и каменную, оправдывалъ единовѣріе и признавалъ спасеннымъ, за что часовенные крайне оставались въ сомнѣніи и отчасти недовольными симъ случаемъ, поелику не одинъ еще часовенный инокъ имъ того не говорилъ. Однако совѣтовали Мельхиседеку побывать прежде на Иргизѣ (узнавши отъ него, что онъ туда стремится). Въ Одессѣ Мельхиседекъ имѣлъ бесѣдованіе съ извѣстными уже мѣстному начальству скопцами и молоканами, о коихъ обстоятельно прописывать оставляетъ.

Перемѣнивъ, гдѣ слѣдуетъ, вновь паспортъ, отправился изъ Одессы съ случившеюся оказіею по тракту на городъ Таганрогъ. Во время сего пути случалось ему, Мельхиседеку, имѣть разглагольствованіе съ молоканами двухъ сектъ, т.-е. воскресенской и духоборской, селившимися на «молочныхъ степяхъ» отдѣльными слободами, о которыхъ также оставляетъ подробно описывать, кромѣ только, что признаетъ ихъ отрывками древнихъ ересей иконоборія. Въ городъ Таганрогъ прибылъ инокъ Мельхиседекъ въ іюль мѣсяцѣ 1835 года. Здѣсь отыскалъ два только раскольническіе дома, изъ коихъ одинъ поповской чернобольской секты, а другой безпоповско-поморской филипповскаго согласія.

Хозяева послѣдняго узнавши, что инокъ Мельхиседекъ ищетъ спасеннаго пути, приглашали его въ свое согласіе однако съ тѣмъ, чтобы вновь ему принять крещеніе чрезъ посредство ихъ келейной пожилой дѣвицы, которая ими почитается за равноапостольную прѣвальную Ѳеклу. Только съ тою разницею, Мельхиседекъ говоритъ, что настоящая св. равноапостольная первомученица Ѳекла прѣвальная, какъ онъ изъ житія о ней въ книгахъ написаннаго видитъ, была благочестиво-православная, за Христа Спаса доблѣственно пострадавшая, и нынѣ таковая ликовствуетъ въ полкахъ св. мученицъ. А та мнимая таганрогская Ѳекла есть раскольническая подъ клятвою святыхъ

отець седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ состояще пребывающая, поелику, будучи неповивальная благословенная бабка, да и никакая, безъ благословенія перекрещиваетъ людей и младенцевъ, крестить и творить сіе дѣло самочинно.

Да хотя бы и благословенная повивальная бабка была бы, то кромѣ великія нужды, въ разсужденіи слабости младенца, погрузить троекратно въ водѣ предоставляется, или благословляется ей то учинить, а не перекрещивать крещеныхъ людей троекратнымъ погруженіемъ водою и духомъ, въ каковомъ ихъ приглашеніи Мельхиседеѣ, отозвавшись несогласнымъ, черезъ недѣлю выступилъ изъ Таганрога по тракту на городъ Ростовъ, что на Дону.

Прибывши въ Ростовъ, имѣлъ бесѣдованіе съ однимъ только торгующимъ благороднымъ казакомъ Иваномъ Федоровичемъ Гусельщиковымъ и почтенною его женою Дарьею Ивановною въ ихъ домѣ при Гнилой станицѣ, стоящемъ надъ самымъ Дономъ, и узналъ все отъ нихъ обстоятельно о тамошнемъ раскольническомъ чернобольскомъ согласіи, какового согласія и Гусельщиковы есть. Они имѣютъ у себя въ Ростовѣ одну часовню и по случаю смерти попа ихъ бѣлаго ожидали въ то время вновь такового изъ кievскихъ или чернобольскихъ ростовскихъ монастырей, по имени Василя, бѣлаго, изъ Костромской епархіи въ недавнихъ годахъ бѣжавшаго. Не замѣтя, впрочемъ, ничего любопытнаго, отправился далѣе.

Прибылъ въ скиты, находящіеся подъ Цымлянскою станицею между виноградными садами. Тутъ онъ обрѣлъ старцевъ, бѣльцовъ, инокинъ и бѣлицъ разныхъ прежнихъ старинныхъ сектъ. Имѣлъ почти со всѣми бесѣдованіе и между ними въ поморскомъ свитѣ отыскалъ потаеннаго лжеучителя, по имени Никиту, съ коимъ познакомься, занимался особо отъ всѣхъ разговорами, съ намѣреніемъ узнать его ученіе, каковое онъ по времени и открылъ.

Лжеучитель Никита, изъ числа донскихъ казаковъ,

почти съ малолѣтства вѣру держитъ поморскую. Жиль въ Злынской безпоповской обители стародубскихъ слободъ, отколь возвратясь на Донъ, живетъ уже здѣсь потаенно и перекрещиваетъ по Дону и гдѣ случится народъ всѣхъ согласій, даже и поморскихъ, и кто бы только пожелалъ, за то, что крещены они безъ приглашенія при троекратномъ погруженіи въ воду, въ окончаніи молитвы послѣдняго пункта: и нынѣ, и присю, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

А онъ, Никита, креститъ такъ: крещается рабъ Божій N во имя Отца. Аминь, и Сына. Аминь, и Святаго Духа и нынѣ, и присю, и во вѣки вѣковъ. Аминь,—безъ чего, какъ подтверждаетъ Никита, крещеніе истинное быть не можетъ.

Любопытство заставило инока Мельхиседеда упросить сего новаго лжепроповѣдника Никиту при бытности его подѣйствовать своимъ ученіемъ на бѣглопоповской секты людей. На что согласясь, Никита, и получа въ награду отъ инока Мельхиседеда полтину сребра, отправился обще съ нимъ въ хуторъ пониже Цымлянской станицы, въ пяти верстахъ состоящій.

Вошли они тамъ первоначально къ самому поповлянскому знатоку, кой, увидя нечаянно прибывшаго къ нимъ ихъ согласія инока Мельхиседеда, обрадовался, созвавъ въ свой курень нѣсколько стариковъ и старухъ; приглашали его быть со стороны ихъ при разглагольствіи съ Никитою за посредственника, поелику онъ ихъ признаетъ за еретиковъ. Но Мельхиседекъ сказалъ имъ, что онъ его мнѣнію на первый разъ дѣлаетъ уступку, объявивъ притомъ, если замѣтитъ при разглагольствіи неистовство Никитино, то въ тѣ поры не упуститъ сдѣлать, елико Богъ ему поможетъ, *подать* къ оправданію своего согласія со вѣтъ поповлянамъ, а до того будетъ безъ всякаго посредственника. Поморянинъ Никита первѣе сдѣлалъ поповлянамъ задачу, что они не умѣютъ настояще положить семипосолоннаго начала съ настоящимъ выговоромъ: Боже

милостивъ... и прочаго, а не только знать вѣру опытно. Онъ сіе доказалъ тѣмъ.

Поповлянинъ-знатокъ, когда началъ класть началъ, то по простотѣ сердца своего не могъ сдѣлать настояще по уставу такового, а Никита произнесъ писанное въ законѣ: «Проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ» и прочее тому подобное; признавалъ поповлянъ самыми ближайшими участниками съ великороссійскою церковію, говорилъ разныя якобы за нею состоящія богословныя вины и всѣ поповской секты дѣйствія сильно опровергалъ, чѣмъ привелъ поповлянъ въ такое сомнѣніе, что сдѣлались всѣ они безотвѣтными. Двѣ женщины тогда жъ начали просить Никиту итти съ ними на рѣку Донъ, близъ того хутора протекающей, и погрузить ихъ, то-есть окрестить.

Мельхиседекъ инокъ, по просьбѣ поповлянъ, пошелъ въ особый курень, подаль со стороны своей совѣтъ по сему предмету и говорилъ поповлянамъ: «Если вамъ не будетъ въ тягость, наградите во-первыхъ Никиту серебромъ или мѣдницами, а потомъ, если возьметъ, то вы въ тѣ поры остановите его (и Мельхиседекъ подъ своимъ присмотромъ безотлучно изъ куреня) и требуйте отъ Никиты яснаго «отъ писанія» доказательства въ томъ,—есть ли или были ли таковыя случаи, чтобы послѣ седми вселенскихъ соборовъ и девяти помѣстныхъ кто-либо изъ неосвященныхъ, то-есть простецы, безъ благословенія епископскаго или іерейскаго самочинно не только крестили, но троекратно или какъ ни есть погружали ли младенцевъ, исключая благословенныхъ повивальныхъ бабокъ, равно и прежніе до соборовъ несвященники, крестившіе народъ по причинѣ тогдашнихъ гоненій на христіанъ. Святые брали ли въ запасъ златницы или мѣдницы и прочее».

Обнадежилъ притомъ инокъ Мельхиседекъ поповлянъ, что поморянинъ Никита противу сего останется въ отвѣтъ тощъ, повергнетъ взятое вспять и отыдетъ отъ нихъ посрамленнымъ. Что наконецъ и послѣдовало самымъ дѣломъ или вещію.

Поморянинъ Никита сильно имѣлъ на Мельхиседека въ томъ подозрѣніе, но не могъ настояще утвердить онаго, ибо послѣдній во всю тамъ свою бытность просилъ перваго окрестить его въ дому, какъ онъ знаетъ. А между тѣмъ дозналъ отъ него и прочихъ, что Никита того жъ 1835 года въ какихъ-то донскихъ хуторахъ окрестилъ по своему вкусу человекъ до 50-ти и вѣще, обоего пола, разныхъ лѣтъ, за что и получилъ за каждую душу по полтинѣ серебра.

Тамъ же въ цыгланскихъ скитахъ престарѣлая старица, дончиха, бывшая жена хорунжаго, сильно остается въ сомнѣніи въ разсужденіи раскольническихъ сектъ, поелику своими глазами неоднократно видала, какъ подобная жъ ей инокиня вмѣсто запасного Агнца надутствуетъ людей отъ пирога крошками, о чемъ пересказывая иноку Мельхиседеку, указала и ту инокиню, въ то время возвратившуюся въ тѣ скиты изъ стародубскихъ слободъ обща съ казацкимъ сыномъ слѣпымъ, оженившемся ею. Въ тѣхъ слободахъ о тамошней раскольнической дѣвицѣ, умѣющей читать и пѣть, добавляетъ Мельхиседекъ, что онъ, бывши въ ихъ кельяхъ, слышалъ и видѣлъ, что той вовсе слѣпой казацкій сынъ умѣетъ всю Псалтирь наизусть и поетъ по-старообрядчески напѣвкою весьма искусно.

Оставя означенные скиты и прибрѣтеннаго было поморскаго лжеучителя Никиту, приступаетъ Мельхиседекъ показать еще другіе любопытные случаи, а именно.

О сектахъ Обливного острова.

Когда онъ прибылъ на Обливной островъ въ тамошній большой скитъ, отъ Михайловской верхней станицы верстахъ въ восьми состоящій, въ ономъ отыскалъ двухъ согласій раскольниковъ.

Иргизскаго согласія инока Памва съ прочими старцами, бѣльцами, инокинями и бѣлицами, евангельскими дочерьми; инокиню Александру Уральско-прикащшовой, сочинитель-

ницу вредныхъ книжекъ на Иргизѣ, изъ каковыхъ инокиня Діонисія въ томъ свитѣ за первую настоятельницу, а дѣвица Васса уставщицею или головщицею клироса.

Лужковско-печтновскаго согласія меньшая часть противъ иргизскаго.

Всѣ они живутъ порознь по кельямъ. Онъ почти со всѣми имѣлъ разногласіе, поелику сами приходили къ нему, Мельхиседеку, узнавши что онъ ищетъ спасеннаго пути. Лужковско-печтновскаго согласія бѣльцы и бѣлицы сильно приглашали его поступить въ ихъ согласіе, услышавши отъ него, что онъ былъ въ юности своихъ лѣтъ посреди самаго стана лужковской секты.

О Пятиизбянской мрежѣ.

Подъ Пятиизбянскою ставицею по правую сторону Дона между большихъ горъ разметана порядочная раскольничья мрежа изъ нѣсколькихъ келлій и посреди оныхъ большая часовня. Въ ней находятся на всегдашнемъ пребываніи бѣльцы и бѣлицы разнаго возраста и Рѣцкое обоюго пола частное раскольническое училище.

Мрежникомъ при той мрежѣ инокъ, схимникъ, якобы на Иргизѣ постриженный ¹⁾, который хотя уже и преклонныхъ лѣтъ, но весьма удачно управляетъ тою мрежею. Ибо живя тамъ болѣе двадцати лѣтъ, зафатилъ немалое число людей изъ прочихъ донскихъ мѣстъ и, должно быть, прямо отправляетъ души оныхъ во дно адово, если которыхъ не постигнетъ особое Божіе милосердіе прежде разлученія души отъ тѣла выскочить изъ той мрежи и пристать къ берегу Святыя Единныя Соборныя и Апостольскія церкви, поелику тотъ инокъ схимникъ тайный есть волею по апостолу, вромѣ званія, ибо званіе или чинъ тому не прилично.

Разсмотрѣвши инокъ Мельхиседекъ поаккуратнѣе означенную мрежу и проторгнувши оную, яко въ паутинѣ

¹⁾ Изъ господскихъ людей, то-есть помѣщичій крестьянинъ.

кривотолкованій раскольническихъ сплетенную, истиннымъ святымъ писаніемъ съ Божіею помощію началъ извлекать изъ оныя на брегъ истины близъ живущихъ неа донскихъ казаковъ и казачекъ, о чемъ узнавши, мрежникъ хотя и прилагалъ всѣ мѣры заплатитъ паки проторженіе мрежи неистовымъ своимъ толкованіемъ, но оставался безъ успѣха, по причинѣ душевныя его слѣпоты. А слѣпецъ слѣпца можетъ ли водить? Никакъ, ибо отъ писанія того не видно.

На вопросъ извлеченныхъ инокъ Мельхиседекъ совѣтовалъ имъ итти къ той чашѣ и въ ней хранящемуся непорочному Агнцу, которую указываютъ грамотнымъ святое Евангеліе, а безграмотнымъ и всему роду человѣческому св. великій пророкъ и Предтеча Креститель Господень Іоаннъ перстомъ на иконѣ, подъ названіемъ по-старообрядчески, Дейсузахъ.

Каковой совѣтъ, бывший на сей случай изъ скита лучше, ведалече отъ означенной мрежи состоящаго, нѣкоторые бѣльцы Лужковско-печтновскаго согласія, признавая справедливымъ, доказывали притомъ, что таковая чаша съ Агнцемъ находится только въ одной Лужковской церкви, имѣющей два крила орла великаго, а далѣе нигдѣ.

Что иноку Мельхиседеку оставалось при такомъ раздѣлѣть? Однако, по милости Божіей, отозвавшись къ тѣмъ Лужковскимъ согласникамъ съ вопросомъ: «Гдѣ жъ таковая чаша прежде находилась, какъ еще Лужковской слободы и прочихъ, ей подобныхъ, равно и въ нихъ нынѣ состоящихъ церквей вовсе не было?», требовалъ на то одинаго отъ писанія довода, но они, оставшись въ отвѣтъ весьма бездоказательны, представляли только одно къ своему оправданію раскола, что ихъ Лужковская церковь, имѣя, какъ выше значитъ, два крила, должно быть отколы вы есть прилетѣла, полюбя Лужковскую пустыню, якоже въ Апокалипсисѣ о томъ пишетъ.

Каковой глупый ихъ толкъ выслуша, инокъ Мельхиседекъ предлагалъ имъ донити въ свою Лужковскую мнимую митрополию о вытебскихъ *заболахъ*, кои съ давняго

уже времени, повидимому, должно быть, не сей ли вашей церкви ищутъ. Ибо Мельхиседекъ, бывши и между оными, припомнить подобное жъ оному тому толкованіе тѣхъ заболѣй, то не учинить ли та мнимомитрополія со стороны своей по сему предмету особаго распоряженія къ дальнѣйшей вашей гибели.

Лужковскіе скитяне, равно и участники Пятиизбянской мрежи, услыша объ оныхъ заболѣяхъ отъ инока Мельхиседека, и какъ о забольскомъ согласіи вовсе не знаютъ, неотступно просили его имъ обстоятельно пересказать.

Инокъ Мельхиседекъ, видя, что по случаю встрѣтившихся обстоятельствъ, чрезъ которыя слушавшіе при семь разъ то и другое остаются въ сомнѣніи, предразсудить, что просьба лужковскихъ согласниковъ подлежитъ къ подобательному удовлетворенію, рѣшился пересказать о заболѣяхъ слѣдующимъ порядкомъ.

О забольскомъ согласіи.

Забольское согласіе есть особая отрасль отъ стараго корня безпоповскаго раскола. Оно распространило свои вѣтви по губерніямъ Витебской, Гродненской и прочимъ тамошнимъ мѣстамъ отрывками.

По случаю разныхъ раскольническихъ толкованій чрезъ посредство списковъ, повсюду между раскольниками размѣтанныхъ о времени вѣка сего, согласники онаго полагаютъ, что почти со временъ святѣйшаго патріарха Московскаго Никона, церковь Христова, имѣвши два крила орла великаго, улетѣла отъ нихъ куда-то такъ далеко, что они и слѣда ея найти никакъ не могутъ.

А потому, слѣдуя примѣру своихъ предковъ, рѣшительно утверждаютъ, что надо забывать правила церковныя и службу, а помнить только единныя пять словъ, о коихъ великій апостоль Павелъ написалъ ¹⁾).

¹⁾ 1 къ Коринѣянамъ, зачало 155, стихъ 19.

Инокъ Мельхиседекъ слушающихъ предварялъ: «Внятно ли вамъ заблужденіе сихъ несчастныхъ?» Говоритъ притомъ, что апостоль Павелъ хотя и написалъ «о пяти словахъ», но вовсе несходно забольскому толкованію, ибо «хощу», рече, «пять словъ умомъ моимъ въ церкви рещи, да иныхъ пользую, нежели тьму глаголь языкомъ глаголати».

Видите, въ церкви хощетъ рещи и иныхъ пользоваться. А рещи въ церкви когда можно? Вѣроятно, тогда только когда правила церковныя выполняются, и служба епископами и іереями производится въ ней, а не другими какими самочинниками, имѣющими подобно Озіи царю проказу ¹⁾, но и вяще той: поелику та проказа всѣмъ видима была, а сія не всѣмъ удобъ видима, но имъ же дано есть видѣти. Поелику прельщающимся и уже прельстившимся на большую погибель, а цѣломудрствующимъ умомъ и православною христіанскою вѣрою на больши воздаяніе, если не прельстятся. Богъ попустилъ первымъ самочинникамъ носить таковую проказу духовне, невидимо, а только внятно и съ толкованіями самими вещьми, а не иначе какъ.

Внемлите, слушатели! Озія царь, будучи во всемъ предъ Богомъ праведенъ и не послуша одного священника, како вельми пострада, и чрезъ него за неизгнаніе изъ града Богъ гнѣвашеся на іудеи: престаи пророчество и не бѣ тамо Духа благодати до лѣта, въ неже умре Озія царь.

Еретики жъ и раскольники не только одного лица православно-духовнаго, но многихъ отецъ седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, равно и нынѣшнихъ православныхъ архипастырей и учителей не слушаютъ. Не больши ли того постраждутъ? Вѣрно больши, хотя сего всѣмъ явно тѣлесными очами и не видится. Ибо «тогда проказа бѣ тѣлесная, а нынѣ проказа душевная ищется» ²⁾.

¹⁾ Маргаритъ, Іоан. 3 лист., Слова 3 и 4 и далѣе.

²⁾ Маргаритъ, слово 3: о еже видѣхъ Господа. Листъ 164, на оборотѣ 7-я строка снизу. Новоисправленная книга.

Почему вперившимъ всегда умъ въ житейская прелестей міра сего неудобоятно бысть таковымъ.

И ни тогда пользоваться иныхъ тѣми пятьми апостольскими словами, когда службы въ церкви покончивши въ свое время не производится, и стоитъ церковь запертою замками. Почему апостолъ не написалъ, что онъ хочетъ рещи тѣ слова иногда и внѣ церкви? но написалъ: въ церкви хочетъ рещи. На изболженіе кривотолковщиковъ и невѣждъ, упившихся раскольниковствомъ, такъ апостолъ написалъ. Если бы по апостолу, научающему насъ со страхомъ и трепетомъ, содѣлывали свое спасеніе и къ тому внимали бѣ писанію: «Что велія есть премудрость на обстоятельныя вещи взирати, ихъ же ради примѣненія премудрыя творити можетъ» и прочая ¹⁾... то, вѣроятно, всѣ упорствующія истины ощутили бѣ свое возношеніе, впряженное въ колесницу слова фарисея разрѣшеннымъ отъ оной, поелику Богъ есть дѣйствующій, еже хотѣти и еже дѣйствовати по благоволенію Его.

Прекратя симъ, дополнилъ, что заболи формально ничѣмъ отъ церкви не заимствуются, кромѣ—иногда тайны брали, да и то весьма рѣдко, ибо они сопрягаются безчинно, и поживя нѣсколько да иногда и дѣтей приживши, по случаю какихъ-либо между собой неудовольствій, раздѣля дѣтей, другъ друга оставляютъ. Дѣтей же, вновь рожденныхъ, иные сами погружаютъ въ водѣ, т.-е. крестятъ, а другіе и безъ онаго остаются до самой смерти.

Выслуша все вышепроизнесенное, лужковскіе и пятизбланской мрежи участники просили, наконецъ, инока Мельхиседева извѣстить ихъ изъ Иргиза письмомъ.

О лжеучителѣ Иванѣ Федоровѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сего прибылъ подъ Пятизбланскую станицу въ Лужковскій скитъ книгопрода-

¹⁾ Бороніи, листъ 49, на оборотѣ.

зецъ и лжеучитель безпоповско - поморско - новоженскаго согласія Саратовской губерніи, села Золотова гость, по имени Иванъ Ѳедоровъ Московскій. И между разговорами подтвердилъ о перекрещенныхъ Никитою поморянино-донскимъ до 50-и и вѣще душахъ, коихъ Ѳедоровъ, проѣзжая при семь обратномъ пути, исправилъ наложеніемъ на перекрещенныхъ епитиміи шестинедѣльнаго канона и въ надеждѣ остался, что они разумомъ и мыслию возвратятся на первое, якобы спасеніе, новоженское крещеніе, поелику они первые крещены безъ выговора: и нынѣ, и приено, и во вѣки вѣкомъ ¹⁾).

Ѳедоровъ-Московскій, проживая здѣсь одни сутки, хотя и стремился испустить ядъ своего ученія, но оставался безъ успѣха, поелику инокъ Мельхиседекъ предварялъ познать прежде плоды его, по апостолѣ, и тогда прислушаться его глаголамъ, писаніемъ утверждаемымъ.

Какъ же коснулись до плодовъ по вѣшности имъ собранныхъ и въ кибиткѣ его хранящихся, то и оказался онъ тайнымъ волкомъ, почему лужковцы и прочіе объявили ему поскорѣе отъ нихъ выѣзжать.

Инокъ Мельхиседекъ сверхъ объясненныхъ случаевъ довольно замѣтилъ разностей между раскольниковъ и существующихъ тамъ прежнихъ скитовъ, иноковъ строящихъ, но за долготу и излишность оставляетъ объ оныхъ описывать, а приступаетъ къ составленію сообщенія читателямъ хотя и о той же породѣ раскольниковъ, но въ другихъ уже обстоятельствахъ и бытіи.

О вступленіи инока Мельхиседека въ Саратовскую губернію и о дубовскихъ молоканахъ.

Того 1835 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ первыхъ чиселъ прибылъ инокъ Мельхиседекъ Саратовской губерніи въ посадъ Дубовку, гдѣ имѣется главная пристань на рѣкѣ

¹⁾ Тутъ надо примѣтить, что и Ѳедоровъ не тутъ свое дѣло учинилъ.

Волгѣ. Нечаянно остановился въ домѣ молокана Воскресенскаго согласія.

Хозяинъ дома, удостовѣрившись изъ письменнаго вида, что Мельхиседекъ есть странникъ, отложя сомнѣніе, созвавъ того же вечера нѣкоторыхъ молоканъ, возымѣлъ обще съ послѣдними съ нимъ, Мельхиседекомъ, разглагольствіе касательно вѣръ.

По желанію Мельхиседека и общему согласію предложена была ему большого вида Библія. Онъ, невзирая на иконоборную ихъ ересь, предвара хозяевъ, поставилъ на приличномъ мѣстѣ Животворящій Крестъ Господень, надѣвъ на себя все иноческое платье, и, положя семь начальныхъ поклонъ, вслухъ говорилъ: «Боже, въ Троицѣ славимый и поклоняемый! отверзи ми уши и очи сердечныя услышати слово Твое...» и прочее. А въ заключеніе произнесъ: «Да будетъ воля Твоя и милость и на сихъ людяхъ (указывая на молоканъ)! Аминь».

Молокане крайне сему удивлялись, ибо до сего случая нигдѣ они такового примѣра не видали; о чемъ перешептуя между собою, просили что-нибудь отъ Библии прочитать.

Мельхиседекъ, прискавши 26 псаломъ, читалъ, а потомъ и прочіе статейки или стихи, приличные на утверженіе красоты церковной, но, впрочемъ, обходился по соборному правилу: ничѣмъ ихъ не раздражая. Тѣмъ успѣлъ обратить ихъ болѣе имѣть къ нему вниманіе съ такою уже удачею, что предоставлено было ему утренняго дня побывать при ихъ собраніи, поелику день той бѣ воскресный. И хозяинъ дома самый первый ихъ знатокъ, хотя и изъ молодыхъ, но уже прореченное святыми отцами избылось надъ нимъ ¹⁾).

«Дятель, птица пестра, летаетъ на кедры Ливанскіе и клюетъ носомъ и гдѣ найдетъ древо мягко, ту и вѣтъ гнѣздо себѣ. Тако и діаволь съ человѣки: въ коемъ видитъ

¹⁾ Кормчая старописьменная, глава 7.

слабость и небреженіе о своей души, ту вселяется и живетъ, а крѣпкаго бѣгаетъ и не радить о немъ».

Заутра, побывши при означенномъ собраніи, Мельхиседекъ объявилъ молоканамъ: «Елей еретичества да не намаститъ главы моея!» и обратилъ свое вниманіе на другія дубовскія секты.

О другихъ дубовскихъ сектахъ.

Въ посадѣ Дубовкѣ раскольническихъ сектъ могъ инокъ Мельхиседекъ замѣтить (кромѣ молоканской): поповскую Иргизскаго согласія, безпоповскихъ согласій: Филиппову, Ѳедосеевскую, Спасовщинскую, на два разряда раздѣлившуюся, Новоженскую и Самокрещенскую. Всѣ онѣ—отрывки прежнихъ сектъ, въ исторіяхъ уже поясненныхъ, почему Мельхиседекъ оставляетъ ихъ подробно описывать, а упоминаетъ только о томъ, что оныя секты напоятся ученіемъ отъ лжеучителей: первыя изъ Саратова и Царицына, а послѣдняя изъ Астрахани отъ какого-то, какъ ему сказывали, высокаго якобы сочинителя и толкователя Апокалипсиса старика самокрещенца.

Желательно было иноку Мельхиседеку отправиться въ Астрахань для посѣщенія того знатока, но какъ по письменному виду не имѣлъ на то права, направилъ стопы своя на г. Саратовъ.

Во время сего пути случился ему въ одинъ путь книгопродавецъ Михайла Михайловъ Зубовъ Нетовской секты, возвращающійся чрезъ Камышинъ и Саратовъ въ Нижегородскую губернію на мѣстожителство. Съ концемъ разговаривая, узналъ объ отцовщинѣ сектѣ, никогда еще неслыханной и Мельхиседекомъ, которая существуетъ въ ихъ Нижегородской губерніи мѣстахъ и прочихъ таковыхъ, ближайшихъ къ оной; рѣдкими отрывками о каковой сектѣ и прочимъ незнающимъ ея къ свѣдѣнію на ряду съ прочими сообщаетъ.

О сектѣ отцовщинѣ.

Секта отцовщина не такъ-то въ давнихъ годахъ прозябла, и по замѣчанію инока Мельхиседека,—отъ древняго корня Савеліева неистовства: первѣе однимъ отросткомъ, т.-е. толкуя, что Богъ Отецъ какъ есть всему начало и вина, то Богъ и Господь Сынъ безъ воли Отца что можетъ ли дать? Никакъ, а потому поклоняются единой только Отчей ипостаси и во всемъ просятъ. Впослѣдствіи жъ времени отъ того уже отростка возникла еще и другая отрасль. Толкованія вопреки первому утверждаются, что помимо Бога Сына, Единороднаго Отцу, невозможно Бога Отца просить, поелику за пренебреженіе Сына не послушаетъ и не дастъ, почему послѣдніе поклоняются единой Сыновней ипостаси и просятъ. Но, впрочемъ, оба сіи согласія Триипостасное Божество исповѣдуютъ. Сіе тѣмъ доказывается, что они Символь вѣры при моленіи читаютъ, но отъ церкви ничѣмъ формально не заимствуются, по причинѣ таковой, ибо поступаютъ въ сіи согласія все престарѣлые старики и старухи.

Въ г. Камышинѣ только двѣ секты: одна поповская Иргизскаго, а другая Филипповскаго согласій. Равно инокъ Мельхиседекъ при семь пути довольно замѣтилъ раскольническихъ отрывковъ, но, слѣша въ Саратовѣ, не занимался дальнѣйшимъ разсматриваніемъ, ибо онъ всѣхъ ихъ признавалъ вѣтвями двухъ дровъ раскольничества, въ Саратовѣ и на Иргизѣ укоренившихся. Предразсуждалъ, какъ недалече уже разстояніемъ отъ укорененія оныхъ, то лучше заняться разсматриваніемъ отъ произрастенія корней раскола. Съ тѣмъ намѣреніемъ и прибылъ въ Саратовъ въ первыхъ числахъ декабря того же 1835 года.

Онъ остановился квартирою въ домѣ поповлянина, отъ коего узнавши, что всѣ Саратовскіе поповляне одного Иргизскаго согласія, то и обратилъ свое вниманіе во-первыхъ на древо безпоповства слѣдующимъ порядкомъ.

О Саратовскихъ лжеучителяхъ безпоповства.

Быль разъ до трехъ у лжеучителя Кабановой часовни, по имени Аѳанасія Антонова Московскаго, имѣлъ съ нимъ довольное разглагольствіе о разныхъ сектахъ, а кольми паче объ его согласіи Филипповскомъ. Потомъ у другого, Гаврилы Васильева, Ѳедосеевскаго согласія, одинъ разъ по причинѣ вчиналища его, за 8 верстъ отъ города по Московской дорогѣ, и прочихъ нѣкоторыхъ знатоковъ. И видя ихъ самочиніе и свирѣпствующую на нихъ проказу, зашелъ въ единовѣрческую Всѣхъ Святыхъ церковь, въ домъ Саратовскаго 1-й гильдіи купца господина Горбунова, послушать богослуженіе, каковое въ то время, къ его счастью, производилъ единовѣрческій архимандритъ Платонъ.

О поступленіи инока Мельхиседека въ единовѣріе.

По окончаніи богослуженія, когда инокъ Мельхиседекъ явился лично къ оному архимандриту, то съ большою радостію онъ его привѣтствовалъ и затѣмъ позволилъ ему, Мельхиседеку, побывать въ подвѣдомомъ архимандриту Платону на Иргизѣ Воскресенскомъ монастырѣ.

Въ которомъ я жъ, Мельхиседекъ, по благословенію возвратившагося въ оный означеннаго архимандрита Платона, остался для дальнѣйшаго разсмотрѣнія богослуженія въ монастырѣ. Между тѣмъ, видя удобный случай, занимался чтеніемъ Священнаго Писанія и по книгѣ «Кормчей» соборныхъ правилъ обдержныхъ и смотрительныхъ, наконецъ призналъ по онымъ единовѣріе правильнымъ, по особому увѣщанію архимандрита Платона; чрезъ поданное ему прошеніе изъявилъ свое желаніе принять единовѣріе и остаться въ числѣ тамошнихъ иноковъ, принявшихъ уже единовѣріе, о чемъ и представлено отъ него на разсмотрѣніе епархіальному епископу.

Имѣвши инокъ Мельхиседекъ партикулярное письмо, порученное ему на донскомъ Обливномъ островѣ старицею Діонисією и головщицею влироса бѣлицею Вассою, для доставленія на Иргизъ въ дѣвичій Успенскій монастырь матери ихъ евангельской, инокини Александрѣ Уральско-прикащиновой; по случаю его отправки по благословенію настоятеля архимандрита Платона паки въ г. Саратовъ для ходатайствованія по своему дѣлу, пошелъ онъ выше по Иргизу для доставленія письма.

О замѣченныхъ инокомъ Мельхиседекомъ вредныхъ книжкахъ.

Во время пути инокъ Мельхиседекъ, заходя къ раскольникамъ, замѣчалъ вредныя книжки вновь возникшаго сочиненія о политическихъ событіяхъ на оскорбленіе высочайшей фамиліи всероссійскаго престола, выпускаемая инокинею Александрою Уральско-прикащиновою съ товарищи.

Онъ положи се въ хранилище сердцу своему, прибылъ лично къ означенной инокини А. Уральско-прикащиновой и, поруча ей прописанное письмо, выжидалъ со стороны ея, чѣмъ она къ нему отзовется.

По случаю бывшихъ на сей разъ въ ея кельяхъ двухъ раскольниковъ, изъ коихъ одинъ изъ села Суховки Ероѣей Гавриловъ, а другой мельникъ Иргизскаго Никольскаго монастыря, прежде сего съ инокомъ Мельхиседекомъ видѣвшихся, рекомендовавшихъ ему сію инокиню Александрю важнѣйшею сочинительницею и не малаго ума, прозрительницею будущаго; по просьбѣ коихъ раскольниковъ, инокиня Александра, доставши изъ полки книжку своего сочиненія, подобнаго вышеписаннымъ книжкамъ, которую читая, начала разсуждать.

Инокъ Мельхиседекъ, не ставъ много слушать и удостоверившись тѣмъ, предварялъ инокиню Александрю покаяться, какъ слѣдуетъ по закону, въ томъ ея неистов-

ствѣ; самъ отправился изъ тѣхъ мѣстъ обратно маія 9 числа 1836 года.

Видя важность дѣла, доставши три книжки упомянутаго сочиненія, изъ коихъ одна—подлинникъ инокини Александры и ея почерка руки, явясь въ г. Саратовъ, представилъ оныя его преосвященству Іакову, епископу Саратовскому и Царицынскому и Кавалеру, на разсмотрѣніе въ октябрѣ мѣсяцѣ среднихъ числъ того года.

Во время преслѣдованія по означенному предмету инокъ Мельхиседекъ дозналъ о нижеслѣдующихъ раскольническихъ сектахъ, какъ-то:

О лѣвянахъ ¹⁾.

Лѣвяновская секта есть отрывокъ Спасоваго согласія; но только по причинѣ возникшаго вновь толка состоитъ съ первымъ вовсе въ раздорѣ, ибо лѣвяне при моленіи по лѣстовкѣ и безъ оной, при выговорѣ молитвы обнося руку при крестоогражденіи, полагая оную на лѣвое плечо, говорятъ: Сыне Божій! Съ таковымъ притомъ исповѣдываніемъ, что сія лѣвая сторона есть правая, и та самая, на коей Богъ Сынъ сидитъ со Отцомъ на престолѣ Славы, и въ день Страшнаго Суда Божія будутъ по ту сторону предстоять только одни праведные; во поклонѣ оканчиваютъ: помилуй насъ.

Если же не такъ и не съ такимъ исповѣдываніемъ молится, то не есть истинный христіанинъ, и прочая, противная Символу и писанію, толкуютъ.

Объ аминовщинѣ.

Аминовская секта ²⁾ потому именуется, что согласники ея, когда молятся также по лѣстовкѣ или и безъ оной,

¹⁾ Сія секта произрастаетъ отъ г. Вольска, по мѣстамъ окружности онаго идеши.

²⁾ По округамъ Саратовскому и Вольскому.

то за каждымъ поклономъ говорить—аминь, и тогда поклоняются, утверждаясь на маломъ катихизисѣ святѣйшаго патріарха Іосифа Московскаго, главѣ 6-й, послѣ 6-го артикула, листъ 17-й. Сверхъ того еще они, читая учительное Евангеліе праздничное или недѣльное слово 55, въ 8-й день сентября, листъ 392, подразумѣваютъ, что аминь относится къ похвалѣ Пресвятыя Богородицы.

Въ словѣ же написано такъ: «Егда же бысть отроковицѣ первое лѣто, сотвори Богъ Отецъ пиръ отроковицы ради, приведе же и оную ко іереєви и благослови ю глаголя: Боже отецъ нашихъ, благослови отроковицу сію и дай же ей имя именито и вѣчно во вся роды земные. И рѣша вси людіе, да будетъ, аминь».

О безаминовщинѣ.

Безаминовская секта ¹⁾, основываясь на книгахъ Кириллы іерусалимскаго и священноинока Дороея, на статьяхъ о молитвѣ, молясь по лѣстовкѣ, не говорятъ никогда аминь—поклоняются.

О безкрещиванцахъ.

Вовсе безкрещиванская секта ²⁾ есть вновь возникшая, не имѣетъ никакого вида крещенія водою и духомъ; и если кто пожелаетъ съ нею примириться, т.-е. поступить въ сію секту, то долженъ онъ предъ собраніемъ нѣкоторыхъ лицъ сей секты объявить добровольно, что онъ отъ учиненнаго къмъ ни есть надъ нимъ крещенія отрекается и признаетъ не крещеніемъ, но оскверненіемъ паче, и все надъ нимъ дѣйствующее отвергаетъ, яко еретическое. Тогда позволяютъ ему положить семипоклонный началъ одному, а потомъ и вси вообще уже съ нимъ положить таковой и говорятъ ему, что Господь тебе де Самъ окрес-

¹⁾ По округамъ Саратовскому и Вольскому.

²⁾ Въ г. Саратовѣ и окрестности онаго и за Вольскъ.

тить,—не тужи, а молись Богу и благодари, что онъ открылъ тебѣ разумъ познать истину.

Всѣ означенныя секты—вновь возникшія, а потому и въ исторіяхъ прежнихъ не прописаны; онѣ отъ церкви ничѣмъ и не заимствуются.

Объ отчаянныхъ.

Секта, вовсе отчаявшаяся во спасеніи, есть отрывокъ самокрещенскаго согласія, но только вновь отдѣльно расколомъ стоитъ противъ первыхъ, поелику первые чають спасеніе улучшить, а сіи послѣдніи согласники остаются вовсе въ отчаянности получить таковое. Сіе доказывается изъ книги лжеучителя ихъ, еще въ живыхъ въ г. Саратовѣ находящагося, Тимоѳея Васильева Бондарева, подъ названіемъ: «Вопросы и отвѣты», объ истинномъ словесѣ, о папѣ римскомъ и о нынѣшнемъ царѣ, и объ Иліи и Еноховѣ приходѣ, подъ № 19-мъ, полученной инокомъ Мельхиседекомъ отъ того Бондарева.

Въ лицѣ: 93 и на оборотѣ 94 листовъ ¹⁾ между прочимъ написано ²⁾: «Яко въ нынѣшнее лукавое время во всей поднебеснѣй нигдѣ на земли, ни подъ землею не проповѣдую ни спасенія, ни жизни вѣчныя». Ниже: «Не точю же нынѣ, но и въ самое благочестивое и спасительное тихое время при самыхъ благочестивыхъ пастыряхъ».

Утверждаясь, повидимому, на семъ, пребываютъ, яко имъ же нѣсть разума.

Укоряютъ въ той же книгѣ прочія секты или расколы или и самыхъ раскольниковъ, такъ: инъ бо именуется поморянинъ, инъ же Ѳедосеевъ, инъ Филипповъ, а иный Бальчужный.

О бальчужномъ согласіи.

Титло бальчужнаго согласія заставило инока Мельхиседека дознавать, отколь оное имѣеть свое начало, въ чемъ и не остался безъ успѣха.

¹⁾ По подлинной книгѣ.

²⁾ По списку.

Въ недавнихъ годахъ прибыль въ г. Саратовъ изъ г. Балты, Каменецъ-Подольской губерніи, раскольникъ старикъ разноимянный тамошняго хатновскаго согласія. Проживая въ Саратовѣ по садамъ и буеракамъ, утверждалъ свое хатновское моленіе, какъ ниже будетъ значить; и склона изъ числа саратовскихъ раскольниковъ нѣкоторыхъ на свою сторону, молился съ оными и порознь. И далѣе болѣе разнесся между раскольниками объ ономъ моленіи слухъ. Почему? То-есть потому, что разноимянный пришелъ, какъ выше значитса, изъ г. Балты. Отъ прочихъ согласниковъ прозваны таковые Бальчужными. Разноимянный же вида, что весьма мало принимаютъ его ученіе, чрезъ что и болѣе еще и потому, что нельзя должно быть ему было завести здѣсь, по своему толку, потаенное бѣглое священство, каковое въ Балтѣ водится, удалился отсель паки обратно въ теченіе весны 1836 г.

О Балтовскихъ хатосогласникахъ.

Каменецъ-Подольской губерніи въ г. Балтѣ достаточно имѣется старообрядцевъ поповской чернобольшой секты, и публичную большую деревянную часовню и при ней всегда бѣглого попа, мѣстному начальству извѣстнаго, старообрядцы имѣють.

Впослѣдствіи времени въ недавнихъ годахъ нѣкоторая изъ оныхъ довольная часть раскольниковъ, желая прѣвѣше тѣхъ жить самочиннѣ, купили близъ Балты садовыя и огородныя мѣста, по тамошнему названію Ляды, по которымъ, а иные и по собственнымъ таковымъ, понастроили хать, вошли въ оныя на жительство, какъ-то: старицы или инокини, старухи и молодыя бѣлицы, вдовы и дѣвушки грамотныя. Нѣкоторые старики и помоложе люди подъ видомъ пустынножительства расположились по хатамъ, какъ кому разсудилось.

Между тѣмъ оставя упомянутую свою часовню и мнимое пастырство, гнушаясь онымъ за то, что оное извѣстно мѣстному начальству, по случаю забратія о нихъ

отъ епархіальныхъ епископовъ справокъ, завели по хатамъ своимъ отдѣльное вновь богомоліе, чтеніе и пѣніе, потомъ весьма потаенное лжепоповское бѣглое, на подобіе Лужковско-плетновскаго, чѣмъ самымъ привлекли къ себѣ въ согласіе и прочихъ балтовскихъ постоянныхъ жителей.

Что видя старцы тамошняго Куреніевскаго раскольникь-яго монастыря, прельстясь нѣкоторые на таковое самочиніе, выйдя изъ онаго, присоединились къ означенному Балтовскому хатовскому согласію и остались между означенными вовсе на жительство съ особымъ уже толкованіемъ своего согласія.

Почтенные читатели! инокъ Мельхиседекъ доводитъ до свѣдѣнія послѣдовавшей въ Балтѣ любопытный случай, а именно:

О случившемся въ г. Балтѣ любопытномъ случаѣ.

Одинъ балтовскій раскольникъ, торгующій и достаточный человекъ капиталомъ и прочимъ, но, зная, разумомъ скуденъ, читая всегда старопечатныя книги, обрѣлъ въ нихъ такой текстъ, что по оному могъ удостовѣриться о пришествіи Господнемъ—второе на землю судить живыхъ и мертвыхъ: въ той самый день, когда случатся на одинъ день Благовѣщеніе и Пасха Христова, о чемъ заимѣти по зрящей паскаліи назначенный день, марта 25-го, публично всѣмъ сказывалъ, что точно въ сей день, каковой того года и случился быть, не такъ-то въ давнихъ годахъ, будетъ пришествіе Господне и Страшный Судъ.

Дождавшись Страшныя седмицы Великаго поста, вырылъ на кладбищѣ большую яму и въ Великую субботу съ вечера, забравъ жену и дѣтей изъ дома, привелъ на кладбище, влѣзъ съ оными въ ту яму, одѣвшись въ одѣянія, какъ погребають, легли всѣ рядомъ и ожидали Страшнаго Суда Божія до того времени, покамѣстъ утрешняго дни, то-есть на праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Дѣти со слезами начали требовать пищи, каковыя алкали до самаго почти вечера.

Видя раскольникъ, что обманулся, возвратясь въ домъ, въ коемъ еще оставался другой его братъ, не согласившійся съ нимъ на то, уничтоживъ святыя иконы и книги, продавъ свою часть имѣнія и, должно быть, стыда ради, уже выѣхалъ изъ Балты въ г. Кишиневъ вовсе на жительство, гдѣ еще и до днесъ въ живыхъ находится, но только уже ничему писанному въ книгахъ не вѣрить.

О раскольнической изговоркѣ.

Раскольники, какъ всѣмъ извѣстно, въ оправданіе своего раскола всегда, при всякихъ случаяхъ и предъ всѣми людьми говорятъ, что они претерпѣваютъ съ любы гоненіе за вѣру и будто бы правительство духовное и гражданское только имѣетъ вниманіе на однихъ ихъ, а за прочими де сектами или согласіями не смотрятъ, а коимъ паче за православными ничего не видятъ, хотя что между ними и возникнетъ, то не есть де имъ никакого запрещенія.

Опроверженіе на оное.

Инокъ Мельхиседекъ, ревнуя справедливости, признаетъ означенную раскольниками произносимую изговорку вовсе несправедливою, служащею единственно къ оболганію правительства, поелику онъ совершенно видитъ и понимаетъ, что на всѣ согласія или секты и кромѣ раскольническихъ, какъ-то: на молоканскія, скопческія, жидовствующія, духоборскія и прочія тому подобныя, отдѣлившіяся или отторгшіяся отъ святыхъ церкви, и затѣмъ противящіяся ей и, словомъ сказать, на всѣ неистовства, невзирая ни на какое лицо и вѣру, хотя бы какія ни есть и изъ православныхъ выдумки или толки заводили бы, и по онымъ начали бы чинить необыкновенныя собранія, правительства—духовное и гражданское—обращаютъ, по долгу обязанности, должное законное вниманіе и употребляютъ всѣ мѣры дѣлать къ общему благу, а не къ обидѣ или гоненію за вѣру.

Онъ, Мельхиседекъ, поставляетъ всѣмъ означеннымъ и раскольникамъ на видъ нижепрописывающееся вновь возникшее изъ православныхъ людей Климовчинское согласіе, въ исторіяхъ еще не видное, о которомъ уже по Саратовской духовной консисторіи другой годъ и дѣло производится.

О Климовчинскомъ согласіи или обществѣ.

Климовчинское согласіе, или общество, собраніе, получило сіе титуло потому, что художника онаго звали Семень Климовичъ, кой уже умре не болѣе отъ списанія сей исторіи двухъ лѣтъ.

Онѣй художникъ Семень Климовичъ былъ житель Саратовской губерніи, Балашевскаго округа, села Засѣтскаго, помѣщика господина Устинова первостатейный крестьянинъ. Состоялъ въ должности бурмистра, грамотѣ зналъ хорошо. По расторопности своей имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ и въ Москвѣ именито-хорошихъ друзей; по случаю проживанія помѣщика его въ Москвѣ, часто ѣзживалъ въ онѣй столичный городъ, гдѣ или индѣ отъ своихъ друзей изучилъ художества по предмету сего согласія, подъ видомъ толкованія священнаго писанія ученій. И по времени, ощутивши въ себѣ плодъ того древа толкованій ученія, началъ показывать онѣй первѣе ближайшимъ своимъ засѣтскимъ знакомцамъ, а потомъ и далѣе, чрезъ что мало-по-малу разнесся по тѣмъ окрестностямъ села Засѣтскаго потайности слухъ, по которому, приходя къ нему Семену Климовичу въ домъ желающіе слушать то ученіе и при немъ случающееся пѣніе псалмовъ и пѣсней духовныхъ, начали мало-по-малу присоединяться, такъ что уже въ теченіе пяти лѣтъ составилось согласительное малое собраніе, но все еще потайности.

Видя художникъ онѣму успѣхъ, назначилъ нѣкоторыхъ изъ присоединившихся своими учениками подъ гадательнымъ понятіемъ онѣхъ, которые, отлучаясь иногда отъ

своихъ мѣстожительствъ по своимъ домашнимъ надобностямъ въ какіе ни есть мѣста и города Саратовской губерніи, съ дозволенія учителя своего, дѣлали о немъ при случаяхъ постороннимъ людямъ рекомендацію касательно его чтенія и пѣнія и желающимъ, сколько могли, показывали и самую вещь съ особымъ завѣреніемъ, что онъ якобы по богоугодному своему житію можетъ испѣлывать бѣснующихся, сновидѣнія отгадывать и отчасти будущее знать.

Сіе все якобы подтвердилось и самымъ дѣломъ, но инокъ Мельхиседекъ предваряетъ Святымъ писаніемъ себя отъ книги Маргарита, 1-го слова на іудеи, листа 65-го, въ лицѣ 13-й строки: «Аще ли когда попускающу Богу, получить нѣкоторое исцѣленіе яко человекъ, во искушеніе твое поущеніе бываетъ...» и прочее,—изволяя да чтеть въ книгѣ. А потому не емлетъ тому вѣры и не прилагаетъ къ тому сердца ни малѣйше. Однако совершенно слышанъ, что будто бы чрезъ тѣ его дѣйствія, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, какъ пришло въ огласку, ибо и въ г. Саратовѣ возникло было явное по сему предмету ученія собраніе нѣкоторыхъ здѣшнихъ гражданъ, по которому первенствующій человекъ именуется подъ окортнымъ названіемъ «кличчонокъ», коего инокъ Мельхиседекъ имѣлъ счастье нынѣ въ Саратовѣ видѣть здравствующаго еще. И касательно церемоніала того собранія, бываемаго во время ихъ бесѣдованія за книгами, сколько могъ дознать, сообщаетъ читателямъ.

Когда онаго согласія лица сойдутся въ назначенный между ихъ домъ, то, во-первыхъ, разложатъ разныя церковныя книги, читаютъ оныя и толкуютъ на свою сторону, научаясь притомъ самовольной нравственности и прочаго тому подобнаго. А хозяинъ дома между тѣмъ поставитъ побольше самоваръ, а иногда и болѣе, смотря по числу сошедшихся, и прочее приличное къ тому приготовить.

Какъ скоро услышится шумъ того орудія, то предсѣ-

дѣтѣ начинаютъ пѣть стихъ: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли мѣръ»... и прочее, что имъ разсудится изъ духовныхъ пѣсней; коимъ пѣніемъ удовлетворясь, произнесутъ наконецъ: «Гласомъ моимъ ко Господу возвахъ, гласомъ моимъ къ Богу, и внятъ ми»¹⁾).

Хозяинъ, услыша сіе заключеніе пѣвцовъ, подаетъ чашки съ обыкновеннымъ чаемъ, начиная отъ первенствующаго при семь разѣ, а колыми паче если означенный «климченокъ» или изъ числа его сотоварищей наэтотъ случай будетъ, а потомъ и каждому согласнику.

Получа всѣ чашки, собравшіеся паки воскликнуть пѣснь: «Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ»!.. и затѣмъ начинаютъ пить чай и за онымъ разсуждать и умствовать, не удобъ кому другому постороннему понятно.

Вѣсть бо всякъ, яко не вся, являемая намъ Бога, явно подобаеть знати. Отверзу бо, рече въ притчахъ, уста моя, сего ради и не всѣмъ удобоятно есть разумѣти тайны царствія Божія, аможе дано: прочти же въ притчахъ: да слышаще не слышатъ и видаще не разумѣютъ.

Въ какую же сторону они сіе говорятъ, иногъ Мельхиседекъ знати не можетъ, ибо на сіе требуется ума протологическаго, или иносказательнаго разума. А онъ по своему скудоумію, и къ тому будучи наукъ невысокихъ, заключить ничего не можетъ, а только знаетъ иногъ Мельхиседекъ, что вся лежащая во Святомъ писаніи уже святыми Отцы протолкована и запечатлѣна мученическою кровію, и во святой церкви проповѣдуема, и спасенія апостольскими преемниками устроена. Видитъ и слышитъ, грядеть по силѣ своей въ нее, яко въ духовную лечебницу, и, получа на свою болѣзнь пластырь духовнаго лѣкарства слова Божія, возвращается во-свои, и бываетъ здравъ Богу, е помогающу.

¹⁾ Псаломъ 76-й.

Православные христіане! чувствуетъ инокъ Мельхиседекъ, что нѣкоторые сожалѣють изъ васъ о моемъ молчаніи на счетъ Иргизскихъ монастырей: Средне-Никольскаго мужскаго и Успенскаго женскаго, изъ коихъ первый присоединенъ къ числу единовѣрческихъ монастырей, а послѣдній подлежить къ уничтоженію,—какія послѣдовали при сихъ случаяхъ событія, то не онъ сему причиною, а Богу такъ соизволившу, что не удостоился быть тамъ на лицо при самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ, и о томъ подробныхъ свѣдѣній ни отголъ не имѣеть, а потому и сообщить желающимъ не можетъ.

Сообщилъ А. Титовъ.

Ростовъ, Яросл.

ВЕЧЕРЪ СУББОТНІЙ.

Длиныя тѣни отъ лѣса на поле;
Свѣжестью вѣтъ и праздничной волей.
Церкви открыты, ко всеобщей звонъ—
О какъ пріятенъ, желателенъ онъ
Тѣмъ, кто въ теченіе цѣлой недѣли
Въ долгомъ трудѣ краткій отдыхъ имѣли!
Слово 'спокой' кто повѣдаетъ вамъ?
Праздникъ Господень, отвѣренный храмъ.

В. К. Недзвецкій.

УСТАЛОМУ СЕРДЦУ.

Возможно, такъ бѣги отъ нашихъ улицъ шумныхъ,
Отъ цыгановъ сѣдыхъ и юношей неумныхъ
Туда, гдѣ гладь полей, къ природѣ молчаливой,
Подальше отъ толпы безтактной и крикливой.
Въ связи съ родной землей, близъ храма и могилъ
Родныхъ и близкихъ лицъ, вновь набирайся силъ.
Живя хоть цѣлый вѣкъ, не забывай про то,
Что русскій человѣкъ безъ родины ничто!

В. К. Недзвецкій.

НИЛЪ.

Средь желтыхъ береговъ—стального цвѣта Нилъ.
По рощамъ пальмъ течеть свидѣтель мірозданья...
На солнцѣ вѣжится и дремлетъ крокодилъ...
Полуденный покой—не слышно трепетанья
Прибрежныхъ тростниковъ... спитъ ибисъ среди руинъ.
Задумчивый Феллахъ—когда то господинъ,
Теперь ничтожный рабъ—потомокъ фараоновъ,
Сидитъ въ пыли своихъ разсыпавшихся троновъ...
Здѣсь выросъ и окрѣпъ великій Моисей,
И много родилось презрѣвшихъ этотъ міръ,—
Тѣхъ, для кого всю жизнь сіялъ лишь Божій міръ,—
Воистину святыхъ, воистину людей!

В. К. Недзвецкій.

Профессоръ В. О. Ключевскій.

(Краткій некрологъ и личныя воспоминанія).

12 мая текущаго года скончался въ Москвѣ профессоръ по кафедрѣ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ и (почти до самаго послѣдняго времени) въ Московской духовной академіи Василій Осиповичъ Ключевскій. Богато одаренная натура покойнаго была такъ разностороння, и личность его была такъ высоко интересна, что къ біографическимъ и бібліографическимъ свѣдѣніямъ о немъ пишущій эти строки, сначала, въ бытность свою студентомъ академіи, ученикъ покойнаго, а потомъ, во время своей восьмилѣтней службы въ академіи, до нѣкоторой степени и его сослуживецъ, довольно близко знавшій его въ то время,—рѣшился присоединить и нѣсколько личныхъ о немъ воспоминаній.

Сынъ священника Пензенской епархіи ¹⁾ Василій Осиповичъ родился 23 января 1842 года. Рано научился онъ грамотѣ и уже восьми лѣтъ читалъ вслухъ своей бабушкѣ житія Святыхъ, которыя впослѣдствіи избралъ матеріаломъ для ученой работы. «Потерянный рай» Мильтона, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими литературными произведеніями, бывшими въ ходу въ то время, были одними изъ первыхъ *святскихъ* книгъ, прочитанныхъ имъ въ раннемъ дѣтствѣ.

¹⁾ Не безъ чувства нѣкоторой если не гордости, то по крайней мѣрѣ удовлетворенности, В. О. рассказывалъ пишущему эти строки, что онъ лишь однажды въ жизни встрѣтилъ однофамильца—какого-то генерала на Кавказѣ.

Поступивъ потомъ въ Пензенскую духовную семинарію, онъ закончилъ ученіе въ ней философскимъ классомъ, откуда перешелъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета. Еще будучи студентомъ университета, В. О. обратилъ на себя вниманіе покойнаго историка и ректора Московскаго университета С. М. Соловьева, обратилъ настолько, что былъ вхожъ къ нему въ домъ. И съ обычнымъ своимъ юморомъ В. О. рассказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ этого знакомства. И тогда уже В. О. отличался остроуміемъ, и Соловьевъ не мало смѣялся его остротамъ. И В. О. ставилъ это себѣ въ нѣкоторую заслугу. «Посмѣется, бывало, Соловьевъ, придетъ въ хорошее настроеніе, а потомъ хорошую страницу напишетъ»... У Соловьева былъ даже оригинальный обычай поощрять остроуміе: онъ платилъ по пятачку за остроту: «получите пятачекъ за остроуміе». — «Бывало, предъ уходомъ пошутить—рассказывалъ В. О.:—Сергѣй Михайловичъ! мнѣ надо ѣхать четыре станціи: гдѣ я возьму четыре остроты?» — «Пѣшкомъ дойдете» — отвѣтитъ на это Соловьевъ. Съ большимъ юморомъ передавалъ В. О. и рассказъ покойнаго зятя Соловьева—Н. А. Попова о его хлопотахъ въ академіи наукъ о назначеніи преміи за одно изъ его сочиненій.

Въ университетѣ В. О. кончилъ курсъ въ 1865 году, вторымъ кандидатомъ, и вскорѣ, въ 1867 году, сталъ (до 1873 года) преподавать исторію въ Московскомъ Александровскомъ военномъ училищѣ, а въ 1871 году, вслѣдствіи рекомендаціи С. М. Соловьева тогдашнему ректору Московской духовной академіи прот. А. В. Горскому, былъ опредѣленъ приватъ-доцентомъ академіи по кафедрѣ русской гражданской исторіи, которую и занималъ до осени 1906 года, когда онъ вышелъ изъ академіи—главнымъ образомъ вслѣдствіе значительнаго ухудшенія здоровья. 26 января 1872 года имъ была защищена диссертация на степень магистра русской исторіи на тему: «Древне-руссія житія Святыхъ, какъ историческій источникъ» (его

кандидатское сочиненіе «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ» было тоже напечатано), и вскорѣ послѣ этого совѣтомъ академіи онъ былъ избранъ въ доценты. Въ 1879 году В. О. совѣтомъ Московскаго университета былъ избранъ доцентомъ по кафедрѣ русской исторіи, на мѣсто С. М. Соловьева, и въ этомъ же году совѣтомъ академіи избранъ въ экстраординарные профессора. По защитѣ докторской диссертациі, въ 1881 году, онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ въ университетъ, въ слѣдующемъ году получилъ ординатуру въ академіи, а черезъ два года и въ университетъ. Кроме того, онъ преподавалъ русскую исторію на высшихъ женскихъ курсахъ и въ училищѣ живописи и ваянія въ Москвѣ. Въ 1887—1889 годахъ исполнялъ должность декана историко-филологическаго факультета, съ 1889 года около полутора года состоялъ помощникомъ ректора въ университетѣ и послѣдніе годы службы былъ заслуженнымъ профессоромъ и въ академіи, и въ университетѣ. Зиму 1893—1894 года В. О. преподавалъ въ Абась-Туманѣ исторію Великому князю Георгію Александровичу, а въ бытность Великаго князя Сергія Александровича московскимъ генералъ-губернаторомъ читалъ лекціи по русской исторіи ему. Съ 1900 года состоялъ ординарнымъ академикомъ Академіи наукъ по исторіи и древностямъ россійскимъ, съ 1893 по 1906 годъ былъ предсѣдателемъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, а въ послѣдніе годы жизни состоялъ почетнымъ членомъ академіи и университета и почетнымъ академикомъ Академіи Наукъ по разряду изящной словесности. По поводу тридцатилѣтія его профессорства въ университетѣ въ 1909 году кружкомъ его учениковъ, друзей и почитателей былъ составленъ и посвященъ ему большой сборникъ историческихъ (преимущественно по русской исторіи) статей, гдѣ между прочимъ помѣщенъ и полный списокъ его ученыхъ трудовъ.

Помимо упомянутыхъ уже ученыхъ трудовъ В. О., имъ

изданы (съ 1904 по 1908 годы) четыре тома «Курса русской исторіи», доведеннаго до царствованія императр. Екатерины II (къ несчастю, пятый и шестой томы «Курса» остались почти неотдѣланными, хотя и появятся въ печати въ обработкѣ и подъ редакціей его учениковъ); «Краткое пособіе по русской исторіи» три изданія (Москва, 1904—1908 г.г.); «Значеніе преподобнаго Сергія въ исторіи русскаго народа» (рѣчь на торжественномъ актѣ въ Московской духовной академіи въ память пятисотлѣтія со дня кончины преп. Сергія—26 сентября 1892 года); «Происхожденіе крѣпостнаго права»; «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси»; «Русскій рубль»; «Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка»; «Добрые люди древней Руси»; «Содѣйствіе древней церкви успѣхамъ гражданскаго права и порядка»; «Евгеній Онѣгинъ и его предки» (всѣ три—публичныя лекціи); «О Новиковѣ», «Грусть» (памяти Лермонтова), «Новооткрытый памятникъ по исторіи раскола» и мног. другіе. И уже во время своей предсмертной болѣзни В. О. писалъ статью, которая осталась неоконченной.

В. О. вообще не жаловался на нездоровье. Напротивъ, онъ не прочь былъ иногда даже похвастаться своимъ здоровьемъ. Такъ, передавая разныя подробности изъ своего пребыванія въ Абасъ-Туманѣ, онъ рассказывалъ, между прочимъ, что для нѣкоторыхъ изъ жившихъ тамъ лицъ разрѣженный вслѣдствіе довольно значительной высоты резиденціи покойнаго великаго князя воздухъ былъ очень тяжелъ, и они почти задыхались въ немъ и не спали ночи.— «Бывало N (тутъ В. О. называлъ фамилію одного медика) придетъ ко мнѣ ночью, разбудить меня:—«какъ вамъ не стыдно спать такъ крѣпко, когда я задыхаюсь!»— а я ему:—«а я чѣмъ виноватъ, что мнѣ матушка дала здоровое сердце».—Вотъ на зубы только неоднократно жаловался В. О. Однажды, пріѣхавъ изъ Москвы, онъ рассказываетъ:—«вырвалъ себѣ восьмую часть рта!»—Какъ это такъ?—спросилъ я.—«А такъ—отвѣтилъ В. О.—че-

тыре зуба сразу: вѣдь во рту тридцать два зуба». Но потомъ В. О. сталъ прихварывать и какъ-то сразу посѣдѣлъ и еще болѣе согнулся, хотя продолжалъ оставаться такимъ же бодрымъ и оживленнымъ. Сильно подѣйствовало на него внезапная смерть жены, въ мартѣ 1909 года, и онъ послѣ этого еще болѣе состарился и замкнулся. Въ концѣ 1910 года у него настолько ясно обнаружались признаки каменной болѣзни, что онъ долженъ былъ лечь въ больницу доктора Стороженко, гдѣ ему были произведены, одна за другою, двѣ операциі. Хотя операциі эти были перенесены В. О. благополучно, улучшенія не только не послѣдовало, но появились еще осложненія въ почкахъ и другихъ органахъ и затѣмъ сильная слабость. Почти до самой кончины В. О. былъ въ сознаніи.—12 мая онъ скончался.

Отпѣваніе В. О-ча было совершено 15 мая въ университетской церкви преосвященными Трифономъ и Анастасіемъ съ многочисленнымъ духовенствомъ. Погребенъ В. О. въ Донскомъ монастырѣ.

Бываютъ два типа профессоровъ: одни гремятъ главнымъ образомъ въ своихъ ученыхъ трудахъ, другіе—всѣ, цѣликомъ — на кафедрѣ, въ аудиторіи, въ лекціяхъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ и Ключевскій. — Припоминая прошлое, не безъ удивленія вспоминаю, что о Ключевскомъ даже въ послѣдніе годы ученія въ семинаріи я не слышалъ ни одного слова и о существованіи его не подозревалъ, тогда какъ объ остальныхъ профессорахъ-историкахъ Московской духовной академіи—Голубинскомъ, Субботинѣ и Лебедевѣ, въ особенности же о первомъ, въ семинаріи ходили прямо легендарные рассказы; помимо этого, мы ихъ въ старшихъ классахъ семинаріи и читали. Первый разъ фамилію Ключевского я услышалъ, уже поступивъ въ академію. Но за то здѣсь это имя гремѣло. О достоинствахъ лекцій и ученыхъ трудовъ В. О-ча, о худо-

жественности ихъ и о значеніи его какъ историка было сказано и притомъ спеціалистами уже достаточно и, разумѣется, сказать что-либо новое въ этомъ отношеніи я бы не могъ; передамъ лишь вкратцѣ свои личныя впечатлѣнія. Къ каедрѣ шелъ, согнувшись, худощавый и сутуловатый человѣкъ въ черномъ сюртукѣ или форменномъ фракѣ, съ маленькой и рѣденькой бородкой, въ очкахъ, съ необыкновенно умными (о которыхъ можно было сказать, что изъ нихъ семь умовъ свѣтитъ) и пронизательными глазами и съ замѣчательно же интеллигентнымъ, чисто профессорскимъ лицомъ. Усѣвшись на каедрѣ, онъ доставалъ изъ бокового кармана маленькій конспектикъ, въ который изрѣдка и на одно мгновеніе заглядывалъ, и начиналась его живая, образная, съ своеобразною интонаціей рѣчь. Говорили, будто онъ заикается, но на лекціяхъ, ни въ особенности впоследствии, во время многократныхъ съ нимъ разговоровъ, я почти не замѣчалъ въ немъ этого недостатка. Къ дикціи и интонаціи его не сразу можно было привыкнуть: и интонаціи его съ перваго взгляда казалось монотонной, и останавливался онъ какъ будто совсѣмъ не на знакахъ препинанія; но, послѣ недолгаго времени, его рѣчь уже казалась музыкой.—Относительно *содержанія* лекцій уже тогда въ голову приходило опредѣленіе, появившееся въ печати послѣ его смерти—что это была собственно не исторія, а философія исторіи. Факты предполагались извѣстными: о нихъ упоминалось лишь постольку, поскольку они служили подтвержденіемъ или иллюстраціей высказанныхъ положеній. Раздѣливъ исторію на періоды, В. О. начиналъ каждый періодъ указаніемъ главнѣйшихъ факторовъ (его обычное выраженіе), дѣйствовавшихъ въ этомъ періодѣ. Нагроможденія фактовъ, «массы подробностей, въ которыхъ тонуть основныя мысли» (его буквальное выраженіе), онъ не любилъ и преслѣдовалъ и въ студенческихъ сочиненіяхъ. Во времена моего студенчества рассказывали, будто В. О. какъ-то такъ отзывался объ исторіи Соловьева,—что Соловьевъ въ своей

исторіи проглядѣлъ бездѣлицу—русскій народъ. Было ли въ дѣйствительности сказано Ключевскимъ что-либо подобное, я не знаю, но въ лекціяхъ его жилъ и дѣйствовалъ, волновался и страдалъ дѣйствительно русскій народъ, съ своими правителями; выяснялись управлявшіе событіями факторы религіозные, политическіе, социальныя, бытовые, экономическіе (но отнюдь не одни только экономическіе), моральныя и иные. И въ лекціяхъ В. О-ча оживала душа русскаго народа, изъ нихъ смотрѣло его политическое лицо, и яснымъ, и понятнымъ становилось, почему именно такъ, а не какъ-либо иначе развертывались событія русской исторіи; выяснялась *суть* событій, отличие русскаго народа отъ иностранцевъ. Это было, если можно такъ выразиться, обозначеніе глазъ на лицѣ русской исторіи. Иногда, для обозначенія какого-либо фактора, В. О. бралъ какое-либо удачное современное событіемъ и выражавшее суть дѣла положеніе (напр.: «не повелось», «брели розно»). Но вотъ кончалось глубоко серьезное выясненіе факторовъ даннаго періода, и начинались иллюстраціи и характеристики. И здѣсь художественный юморъ В. О-ча сверкалъ такими яркими ослѣпительными искрами, что гомерическій хохоть не смолкалъ въ переполненной донельзя аудиторіи, и долго еще послѣ окончанія лекціи слушатели не могли успокоиться и повторяли, и передавали небывшимъ на лекціи нѣкоторыя выраженія В. О-ча.— Лекціи его студентами университета записывались и литографировались (оттуда и мы, студенты академіи, приобрѣтали ихъ для себя) и передъ литографированіемъ представлялись В. О-чу на просмотръ. И рассказывали, что онъ просматривалъ и исправлялъ ихъ съ величайшею тщательностью.—«Наука—говаривалъ (правда, не студентамъ) В. О.—гордая красавица, за которою долго нужно ухаживать». Но на экзаменахъ въ академіи В. О. былъ снисходителенъ (передавали, будто въ университетѣ онъ былъ строже). Не требовалъ многого онъ и отъ студенческихъ (такъ называемыхъ семестровыхъ, не кандидатскихъ) сочиненій.

Помню, какъ, давъ намъ тему о причинахъ Брестской уніи и порекомендовавъ намъ въ качествѣ пособія только девятый томъ «Исторіи русской церкви» митрополита Макарія, онъ прибавилъ:—«Я вамъ совѣтывалъ бы и даже просилъ бы: кромѣ того, что мною указано, не читать». И затѣмъ распространился о томъ, что студенческія сочиненія не имѣютъ какого-либо самостоятельнаго значенія, а имѣютъ характеръ только упражненій.

Знакомство съ самимъ Василиемъ Осиповичемъ началось у меня только съ моего поступленія на службу при академіи (на должность бібліотекаря академической бібліотеки) и во всѣ восемь лѣтъ моей службы при академіи было довольно близкимъ. Одною изъ наиболѣе привлекательныхъ чертъ характера В. О-ча было отсутствіе въ немъ даже тѣни какой-либо профессорской важности. Въ отношеніи къ студентамъ онъ былъ, правда, очень остороженъ, хотя и неизмѣнно простъ и доброжелателенъ, но въ отношеніяхъ къ академической корпораціи былъ со всѣми совершенно одинаковъ. Даже болѣе, онъ вообще держался ближе и охотнѣе сходилъ съ младшими членами академической корпораціи: доцентами, бібліотекаремъ, секретаремъ, помощникомъ инспектора. Даже къ своему чину (дѣйствительнаго статскаго совѣтника) онъ относился по болѣе части юмористически. Вотъ до чего онъ былъ простъ: однажды утромъ въ понедѣльникъ мы вмѣстѣ ѣхали съ нимъ изъ Москвы въ посадъ. Всю дорогу В. О. говорилъ безъ умолку; а когда пріѣхали въ посадъ, онъ вдругъ, схвативъ мой саквояжъ, сказалъ: «позвольте, я вамъ донесу». Не безъ нѣкотораго труда освободилъ я, сконфуженный, свой саквояжъ. — Знакомство съ нимъ началось у меня тогда, когда, вступивъ въ должность и начавъ дѣлать служебные визиты, я пришелъ къ нему въ гостиницу. Въ разговорѣ коснулись недостатковъ бібліотечнаго зданія и между прочимъ сильнаго холода въ немъ. Въ этомъ не-

удачномъ зданіи отопленіе иногда совсѣмъ переставало дѣйствовать, и температура въ библіотекѣ вдругъ опускалась на 10 и болѣе градусовъ ниже нуля (а прекращать занятія въ ней и при такихъ обстоятельствахъ было нельзя), или изъ тепловыхъ отдушинъ вырывались густые клубы дыма; а холодъ, угаръ и сырость были обычнымъ и постояннымъ явленіемъ. Отъ всего этого потерялъ зубы, ноги, а отчасти и глаза помощникъ библіотекаря покойный іеромонахъ Рафаиль,—это же унесло значительную часть здоровья и у пишущаго эти строки ¹⁾. Такъ вотъ при упоминаніи о холодѣ въ библіотечномъ зданіи, В. О. совѣтывалъ мнѣ обвязывать тамъ голову платкомъ.—Но вѣдь это будетъ очень смѣшно, будутъ смѣяться, сказалъ я.—«Лучше быть смѣшнымъ, чѣмъ больнымъ»—съ своей характерной интонаціей возразилъ В. О.—Иногда передъ обѣденнымъ перерывомъ занятій въ библіотекѣ В. О. заходилъ въ библіотеку и велъ меня къ себѣ, въ свой неизмѣнный семидесятипятикопѣечный номеръ въ среднемъ этажѣ старой лаврской гостиницы, или приглашалъ вечеромъ. Приходили и другіе, по большей части изъ молодежи, и начиналась задумевная, украшенная остроуміемъ и юморомъ хозяина бесѣда. И можно было цѣлые часы просидѣть за этой бесѣдой, не замѣчая времени и съ большимъ сожалѣніемъ прекращая ее. Бывало, и въ профессорской комнатѣ, въ перерывахъ между лекціями, В. О. всегда можно было застать не иначе, какъ стоящимъ среди комнаты, съ папирской въ рукахъ, и съ оживленной миной что-нибудь рассказывающимъ. Или придетъ бывало онъ въ библіотеку, въ которой неоднократно производился ремонтъ.—«Вы все чинитесь: ни дать, ни взять, какъ»... (при этомъ онъ, бывало, упомянетъ, не называя имени, о комъ-либо изъ своихъ знакомыхъ). Въ бесѣдѣ онъ бывалъ иногда

¹⁾ Капитальный ремонтъ, съ переустройствомъ отопленія, былъ произведенъ въ библіотечномъ зданіи лишь въ концѣ моей службы при академіи.

очень откровененъ: рассказывалъ нѣкоторые случаи изъ своей жизни, событія, случаи и анекдоты изъ исторіи и т. п. Немало рассказывалъ онъ и объ оригинальной обстановкѣ жизни въ Абась-Туманѣ, объ афоризмахъ, читанныхъ имъ и другими на одномъ изъ бывшихъ тамъ вечеровъ, при чемъ въ особенности припоминалъ одинъ изъ своихъ афоризмовъ, именно, что отрицать царя можно только, не имѣя царя въ головѣ и т. д.

Не могу безъ чувства глубокой признательности къ памяти Василя Осиповича не упомянуть о двухъ случаяхъ проявленія его доброты и доброжелательности ко мнѣ. Узнавъ о болѣзни одного близкаго ко мнѣ человека, В. О. предложилъ мнѣ, самъ, безъ намека даже съ моей стороны, помѣстить больного въ клинику знаменитаго московскаго профессора-врача и подъ непосредственное наблюденіе его главнаго помощника, близко знакомаго и много обязаннаго В. О-чу. (Въ этомъ, правда, не представилось надобности, но ужъ не по винѣ В. О-ча).—«Нужно же для васъ что-нибудь сдѣлать!»—неоднократно повторилъ онъ при этомъ. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что мнѣ услугъ В. О-чу оказывать приходилось не особенно много, такъ какъ въ бібліотеку обращался онъ не особенно часто.—Другой случай относится къ 1896 году. Весною этого года я хотѣлъ перейти на должность бібліотекаря въ Московскій университетъ, и В. О. вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ Алексѣемъ Петровичемъ Лебедевымъ содѣйствовалъ мнѣ въ этомъ. (На баллотировкѣ избранный на эту должность получилъ на одинъ или два голоса больше меня; остальные баллотировавшіеся получили меньше меня).

Черезъ В. О-ча я иногда пополнялъ академическую бібліотеку отсутствовавшими въ ней... академическими диссертациями. Дѣло было въ слѣдующемъ. По уставу, представляющіе въ совѣтъ академіи сочиненія на степень магистра или доктора должны, въ случаѣ признанія ихъ совѣтомъ удовлетворительными, представить въ совѣтъ пятьдесятъ печатныхъ экземпляровъ сочиненія. Эти экземпляры

раздаются членамъ академической корпораціи и рассылаются—въ Императорскую публичную библіотеку, Румянцевскій музей и по университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, съ которыми академія имѣетъ обмѣнъ изданіями. Съ теченіемъ времени, количество такихъ учрежденій увеличилось, и изъ канцеляріи нашей академіи перестали давать экземпляръ для академической библіотеки—на томъ основаніи, что-де авторы диссертаций, въ библіотеку, конечно, пожертвуютъ ихъ сами. Но авторы, несмотря даже на мои напоминанія и просьбы, жертвовали свои диссертации въ академическую библіотеку далеко не всегда. Въ результатъ получалось нѣчто архи-нелѣпое: въ академической библіотекѣ не оказывалось ни одного экземпляра диссертаций, одобренныхъ академіей. Заботясь въ особенности о пополненіи русскаго отдѣла библіотеки (довольно-таки скуднаго), я пускался на всевозможныя хитрости для пріобрѣтенія недостающихъ диссертаций. Вотъ тутъ-то я и пользовался добротой В. О-ча. Я бралъ изъ канцеляріи предназначавшіеся для него экземпляры диссертаций, относительно которыхъ имѣлъ основаніе полагать, что они ему не нужны (напр. чисто богословскаго содержанія) и, при встрѣчѣ, просилъ В. О-ча пожертвовать ихъ въ академическую библіотеку.—«А какая книга?»—спрашивалъ В. О. и, выслушавъ заглавіе, шутливо восклицалъ: «Жертвую!.. Жертвую!..» Такимъ образомъ я пріобрѣлъ для академической библіотеки нѣсколько академическихъ диссертаций. А покупать ихъ было нельзя, такъ какъ онѣ должны были поступать въ библіотеку даромъ.

У В. О-ча и у самого была большая библіотека.—«Хоть и не Богъ знаетъ какая у меня библіотека—сказалъ онъ однажды по какому-то поводу еще въ девяностыхъ годахъ—а все тысячъ пять томовъ наберется. А куда мнѣ ихъ дѣвать, кому отдать послѣ смерти?..»

Занятія наукой до того поглощали В. О-ча, что у него совсѣмъ не оставалось времени для посторонняго чтенія.—«Уже тридцать лѣтъ я не читаю никакой беллетристики»—говорилъ мнѣ В. О. въ 1895 или 1896 году.

Для примѣра приведу одинъ изъ образцовъ остроумія В. О-ча, расточавшагося имъ безъ счету.—«Есть люди двухъ родовъ—сказалъ онъ какъ-то:—одни прежде думаютъ, потомъ поступаютъ, другіе прежде поступаютъ, а потомъ думаютъ. Послѣдняго рода людей обыкновенно называютъ рѣшительными. Есть люди, которые думаютъ не поступая—это философы. И есть люди, которые поступаютъ не думая—это женщины»...

Академическую бібліотеку нерѣдко посѣщаютъ для занятій (главнымъ образомъ рукописями) посторонніе профессора и ученые, иногда даже и иностранцы. Въ особенности это бываетъ во время лѣтнихъ вакацій. Однажды съ этой цѣлью пріѣхалъ въ академію извѣстный профессоръ византологъ К. Крумбахеръ, нынѣ покойный, авторъ извѣстной «Исторіи византійской литературы» (какъ рассказывалъ В. О., въ три мѣсяца изучившій въ Вѣнѣ русскій языкъ). Съ нимъ пріѣхалъ В. О., хотя день былъ не лекціонный; кромѣ того, ихъ сопровождалъ одинъ изъ нашихъ академическихъ доцентовъ, спеціально занимавшійся византологіей. Когда мы пришли въ бібліотеку, я достала нужныя Крумбахеру рукописи, и онъ сталъ ихъ разсматривать, а насъ В. О. отвелъ въ другую комнату бібліотеки (день былъ неприсутственный, и постороннихъ въ бібліотекѣ не было) и началъ рассказывать, между прочимъ изъ недавняго прошлаго, такъ остроумно и занимательно, что мы искренно пожалѣли, когда минутъ черезъ сорокъ Крумбахеръ, кончивъ просмотръ рукописей, подошелъ къ намъ, и нужно было уходить изъ бібліотеки.

Въ заключеніе—еще одно воспоминаніе. Въ 1892 году, во время празднованія въ лаврѣ пятисотлѣтія со дня кончины Преподобнаго Сергія, и въ академіи былъ устроенъ, 26 сентября, торжественный юбилейный актъ, въ присутствіи высокопреосвященнаго Леонтія, преосвященныхъ, профессоровъ, студентовъ и посторонней публики. И изъ трехъ, произнесенныхъ на этомъ актѣ рѣчей, послѣдняя принадлежала В. О-чу. Онъ говорилъ о значеніи Препо-

добнаго Сергія въ исторіи русскаго народа. И рѣчь его была такъ высокохудожественна и съ такимъ подъемомъ и задумчивостью сказана, что, казалось, превосходила все, слышанное отъ него раньше. Послѣ его рѣчи и вмѣстѣ окончанія акта, я первый подошелъ къ нему, со словами:—Ну, В. О., вы самого себя превзошли!—«Вотъ какъ—отвѣтилъ на это В. О.—самого себя за волосы стащилъ».— Но слова эти ему, очевидно, все таки понравились, такъ какъ потомъ я слышалъ, какъ онъ говорилъ:—«вонъ, говорятъ, что я самого себя превзошелъ».

Многое можно было бы и еще рассказать о В. О-чѣ, но довольно и этого. Ученый, мыслитель, художникъ, замѣчательный остроумецъ и просто хорошій человѣкъ соединились въ немъ въ рѣдкомъ и счастливомъ сочетаніи. И всякій, кому приходилось встрѣтиться съ нимъ, думаемъ, не забудетъ этихъ встрѣчъ.—Да упокоитъ его Господь въ Своихъ небесныхъ селеніяхъ, и да будетъ ему вѣчная память!

Свящ. Н. Колосовъ.

ПИСЬМА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА МОСКОВСКАГО

КЪ

ЕкатериинѢ ВладиміровнѢ Новосильцевой.

Наша духовная литература недавно обогатилась новымъ изданіемъ писемъ приснопамятнаго Московскаго митрополита Филарета—къ Е. В. Новосильцевой. Эти письма до сего времени въ большинствѣ оставались неизвѣстными. Изъ очень краткаго предисловія къ нимъ видно, что эти 315 писемъ митрополита къ ЕкатеринѢ ВладиміровнѢ Новосильцевой, съ 1822 по 1849 гг., «представляютъ образецъ истинно-пастырскаго руководствованія души, стремившейся къ христіанскому совершенству, а также и духовнаго укрѣпленія скорбной матери, лишившейся убіеннаго сына. По глубокому своему къ ней участію, святитель руководствовалъ и самую скорбь ея—до величайшей самопреданности волѣ Божіей». Драгоцѣнные письма эти долго хранились въ семейномъ архивѣ и впервые издаются ¹⁾.

¹⁾ Это не точно. 4 письма Филарета къ Новосильцевой были напечатаны въ „Чтеніяхъ Общества Люб. Духовн. Просвѣщенія“ за 1871 г.—1, 107—113. Въ нихъ (9 апр. 1823 г. по 13 марта 1828 г.) онъ разбясняетъ значеніе текста: „иже погубить душу свою Мене ради, той спасеть ю“.

Къ сожалѣнію въ этихъ немногихъ строкахъ и заключается предисловіе. Нѣтъ и указателя, столь необходимаго, къ этимъ болѣе чѣмъ интереснымъ письмамъ нашего великаго іерарха. *Nocturna versate manu, versate diurna...*

Екатерина Владиміровна Новосильцева родилась въ 1770 году. Она была дочь графа Владиміра Григорьевича Орлова, брата фаворита Екатерины II, отъ брака его съ Екатериной Ивановной Стакельбергъ. Въ 1799 г. Екатерина Владиміровна вышла за бригадира Дмитрія Александровича Новосильцева. Бракъ этотъ былъ несчастливъ: она черезъ годъ разошлась съ мужемъ и посвятила себя воспитанію единственнаго сына Владиміра, мало показываясь въ свѣтъ ²⁾).

Воспитанный въ лучшей тогда, іезуитской, школѣ, ея сынъ, въ 1818 году, уже корнетомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, былъ назначенъ на должность адъютанта къ главнокомандующему первой арміей, графу Сакену, а въ 1822 году—назначенъ флигель-адъютантомъ.

Познакомившись съ дочерью небогатаго генераль-майора—Черновой, молодой Новосильцевъ, не спросяся матери, сдѣлалъ ей предложеніе. Мать воспротивилась, строго приказавъ прекратить всякое сношеніе съ Черновой, что тотъ и сдѣлалъ, уклоняясь отъ посвѣщенія семейства Черновыхъ. Братъ Черновой вызвалъ Новосильцева на дуэль, и они 10 сентября 1825 г. въ 6 час. утра встрѣтились за Выборгской заставой въ Лѣсномъ. Оба противника выстрѣлили одновременно другъ въ друга и были оба смертельно ранены ³⁾. Новосильцевъ скончался 14 сентября.

Несчастливая мать, пріѣхавъ въ Петербургъ, застала его еще въ живыхъ, но всѣ усилія врачей не могли его спасти. Тѣло его было набальзамировано и отправлено въ Москву; туда же вернулась и мать, увозя съ собою въ каретѣ сердце сына, закупоренное въ серебряномъ сосудѣ.

²⁾ Русскіе портреты В. К. Николая Михайловича. Т. II, 84.

³⁾ Подробности дуэли—у Шубинскаго, въ „Историческихъ очеркахъ и разсказахъ“. Изданіе 4-ое, Спб., 1903, стр. 517.

Похоронивъ его въ Новоспасскомъ монастырѣ и построивъ церковь въ Лѣсномъ, гдѣ былъ раневъ ея сынъ, Новосильцева съ того времени уже всецѣло предалась молитвѣ и дѣламъ благотворенія и до конца жизни не снимала траура. Кромѣ церкви и бѣдныхъ она никого не посѣщала. Сначала она жила около Новоспасскаго монастыря, а затѣмъ заперлась въ своемъ домѣ на Страстномъ бульварѣ. «Я убійца моего сына,—помолитесь Владыка, чтобы я скорѣе умерла», говорила она митрополиту Филарету, котораго очень уважала и къ которому часто ѣздила на Троицкое подворье. Уже позднѣе она поселилась въ имѣніи «Отрада» у отца, за которымъ ухаживала до его смерти. Орловъ умеръ въ Москвѣ 28 февраля 1831 года въ присутствіи дочери, не отходившей отъ его постели. До конца своей долгой и одинокой жизни она оставалась другомъ и покровительницей бѣдныхъ и несчастныхъ ⁴⁾. Скончалась она 31 октября 1849 г.

Въ своемъ письмѣ А. Н. Муравьеву ⁵⁾ Митрополитъ Филаретъ говорить: «Поручала мнѣ кланяться вамъ и Екатерина Владиміровна Новосильцева, но уже перестала. Бывъ больна четыре дня, напутствовавъ себя таинствомъ Тѣла Христова и елеосвященіемъ, она отыде въ невѣдомый путь, съ миромъ, благословляемая и оплакиваемая многими, которые пользовались ея благотвореніями».

Е. В. Новосильцева была послѣдняя изъ рода Орловыхъ. Огромное ея состояніе перешло къ ея племяннику, сыну ея сестры, Владиміру Петровичу Давыдову, вмѣстѣ съ фамиліей и графскимъ титуломъ Орловыхъ.

Дѣлая массу благодѣяній и жертвъ на монастыри, Новосильцева ничего не сдѣлала для своихъ многочисленныхъ крестьянъ, управляемыхъ корыстолюбивыми вѣсцями-управляющими или кулаками-бурмистрами. И при ней, особенно въ послѣдніе годы ея жизни, ярмо крѣпостного

⁴⁾ Русск. портреты, II, 83.

⁵⁾ 9 ноября 1849 г.

права тяжелымъ гнетомъ ложилося на безправныхъ крестьянъ. Правда, въ то время это было обычное явленіе. Самъ митрополитъ Филаретъ, до конца крестьянской реформы, защищалъ и крѣпостное право, и тѣлесное наказаніе, находя, что отмыѣна того и другого еще преждевременна. Онъ былъ въ этомъ солидаренъ съ Юрьевскимъ архимандритомъ Фотіемъ, убѣдившемъ графиню Анну Алексѣевну Орлову, что свобода для крестьянъ будетъ пагубна ⁶⁾.

Екатерина Владиміровна погребена вмѣстѣ съ сыномъ въ соборномъ храмѣ Новоспасскаго монастыря. На памятникъ—бронзовая плачущая фигура и надписи: «Новосильцевъ Владиміръ Дмитріевичъ, флигель-адъютантъ Императора Александра I. Единственный сынъ и надежда родителей и отечества, 1825 г. сентября 10 числа, безъ враждебнаго намѣренія, защищая честь, смертельно раненъ, а 14 дня, 25 лѣтъ отъ роду, на одрѣ великодушнаго страданія въ мирѣ съ Богомъ, церковью и врагами скончался въ предмѣстіи С.-Петербурга во 2 часу пополудни; здѣсь земные останки его преданы землѣ попеченіемъ сѣтующей матери Екатерины Владиміровны Новосильцевой, урожденной графини Орловой, полагающей единственное утѣшеніе только въ молитвѣ о немъ и въ надеждѣ, на непоколебимой вѣрѣ основанной, обрѣсти его въ жизни безмятежной и земной для себя покой». Здѣсь же позади памятника, на стѣнахъ, масляные портреты, прекрасной работы, въ черныхъ рамахъ—Екатерины Владиміровны и Владиміра Дмитріевича Новосильцевыхъ.

Въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ къ Е. В. Новосильцевой митрополитъ останавливается на извѣстномъ Юрьевскомъ архимандритѣ Фотіи, поклонницей котораго была двоюродная сестра Новосильцевой—графиня Анна Алексѣевна Орлова - Чесменская. Эти письма интересны тѣмъ,

⁶⁾ Два подвижника Спасо-Яковлевской обители—*Духи. Чит.*, кн. 1, 1911 г.

что проливаютъ свѣтъ на отношенія и взгляды митрополита на эту, въ нѣкоторомъ родѣ, историческую личность.

«Много заботы и труда сдѣлалъ вамъ отецъ Фотій, — пишетъ митрополитъ Филаретъ 9-го февраля 1823 г.; — все, мнѣ кажется, напрасно. Если вы слышали, что онъ возсталъ противъ кого-нибудь, для чего вамъ о томъ беспокоиться? Беспокойство ваше не прекратитъ ни слуха, ни самого дѣла. Если человѣколюбіе заставляетъ жалѣть о ближнемъ, подверженномъ клеветѣ, но не отъ насъ зависитъ поправить дѣло: нашъ долгъ — просить отъ Бога искушаемому терпѣнія и охраненія, а нападающему — вразумленія. Особенно, для чего бы вамъ говорить о семъ такому человѣку, которому ваши слова, по всей вѣроятности, должны были принести огорченіе, безъ всякой пользы? Что и въ томъ нужды, что человѣка, о которомъ вы имѣете доброе мнѣніе, другой не хочетъ знать? — Особенно жалѣю, что вы открыли сестрицѣ вашей вашу немирную мысль противъ человѣка, котораго она почитаетъ. Вы тѣмъ могли только повредить миру между ею и вами и также между вами и тѣмъ человѣкомъ, но нужды въ томъ не было, и добра отъ того ожидать было не можно. — На что Господь одѣлъ душу нашу такимъ тѣломъ, сквозь которое мыслей нашихъ другимъ людямъ не видно? Думаю, для того, между прочимъ, что мысли наши часто бываютъ нечисты, а потому не полезно, а вредно было бы другимъ душамъ видѣть ихъ всѣ. Итакъ, скрытность не есть порядокъ, ибо человѣкъ общителенъ, притворство еще хуже, ибо это принадлежитъ къ образу отца ихъ; но скромность согласна съ намѣреніемъ Божиимъ. Если мысль ваша во славу Божию, скажите ее, — пусть и другіе славятъ Бога. Если она въ пользу или въ утѣшеніе ближнему, скажите ее: пусть будетъ польза и утѣшеніе. Если сердце ваше невинно отверзается къ сообщенію слова ближнимъ, хотя и не совсѣмъ нужнаго, пусть будетъ и сіе ради общегитія. Но, если вы получили немирную мысль противъ ближняго, принесите въ ней покаяніе Богу; при помощи

Его изгоните ее изъ своего сердца. Обличите въ ней себя предъ кѣмъ-нибудь, чтобы смирить себя или получить наставленіе. Признайтесь и тому, противъ кого думали, если увѣрены, что онъ приметъ по христіански и, уваживъ признаніе, утвердить миръ и любовь. Но, если есть опасность, что онъ обратитъ вниманіе на самую мысль немирную и войдетъ самъ въ немирное расположеніе, то, открываясь, вы только распространяете немирное расположеніе. Не сіе ли съ вами случилось? Наконецъ, послѣ излишней откровенности, принужденное молчаніе — опять невѣрный путь къ миру.—Оставя сердца другихъ сердце-вѣдцу, испытайте свое: какое дѣйствіе произвела въ немъ бесѣда въ среду? То ли больше замѣчали вы, что было въ ней назидательнаго? Или болѣе впечатлѣнія сдѣлали въ васъ нѣкоторыя странности? Если найдете послѣднее, то возьмите подозрѣніе: довольно ли мирны вы съ вашей стороны? Приводите сердце ваше, сколько можно, къ простотѣ: слушайте доброе съ охотою, а что не таково, не раздражайтесь, а старайтесь забывать; не спорьте за людей, которые не хотятъ быть поводомъ къ несогласію; старайтесь имѣть или разговоръ невинный, или молчаніе спокойное. Вотъ судъ человѣка, который, можетъ быть, болѣе судимыхъ погрѣшаетъ, впрочемъ желаетъ и себя исправленія, и другимъ усовершенія. Воспользуйтесь онымъ, какъ Господь вразумилъ васъ. Да даруетъ онъ вамъ истинный миръ и съ вашимъ сердцемъ, и съ вашими ближними!»

Затѣмъ 1828 г. 29 ноября митрополитъ Филаретъ писалъ: «Новая для меня мысль, что вы, въ вашемъ несчастіи, Юрьевскаго архимандрита считали въ числѣ виноватыхъ. Воля ваша, это и предъ Богомъ грѣшно, и предъ людьми стыдно. Какъ можно требовать, чтобы весь міръ поднялся дѣйствовать по частному дѣлу одного человѣка. Юрьевскій архимандритъ могъ совсѣмъ не узнать, что происходило; и если бы зналъ, весь долгъ его былъ сказать: избави, Господи, отъ бѣды всякаго близкаго къ бѣдѣ!»

Почему вы знаете, что онъ не сказалъ сего въ сердцѣ своемъ? А болѣе чего вы требуете отъ монаха, для свѣтскихъ дѣлъ, совершенно ему чуждыхъ? Не отъ словъ только о семъ надлежало вамъ удержаться, но мысленно о семъ разобрать за разсужденіемъ и бросить, какъ неосновательныя.

Не подумайте, что я беру сторону Юрьевскаго архимандрита, бывъ у него въ монастырѣ. Я беру сторону вашей души, ея чистоты, ея спокойствія.

Написать портретъ усопшаго по образу сновидѣнія, грѣшная мысль есть; судьбою себя не поставлю, а то сказать надобно, что мысль неправильная и бесполезная.

Духовныя вещи показываются не для того, чтобы украшать ими чувственную область, какъ мечтаніями, но чтобы поставить духъ въ благодареніе къ Богу, въ благоговѣніе къ судьбамъ Его, въ любовь къ Нему, въ смиреніе предъ Нимъ. Если не сіе дѣйствіе производитъ видѣніе, а превращается въ образы, пріятныя чувственному воображенію, то по дѣйствіямъ на мое видѣніе становится недостовернымъ, истинное ли оно, или, по крайней мѣрѣ, оно злоупотреблино.

Слова мои покажутся вамъ суровы.

Простите меня, что инымъ проповѣдаю, будучи самъ неисправенъ. Но я думаю, что слова мои принадлежать истинѣ, сколько я сіе слышу и понимаю, и чѣмъ иначе, какъ истинною, могу я благодарить васъ за то утѣшеніе, что вы допустили меня быть свидѣтелемъ вашего стремленія къ добру? А точно ли истину говорю вамъ, испытайте сами, по разсужденію и по слову Божію, и по писаніямъ знающихъ пути Духа.

Далѣе, 31 декабря 1828 года митрополитъ отвѣчаетъ на письмо Новосильцевой:

«Вы говорите, что не можете подозрѣвать меня въ пристрастіи къ Юрьевскому архимандриту. Но что подало поводъ начать сіе? Думаю, что никто не внушалъ вамъ сего подозрѣнія; слѣдственно, мысль о немъ родилась въ

вась, слѣдственно оно для вась возможно, хотя вы увѣрены, что вы не расположены согласиться съ мыслию подозрѣнія. Сіе подаетъ мнѣ причину сказать вамъ о моемъ посѣщеніи Юрьева, чего я не хотѣлъ прежде говорить, дабы то не было жалоба, и что теперь можетъ годиться къ объясненію вопросовъ не только о подозрѣніи, но и о знаменованіи вашихъ прежнихъ приключеній. Когда мы вѣхали въ Юрьевъ, на о. Фотіи была черная ряса и черная шуба. При входѣ въ церковь меня приняли іеромонахи и іеродіаконы въ облаченіи, съ крестомъ и со свѣчами, прочіе въ мантияхъ съ пѣніемъ. О. Фотій шель за мною. Когда я, дошедъ до алтаря и приложась къ святымъ иконамъ, обратился, вдругъ увидѣлъ о. Фотія среди сего церемоніальнаго собранія въ голубомъ тепломъ полубафтанѣ, вопреки всякому приличію, между прочимъ, и трауру сего времени. Въ сей одеждѣ пошелъ онъ за мною и въ алтарь. Изъ церкви вышелъ я, жалуясь на холодъ. Былъ четвертый часъ пополудни. О. Фотій зналъ, что я не обѣдалъ. Когда пришли къ нему въ келію, я такъ увѣренъ былъ, что предложится угощеніе, что, когда онъ потребовалъ казначея, я спросилъ, зачѣмъ, желая сказать, что мнѣ нужнѣе въ сіе время, но онъ сказалъ, что казначея зоветь взять благословеніе, и я угощенъ былъ только поклономъ казначея и съ тѣмъ возвратился въ городъ. Надобно замѣтить, что непосредственно предъ симъ, въ архіерейскомъ домѣ и въ Софійскомъ соборѣ, приняли меня церемоніальнѣе прежняго, и, когда уклонялся отъ сего, о. Фотій сказалъ, что то дѣлается по волѣ Владыки.

Изъ сего повѣствованія можно заключить, сильно ли подозрѣніе о пристрастіи моемъ къ Юрьеву послѣ посѣщенія.

Но что значить сіе приключеніе?—По закону подозрѣнія тотчасъ можно протолковать оное тѣмъ, что настоятель хотѣлъ показать братіи пренебреженіе, съ которымъ меня принимаетъ. Не правда ли, что сіе толкованіе сходно съ обстоятельствами?

Однако, я думаю, что грѣшно было бы протолковать оное такимъ образомъ, потому что о. Фотій въ другихъ случаяхъ того же времени оказывалъ мнѣ много вниманія. Что же думать? Мнѣ кажется вѣрнымъ только то, что новгородская премудрость для меня непонятна.

Съ симъ примѣромъ обратился къ вашимъ приключеніямъ на двадцати шести страницахъ. Вы все толкуете по закону подозрѣнія и выводите ужасы. А, можетъ быть, все дѣло состоитъ въ томъ, что вы не понимаете людей, которыхъ вините. Напримѣръ, о васъ сказали, что вы не знаете о. Фотія, и вы ужасаетесь, думая, что такъ безстыдно лгутъ. А, можетъ быть, хотѣли сказать не то, что вы не узнаете его въ глаза, но то, что вы не знаете его духа, не понимаете его, смотрите на него поверхностно: въ такомъ случаѣ лжи никакой нѣтъ.

Не берусь толковать все, и нѣтъ возможности. Но предположимъ, что духовный отецъ сказалъ духовной дочери: не мѣшайся въ сіе дѣло, котораго ты не понимаешь ни въ томъ отношеніи, сколько оно право или неправо, ни въ томъ, какъ оное поправить; Богъ сдѣлаетъ то, что Ему угодно. Разумѣется, что она повиновалась, не умствуя. Въ семъ случаѣ можно рассуждать, не ошибся ли наставляющій или повинующаяся; но враговъ тутъ вовсе нѣтъ. Вы скажете: да изъ какого источника произошло сіе наставленіе? Пусть отвѣчаетъ на сіе тотъ, кто думаетъ быть сердцевѣдцемъ, нашъ Богъ; а я понимаю совѣтъ апостола: *не быть судьями на нынѣшней землѣ.*

Возьмите въ разсужденіе и сіе: не почитая врага врагомъ, вы ничего не теряете ни теперь, ни послѣ, кромѣ того, что теряете вражду и пріобрѣтаете любовь; а если не врага почитаете врагомъ, вамъ приведется отвѣчать за сіе на судъ Божию.

Въ письмѣ отъ 3-го іюня 1825 г. — относительно броженій среди молодежи митрополитъ замѣчаетъ: «Вѣсти изъ Петербурга, не однимъ путемъ дошедшія, показываютъ, что тамъ между нѣкоторыми людьми теперешнее состояніе

походить на время послѣ пожара: огонь угасаетъ, смрадъ продолжается; иное изломано, иное не на мѣстѣ, иное очернено.

Да дасть Господь свѣтъ и миръ каждому и всѣмъ.

Чтобы не тяготиться опасеніемъ внезапностей, да взыщемъ не чловѣковъ такъ же, какъ и мы, подверженныхъ внезапностямъ, но Бога, у Котораго нѣтъ ни внезапностей, ни переменъ, но всегдашняя безопасность и вѣчное спасеніе, чего и да сподобитъ Онъ насъ. Своею помощію благодатною».

7 сентября 1825 года митрополитъ на увѣдомленіе Новосильцевой, что ея сынъ сталъ отдаляться отъ Черновой писалъ: «Благословенъ Богъ, дающій молитву и приѣмлющій, научающій терпѣнію и награждающій оное, паче упованія исполняющій по упованію, дающій искушеніе и творящій избытіе отъ искушенія! Отъ всего сердца сорадуюсь, что трудный и многосплетенный узелъ такъ совершенно разрѣшился. Дѣло кончилось точно лучше лучшей надежды, какую по нему имѣть можно было. Должно благодарить Бога и благодарить дѣломъ, то-есть, надобно, чтобы юноша, испытавшій трудныя для него и для другихъ послѣдствія необдуманнаго поступка, поставилъ себѣ твердымъ правиломъ не поступать опрометчиво, наипаче въ дѣлахъ, надъ которыми есть сколько священная, столько и любезная власть родительская и которыхъ послѣдствія простираются могутъ на жизнь и потомство. Радуюсь, видя надежду вашу, по его настоящему расположенію, что онъ и примѣнилъ сіе правило.

Да благословитъ Богъ будущее паче прошедшаго! Ибо и надлежитъ чловѣку возрастать въ способности принимать благословенія Божіи».

Когда же митрополитомъ было получено извѣстіе о смерти сына Новосильцевой, то онъ 21 сентября писалъ изъ Лавры: «Богъ терпѣнія и утѣшенія да даруетъ рабъ Своей не изнемочь въ подвигъ терпѣнія и да пошлетъ Свое утѣшеніе въ скорби, въ которой чловѣчскія утѣ-

шенія изнемогають! — Матерь Распятого за насъ, испытавшая величайшую изъ скорбей Матери, да приметъ молитву скорбящей матери, дабы принести оную къ престолу Своего Сына и Бога.

Послѣ перваго, частію печальнаго, частію еще болѣе угрожающаго извѣстія (по которомъ я тотчасъ писалъ къ вамъ), вчера имѣлъ я извѣстіе, которое совершенно меня утѣшило, именно, что онъ поспѣшно, по собственному побужденію, искалъ христіанскаго утѣшенія и получилъ оное, и что въ роковомъ дѣйствиіи отнюдь не имѣлъ враждебнаго намѣренія, и поступилъ только такъ, какъ необходимо требовалъ или законъ сохраненія себя, или предразсудокъ, по несчастью господствующій не менѣе закона. При семъ я думалъ: или онъ будетъ жить, или христіяниномъ перейдетъ отсюда. На что говорить о нынѣшнемъ извѣстіи? Что угодно было Владычествуящему жизни, то исполнилось. Никакая скорбь сего не перемѣнитъ. Какъ бы то ни было, поистинѣ великое утѣшеніе, что имѣемъ право и надежду молиться за отшедшаго Богу живыхъ, Богу кающихся, Богу ядущихъ плоть и пьющихъ кровь Сына Божія.

Если что еще, по моему мнѣнію, можетъ способствовать вашему утѣшенію, то сіе:—простить всѣхъ, особенно... но я отложу до времени мысль, которая идетъ мнѣ навстрѣчу, но которой вы еще, можетъ-быть, не пойдете навстрѣчу. А что всѣхъ простите, въ томъ я и увѣренъ.

Здѣсь всѣ слышашіе приемятъ въ васъ участіе, а ближайшіе желали бы быть ближе къ вамъ, чтобы раздѣлять бремя скорби. Да подкрѣпитъ васъ Богъ въ силахъ, для возвращенія къ намъ. Ему васъ паки и паки вручаю.

Затѣмъ 24 декабря онъ писалъ: «Утѣшаетъ меня то, что вы стараетесь примѣчать на одеждѣ души пятна, требующія очищенія. Кровь, пролитая за насъ на Голгофѣ, да коснется ихъ и да очиститъ душу, да разрѣшитъ ее отъ связующей одежды тьмы и да явитъ, наконецъ, въ одеждѣ свѣта.

Не имѣю времени дѣлать замѣчанія на частные случаи письма вашего. Вообще, представляю вамъ на размышленіе, не много ли еще живете вы умершимъ. А то вѣрно, что надобно подвигаться болѣе и болѣе жить Богомъ».

1831 года 28 февраля, по поводу смерти отца Новосильцевой, графа Владиміра Григорьевича Орлова, митрополитъ писалъ: «Миръ преставляшагося душѣ!—Соберите силы вашей души, чтобы съ миромъ предать его въ руки Господни. Думаю, трудны были послѣдніе дни его; но должно уповать, что въ семь состояніи сокрыто было полезное для души, благовременно напутствованной Святымъ Тайнствомъ. Полагаю, вы утомлены: дайте себѣ покой въ тихой молитвѣ и въ упованіи на Умершаго за насъ и ради насъ Воскресшаго. Не пишите мнѣ отвѣта, а прикажите сказать посылаемому о здоровьѣ вашемъ».

По поводу біографическаго очерка В. Г. Орлова, который Новосильцева представила митрополиту, онъ, отсылая рукопись 23 марта, писалъ: «Возвращаю записку о преставльшемся. На пути біографіи русскаго добродѣтельнаго вельможи, Руссо и Вольтеръ не самые свѣтлые фонари, хотя сочинитель и говорить, что одинъ свѣтлѣе другого. А что написано о домашней жизни и управленіи, то подлинно хорошо».

Возьмите осторожность. Лисица, которую Вы не довольно благосклонно назвали рыжею, многими причинами защищаетъ свое достоинство и никакъ не желаетъ уступить мѣсто никакой другой и никакому звѣрю. Прошу не принимать труда безполезнаго, принявъ мою благодарность за намѣреніе и конецъ дѣлу».

Послѣднее письмо митрополита къ Новосильцевой было отъ 26 сентября 1849 г., т.-е. за 35 дней до ея смерти: «Благословеніе отъ дома Пресвятыя Троицы и отъ Преподобнаго Сергія да придетъ и да почіетъ на Васъ. Знаменіемъ сего да будетъ препровождаемая при семь икона. Мы праздновали, по милости Божіей, благополучно. Теперь смотрю въ Москву, хотя пребываніе въ Лаврѣ и желалось бы продлить».

Всѣ письма митрополита дышать вообще живѣйшимъ интересомъ и вполне обрисовываютъ великую личность автора. Намъ надо ждать обнародованія и писемъ самой Е. В. Новосильцевой; тогда и письма митрополита Филарета будутъ еще болѣе интересны.

Ан. Титовъ.

Ростовъ Великій.

„НАПУТСТВІЕ“.

(Рѣчь къ воспитанницамъ московской 4-й женской гимназіи, окончившимъ курсъ ученія, произнесенная на актѣ 28-го мая 1911-го года).

Прощаясь съ нашими ученицами, въ послѣдней бесѣдѣ я иногда обращался къ нимъ съ увѣщаніемъ твердо хранить истины святой вѣры нашей, которымъ онѣ были научены, и не увлекаться разными лжеученіями, распространяемыми въ обществѣ. Я почиталъ это необходимымъ. Всѣ мы—дѣти нашего времени; всѣ подвержены вреднымъ вліяніямъ и нуждаемся въ оборонѣ противъ главныхъ недуговъ: отрицанія и невѣрія.

Напутствуя васъ, дорогія наши питомицы, всѣми благожеланіями на предстоящую вамъ новую жизнь, обращаюсь и къ вамъ съ тѣмъ же совѣтомъ: будьте, по слову Апостола, *тверды, непоступны въ вѣрѣ*.

Невѣріе, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, въ нынѣшнее время проникаетъ даже и въ низшіе слои народа. Но отъ нѣкоторыхъ невѣрующихъ вы можете слышать такія сужденія: мы желаемъ вѣровать, только мы *ищемъ истины*. Это такъ называемое *богоискательство*.

Но гдѣ же они надѣются обрѣсти истину? Древнее человечество въ теченіе тысячелѣтій трудилось въ разрѣшеніи вѣковыхъ вопросовъ, но принуждено было сознаться въ своемъ безсиліи. Знаменитѣйшій философъ Платонъ послѣ продолжительныхъ изслѣдованій сказалъ, что одна надежда—на сверхъестественное откровеніе. Это откровеніе во всей полнотѣ и дано намъ чрезъ Господа Иисуса

Христа. *Азъ есмь истина*, говорить Онъ. Онъ открылъ намъ все, чего не могли разъяснить безчисленные философскія разсужденія.

Ищутъ истины. Но въ какой же религиозной или философской системѣ предлагается такое возвышенное ученіе о Богѣ единомъ, всесовершеннѣйшемъ, всеправедномъ, премилосердномъ, царствующемъ надъ всѣми созданіями, какое мы обрѣтаемъ въ Божественномъ Откровеніи? Гдѣ такъ успокоительно разрѣшаются эти міровые вопросы: о нашемъ происхожденіи, смыслѣ нашей жизни, нашемъ назначеніи и послѣдней судьбѣ, какъ въ Евангеліи? Гдѣ возвѣщаются такія высокія правила душевной чистоты и непорочности, справедливости въ отношеніи къ нашимъ ближнимъ, любви и милосердія, уничтоженія гордости, эгоизма и всѣхъ низкихъ страстныхъ желаній? До такихъ нравственныхъ требованій никогда не возвышался человѣческій разумъ. Только чрезъ Іисуса Христа мы нашли этотъ идеаль; только Онъ открылъ намъ, какъ мы должны вѣровать и какъ жить. Онъ поистинѣ, какъ Самъ сказалъ, *свѣтъ міру*. А прежде Него и внѣ Его человечество пребывало во тьмѣ и блуждало вдали отъ цѣли. Невѣрующіе закрываютъ глаза предъ свѣтомъ Евангельскаго ученія; не прочь искать истину даже въ буддизмѣ или у Конфуція. Вотъ какое ослѣпленіе! А отъ Евангелія отдаляются. Почему же? Потому, что оно служитъ намъ укоромъ и обличеніемъ нашихъ дѣлъ и расположеній.

Вы слышали, конечно, что нынѣ иные изъ православныхъ христіанъ измѣнили вѣрѣ отцовъ и уклонились въ римскій католицизмъ. Чѣмъ это объясняется? Тѣмъ особенно, что они не знаютъ или не хотятъ знать сущности православія. Не знаютъ, что только православная церковь обладаетъ сокровищемъ истинной вѣры, что только она сохранила во всей чистотѣ и неповрежденности ученіе Іисуса Христа и Апостоловъ, какъ оно изъяснено святыми отцами на вселенскихъ соборахъ. Въ католицизмѣ же не видятъ искаженій древняго ученія церкви,

не видятъ различныхъ папскихъ измышленій, въ которыхъ католичество дошло даже до абсурда, какъ, на примѣръ, въ догматъ о непогрѣшимости папы. Тогда какъ безпристрастные англиканцы и старокатолики ищутъ единенія съ православною церковію, называя святою восточною церковію, открыто свидѣтельствуя, что «свѣтъ съ востока», наши соотечественники увлекаются католицизмомъ. И—что особенно удивительно—кто же совращаетъ ихъ? Іезуиты! Забыли, значитъ, или не знаютъ, кто такіе іезуиты и какими правилами они руководятся.

Есть среди православныхъ христіанъ еще переходящіе въ сектантство, на примѣръ баптизмъ, это — дальнѣйшее развитіе лютеранства. Послѣдователи этого ученія особенно усиливаются распространять его въ городахъ и селеніяхъ.

Подлинно нынѣ—время религіознаго шатанія и броженія. *Да держимъ же*, по заповѣди Апостола, исповѣданіе вѣры неуклонно, не увлекаясь ученіями невѣрія и иновѣрія.

Прот. Д. Пивницкій.

Типы православнаго русскаго духовенства въ свѣтской литературѣ 1911 года.

Не часто встрѣчаются теперь въ беллетристикѣ типы духовенства, которые можно было бы отмѣтить. То—ужь типы черезчуръ каррикатурнаго свойства, то—слишкомъ мелкіе и незначительные, мелькомъ выведенные, то—какъ-будто и положительные, но съ какимъ-то двусмысленнымъ и неопредѣленнымъ отношеніемъ къ нимъ авторовъ. Таковъ именно типъ, выведенный въ рассказѣ Ивана Странника «Безъ трудовъ спасеніе» (*Русская Мысль*, январь 1911 года).

Безъ трудовъ спасеніе—это безусловное послушаніе и смиреніе; такъ говорили въ христіанской древности, такъ говорить и главное дѣйствующее лицо рассказа — отецъ Иларіонъ.

Отецъ Иларіонъ священствовалъ прежде въ глухомъ селѣ петербургской епархіи. Рано овдовѣлъ онъ, и нѣтъ у него дѣтей. Недолго прожилъ онъ и въ селѣ. Молодымъ вдовымъ священникомъ, съ дивнымъ голосомъ и пламенной молитвой, заинтересовалась старушка помѣщица (вѣроятно, очень вліятельная) и устроила его въ Петербургъ, гдѣ онъ быстро приобрѣлъ огромное вліяніе во всѣхъ слояхъ общества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему подарили клочекъ земли на берегу большого озера. Тамъ, несмотря на унылую природу и чахлую растительность, о. Иларіонъ уже построилъ большую церковь и строить еще большую, но постройка ея пока остановилась за недостат-

комъ средствъ,—дома, богадѣльню и больницу. Въ домахъ уже живутъ духовныя дочери о. Иларіона — и изъ аристократокъ, и изъ богатыхъ купчихъ, но изъ богадѣльни разбѣжались уже всѣ старухи, кромѣ параличныхъ, да и въ больницѣ нѣтъ ни больныхъ, ни фельдшера. Нѣтъ на «Мыскѣ» (такъ тазывается мѣстечко) и школы,—отецъ Иларіонъ убѣжденъ, что молитва больше ученія образовываетъ человѣка,—да и дѣтей на Мыскѣ нѣтъ. На Мыскѣ отецъ Иларіонъ позволяетъ селиться постороннимъ и радушно приглашаетъ къ себѣ всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей, въ числѣ которыхъ много высокопоставленныхъ и богатыхъ, и тѣ съ радостью ѣдутъ къ нему, хотя комфорта онъ не признаетъ, и даже шляпки имъ, во время гощенія на Мыскѣ, приходится прятать.

Самая наружность отца Иларіона замѣчательна. Могучій человѣкъ, съ загорѣлымъ лицомъ, съ серебряными кудрями, рано посѣдѣвшими, ибо онъ еще не старъ, онъ кажется библейскимъ патриархомъ. У него небольшіе каріе, но удивительно ясныя глаза и дивная улыбка, и вся фигура его выражаетъ благоговѣніе; въ обращеніи онъ неизмѣнно мягокъ, ровенъ, кротокъ, терпѣливъ и благодушенъ и, какъ хозяинъ, въ высшей степени радушенъ и привѣтливъ. Личность его производитъ необыкновенное обаяніе на окружающихъ; онъ читаетъ мысли ихъ, исцѣляетъ бѣсноватыхъ и кликушъ; при его объясненіи все на Мыскѣ имъ сдѣланное и построенное вдругъ приобретаетъ значительность. Богослуженіе совершаетъ онъ съ свѣтлымъ, строгимъ лицомъ; у него необыкновенный, нѣсколько носовой теноръ. Онъ молится сильно все время, безъ минуты отдыха, и съ силою произноситъ возгласы. Когда онъ не произноситъ возгласовъ и молитвъ, онъ изъ алтаря молится вмѣстѣ съ пѣвчими-любителями и ведетъ весь хоръ, заглушая его. Лицо его свѣтится; искренни воѣ его плавныя, красивыя движенія; онъ Богу справляетъ службу со всѣмъ великолѣпіемъ, съ какимъ только можетъ, старается для Него, не щадя себя. Онъ воспри-

вимааетъ въ себя всю молитву, которую возжегъ въ сердцахъ молящихся, и возноситъ ее. Безъ него ихъ молитва была бы безкрылая.—Нѣсколько иначе совершается все-нощная, въ день праздника, послѣ торжественной обѣдни.

...«Навонецъ, легъ на Мысокъ темный покровъ, освѣжилъ поникшія головы, и безъ благовѣста, будто счастье немногочудной молитвы слѣдовало цѣломудренно скрыть, собрались въ скудно освещенную церковь, развѣстались по угламъ и возлѣ стѣнъ; горѣло лишь нѣсколько лампадъ, и тонкія свѣчи передъ ликами Спасителя и Богоматери казались огненными цвѣточками на бѣлыхъ стѣбелкахъ. Очертанія отца Иларіона почти не было видно... спокойное лицо, благовѣщавшія губы, серебряные волосы на плечахъ, поверхъ эпитрахили. А темная ряса и темный клобукъ (?—очевидно, камилавка) сливались съ окружающей темнотой. Онъ произносилъ слова, какъ всегда, внятно и проникновенно, но не громко, и пѣлъ въ полголоса. Всенощная должна была закончиться акаеистомъ Дѣвъ Маріи, благодареніемъ Матери за безчисленные милости, оказанныя Сыномъ, и отъ этого съ самаго начала служба была проникнута какою-то нѣжностью»...

Послѣ торжественной службы — обѣдь въ домѣ отца Иларіона. И тамъ, «радость, подерѣпленная многолюдною молитвою, продолжалось; обѣдали всѣ вмѣстѣ, всѣ равные, братья и сестры, подъ любовнымъ взглядомъ пастыря, духовнаго отца. И онъ еще возросъ, еще посвѣтлѣлъ: вся сила молитвы, которую онъ внушалъ толпѣ, какъ бы сгустилась въ немъ. Его глаза сверкали, а глаза его духовныхъ дѣтей смотрѣли кротко, невинно»...

Къ 1-му августа на Мысокъ собираются нѣкоторыя духовныя дочери отца Иларіона. Говѣютъ, исповѣдуются у него и въ этотъ день причащаются. На торжественную службу и водосвятіе собирается—приходить и приплываетъ по озеру—немало и богомольцевъ. И вотъ здѣсь происходитъ чудо.

Въ числѣ прислуги на Мыскѣ есть нѣмой, человекъ

могучаго сложенія и страшной физической силы, всецѣло преданный отцу Иларіону. Онъ только нѣмой, но не глухонѣмой—по всей вѣроятности онѣмѣлъ въ дѣтствѣ—слышать и понимаетъ человѣческую рѣчь. Онъ работаетъ безъ устали, исполняя самую трудную и тяжелую работу. Онъ же приготовляетъ для водосвятія на озерѣ плоть съ четвероугольнымъ прорѣзомъ въ яемъ для погруженія креста. Показывая передъ всенощной наканунѣ 1-го августа гостямъ Мысокъ, отецъ Иларіонъ подходитъ съ ними и къ озеру и видитъ, что прорѣзъ въ плоти сдѣланъ слишкомъ великъ. На его вопросъ нѣмой, въ сильномъ смущеніи и дрожа, знаками объясняетъ, что послѣ освященія воды онъ хочетъ броситься въ воду и надѣется получить исцѣленіе, какъ нѣкогда въ виездской купели получали исцѣленіе погрузившіеся въ воду тотчасъ послѣ возмущенія ея ангеломъ. Здѣсь вмѣсто ангела долженъ былъ быть отецъ Иларіонъ съ его сильной, всемогущей молитвой. Печально и съ силой отецъ Иларіонъ вразумляетъ нѣмого.—«Не искушай Господа Бога твоего—говорить онъ.—Неисповѣдимы пути Твои, Господи! Безъ ропота носи крестъ, данный тебѣ отъ Бога. Твоя нѣмая душа, неоскверненная грѣховными словами, въ раю воспоетъ хвалу Всевышнему. По благодати Своей, создавшій тебя отстранилъ на пути твоёмъ самый страшный соблазнъ. Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что выходитъ изъ устъ его. А ты словами не грѣшилъ. Нѣмой, благодари Господа и сейчасъ же задѣлай плоть». Нѣмой повинуется.

На другой день нѣмого не видно совсѣмъ. Оказывается потому, что одна не по разуму усердная поклонница отца Иларіона, изъ излишней предосторожности, заперла на время службы нѣмого въ его жильѣ, деревянномъ чуланчикѣ близъ строящейся церкви, и потомъ забыла о немъ. И вотъ вечеромъ, во время всенощной, на Мыскѣ происходитъ пожаръ: загораются лѣса на строящейся церкви (какой то мужикъ легъ спать на стружкахъ съ папиро-

сой). Отецъ Иларіонъ слышитъ это, но по вѣшности остается совершенно спокойнымъ и продолжаетъ чтеніе акаѳиста. Нѣмой, увидавъ около себя огонь, безъ труда вышибаетъ дверь своего чуланчика и начинаетъ тушить огонь и распорядиться, и къ нему вдругъ возвращается голосъ.

Шотландка, гувернантка одной изъ живущихъ на Мыскѣ барышень, думаетъ, что это простой случай. Нѣмой-де въ дѣтствѣ отъ сильнаго испуга, очень вѣроятно—во время пожара, потерялъ способность говорить, и подобный же испугъ выдѣлчилъ его. Къ этому же, повидимому, склоняется и одна изъ пріѣзжихъ барышень, вообще, хотя и противъ своей воли, какъ-то критически относящаяся ко всему, что происходитъ на Мыскѣ. Но всѣ остальные, какъ живущіе на Мыскѣ, такъ и многочисленные пріѣзжіе, непоколебимо убѣждены, что совершилось чудо, великое чудо. Мысокъ уже переполненъ пріѣзжими; ожидаютъ многіе знатные посѣтители и большія пожертвованія на церковь, которая будетъ достроена. Отецъ Иларіонъ запрещаетъ говорить о чудѣ и, когда о немъ все-таки при немъ упоминаютъ, — только крестится и говорить: надо благодарить Господа. А испѣленнаго нѣмого посылаетъ на нѣсколько недѣль въ монастырь, чтобы онъ никого не смущалъ и не возгордился бы.—Самъ авторъ своего отношенія къ совершившемуся чуду прямо не выражаетъ и прячется за спины своихъ героинь, но очевидно, что шотландка высказываетъ его мысли. Между тѣмъ несомнѣнность чуда очевидна. Отецъ Иларіонъ не рѣшается искушать Господа, но его пламенная молитва совершаетъ то, о чемъ онъ не осмѣлился просить явно.

Въ разсказѣ, въ лицѣ отца Иларіона, кажется, выведенъ одинъ петербургскій протоіерей, недавно скончавшійся (только не отецъ Іоаннъ Кроунштадскій), и возможно, что авторъ передаетъ дѣйствительно бывшій случай. Но, какъ интеллигентъ нашихъ дней, онъ не можетъ отнестись къ нему просто, съ христіанскимъ смиреніемъ и вѣрой.

Типъ либеральнаго сельскаго священника, «реформатора» прихода, выведенъ мимоходомъ въ романѣ Н. Русова «Отчій домъ» (Москва, 1911 года). Отецъ Яковъ Кипарисовъ—высокій, худой человекъ, съ чистымъ, загорѣлымъ лицомъ, спокойными глазами въ золотыхъ очкахъ, русой бородой клинушкой и длинными, прямыми волосами, которые вѣромъ разсыпались по плечамъ, — непыющий и воздержанный и, повидимому, съ академическимъ образованіемъ. вмѣстѣ съ своимъ помѣщикомъ, предводителемъ дворянства, онъ составляетъ проектъ приходскаго самоуправленія, въ духѣ и по рецепту извѣстнаго Папкова,— проектъ, который предводитель намѣренъ провести въ земствѣ и даже думѣ, которой онъ состоитъ членомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ же предводителемъ онъ обноситъ иконой избу старухи, которая тайно торговала водкой, за что получаетъ строгій выговоръ.

Очень хорошій типъ сельскаго священника выведенъ, къ сожалѣнію, тоже лишь мелькомъ, въ рассказѣ Тана, «На Чомскомъ берегу» (*Вѣстникъ Европы* май 1911 г.). Священникъ этотъ хлопочетъ за незинно арестованнаго (въ 1905 году) слѣпнаго старика и беретъ его на поруки, а когда старикъ умираетъ, хоронитъ его и даже пѣвичихъ привозитъ съ собою, а на могилѣ ставитъ памятникъ.

Весьма симпатиченъ также типъ сельскаго псаломщика Ермолаича, одинокаго, тихаго и скромнаго труженика, выведенный въ рассказѣ Вас. Бойкова «Награда» (*Новый журналъ для всѣхъ*, апрѣль 1911 г.). Пятьдесятъ лѣтъ уже служить Ермолаичъ псаломщикомъ. У него большой фруктовый садъ, и Ермолаичъ съ утра и до ночи капается въ немъ. Начиная отъ колючаго кустарника—живой изгороди усадьбы, и кончая роскошными старыми плодовыми деревьями, все было насажено, выращено, выхлено имъ. Ермолаичъ могъ рассказать самымъ обстоятельнымъ образомъ, со всѣми мельчайшими подробностями, жизнь важ-

даго деревца, каждаго кустика... Въ самой серединѣ сада, на круглой полянѣ, стояли красивые ульи для пчелъ. Какъ за малыми дѣтьми... ухаживаль за ними старый дядечекъ, переноса на нихъ всю нѣжность, всю любовь свою... И нужно было видѣть, съ какимъ довѣріемъ и лаской носились мохнатые вокругъ стараго пасѣчника, сидились на плечи къ нему, цѣловали хоботками сѣдую голову его и потѣшались веселымъ, беззаботнымъ жужжаніемъ своимъ... И обласканныя, и накормленныя Ермолаичемъ сытыя пчелки приносили старику медокъ—чистый, какъ росинка, душистый, какъ майское утро... медъ, которымъ Ермолаичъ не столько пользуется самъ, сколько дарить другимъ. Любилъ Ермолаичъ шелестъ деревьевъ, жужжаніе пчелъ, стрекотанье кузнечиковъ... Любилъ тихую, таинственную и задумчивую жизнь сада. И въ церкви такъ же усерденъ и старателенъ Ермолаичъ; а когда строилась въ селѣ новая церковь, онъ принялъ на себя тяжелый трудъ сбора добротныхъ даяній на храмъ, стараясь изо всѣхъ силъ, и болѣлъ душою, мучился и страдалъ, когда тормозилось дѣло, не хватало средствъ...

Жаль только, что общій тонъ разсказа несимпатиченъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ заслуживаетъ упоминанія и даже разбора типъ священника, выведенный въ разсказѣ П. Романова «Отецъ Ѳедоръ» (*Русская Мысль*, июль 1911 г.), но о немъ—до другога раза.

Свящ. Н. Колосовъ.

ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОДИМА, ЕПИСКОПА ЕНИСЕЙСКАГО И КРАСНОЯРСКАГО.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Значительная половина первой части «Записокъ» преосвященнаго Никодима, въ которой онъ описываетъ свою жизнь до окончанія ученія въ Московской Духовной Академіи, была напечатана въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* за 1910 г. А окончаніе этой первой части, съ описаніемъ начала служенія преосвященнаго Никодима въ должности инспектора въ Тульской семинаріи, мной было помѣщено на страницахъ *Тульскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* за 1911 годъ. Приступая теперь къ печатанію второй части «Записокъ» въ *Душеполезномъ Читаніи*, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ этихъ «Запискахъ» и авторѣ ихъ.

Преосвященнѣйшій епископъ Никодимъ родился въ 1803 году 5 сентября въ селѣ Комлевѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губ., отъ дьячка Ив. Ив. Казанцева. Воспитывался сперва въ Звенигородскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Виѣанской семинаріи. Въ Московскую академію поступилъ въ 1826 году и кончилъ курсъ въ 1830 году, 5-мъ магистромъ. Въ 1829 году 31 марта, будучи уже старшимъ студентомъ, постриженъ былъ въ монашество; 5-го іюля посвященъ въ іеродіакона; чрезъ годъ рукоположенъ былъ владыкою Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ, во іеромонаха. По окончаніи курса въ 1830 году, опре-

дѣлень былъ инспекторомъ Тульской семинаріи, вторымъ профессоромъ богословія и обучающимъ еврейскому языку. Въ 1832 году переведень въ Новгородскую семинарію инспекторомъ же и профессоромъ философіи. Въ 1835 г., 17 апрѣля посвященъ былъ въ архимандрита, опредѣлень ректоромъ Вятской семинаріи и настоятелемъ Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря.

Въ 1837 году, по предложенію оберъ-прокурора, комиссія духовныхъ училищъ предписала всѣмъ ректорамъ написать свободно, по разумѣнію каждаго, богословскій конспектъ. Поданный конспектъ отъ покойнаго преосвященнаго владыкою Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ, былъ одобренъ, и объ авторѣ его дано было мнѣніе въ тогдашнюю комиссію духовныхъ училищъ столь для него выгодное и интересное, что онъ поставлень былъ выше и бойчѣе прочихъ ректоровъ того времени. Это было причиною вызова, по высочайшему повелѣнію, преосвященнаго Никодима въ Петербургъ, въ распоряженіе г. прокурора, для занятій по преобразованію духовнаго ученія и управленія. Въ распоряженіяхъ г. оберъ-прокурора находился съ 15 іюня 1838 года по 1 іюля 1839 года. Оставаясь частію въ распоряженіяхъ г. оберъ-прокурора, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣлень на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, каковую службу продолжалъ два года. Затѣмъ опредѣлень былъ ректоромъ въ Херсонскую семинарію, что въ г. Одессѣ, и настоятелемъ Одесскаго Успенскаго монастыря, куда прибылъ 5-го октября 1841 года. Въ 1845 году перемѣщенъ былъ въ Курскую семинарію, что въ г. Вѣлгородѣ, ректоромъ же и настоятелемъ Рыльскаго Николаевскаго монастыря. Въ 1850 году переведень ректоромъ же въ Ярославскую семинарію съ назначеніемъ въ управленіе Ростовскаго Боговленскаго Аврааміева монастыря. Въ 1854 году указомъ Св. Синода былъ вторично вызванъ въ С.-Петербургъ для исправленія чреды священнослуженія и проповѣди слова Божія. Въ этомъ же году 29 января Св. Си-

нодомъ избранъ и 30-го высочайше утвержденъ въ епископа Чебоксарскаго, викарія Казанской епархіи. Во епископа хиротонисанъ 14-го февраля того же 1854 года С.-Петербургскимъ митрополитомъ Никаноромъ въ соучастіи пяти архіереевъ. Въ Казань прибылъ 21-го марта и водворился въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ и прожилъ почти семь лѣтъ до 1861 года, при двухъ архіепископахъ Казанскихъ, Григоріи и Аѳанасіи. Въ 1859 году, по распоряженію Св. Синода, въ теченіе десяти мѣсяцевъ, управлялъ Вятскою епархіею по случаю отбытія въ Синодъ Елпидифора, епископа Вятскаго. Наконецъ, въ 1861 году по высочайшему повелѣнію на докладѣ Св. Синода назначенъ въ новооткрытую Енисейскую епархію епископомъ, съ помѣщеніемъ архіерейской кафедрѣ въ г. Красноярскѣ, куда покойный преосвященный прибылъ 5-го января 1862 года. Въ это жестокое морозами время, ѣхавши почти всегда день и ночь, преосвященный получилъ страшный ревматизмъ, который мучилъ его во все остальное время жизни его. Въ 1870 году, согласно прошенію, по разстроенному здоровью, высочайше уволенъ отъ правленія епархіею съ дозволеніемъ помѣститься въ одномъ изъ монастырей Московской епархіи по соглашенію съ митрополитомъ Московскимъ. Таковымъ монастыремъ избранъ Перервинскій Николаевскій монастырь, въ окрестностяхъ Москвы, куда преосвященный прибылъ въ первыхъ числахъ августа 1870 года и гдѣ жилъ на покой до послѣдняго времени, никуда, кромѣ Москвы, и то изрѣдка, не выѣзжая. 19-го мая сего года преосвященный совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ безъ всякаго предупрежденія, пріѣхалъ въ Дмитровъ и хотѣлъ было на свободномъ воздухѣ, въ кругу родныхъ, полечиться. Но водянка, развившаяся до послѣднихъ предѣловъ, въ соединеніи съ болѣзнію ноги, до того изнурили слабыя силы его, что не было никакой возможности поддержать здоровье его, что хорошо сознавалъ и самъ покойный преосвященный, хотя докторъ, по приглашенію его, и навѣ-

щаль почти каждый день.—За 2½ часа до смерти своей преосвященный приобщился самъ по себѣ св. Христовыхъ Таинъ, которыя принесены были къ нему изъ соборной церкви, послѣ литургіи, въ спокойномъ духѣ выслушалъ благодарственныя молитвы, пропѣлъ, впрочемъ едва слышно, нѣсколько стиховъ изъ псалма и чрезъ 1½ часа, восхвалявъ и прославивъ Бога, тихо и покойно предалъ Ему духъ свой.

Состоянія послѣ себя покойный преосвященный, при своей ангельской добротѣ и простотѣ сердца, не оставилъ почти никакого, кромѣ богатой библіотеки, содержащей въ себѣ очень много его собственныхъ рукописныхъ сочиненій. Всѣ сочиненія его, равно и книги, завѣщаны въ библіотеку Красноярскаго кафедральнаго собора.

Таковъ былъ преосвященный Никодимъ, судя по некрологу его, напечатанному въ *Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (1874 г., № 33) о. Михаиломъ Добросравовымъ, составленному имъ на основаніи формуляра и отчасти «Записокъ» покойнаго.

«Записки» преосвященнаго Никодима, находящіяся въ моей библіотекѣ, составляютъ семь томовъ. Онѣ представляютъ собою дневникъ, куда преосвященный записывалъ все видѣнное, слышанное и пережитое имъ. Онѣ полны глубокаго интереса для любителей старины, особенно же для историковъ семинарій, въ которыхъ служилъ покойный; а также для тѣхъ, кто занимается бытописаніемъ нравовъ духовенства минувшей эпохи. Въ нихъ же, кромѣ матеріаловъ, имѣющихъ личный характеръ, встрѣчаются мѣста, цѣлыя страницы, очень интересныя и для большой публики. «Записки» проливаютъ яркій свѣтъ на внутреннюю жизнь нашего духовенства, въ особенности ученаго духовенства, и изображаютъ дѣятелей духовнаго просвѣщенія и состояніе учебныхъ заведеній, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ они были три четверти вѣка тому назадъ.

Въ своихъ «Запискахъ» преосвященный Никодимъ ва-

сается и событій государственной и общественной жизни, поскольку они имѣли такое или иное отношеніе къ духовной средѣ. Въ этихъ случаяхъ онъ высказываетъ всюду довольно правильный взглядъ на вещи и дѣла и даетъ вѣрную оцѣнку событій и характеристику людей, которыхъ онъ зналъ и съ которыми ему, по необходимости и по своему служебному положенію, приходилось сталкиваться.

Что касается самого автора «Записокъ», то изъ нихъ видно, что это была далеко незаурядная личность, обладавшая большими способностями, которымъ, къ сожалѣнію, такъ и не суждено было проявиться въ полной мѣрѣ и найти себѣ должное примѣненіе. Конечно, не легко на основаніи однихъ только мемуаровъ нарисовать полный образъ достойнаго лучшей участи духовнаго дѣятеля, во все же «Записки» даютъ достаточно данныхъ, которые рисуютъ личность преосвященнаго Никодима довольно рельефно. Человѣкъ крайне болѣзненный, впечатлительный, нервный, мнительный, гдѣ бы онъ ни былъ тосковавшій по своей родинѣ и въ своемъ одиночествѣ только и думавшій о своихъ родныхъ, онъ не могъ подолгу оставаться на мѣстахъ своего служенія и часто мѣнялъ ихъ. Достаточно сказать, что преосвященный Никодимъ дважды былъ инспекторомъ Тульской семинаріи и почти двадцать лѣтъ служилъ ректоромъ въ другихъ городахъ. Во время своей продолжительной службы, ему, вслѣдствіе его нервнаго, неподатливаго характера, приходилось имѣть серьезныя столкновенія не только съ обыкновенными смертными, но и со столпами высшей духовной іерархіи. Такъ одинъ изъ его біографовъ, архимандритъ Григорій Воиновъ, говоритъ, что преосвященный Никодимъ рѣзко отзывался о нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ іерархахъ, почему служба его, въ смыслѣ движенія впередъ, была, можно сказать, очень неудачна. Занятіемъ вновь открывшейся, отдаленной Евсейской епископской кафедрой и закончились служебныя скитанія автора «Записокъ».

Преосвященный Никодимъ скончался 11 іюня 1874 г.,

въ 2 часа дня, въ Дмитровѣ, въ домѣ своего зятя, протоіерея Георгія Кирилловича Добронравова, на рукахъ своей сестры Маріи Ивановны, жены протоіерея. Погребеніе было совершено преосвященнымъ Леонидомъ, епископомъ Дмитровскимъ въ Дмитровскомъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ тѣло покойнаго погребено въ придѣлѣ св. Митрофана Воронежскаго.

Ан. Титовъ.

Ростовъ Великій.

ЧАСТЬ II.

Изъ Тулы я выѣхалъ 15 мая 1832 года въ воскресенье. Меня провожала вся семинарія и ректоръ о. Стефанъ за Тулу до роши. Тутъ мы простились. Я плакалъ, не знаю о чемъ.

Я ѣхалъ съ матушкой. Она у меня въ то время гостила.

Время было прекрасное; дни теплые, ясные. Но я былъ чуть живой!

Приѣхали въ Москву 17-го числа около полудня.

Проѣзжая Москвой отъ Серпуховскихъ воротъ до Новой слободы (гдѣ мой дядюшка), всего верстъ восемь, я испекся солнцемъ: оно мнѣ было почти въ глаза. Притомъ, изъ любопытства, я не могъ сидѣть въ кибиткѣ, сидѣлъ на облучкѣ.

У дядюшки уже собрались на встрѣчу меня: батюшка съ сестрой Машей, братъ Михайла Ивановичъ (еще свѣтскій), Иванъ Сергѣевичъ съ женой (мои двоюродные).

Меня встрѣтили съ восторгомъ и слезами. Они видѣли въ моемъ перемѣщеніи небольшое повышеніе. Вечеромъ мы отправились въ приходъ къ Спасу въ Наливки, къ діакону, за котораго отдана Аннушка, дочь дядюшки Николая. Тутъ мнѣ тоже весьма рады. Здѣсь мнѣ сдѣлалось весьма дурно.

Холера!—подумалъ я,—и померкъ душою.

Меня стали лѣчить какими-то каплями. Я боюсь. Разговариваютъ, веселятъ—я пониже!

Ночью мы воротились въ Новую Слободу. Слава Богу, ночь провелъ я порядочно.

На другой день (это была среда предъ Вознесеніемъ), матушка будила меня къ заутренѣ. Я не пошелъ отъ немощи. Матушка досадовала. Въ Вознесеніе я пошелъ въ Московскую семинарію. Стоялъ обѣдню въ алтарѣ. Ректоръ Виталій съ инспекторомъ Іосифомъ ¹⁾ служили.

Послѣ обѣдни къ ректору. Къ нему пришла какая-то графиня, старушка съ двумя дочками: одна вдова лѣтъ 30, другая дѣвица лѣтъ 26.

Вдова, разговаривая съ отцомъ ректоромъ и защищая театръ, вдругъ пришла въ какое-то изступленіе: взвизнула, вскочила, начала выражать столь обаятельныя нѣжности, что я стыдился. Вдова еще молода и весьма красива.

Дѣвица разговаривала съ нами (съ инспекторами).

Помню я сказалъ ей: «Вамъ пора замужъ!»—Она: «Помилуйте! мнѣ всего двадцать шесть лѣтъ. Къ чему спѣшить? Надобно порадоваться дѣвицею». (Это, по моему, значить любезничать и мучить себя и мужчинъ). Еще она жаловалась намъ, что маменька къ ней строга, даетъ ей на туалетъ всего тысячу рублей въ мѣсяцъ. Не знаю, если она не шутила, то я дивлюсь безумію матери. На что дѣвушка, живущей въ домѣ матери, тысяча рублей въ мѣсяцъ?

Удивили меня эти гости. А мать между тѣмъ считается весьма благочестивою, весьма часто ѣздитъ въ церковь.

Отецъ ректоръ оставилъ меня у себя обѣдать, былъ весьма ласковъ, утѣшалъ меня.

Онъ—тульскій ²⁾. Сынъ одного протоіерея въ Одоевѣ.

¹⁾ Іосифъ Богословскій—1842 Еп. Дмитровскій, 1849 Оренбургскій, 1853 Воронежскій, 1860 г. Архіепископъ. Уволенъ на покой въ митроф. мон.; ослѣпъ.... сконч. 1892 г.

А. Т.

²⁾ Виталій Щепетевъ—магистръ V курса Спб. акад., ректоръ моск. акад.: 1833 Спб. ак., 1837 г. Еп. Дмитровскій, 1842 Костромской, 1845 уволенъ на покой съ назначеніемъ присутствовать въ Моск. Синод. конт. Скончался 1846 г.

А. Т.

Его сестра за профессоромъ въ Тулѣ, моимъ товарищемъ. (Иванъ Михайловичъ Смирновъ).

На память святителя Алексѣя (20 числа) я былъ въ Чудовѣ монастырѣ. Литургію служилъ викарій Николай ¹⁾ (нынѣ Калужскій), чуть живой. Говорилъ проповѣдь.

Чудакакъ! Онъ былъ ректоромъ въ Иркутскѣ и настоятелемъ монастыря, гдѣ почиваетъ святитель Иннокентій Иркутскій. Тамъ онъ говаривалъ проповѣди на день сего угодника. Здѣсь въ Москвѣ онъ, вѣроятно, сказалъ иркутскую проповѣдь, потому что въ обращеніи къ Угоднику называлъ его: «Святителю Иннокентіе!» «Это было конфузно. Ему говорятъ: «Алексіе!»—Нѣтъ опять: «Иннокентіе»!

Онъ меня тутъ же позвалъ на чашку чаю. Спрашивалъ, давно ли въ Москвѣ и скоро ли поѣду. Убѣждалъ меня ѣхать немедленно. Тутъ же съ негодованіемъ рассказывалъ, что мой будущій ректоръ Новгородскій ²⁾, почти въ одно время проѣзжавшій чрезъ Москву изъ Бѣлгорода, втерся къ нему на квартиру, тогда какъ въ Москвѣ есть семинарія и при томъ десять монастырей.

Стоявши обѣдню въ дверяхъ (изъ одного алтаря въ другой), я почувствовалъ сильный ознобъ: меня продулъ сквозной вѣтеръ. Зашелъ къ ризничему. Меня проняла лихорадка. Спасибо, стаканомъ крѣпкаго пунша спасся.

Однако, лежа у отца ректора подъ шубой, я горько проплакалъ, воображая, что я съ такимъ ничтожнымъ здоровьемъ долженъ буду ѣхать на должность на чужбину.

Былъ на митрополичьемъ подворьѣ: обошелъ всѣ его комнаты.

Въ Москвѣ я прожилъ до 25 числа, частью по немощамъ, а больше дожидаясь митрополита. (Онъ еще не

¹⁾ Соколовъ... убитъ въ экипажѣ отъ быстрой ѣзды въ объѣздъ по епархіи въ 1851 г. 17 сентября; былъ ректоромъ Тамбовской семинаріи, 1831 еп. Дмитровск., 1834 Калужск.

²⁾ Израиль, нетрезвый, давно покойникъ.

пріѣхалъ изъ Петербурга). Однако не могъ дожидаться и около полудня 25-го отправился въ путь со слезами и тайной тоской.

Меня родные провожали до роши, что у Петровскаго дворца. Тутъ въ рошѣ мы чего-то выпили. Иванъ Сергѣевичъ (онъ уже скончался, царство ему небесное!) меня просилъ возлагать во всемъ надежду на Бога. Говорилъ: «При въѣздѣ въ Новгородъ, отслужи молебень въ первой церкви, и будешь счастливъ!»—вотъ добрый совѣтъ! Жаль, его нельзя было исполнить: а) потому, что я одинъ, нельзя бросить повозку; б) потому, что опасался прослыть святошею ¹⁾. Конечно, узнали бы, что я—инспекторъ.

Сестра Маша была еще дѣвица, но уже просватанная за тульского семинариста. Миѣ ее было жаль. Я съ ней прощался съ горестію. Брату Михайлѣ наказывалъ попенчись о сестрѣ, особенно прискивать всѣми способами денегъ ей въ награду. Спасибо! братъ поступилъ пре- благородно. Онъ пожертвовалъ ей до 500 рублей и самъ остался безъ полушки. Простясь съ родными, я поѣхалъ одинъ. Сердце замерло! я не смѣлъ и плакать.

Отѣхавъ отъ другой станціи версты двѣ, я встрѣтился съ митрополитомъ. Слезы побатились. Я пожалѣлъ, что не могъ увидѣть его (а для чего, право не знаю), и поѣхалъ далѣе.

Ѣхалъ и ночь. Въ Клинь пріѣхалъ около сумерекъ, а около полудня на другой день былъ въ Твери.

Здѣсь только пообедалъ на станціи и поѣхалъ. Не доѣзжая до Торжка 12 верстъ, миѣ надобно было своротить влѣво съ версту въ село къ священнику, который есть зять Тульского профессора Михаила Абрамовича Воскре-

¹⁾ Потому что Антоніевъ монастырь, гдѣ семинарія, вправо отъ города, не доѣзжая его. Примѣчательно однако же, что первая церковь въ Новгородѣ—святаго Никиты, и я былъ *Никита*. Живя въ Новгородѣ, я всегда проѣзжалъ мимо сей церкви съ особымъ чувствомъ.

сенскаго ¹⁾). Насилу уговорилъ ямщика за рубль серебромъ. Такъ русскіе мужики грубіяны и низки!

Тутъ мнѣ были весьма рады. Я имъ привезъ поклонъ отъ Михаила Абрамовича. Сестра его еще молодая женщина, красивая и предобрая. У нихъ уже трое или еще четверо дѣтей.

Покормили меня и положили спать на пуховой перинѣ. Я уснулъ мертвымъ сномъ. Проспалъ до 9 часовъ. Это меня такъ поправило, что я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ.

Отблагодаривъ ихъ, я поѣхалъ бодро далѣе. Къ вечеру пріѣхалъ въ Волочекъ. Тутъ ямщикъ уговорилъ меня ѣхать съ нимъ на вольныхъ въ ночь. Я согласился. Утромъ мы были уже въ Валдаѣ, или Зимогорьѣ.

Здѣсь я восхитился видомъ озера, среди котораго на островѣ Иверскій монастырь.

Я уговорилъ ямщика запретъ лошадь въ простую телегу и меня свозить въ тотъ монастырь.

Мы пріѣхали къ обѣднѣ. Вхожу въ монастырь, — навстрѣчу мнѣ монахъ. Спрашиваю: «Въ какой церкви служить?» Молчать. Я въ другой разъ. Опять молчать. Мнѣ стало досадно. (Послѣ узналъ, что онъ молчитъ по обѣту). Обѣдню слушалъ съ умиленіемъ. Служать благоговѣнно и стоять весьма благочинно.

Послѣ обѣдни меня зазвалъ въ келью какой-то іеродіаконъ. Не помню разговоръ. Но что то интересно. Келья прекрасная, и въ ней аккуратно.

Монастырь мнѣ весьма понравился. Кругомъ вода — натуральная защита отъ міра.

На островѣ лѣсъ строевой. Островъ продолговатъ, но узокъ, въ длину версты три, въ ширину полверсты. Монастырь на задней части острова.

Прекрасная прогулка и мѣсто уединенія для монаховъ!

¹⁾ Ныѣ вице-директоръ Канцеляріи оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. (1867).

Монастырь сей основанъ патриархомъ Никономъ, его коштомъ. Образъ Иверскія Божія Матери, писанный на Аѳонской горѣ и обложенный золотой ризой, здѣсь почитается особой святыней. Я къ нему прикладывался и читалъ надпись.

Въ теперешнемъ благолѣпномъ видѣ монастырь устроенъ архимандритомъ Герасимомъ Гайдуковымъ, который за два или три года передъ симъ скончался.

Его въ Новгородѣ мнѣ бранили. Но я его весьма уважаю: а) за отличное устройство монастыря; б) за введеніе благочинія; в) я, будучи еще семинаристомъ, видѣлъ его въ Москвѣ, слушалъ его богослуженіе въ церкви Новгородскаго подворья и былъ въ это время, яко на небеси.

Молчащій монахъ, съ которымъ я встрѣтился, родной братъ сего достойнаго архимандрита.

Съ веселіемъ я возвратился на станцію. Пообѣдалъ и поѣхалъ далѣе.

Вечеромъ я пріѣхалъ въ Крестцы. Было около семи часовъ. Оставивъ повозку на постояломъ дворѣ, я тотчасъ пошелъ въ церковь ко всенощной (На другой день былъ Троицынъ день). Взшелъ въ церковь и удивился. Нѣтъ никого, пустая церковь! Было величаніе.

Послѣ всенощной меня позвалъ къ себѣ протоіерей.

Пошли. Напился у него чаю. Я спросилъ: «Почему нѣтъ никого въ церкви въ такой великій праздникъ? а притомъ у васъ во всемъ городѣ одна церковь». Отецъ протоіерей сквозь слезы сказалъ: «Весь городъ—раскольники!» Это ужасно. Послѣ я точно узналъ, что здѣсь поголовный расколъ.

Пришедши на постоялый дворъ и расположась здѣсь ночевать, по ревности я началъ обличать раскольниковъ, укоряя ихъ, что они оставили святую церковь. Раскольники слушали хладно.

На другой день (29 мая) утромъ я опять пустился въ путь, бывъ обнадеженъ ямщикомъ, что мы пріѣдемъ на станцію, гдѣ есть церковь (мнѣ хотѣлось въ день Святой

Троицы быть у литургіи). Обмануль дуракъ, и я остался безъ обѣдни.

Въ селѣ Зайцевѣ, откуда былъ ямщикъ, я былъ около 10 часовъ. Тутъ опять раскольники. У нихъ часовня и богослуженіе. Я пошелъ изъ любопытства. Тѣснота ужасная. Что-то бормочуть мужики. Я пошелъ назадъ.

Этому ямщику я продалъ свою повозку. Бездѣльный! онъ меня обмануль: не додалъ 20 рублей или болѣе.

Около 6 часовъ вечера я пріѣхалъ въ Антоніевъ монастырь, гдѣ Новгородская семинарія, мѣсто моей будущей службы.

Ректоръ меня встрѣтилъ на улицѣ и позвалъ тотчасъ къ себѣ. У него (безъ одного) всѣ профессора. Я заразъ со всѣми познакомился.

Мой предмѣстникъ Елпидифоръ ¹⁾, произведенный уже въ архимандрита и назначенный ректоромъ въ Бѣлгородъ (на мѣсто настоящаго ректора), еще не уѣхалъ. Мнѣ дали другія комнаты.

На другой день отецъ ректоръ поѣхалъ со мной для представленія меня къ преосвященному. Не нашли его въ Новгородѣ: онъ былъ въ монастырѣ Хутынскомъ. Отецъ ректоръ повезъ меня къ отцу Фотію въ Юрьевъ монастырь. Отецъ Фотій принялъ меня хорошо, но больше поразилъ меня собою. Въ немъ я увидѣлъ юродиваго для цѣлей, конечно, религіозныхъ, но котораго постигнуть мудрено.

Тутъ же я увидѣлъ графиню Анну Алексѣевну Орлову-Чесмеянскую. Эта умница сдѣлала изъ себя самую покорную и смиренную послушницу отца Фотія, не теряя, впрочемъ, благородства вельможи. Она меня обласкала матерински. Въ это время мнѣ подарила она, по благо-

¹⁾ Елпидифоръ Бенедиктовъ—святъ святи, ярославецъ. 1842 г. Ениск. Острогосжскій, 1848 Харьковский, въ этомъ же году Подольскій, 1851 Вятскій, 7 янв. 1860 Архіеп. Таврическій, 25 мая уволенъ на покой, сконч. 31 мая 1860 г.

словенію отца Фотія, кресту на глобуку и двѣ штуки матеріи богатой на рясу и на подрясникъ. (Ряса и теперь еще цѣла).

Послѣ я увидѣлъ и преосвященнаго. Простой и притомъ недалекій человекъ. Ко мнѣ былъ добръ. Это Тимоѳей Кетлеревъ, нынѣ епископъ Смоленскій ¹⁾.

Отсель началась моя жизнь и служба въ Новгородской семинаріи, едва ли не горестнѣйшая прочихъ.

Сперва скажу о нашихъ предшественникахъ. Ректоромъ до насъ былъ Иліодоръ, избранный въ то время и посвященный во епископа въ Курскъ ²⁾. Онъ тамъ и досель. Онъ здѣсь былъ ректоромъ не мало времени. Новгородцы, ненавидящіе москалей по одному имени, (это я испыталъ самъ и знаю), были, какъ обыкновенно, неблагодарны противъ отца ректора. Но я, смотря на его дѣла, видѣлъ въ немъ человека точнаго, усерднаго по совѣсти, просвѣщеннаго и съ доброю душою. Маленько только, кажется, былъ тщеславенъ. Но кто совершенъ на землѣ во всемъ?

Инспекторъ, іеромонахъ Елпидифоръ ³⁾, (нынѣ викарій Воронежскій) молодой монахъ, отлично ловкій и расторопный, по должностямъ аккуратный, смѣтливый и совершенно исправный. Только, кажется, нѣсколько жестовъ.

Онъ съ своимъ ректоромъ жилъ очень дружно,—оттого

¹⁾ Пр. Тимоѳей, сынъ священника Смоленской епархіи, род. 1780 г., постриженъ 1821, ректоръ Харьковской коллегіи 1822 г., епископъ Старорусскій 1828 г., епископъ Смоленскій 1834 г., архіепископъ 1856 г.... уволенъ на покой въ порѣчскую Ордынскую пустынь, гдѣ и скончался въ 1862 г.

²⁾ Скончался въ 1860 году (или около) въ Бѣлгородѣ, на покой. Оставилъ 100,000 рублей.

Иліодоръ Чистяковъ, сынъ Калужскаго священника, магистръ москов. акад., постриженъ 1821 г., инспектор. москов. семинар. 1822 г., ректор. рязанск. сем. 1825 г., Новгород. 1827 г., епископъ Курскій 1832 г., 1844 архіеписк., уволенъ 1860 г. сконч., 1861 г.

³⁾ Скончался въ 1860 году въ маѣ, на чредѣ, изъ Вятки переведенный въ новооткрывшуюся Крымскую епархію—архіепископомъ Симферопольскимъ.

они были весьма сильны. И архіерей долженъ былъ имъ уступить. Семинаристы любили ли ихъ—не знаю, а боялись ужасно.

Порядки, при нихъ бывшіе, были отличны. Дивился ихъ благоразумію и мастерству. Намъ нечего было заводить новаго, слѣдовало только поддерживать старое.

Впрочемъ, образъ мыслей отца Елпидифора мнѣ не показался. Мы даже съ нимъ довольно крупно поспорили, а именно о Петрѣ Великомъ.

Въ это время, какъ я сказалъ, онъ уже былъ архимандритъ и назначенъ ректоромъ въ Курскую семинарію, то-есть туда же, куда произведенъ епископомъ его ректоръ. И это по ходатайству преосвященнаго Иліодора. (Новое доказательство ихъ дружбы благородной). Мнѣ было скорбно, что въ обращеніи со мной онъ хотѣлъ видѣть во мнѣ ребенка, а я съ своей стороны хотѣлъ почти съ нимъ равняться. Выходить—оба были глупы.

Но довольно о другихъ.

Итакъ, съ 29 мая 1832 года (Троицынъ день), я началъ мое житіе въ Новгородѣ.

Я пріѣхалъ больной. Мнѣ нуженъ былъ покой душевный и тѣлесный. Но, такъ судилъ Промыслъ Божій, конечно для моего спасенія, я не нашелъ ни того, ни другого.

Здѣсь моя профессія была—философія и еврейскій языкъ. По мѣрѣ силъ я трудился въ томъ и другомъ предметѣ.

По инспекторству также я старался выполнять свою обязанность по совѣсти и долгу.

Я избралъ себѣ келейникомъ семинариста изъ своего класса, то-есть изъ средняго отдѣленія.

Это былъ Иванъ Щедринъ, мальчикъ—истинно рѣдкихъ качествъ сердца. Онъ любилъ меня, какъ отца, и почиталъ счастіемъ быть у меня. Онъ сынъ священника Бѣлозерскаго уѣзда. У него былъ старше его братъ Бриллиантовъ (въ то время былъ въ Кіевской академіи. Нынѣ професоромъ въ Харьковской семинаріи), другой моложе его Григорій Кесаревъ (нынѣ гдѣ то священ-

никомъ), еще одинъ въ училищѣ. Этотъ послѣдній еще въ училищѣ не вѣлъ скоромнаго по объѣту. Скончался въ семинаріи (въ словесности) и погребенъ отцомъ Фотиемъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Сестрица его, дѣвица, прислала мнѣ гостинецъ: утиральный платокъ ея работы. (Онъ у меня жилъ даже до Петербурга, я хранилъ его изъ почтенія къ благословенному семейству). Этотъ Иванъ утѣшалъ меня въ болѣзняхъ и въ горестяхъ душевныхъ. Лучше его у меня не было келейниковъ. При выѣздѣ изъ Новгорода онъ, какъ ребенокъ, плакалъ, жалься обо мнѣ. Я его видѣлъ священникомъ въ Петербургѣ въ 1839 году.

Всѣ мои горести заключались во враждѣ на меня ректора ¹⁾, которую и здоровому нелегко было бы переносить, а я былъ еще чуть живой.

Сначала онъ меня принялъ съ отверстыми объятіями, просилъ жить въ мирѣ, особенно съ нимъ, содѣйствовать ему познанію моему въ управленіи семинаріей. Это все прекрасно. Но уже ко мнѣ закралась грусть, когда я увидѣлъ въ немъ человѣка безмѣрно подозрительнаго, повелителя, характера до изступленія запальчиваго. Въ первый разъ онъ уже просилъ меня держать себя осторожно, а съ нимъ заедино, въ отношеніи къ обществу учащихъ, къ знатному новгородскому духовенству; даже къ архіерею. Описалъ мнѣ семинаристовъ дерзновенными, ябедниками въ Петербургѣ, склонными къ пьянству. (Это отчасти, къ несчастію, оказалось справедливымъ).

Я былъ и есмь совсѣмъ другихъ правилъ. Выслушавъ такія рѣчи, я подумалъ: отецъ ректоръ самъ пріѣхалъ изъ Малороссіи въ сію семинарію только за недѣлю до меня. Могъ ли онъ получить значительные поводы къ опасеніямъ, какими онъ меня пугалъ и самъ пугался? Ему наговорили. Но, конечно, люди недобрые. Зачѣмъ смущать новопривѣзжихъ? Хотя я не смѣлъ ректору отвѣ-

¹⁾ Анатолій Мартыновскій.

зять прямо во всѣхъ его требованіяхъ, однако далъ ему разумѣть, что я хожу обратною стезею, именно: о незнакомыхъ людяхъ и въ обществѣ я сперва думаю хорошо до тѣхъ поръ, пока ихъ поступки докажутъ, что ихъ не надобно почитать хорошими.

Скоро я увидѣлъ, что найду въ ректорѣ себѣ гонителя. Такъ и случилось.

Сперва онъ меня пригласилъ къ своему столу, съ платой ему 25 рублей ассигнаціями въ мѣсяць. До октября такъ и было. Но съ сего времени я отдѣлился, и мы оба были рады.

На вакаціонное время отца ректора потребовалъ митрополитъ Серафимъ въ Петербургъ. Тамъ онъ пробылъ недѣли двѣ.

Отъѣзжая въ Петербургъ, отецъ ректоръ поручилъ мнѣ на досугъ вникнуть въ существующіе порядки въ семинаріи по всѣмъ частямъ и представить мои мысли, какія я о тѣхъ порядкахъ имѣю.

Такое порученіе я принялъ съ уваженіемъ; обзрѣлъ, что почиталъ нужнымъ, и написалъ вчернѣ свои мысли.

Когда пріѣхалъ изъ Петербурга отецъ ректоръ, я напомнюлъ ему, что приготовилъ на бумагѣ мои замѣчанія. (Онъ попросилъ ихъ. Они у меня не были переписаны; притомъ я не хотѣлъ, чтобы это была отъ меня формальная записка въ правленіе. Я просилъ отца ректора выслушать, что я написалъ. Сталъ читать, помню, по экономіи: 1) представлялъ, что лучше имѣть мѣдные котлы для варенія пищи, а не чугунные, 2) что щи очень жидки и вовсе безъ капусты, съ овсяными крупами, которыя, по-русски, употребляютъ только для больныхъ; 3) что едва ли не отъ такой пищи семинаристы страдаютъ непрестанно поносомъ; 4) что, по моему мнѣнію, лучше имѣть комиссаромъ семинариста, чѣмъ солдатъ. Семинаристъ болѣе будетъ бояться бездѣльничать, и прочее.

Ректоръ не выслушалъ и половины. Пришелъ въ какое-то изступленіе и закричалъ: «Хорошо! пишите за-

писку. Мы посмотримъ. Пригласимъ профессоровъ. Согласны ли они на это будутъ. Вы пріѣхали сюда только насъ дурачить. Мы не знаемъ хорошихъ порядковъ. Вы лучше насъ! Вы—москаль», и прочее.

Я изумился и вовсе не понималъ гнѣва на меня ректора. Я ему сказалъ: «Отецъ ректоръ! мои рѣчи не законъ: не годятся—предайте ихъ забвенію. Я не хочу усиливаться ввести предполагаемые мною порядки. На то ваша воля. То, что я написалъ, взято съ Виѣанской семинаріи, въ которой я учился. Притомъ, я это сдѣлалъ по вашему мнѣ порученію». Ректоръ не могъ слушать моихъ рѣчей. Ему все казалось, что только хочу его дурачить.

Это была первая моя исторія съ ректоромъ. Отсюда пошелъ рядъ непрерывныхъ его на меня нападеній. Я молился. Въ Новгородѣ я былъ чужой. Просилъ профессоровъ защитить или же обличить меня. Они берегли каждый себя самого, и я былъ сущій сирота.

Преосвященный простъ, слабъ и, по своему положенію, какъ викарій, былъ безсиленъ. Притомъ я еще хотѣлъ терпѣть и ожидалъ, что отецъ ректоръ меня увидитъ въ моихъ поступкахъ и перемѣнитъ обо мнѣ свои мысли.

У меня было желаніе въ вакацію сходить въ Тихвинскій монастырь пѣшкомъ, если можно. Сперва я объ увольненіи себя просилъ ректора; уговорилъ, потомъ подаль просьбу преосвященному и былъ уволенъ.

Чувствуя, что мое здоровье исчезаетъ, я хотѣлъ симъ путешествіемъ, можетъ быть, возстановить сколько-нибудь свои силы или же приготовить къ отшествію въ вѣчность.

Болѣзнь во мнѣ продолжалась тульская: замирало и трепетало сердце; въ груди и бокахъ истерической жаръ; голова, какъ у пьянаго. Каждый разъ я ждалъ обморока и смерти. Особенно тягостны мнѣ были случаи, гдѣ я былъ на виду, напримѣръ, въ классѣ, у архіерея, въ богослуженіяхъ и такъ далѣе. Опалить меня какой-то вну-

тренній огонь, животь подкатится подь грудь, затрепещеть сердце, замреть языкъ, со мною дрожь, въ глазахъ мутно, голова будто пустая, обольеть всего потъ. Ужасно! Это были минуты будто предсмертныя, и какъ онѣ были часты!

Я взялъ съ собою въ путешествіе товарищемъ учителя духовнаго училища и письмоводителя нашего Николая Ѳеодоровича Львова, любившаго меня и даже почитавшаго.

Я хотѣлъ прокатиться по Волхову 70 верстъ на пароходѣ. А потомъ изъ села Грузино (графа Аракчеева) предпринять путешествіе пѣшкомъ, если достанетъ силъ.

Къ прискорбію моему, день, въ который я предпринялъ свое путешествіе, пароходъ простоялъ на мѣствѣ. Мнѣ не хотѣлось дожидать завтрева. Нанялъ я тройку ямскихъ и поѣхалъ по петербургскому шоссе до Яма Чудова (80 верстъ). Отсюда 14 верстъ до Волхова и въ Грузино.

Не желая безпокоить собою духовныхъ, я хотѣлъ ночевать въ гостиницѣ. Меня не пустили. Полицеймейстеръ (то-есть мужикъ Аракчеева) мнѣ сказалъ, что въ гостиницу приказано пускать только дворянъ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я пошелъ къ священнику.

У полицеймейстера (онъ же и содержатель гостиницы) я просилъ по крайней мѣрѣ дозволенія выпить чаю въ гостиницѣ — и въ этомъ отказано. «Не смѣю», сказалъ онъ. Впрочемъ, предложилъ, не угодно ли въ его комнатку. Я пошелъ. Тутъ и напился чаю.

Наконецъ, пришелъ къ священнику или протоіерею. Онъ былъ очень радъ и насъ накормилъ и успокоилъ. Поутру пригласилъ меня прогуляться по Грузину, даже быть у графа. Мнѣ весьма хотѣлось видѣть этого примѣчательнаго временщика. Къ несчастію, я не взялъ приличнаго монаху одѣянія, шелъ въ шляпѣ и рясу имѣлъ только демикотоновую. Не смѣлъ, повтому не сподобился видѣть Аракчеева. А онъ въ это время былъ дома.

Мы были въ церкви и въ библіотекѣ. (Это село описано мною въ моемъ путешествіи изъ Петербурга въ Одессу въ 1841 году).

Въ семь часовъ утра я пустился въ путь пѣшій съ моимъ спутникомъ. Шли селами и деревнями Аракчеева 21 версту. Последнее его село *Оскуе* было нашею станціею.

Чудно! Села и деревни Аракчеева—сущее великолѣпіе! Много походятъ на Царское Село. Чистота удивительная, всюду шоссе. Ливні домовъ регулярны и разстояніемъ равны. Что селеніе, то планъ и образецъ, и одинъ другого изобрѣтательнѣе. Во многихъ селеніяхъ есть господскій домъ, гдѣ Аракчеевъ развѣзжая любилъ или отдыхать или повремену жить.

Въ Оскуѣ мы насилу отыскали домъ, гдѣ можно чего-нибудь поѣсть. Вошли въ одинъ домъ. Онъ въ длину дѣлится на двѣ половины. Лѣвая сторона—хорошая зала, гдѣ крестьянинъ не смѣетъ жить. Направо небольшая комнатка, гдѣ онъ живетъ.

Бѣдность лютойшая. Насъ покормили только крошквою, то-есть щами предурными, дали квасу и хлѣба. Еще у нихъ ничего не было.

Ветхая старушка—хозяйка—имѣетъ двухъ сыновей. Оба женаты и съ дѣтьми. Всѣ въ лохмотьяхъ. Я далъ старухѣ пять копѣекъ серебромъ за столъ. Она мнѣ въ ноги!

Тутъ я наслушался воплей и воздыханій противъ безумнаго тиранства Аракчеева. Они всѣ нищіе. За преступленія онъ наказывалъ битьею палками, или плетью, очень часто до смерти!

Я ужаснулся. Еще въ это время (ибо за годъ до этого въ военныхъ поселеніяхъ былъ бунтъ, отъ котораго Аракчеевъ едва унесъ свои ноги въ Новгородъ) онъ примирѣлъ.

Мы пошли далѣе. Путь мелкимъ лѣсомъ, гдѣ больше болотъ и довольно песку. Отошли отъ Оскуе 14 верстъ, деревня. Спрашиваемъ: «Далеко ли далѣе селеніе»? Сказали: «16 верстъ». Слѣдовало бы намъ здѣсь остановиться ночевать, а я погорячился. Пошли далѣе, а дня уже оставалось очень немного.

Насилу дошли до деревни уже часовъ въ девять вечера. Деревню эту зовутъ *Кокуй*. Деревня большая, дома прекрасные, народъ достаточный. Стоитъ при изрядной рѣкѣ на горѣ.

Дорогой мой спутникъ жестоко ослабѣлъ и сталъ на меня сердиться. Я увидѣлъ искушеніе и сталъ больше молчать.

Мы вошли въ хорошій домъ. Намъ дали особую комнату, согрѣли самоваръ. Мой спутникъ распоряжается. Вдругъ со мной сдѣлалось дурно. Дыханіе сперлось, и я упалъ на порогъ комнаты. Чувствую, что приблизился мой конецъ.

Въ это время въ сосѣдней горницѣ хозяева сидѣли за столомъ, — ужинали. Я, упавши на порогъ, произнесъ: «Простите меня, добрые люди! Я умираю!» Тутъ отнялся у меня языкъ. Хозяева вскочили изъ-за стола, спутникъ тоже подбѣжалъ. Меня подняли и положили на лавку.

Я отдышался. Сдѣлался со мною ознобъ, я посинѣлъ и дрожалъ. Меня убѣдили выпить рюмку водки. Мнѣ стало легче. Выпилъ чашки двѣ чаю и уснулъ.

Проснувшись утромъ, я не могъ двинуться съ мѣста. Боль и колики во всемъ тѣлѣ. Тутъ я увидѣлъ, что уже не осталось ни малѣйшей возможности итти далѣе пѣшкомъ.

Это было 6 августа, день Преображенія Господня. Я сказалъ своему спутнику, чтобы нанималъ лошадей. Добрый нашъ хозяинъ намъ сказалъ: «Не медлите, нанимайте поскорѣе. У насъ сегодня праздникъ. Часа черезъ два никто васъ не повезетъ». Мы наняли тройку за узаконенные прогоны и въ тотъ же день ко всеобщей прѣехали въ Тихвинъ.

На станціи *Руге* ¹⁾ мы обѣдали. Это село. Я хотѣлъ быть у обѣдни, но ея не было. Священникъ запрещенъ.

¹⁾ Нѣтъ, въ Руге мы почевали.

Онь приходилъ на нашъ постоянный дворъ: не зналъ, кто я. И былъ бѣдняжка, кажется, нетрезвъ.

Тутъ я видѣлъ исторію. Прославскіе извозчики, пробираясь на шоссе, въ этомъ селѣ тоже обѣдали. Ихъ—возовъ тридцать. Они остановились въ томъ же домѣ, гдѣ мы. Ихъ приглашали многіе сосѣди, но они не захотѣли раздѣляться. Возы свои они разставили у домовъ подъ окнами, потому что улица была неширока. Женщина изъ сосѣдняго дома съ досады, что извозчики остановились не у нея, а между тѣмъ возы поставили у нея подъ окнами, подъ тѣмъ предлогомъ, будто возы загородили выходъ съ ея двора, выбѣжала съ топоромъ и, съ бабьимъ визгомъ, браня извозчиковъ, хотѣла рубить ихъ колеса. Мужики приободрились. Я боялся, какъ бы не вышло драки,—однако прошло только бранью.

Вѣзжая въ монастырь во время благовѣста ко все-нощной (на другой день, видно, было воскресенье), я увидѣлъ несчастнаго монаха, нетрезваго, идущаго въ городъ. «Куда отъ всенощной, отецъ?»—подумалъ я, — «да еще въ нетрезвомъ видѣ!» Жалостно было!

Я остановился у инспектора здѣшняго духовнаго училища, іеромонаха Антонія. Училище въ монастырѣ, и онъ жилъ здѣсь. Тотчасъ отправился въ церковь.

Отецъ архимандритъ здѣшняго монастыря, Иларіонъ¹⁾, старецъ почтенный, принялъ меня радушно, даже почти-тельно, что мнѣ было совѣстно.

Этотъ архимандритъ—сущее дитя. Изъ духовныхъ, съ 17 лѣтъ въ монастырѣ.

Онь полагалъ, что я имѣю какія-нибудь порученія по начальству. Я успокоилъ его, сказавъ, что я только богомолецъ.

Въ это время что-то починали въ архіерейскихъ комнатахъ, и онъ извинялся, что по сему не можетъ отвести мнѣ квартиру въ тѣхъ комнатахъ.

¹⁾ Онь давно уже скончался (1867).

Я жилъ здѣсь съ недѣлю, однажды служилъ. Чудесная икона Тихвинской Божіей Матери поставлена у праваго со входа отъ западныхъ дверей столба въ большомъ соборѣ, а именно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по сказанію, она пребывала въ Софійскомъ Константинопольскомъ соборѣ.

Икона поставлена въ огромномъ кіотѣ, украшенномъ тонкими витыми рѣзными столбами, ярко позлащенными. Икона—въ золотой ризѣ, украшена значительнаго достоинства драгоценными камнями. Риза прикрѣплена къ образу шалнерами и открывается. Я не разъ прикладывался къ самому образу. Красивыя, но потускнѣвшія краски... по живописи мудрено было разобрать. Удивительно, какъ благоухаетъ образъ.

Въ мое время здѣсь вотъ какая была исторія. Графъ Аракчеевъ далъ золота на сооруженіе новой ризы на образъ Тихвинской Божіей Матери, но съ тягостными и дикими условіями, именно, чтобы ежедневно въ семь самомъ соборѣ за литургією (не исключая никакихъ праздниковъ) были ектеніи за упокой императора Александра (и, кажется, самого Аракчеева послѣ его смерти) и еще что-то. Митрополитъ Серафимъ, помню, кажется, велѣлъ возвратить золото. Однако, я послѣ узналъ, что точно сдѣлана новая золотая риза, только не знаю, изъ аракчеевскаго золота или изъ другого.

Безумная лезть! — подумалъ я и пожалѣлъ о пустотѣ душевной Аракчеева.

Черезъ нѣсколько дней отецъ архимандритъ далъ мнѣ свой экипажъ и лошадей, чтобы съѣздить въ два окрестные монастыря. Мы были вмѣстѣ съ смотрителемъ (свѣтскимъ) и еще съ кѣмъ-то.

Первый монастырь называется *Бесподный*. Онъ выстроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Матерь Божія съ Угодникомъ Божиимъ Николаемъ Чудотворцемъ явилась чтецу Георгію, шедшему для отысканія сокрывшейся иконы Тихвинской Божіей Матери (смотрите сказанія о Ея явленіи). Мона-

стырь маленькій, очень небогатый. Кажется, одна церковь, строечная Ивановъ Васильевичемъ Грознымъ; маленькая, однако—своды на столбахъ, по-старинному. Тутъ мы слушали вечерню и пили чай у настоятеля іеромонаха. Было пріятно.

Положеніе монастыря на ровномъ мѣстѣ, близъ мелкаго лѣса, почти у дороги изъ Ярославля въ Петербургъ. Отъ Тихвина версты четыре.

Отсюда поѣхали въ другой монастырь—Антонія Дымскаго. Монастырь сей въ богатомъ лѣсу, отъ дороги версты четыре, при порядочномъ озерѣ. При мнѣ онъ еще огражденъ былъ деревянной стѣной. Двѣ церкви: одна деревянная, другая каменная двухъэтажная.

Здѣсь я стоялъ литургію. Служба пустынная, протяжная и весьма благоговѣйная. Монахи кротки, умиленны. Настоятель—іеромонахъ, человекъ строгій, но богобоязненный.

Угоднику Божию Антонію, здѣсь почивающему подъ спудомъ, я служилъ молебень самъ и въ продолженіе всего молебна стоялъ въ желѣзной шляпѣ, которую угодникъ для умерщвленія плоти носилъ всегда, живя въ плоти.

Чудныя времена! Дивныя подвиги! Нынѣ все это прошло, забыто.

Послѣ обѣда меня пригласила братія выкупаться въ ихъ святомъ (какъ они зовутъ) озерѣ, для здоровья. Я былъ чуть живъ. Былъ уже августъ, притомъ день сѣрый. Однако пошелъ. Тутъ хорошая купальня; вода чистая, какъ хрусталь. Раздѣлся, подумалъ, перекрестился и палъ въ воду; окунулся разъ, два и три, вышелъ и почувствовалъ бодрость и пріятность. Я былъ радъ.

Послѣ у отца настоятеля обѣдъ, нарочно приготовленный, очень изрядный. Тутъ меня удивилъ іеромонахъ изъ дворянъ: низкопоклонный и жеманный. Однако, какъ сказываютъ, весьма строгой жизни.

Его весьма почитаютъ господа (Евгеній, кажется).

Погостивши здѣсь полдня, я съ пріятностію поѣхалъ обратно. Утѣшала меня мирная, строгая и благоговѣйная жизнь братіи. У нихъ сущая пустыня. Однако и къ нимъ заходятъ богомольцы, приходящіе въ Тихвинъ. При мнѣ были какія-то два семейства порядочныхъ людей.

Возвратясь опять въ Тихвинъ, я погостилъ здѣсь еще дня три. Смотритель училища (бѣдняжка, онъ уже давно скончался, не помню его имени, фамиліи; свѣтскій, женатый, кроткій) сдѣлалъ для меня обѣдъ. Мнѣ это было совѣстно, а однако пріятно. Тутъ видѣлъ я студентовъ Петербургской академіи.

Городъ Тихвинъ—маленькій, на скатѣ горы совершенно песчаной. Внизу протекаетъ небольшая рѣчка Тихвинка, однако посредствомъ шлюзъ судоходная.

Ниже города у самой рѣки въ низменномъ мѣстѣ Тихвинскій монастырь, именно на мѣстѣ явленія иконы Богоматери.

Монастырь прекрасно обстроены, кругомъ соборъ большой, старинный, но содержится въ чистотѣ и расписанъ очень хорошо.

Ризница здѣсь довольно примѣчательная. Много ризъ въ жемчугахъ и камняхъ, много дареныхъ отъ императоровъ. Есть драгоценныя царскія ожерелья, кажется, фельдмаршальскій жезлъ и прочее.

Тутъ же хранится цѣлая куча треугольныхъ желѣзныхъ съ зубринами шиповъ. Это остались отъ временъ осады Тихвина монастыря шведскимъ генераломъ Де-ла-Гарди. Эти шипы разсыпали по дорогамъ и тѣмъ губили непріятельскую конницу. Шипы сіи вонзались въ копыта лошадей, и лошадь должна была пропасть. Кажется, Де-ла-Гарди не попалъ въ монастырь.

Отецъ архимандритъ меня потчевалъ общей братской столовой, гдѣ онъ и самъ кушаетъ, ибо у нихъ общежитіе. Кушанья незатѣйливыя, однако сытныя и приготовляются по-русски, хорошо. Кушанья подаютъ послушники.

Наконецъ, я собрался въ обратный путь и поѣхалъ съ моимъ спутникомъ на перемѣнныхъ.

Пріѣхали къ ночи въ Грузино. Тутъ опять ночевали у того же отца протоіерея. Отсюда утромъ отправились по Волхову внизъ на лодкѣ до пристаней деревни Сомины — верстъ 14. Отсюда пересѣли на пароходъ. Съ 9 часовъ утра къ вечеру пріѣхали въ Новгородъ (70 верстъ). На дорогѣ два раза останавливались у штабовъ и долго ждали.

Лишь тронулись на пароходѣ, у меня закружилась голова, и мнѣ стало дурно. Я бросился въ каюту — и тамъ то же. Мнѣ посовѣтовали выпить чего-нибудь крѣпкаго. Я выпилъ стаканъ воды съ коньякомъ, и тотчасъ все прошло.

Вмѣстѣ со мною ѣхала на пароходѣ какая-то барыня съ дочкой, гостившая у Аракчеева. Эта барыня пуще меня томила: тошнота и круженіе головы сдѣлали ее полумертвою. Между тѣмъ дочка ея — дѣвушка лѣтъ 17, тоненькая (очень пріятная собою) не чувствовала ничего; была рѣзва и весела.

Возвратясь изъ путешествія, я сдѣлался нѣсколько бодрѣе. Однакоже томность и тоска душевная меня не совсѣмъ оставили. Я былъ унылъ.

Въ ректорѣ не только не умалилась противъ меня вражда, напротивъ, день ото дня она росла и усиливалась. Мнѣ казалось, что онъ подмѣчалъ всѣ шаги мои, чтобы меня гдѣ-нибудь уловить.

По милости Божіей, ученики меня любили и были преданы мнѣ неслестно. Ректоръ любилъ тайныхъ доносчиковъ, слушалъ ихъ въ оба уха. Однако, долгое время ничего во мнѣ не нашлось, къ чему бы можно было придрататься.

Осень въ Новгородѣ была тогда неблагополучна: съ сентября стали сказываться случаи холеры. Много стало умирать несчастныхъ барочниковъ, которые жили и тряслись по баркамъ вдоль берега Волхова подъ самымъ нашимъ монастыремъ.

Между семинаристами также открылись жестокіе поносы, которые часто превращались въ горячку. Я трепеталъ.

Съ половины сентября заболѣлъ и я. Со мной открылся поносъ. Сперва онъ былъ сносенъ. Съ недѣлю я еще ходилъ въ классы, потомъ слегъ. Прошу семинарскаго врача. Онъ согласился лѣчить, но посѣщалъ меня черезъ день, два. Я испугался; поносъ все усиливался и изнурилъ меня до того, что я едва могъ пройти по комнатѣ. Подо мною жилъ іеромонахъ Павелъ (онъ уже скончался), славившійся лѣченіемъ. Къ нему ходило множество народа, даже порядочныхъ людей. Хоть не ученый, онъ былъ лѣкаръ не на шутку. У него была своя весьма значительная аптека. Я вздумалъ прибѣгнуть къ нему. Пришелъ и сталъ просить его спасти меня. «Хорошо, отецъ инспекторъ», сказалъ онъ: «я тебя тотчасъ вылѣчу, только ты не бойся. Я тебѣ напередъ скажу, какъ я тебя лѣчить буду. Я тебѣ дамъ сперва слабительнаго, чтобы тебя очистить, а потомъ буду укрѣплять». Подумалъ я и покорился. Онъ мнѣ далъ алойной настойки, велѣлъ передъ обѣдомъ пополамъ съ водкой выпить, потомъ столько же передъ ужиномъ. Я выпилъ передъ обѣдомъ. Поносъ усилился; выпилъ передъ ужиномъ, усилился вдвое.

Это было 30 сентября, наканунѣ Покрова Пресвятой Богородицы. Ночью поносъ усилился еще. Я уже не могъ ходить, ноги подкосились. Легъ въ постель. Тѣло стало холодѣть, языкъ отнимается, со мною конвульсія. Чувствую, что настаетъ мой конецъ. Мой добрый Иванъ (кедейникъ) взвылъ, какъ ребенокъ. Была полночь. Кое-какъ я ему успѣлъ растолковать, чтобы онъ поставилъ самоваръ и напоилъ меня аглицкою мятой. Я выпилъ подъ одѣяломъ три чашки, сталъ потѣтъ; языкъ возвратился, и я воскресъ.

Утромъ я уже послалъ за докторомъ и умолялъ пріѣхать. Онъ меня сталъ лѣчить по своему, и черезъ недѣлю я опять сталъ на ноги.

Что въ это время отецъ ректоръ?—Подаль на меня записку въ Правленіе. Въ запискѣ было одиннадцать обстоятельныхъ на меня пунктовъ. Записка начиналась такъ: «Истощивъ всѣ мои убѣжденія и потерявъ надежду на исправленіе инспектора, я прошу Правленіе и проч.»

Въ Правленіи къ сужденію о сей запискѣ оставался одинъ экономъ. Онъ молчалъ. Ректоръ просилъ секретаря снести ее ко мнѣ и требовать отъ меня объясненій. Секретарь сказалъ: «Инспекторъ, по-моему разумѣнію, хорошъ. Притомъ онъ на одрѣ смертномъ. Вашею запискою надо его убить. Не могу исполнить вашего порученія».

Ректоръ завизжалъ и выбѣжалъ изъ Правленія. Вечеромъ онъ поѣхалъ съ сею же запиской къ архіерею. Войдя въ залу и подойдя въ слезахъ къ благословенію архіерея, ректоръ отвернулся, сталъ на колѣни и зарыдалъ, всхлипывая и приговаривая: «Преосвященнѣйшій владыка! Спасите семинарію; она погибаетъ!» — «Что такое, отецъ ректоръ?» — «Инспекторъ погубилъ семинарію, и я боюсь, какъ бы и мнѣ вмѣстѣ не погибнуть». Тутъ ректоръ подалъ записку, какую онъ подавалъ на меня въ Правленіе. Архіерей просилъ успокоиться ректора и обѣщался вразумить инспектора.

Тотчасъ послано за мною. Я былъ еще въ постели и отказался. Черезъ недѣлю явился; преосвященный принялъ меня сурово, началъ упрекать и требовалъ оправданій. Я еще не зналъ, что донесъ на меня ректоръ, и потому не зналъ, въ чемъ оправдываться.

Преосвященный показалъ мнѣ записку. Я прослезился и улыбнулся отъ досады, сказавъ преосвященному: «Если вамъ угодно, выслушайте сію минуту оправданія». Потомъ я началъ объяснять каждый пунктъ. Преосвященный увидѣлъ, что я тутъ невиненъ, и что есть какія-нибудь тайныя причины. Однако, это онъ хотѣлъ отъ меня скрыть и приказывалъ мнѣ строго — исправиться. Я поникъ еще болѣе, только призывалъ въ помощь милосердіе Божіе и тѣмъ утѣшался.

Однако, послѣ того ректоръ стихъ. Правда, ругался варварски въ Правленіи, утомляя и истощая меня напрасно. Но я привыкъ уже терпѣть и благодарилъ Бога, что несу.

Стало приближаться время Рождества Христова. Я за-

думалъ съѣздить въ Петербургъ и явиться къ митрополиту Серафиму и, если будетъ возможно, просить себѣ защиты или хоть снисхожденія. Притомъ я надѣялся тамъ же видѣть митрополита московскаго и, если возможно, просить его покровительства.

Сталъ проситься сначала у ректора, потомъ у преосвященнаго. Хотя и съ трудомъ, однако согласились и тотъ, и другой. Я выѣхалъ на третій день Рождества. Черезъ двое сутокъ пріѣхалъ и остановился у инспектора семинаріи Антонія ¹⁾. Прошелъ было къ Серафиму, но принять не былъ; отложено до завтра.

На другой день являюсь къ митрополиту. Сначала меня потребовалъ къ себѣ Алексѣй Ивановичъ Сусловъ, секретарь митрополита. Сталъ онъ спрашивать меня: кто я, откуда, гдѣ учился, гдѣ служилъ, доволенъ ли службой въ Новгородѣ, зачѣмъ пріѣхалъ. — Я старался на все отвѣчать, сколько могъ, сухо, досадуя, что я долженъ раскрывать свои скорби предъ такимъ человѣкомъ, котораго я не хотѣлъ знать. Однако, принужденъ былъ сказать нѣчто сквозь зубы. Сусловъ презрительно отозвался обо мнѣ въ лицо, что я негодный инспекторъ, потомъ доложилъ митрополиту ²⁾.

Меня провели въ гостиную. Митрополитъ прохаживается. Я, по обычаю, поклонился ему въ ноги и просилъ благословенія. Митрополитъ презрительно сказалъ: «Къ чему эти земные поклоны? Терпѣть не могу лести!» Потомъ

¹⁾ Архіепископъ Владимирскій (1867). Сынъ костромскаго священ. магистръ учился въ Спб. академіи. 1829 постриженъ, 1830 инспекторъ калужской, 1832 Петербургской семинаріи, 1840 ректоръ петерб. семинаріи, 1852 епископъ Острогжскій, 1853 Старорусскій, 1854 Архангельскій, 1857 Нижегородскій, 1860 Волынскій, 1866 архіеп. Владимирскій, † 1878 г. А. Т.

²⁾ Сусловъ А. И., секретарь м. Серафима, пользовался особымъ довѣріемъ митр. Московскій прот. Казанскаго собора выразился объ этой дружбѣ такъ: извѣстно, что дрожжи безъ сусла не бываютъ.

сталъ меня разспрашивать, откуда я родомъ, гдѣ учился, гдѣ служилъ и прочее,—дошелъ наконецъ до дѣла. Спросилъ: «Зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?» Я сказалъ: «Принять благословеніе отъ вашего высокопреосвященства.»—«Кто тебя звалъ?»—Я замолчалъ.—«Кто тебя уволилъ?»—«По согласію Правленія—преосвященный Викарій.»—«Глупо Правленіе, глупъ и архіерей: отпустили молодого монаха болтаться по Петербургу безъ всякой нужды. — Хорошо ли ты живешь въ Новгородѣ?» Я со скорбію сказалъ: «Отецъ ректоръ считаетъ меня неспособнымъ. Но я съ своей стороны употребляю все раченіе, чтобы ему угодить и его приказанія по возможности исполняю.»—«Врешь, ты противъ него возмущаешь семинаристовъ, потворствуешь ихъ шалостямъ, заступаешься за бездѣльниковъ и черезъ то отнимаешь руки у отца ректора. Ты хочешь выслужиться передъ семинаристами, привлечь ихъ къ себѣ и вооружить противъ ректора, который хочетъ искоренять бездѣльность. Куда годится безстрашіе? Это гибель общества. Знаю, ты хочешь величаться своимъ милосердіемъ и помрачить собою ректора. Кто ты? Мальчижъ, котораго никто не знаетъ. А твой ректоръ—человѣкъ съ заслугами, испытанный. Я его выпросилъ, какъ милость, у курскаго архіерея. А ты еще осмѣлился его уничтожать! Кто ты? ребенокъ. Если я еще услышу о тебѣ одно нехорошее слово, я тебя сошлю въ монастырь, куда не заносилъ воронъ костей, и тамъ брошу на братскую порцію. Да не думай, что когда-нибудь воскреснешь, тамъ и сгниешь.—Гдѣ ты остановился?»—«Я—у инспектора семинаріи.»—«Какъ онъ тебѣ знакомъ?»—«Никакъ.»—«Почему же ты у него остановился?»—«По единству моей съ нимъ службы.»—«Скоро ль ты уѣдешь назадъ?»—«Какъ прикажете, высокопреосвященнѣйшій владыка.»—«Что мнѣ приказывать? ты не спрашивался меня пріѣхать сюда. Но вотъ тебѣ сказка. Незваннаго гостя въ первый день дарятъ золотомъ, во второй—серебромъ, въ третій—оловомъ, а въ четвертый — указываютъ двери. Ступай и разсуждай».

Столь грозныя и претительныя рѣчи меня привели въ недоумѣніе. Я пришелъ на квартиру, поговорилъ съ инспекторомъ и по его же совѣту тотчасъ отправился къ Московскому митрополиту. Филаретъ меня принялъ очень ласково. Посадилъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ онъ меня спросилъ: «Каково тебѣ жить въ Новгородѣ?» Такой вопросъ послѣ непростывшаго еще жара отъ истязаній Серафима взволновалъ мое сердце. Слезы покатались ручьями. Я не могъ выговорить слова.—«Ты плачешь? о чемъ? что съ тобой? скажи!»—Я опять не могу сказать слова. Душевное волненіе отняло мой языкъ. Помолчавъ немного, митрополитъ третій разъ спросилъ: «О чемъ ты плачешь?» Я опять не могъ сказать ничего. Митрополитъ (про себя): «Нѣтъ, надо перемѣнить разговоръ.—Бываешь ты у отца Фотія?»—«Бываю.»—«Часто ли?»—«Всего былъ разъ восемь или десять.»—«Чудный человекъ. Поѣхалъ молиться Богу въ Воронежъ. Доѣхалъ до Тулы и воротился назадъ.»—«Ну скажи же, о чемъ ты плачешь?» Тутъ я вкратцѣ разсказалъ поступки со мной ректора и то, какъ меня истязалъ митрополитъ Серафимъ. Митрополитъ Филаретъ пожалѣлъ меня и сказалъ: «Ну что-жъ, жаль тебя. Но мнѣ не ссориться же изъ-за тебя съ Серафимомъ. Поди къ Стефану Дмитріевичу Нечаеву» (оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода). Я говорю: «Нѣтъ, не пойду. Свѣтскихъ я не могу о себѣ просить». Наконецъ митрополитъ сказалъ: «Иди, — живи съ Богомъ въ Новгородѣ; старайся угождать ректору, въ чемъ безъ оскорбленія совѣсти можно. Я не думаю, чтобы онъ сталъ продолжать притѣсненія. Если же, паче чаянія, опять ставеть тебя тѣснить, ты скажи ему: «Позволь мнѣ, отецъ ректоръ, для успокоенія васъ и себя проситься въ другую семинарію. Въ прошеніи я не скажу ничего о нашихъ неудовольствіяхъ, а буду проситься, чтобы перевели меня въ какую-нибудь семинарію поужнѣе Новгородской, для поправленія здоровья». Тогда мы дадимъ тебѣ другое мѣсто. Я не думаю, чтобы ректоръ осердился на такую просьбу».

Послѣ, узнавъ, что митрополитъ мнѣ приказалъ тотчасъ выѣхать изъ Петербурга, пожалѣлъ, что не могу увидѣть Петербурга. Онъ велѣлъ покататься и посмотрѣть по-лучше.

Я былъ весьма утѣшенъ; забылъ свое горе, объѣхалъ всѣ лучшія мѣста и улицы Петербурга и выѣхалъ на четвертый день изъ Петербурга. Это было 1-го января 1833 года. Наканувъ всюнощную я слушалъ въ академической церкви и примѣчательно: въ это время постригали въ монахи студента и назвали Флавіаномъ, того самаго, который заступилъ мое мѣсто въ Новгородѣ (нынѣ онъ ректоромъ въ Грузіи)¹).

Отецъ ректоръ поступилъ со мной очень хитро и зло. Увидѣвъ, что архіерей не вооружился на меня столько, сколько ему хотѣлось, даже, вѣроятно, уговаривалъ его, чтобы онъ ко мнѣ не столь былъ жестокъ,—онъ съ жадобой и на архіерея отослалъ на меня ту же записку къ викарію Петербургскому Смарагду²) (нынѣ архіепископу Астраханскому), своему покровителю, который и рекомендовалъ его митрополиту Серафиму. Викарій передалъ ее митрополиту, безъ сомнѣнія, еще съ новыми на меня жадобами. Потому Серафимъ и принялъ меня столь жестоко. Такъ сильно и язвительно дѣйствовалъ противъ меня отецъ ректоръ. По неопытности моей я не могъ этого ни предвидѣть, ни понять.

Скажу и еще о ректорѣ. Когда онъ подалъ на меня записку въ Правленіе и узналъ, что мнѣ это передано,

¹) А нынѣ настоятель Толгскаго монастыря, что близъ Ярославля (1867).

²) Мой рукоположитель во архіерея.

Смарагдъ Крыжановскій—магистръ петер. академіи, постриженъ 1819, инспектор. кievск. академіи 1821, ректор. 1828, Петербургскій 1830, епископъ Ревельскій 1831 г., Полоцкій 1833, Могилевскій 1837, Харьковскій 1840, Астраханскій 1841, Орловскій 1844, Рязанскій 1858 † 1863 г.

и когда увидѣлъ въ Правленіи холодность къ его жалобѣ, онъ, кажется, въ тотъ же вечеръ пришелъ ко мнѣ и въ слезахъ палъ мнѣ въ ноги, прося прощенія за обиду. Я заплакалъ сильнѣе его и благодарилъ Бога за то, что ректоръ примиряется со мною. Что же? Ректоръ, вышедши отъ меня, поѣхалъ къ архіерею съ жалобой на меня и рассказалъ ее такъ, какъ выше описано.

Сего недовольно. Послѣ жалобы архіерею и послѣ моихъ оправданій ректоръ опять съ такими же слезами приходилъ ко мнѣ и снова просилъ прощенія.

Что еще? Послѣ и сего написалъ на меня жалобу Петербургскому викарію.

Измѣрьте низость и перемѣнчивость души такого чело-вѣка! Я истинно не могу доселѣ понять, что это за чело-вѣкъ отецъ Анатолій. Живое изображеніе поляка или католика ¹⁾!

Послѣ такихъ происшествій дѣйствительно ректоръ не сталъ уже затѣвать на меня новыхъ притѣсненій. Только—холодность и страшная подозрительность. Я благодарилъ Бога, что по крайней мѣрѣ не было какихъ-нибудь особенныхъ сценъ.

Съ весны 1833 года настали сильныя совершенно удушливыя жары. Онѣ меня томили. Я сталъ слабѣть и вянуть.

¹⁾ Анатолій Мартыновскій, овдовѣвъ въ 1819 г., поступилъ въ Каменецъ подольскій троицкій мон. 1822 постриженъ, 1823 поступилъ въ кievскую академію, 1825 бакалавръ, 1827 магистръ, 1829 ректоръ Курской семинаріи, 1832 ректоръ Повгород. семинаріи, 1840 епископъ Екатеринбургскій, 1841 Острожскій, 1844 Могилевскій, 1853 архіеп., 1860 уволенъ на покой въ Гербовецкій Успенскій мон. Скончался 9 августа 1872 г. Извѣстенъ какъ писатель, онъ помѣщалъ иногда свои статьи и за подписью Авдѣи Востоковъ. Особенно пользовалась распространеніемъ его книга „Вѣра, Надежда и Любовь“, выдержавшая 5 изданій (1848—1867 г.). Лучшая его біографія была составлена М. Едлинскимъ „Анатолій Мартыновскій и его литературные труды, Кіевъ, 1880“. Его же въ трудахъ Кіев. Дух. Акад. 1885 г.

Хотѣлъ ободрить себя купаньемъ. Но, выкупавшись раза два, я едва было не утонулъ отъ того, что не умѣю порядочно плавать. Такъ и пересталъ. (Надо было купаться позади барокъ, въ глубинѣ и при сильномъ теченіи. Меня едва не увлекло подъ барку).

Такъ какъ сей годъ былъ курсовой, то очень рано начаты были экзамены. Ректоръ, мстительный и недовѣрчивый человѣкъ, а притомъ привязанъ былъ къ буквѣ закона. Онъ сидѣлъ на экзаменахъ по пяти часовъ.

Какъ инспекторъ, я долженъ былъ присутствовать на каждомъ испытаніи. Это меня убило. Я едва могъ отправить свой экзаменъ по философіи и слегъ въ постель. Это было на день Тихвинской Божіей Матери 26 іюня. Помню, въ этотъ день была гроза и обильный дождь.

Голова у меня всегда болѣла и была будто пустая или какъ у пьянаго. Я не могъ терпѣть даже легкаго жара. Едва могъ держать на головѣ камилавку. Въ глазахъ у меня будто туманъ, и я ежечасно боялся обморока. Глаза у меня были мутны, дикіе, бродячіе, лицо черное съ блѣдными пятнами, въ груди и животѣ сухой жаръ, аппетита почти нѣтъ.

Болезнь моя началась страшною головою болью. Я почти терялъ разсудокъ отъ сей нестерпимой боли. Разлилась желчь по всему тѣлу.

Меня началъ лѣчить нашъ врачъ. Болезнь шла кверху. Я опасался умереть. До 15 іюля болѣзнь усиливалась. Я трижды исповѣдывался и причащался. Мои отцы духовные отчаявались въ моемъ выздоровленіи (это мнѣ сказывали послѣ). Я померкъ душою. Меня утѣшалъ мой келейникъ, его братъ и еще мой первый ученикъ—Алексѣй Никитинъ. Читали мнѣ каноны, акаѳисты, и я молился умомъ.

Мнѣ было приставлено по три или по четыре пивки къ обоимъ вискамъ. Съ сего времени головѣ моей стало легче, и я сталъ понемногу выздоравливать. Къ концу іюля я выздоровѣлъ.

Спасибо, ректоръ во время моей болѣзни меня нерѣдко посѣщалъ. Былъ однажды и преосвященный (будучи на ревизіи семинаріи).

Удивительно! Мои три отца духовные—всѣ умерли. Два Іоанна умерли одинъ за другимъ почти въ то время, какъ я выздоравливалъ, а третій—іеромонахъ Иннокентій, кажется, ужъ послѣ моего выѣзда изъ Новгорода.

Младшій отецъ Іоаннъ умеръ поносомъ, только что поступивъ въ монастырь. Другой отецъ Іоаннъ былъ древній старецъ, однако умеръ случайно. Его избилъ пьяный іеромонахъ (кажется—Неофитъ). Онъ скоро и умеръ.

Еще о примѣтахъ. Подо мною у іеромонаха Павла (моего злого врага) въ палисадникѣ жили два молодыхъ вороненка. Во время моей болѣзни они ужасно стонали подъ моимъ окномъ, гдѣ я лежалъ. Я сталъ выздоравливать, и они смолкли.

Послѣ, когда заболѣли вышепомянутые мною отцы, воярыята перешли къ нимъ и стонали ужасно, даже и послѣ того, какъ они скончались.

Недаромъ русскіе почитаютъ сію птицу вѣщею! Хотя, впрочемъ, я это изъясняю натуральной чуткостью ихъ обонянія.

Сообщилъ *Ан. Титовъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОЩЕНИЕ ОБИДЪ.

(Слово въ недѣлю 11 по Пятидесятницѣ—14 августа).

Уподобися царство небесное человеку царю, иже восхотѣ стяжати о словеси съ рабы своими (Матѣ. 18, 23).

Единородный сынъ Божій, Иисусъ Христосъ, пришедшій на землю для того, чтобы разрушить средоствiе вражды между Богомъ и человѣкомъ, воздвигнутое грѣхопадениемъ праотца Адама, по наущению дiавола, внушалъ всѣми своими дѣйствiями и словами любовь и всепрощение. И эти дѣйствiя и слова Спасителя могуче и живительно дѣйствовали на все существо человѣка. Изрекаетъ Господь свое краткое, преисполненное любви грѣшной женщинѣ, извѣстной всѣмъ блудницѣ: *отпущаются тебѣ грѣси* (Лук. 7, 48), и это краткое слово, какъ искра, западаетъ въ глубину души грѣшницы, и мгновенно разгарается въ чистое, святое пламя любви къ Богу, охватываетъ все ея существо, пожигаетъ тернiя ея грѣхопадений, очищаетъ, просвѣтляетъ, обновляетъ, и женщина, прежде презрѣнная, дѣлается достойною уваженiя и подражанiя даже и для тѣхъ изъ насъ, которые считаются людьми воздержными. Высокое святое стремление простить всякаго, даже злодѣя, не оставляетъ Спасителя нашего и въ послѣднiя минуты Его земной жизни, минуты страшно мучительныя, минуты всеобщаго почти презрѣнiя и позора. Запекшiяся отъ жажды уста Его произносятъ полныя благоснисхожденiя къ распинателямъ, закоренѣлымъ грѣш-

викамъ, слова молитвы: *Отче, отпусти имъ: не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. 23, 34), а разбойнику, на крестѣ покаавшемуся, Свое властное слово совершеннаго прощенія: *аминь глаголю тебѣ, днесъ со Мною будешь въ рай* (Лук. 23, 43).

Самъ ко всѣмъ благоснисходительный, готовый прощать грѣхи всякому, въ комъ только окончательно не заглохло сѣмя добра, Господь рѣшительно требовалъ такой же любви и снисхожденія и отъ людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. На вопросъ апостола Петра, сколько разъ можно прощать обидчику, не довольно ли до семи разъ,—Господь сказалъ: *не говорю тебѣ: до семи, но до седмижды семидесяти разъ* (Матѣ. 18, 22), т.-е. несчетное число разъ: сколько бы кто ни погрѣшилъ противъ насъ, если раскаивается, должны простить ему.

Для выясненія побужденій къ всегдашнему прощенію рассказалъ притчу, которую мы нынѣ слышали въ святомъ Евангеліи. Царство небесное, такъ началъ Господь, подобно царю, который захотѣлъ свести счеты съ рабами своими. Когда онъ сталъ считаться, привели къ Нему одного, который долженъ былъ ему десять тысячъ талантовъ. А какъ рабъ не въ состояніи былъ заплатить такую огромную сумму, царь далъ приказаніе, какъ это въ древности было въ обычаѣ, продать его вмѣстѣ съ женой и дѣтьми и со всѣмъ, что было у него, и вырученною отъ продажи суммою заплатить. Тогда рабъ палъ въ ноги предъ царемъ, умоляя отсрочить на время уплату. Царь сжаился надъ рабомъ и совсѣмъ простилъ долгъ ему. Но рабъ былъ не таковъ, какъ царь. Получивъ милость отъ царя, идетъ онъ и встрѣчаетъ одного изъ товарищей, который долженъ ему всего сто пѣнязій: долгъ небольшой. И тѣмъ не менѣе онъ начинаетъ душить несчастнаго должника — товарища съ требованіемъ уплаты долга. И хотя тотъ, подобно тому какъ онъ самъ ранѣе, въ ногахъ у него умолялъ о снисхожденіи, прося потерпѣть на немъ и обѣщая все уплатить, жестокосердый рабъ и слушать

ничего не хотѣлъ, а пошелъ и посадилъ товарища въ темницу, пока не отдасть долга. Огорченные такою жестокостью товарищи рассказали своему государю о поступкѣ раба. Тогда царь призываетъ его и говоритъ: *злой рабъ! весь долгъ тотъ я простилъ тебѣ, потому что ты упросилъ меня. Не надлежало ли и тебѣ помиловать товарища своего, какъ и я помиловалъ тебя* (Матѣ. 18, 32—33)? И въ гнѣвѣ на него отмѣняетъ свое первоначальное рѣшеніе и отдаетъ раба истязателямъ, пока не уплатитъ ему всего долга. Сказавъ эту притчу, Господь заключилъ ее такими словами: *Тако и Отецъ Мой небесный сотворитъ вамъ, аще не отпустите кійждо брату своему отъ сердецъ вашихъ прегрѣшенія ихъ* (ст. 35).

Какъ въ этой притчѣ все ясно, какъ просто, какъ внушительно! Рабъ въ неоплатномъ долгу у царя, а между тѣмъ царь рѣшительно требуетъ уплаты долга, и рабъ умоляетъ своего владыку оказать ему снисхожденіе. Царь строгъ и требователенъ, но онъ и добръ, и милосердъ: снисходитъ мольбѣ раба и прощаетъ его. Но чтобы заслужить прощеніе, несомнѣнно, нужно быть достойнымъ того, имѣть доброе, мягкое сердце, нужно самому умѣть, при случаѣ, прощать другихъ. Но нѣтъ! самъ рабъ не обладаетъ этимъ добрымъ качествомъ; напротивъ: онъ черствъ сердцемъ, глухъ къ мольбамъ, очень притязателенъ, и за то достоинъ не снисхожденія къ себѣ, но строгаго суда и взысканія, которому и подвергается, потому что хотя царь и милосердъ, но въ тоже время и правосуденъ.

Этотъ милосердый и правосудный царь есть Богъ, предъ Которымъ мы всѣ, рабы Его, являемся неоплатными должниками. Не тысячи талантовъ мы получили отъ Него, а несравненно больше. Начать съ того, что самымъ бытіемъ, самую свою жизнь мы Ему обязаны. Онъ далъ тѣло и душу. Онъ одарилъ насъ разумомъ, сердцемъ и чувствами. Онъ далъ намъ землю со всѣмъ, что на ней и въ ней находится: съ многочисленными и многоразличными расте-

ніями и животными, сокровищами въ вѣдрахъ земли, съ дивными явленіями и сокровенными силами природы. Онъ распростеръ надъ нами чудный сводъ небесный. Онъ сотворилъ *на тверди небеснѣй* (Быт. 1, 17) солнце, луну и мириады звѣздъ, чтобы свѣтить днемъ и ночью на землю. И это все служить человѣку на удовлетвореніе его земныхъ потребностей и удовольствій. Вотъ, какъ много дано отъ Бога человѣку, ничтожному рабу Его, созданному изъ персти земной!

Что воздамъ Господеву о вѣсѣхъ, яже воздаде ми (Пс. 115, 3)? Что я отдамъ Господу въ уплату за все, что я получилъ отъ Него? Да помышляю ли я объ уплатѣ своего неоплатнаго долга? Нѣтъ! я рабъ лукавый и лѣнивый; я забываю благодѣянія Божіи; я и послужить Благодѣтелю своему не хочу; мнѣ въ тягость Его святые повелѣнья, покорность волѣ Его; меня манитъ призракъ свободы, независимости; я болѣе слѣдую въ жизни своимъ суетнымъ мудрованіямъ. Но Царь мой небесный безконечно милосердъ: со скорбію взираетъ на мои уклоненія отъ служенія Ему, но не оставляетъ меня немощного безъ Своей всесильной помощи, непрестанно промышляетъ о мнѣ, сохраняя мою жизнь, поддерживая мои силы, развивая способности, содѣйствуя во всемъ добромъ, помогая въ трудахъ и начинаніяхъ, подавая средства къ жизни благополучной и благоустроенной, чудесно избавляя отъ бѣдъ и злключеній земныхъ.

Но всего этого мало: Владыка неба и земли такъ человѣколюбивъ, что насъ грѣшныхъ, омрачившихъ грѣхомъ первобытную красоту душевную, *сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй* (Пс. 106, 10), погибшихъ, не оставилъ безъ своей помощи, даровалъ надежду спасенія смертію Единороднаго Сына Своего. Этою безцѣнною жертвою искупилъ отъ вѣчной смерти, которой повинны были за грѣхъ, и еще здѣсь на землѣ очищаетъ, просвѣтляетъ, возвращаетъ наши душевные силы, укрѣпляетъ ихъ, утѣдряя насъ благодатными дарами Святаго Духа, низпосы-

лаемыми въ таинствахъ Церкви, питая нетлѣнною пищею тѣла и крови Христовыхъ.

Вотъ, какъ мы осыпаны благодѣяніями Божиими; что, если Господь потребуеть уплаты за нихъ? Что мы отдадимъ? У насъ есть только грѣхи: Бога мы забываемъ, къ молитвѣ лѣнны, къ людямъ безсердечны и невнимательны и взыскательны, къ себѣ же снисходительны, горды и самолюбивы, трудомъ тяготимся и думаемъ больше объ удовольствіяхъ и наслажденіи, къ душевной чистотѣ нерадивы. Неоплатные мы должники передъ Богомъ, высокія и безчисленныя займованія намъ даровавшимъ.

И что намъ остается дѣлать грѣшнымъ и неключимымъ рабамъ, какъ только взывать къ своему Владыкѣ о помилованіи и прощеніи: *Господи, потерпи на мнѣ* (Лук. 18,26)?

Господь милостивъ и снисходитъ немощи нашей и бѣдности духовной, готовъ простить всякому, взывающему къ Нему, и охотно прощаетъ. Но... но прощаетъ тому только, кто самъ прощаетъ ближнему своему, согрѣшающему противъ него, кто снисходитъ къ немощамъ другихъ, кто терпѣливо переноситъ обиды, оскорбленія и непріятности, кто не помнитъ зла на людяхъ. А безъ этого и молитва наша негодна Богу, какъ отъ нечистыхъ сердецъ возносимая: *если, говоритъ Господь, ты принесешь даръ Твой къ жертвеннику и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что набудь противъ тебя, оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ и пойдѣ прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда придѣ и принеси даръ твой* (Мате. 5, 23—24). И тогда только мы будемъ имѣть дерзновеніе неосужденно призывать Небеснаго Бога Отца и глаголати: *Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ* (Мате. 6, 9, 12).

Но ты не умѣешь снизойти къ ближнему своему, не хочешь снести обиды, тебѣ причиненной, не можешь забыть непріятности себѣ. Это потому, что ты гордъ и самолюбивъ, высоко о себѣ думаешь. Но не воздымайся

очень, человѣкъ, обрати свой взоръ на себя самого, разсмотри безпристрастно свои отношенія къ людямъ: всегда ли самъ-то справедливъ бываешь? А главное, обрати вниманіе на свою жизнь: на свои дѣйствія и поступки, на свои мысли и намѣренія. Всмотрись хорошенько въ себя, во свѣтъ святого евангелія, отстранивъ неумѣстное самолюбіе, затѣняющее духовныя очи. И познаешь, что ты самъ своей нечистотой грѣховной постоянно оскорбляешь Бога, оскорбляешь несравненно больше, чѣмъ самъ терпишь отъ людей.

Согрѣшенія ближнихъ противъ насъ—это не болѣе, какъ незначительные приточные сто пѣнязей. Какъ намъ не простить ихъ, когда мы сами, находясь въ неоплатномъ долгу предъ Богомъ, пользуемся милостями Его? Не будь злопамятенъ, оставь злобу и вражду.

Тебѣ трудно перенести незаслуженное оскорбленіе, не въ силахъ забыть его и угасить злобное чувство, бурующее тебя: удержиись по крайней мѣрѣ отъ мстительности, принудь себя сдѣлать какое-нибудь добро оскорбившему, а главное помолись за врага своего. Ничто такъ не сближаетъ людей, какъ взаимная молитва, потому что въ ней ты Самого Бога дѣлаешь посредникомъ между тобою и врагомъ. Трудно только положить начало, а послѣ ты самъ уразумѣешь и почувствуешь, что злопамятство и негодованіе тебя раздражаетъ и тебѣ же самому вредъ приносить и беспокоить, а примирительность разливаетъ пріятный и цѣлительный елей въ изъязвленную злобою душу и покой сообщаетъ тѣлу.

Всмотрись въ сердце свое, и тамъ, въ тайникахъ его, найдешь таящуюся искру любви, вложенную Создателемъ; возгрѣй ее, воспламени и этимъ божественнымъ пламенемъ пожги недобрыя чувства къ ближнимъ, оскорбившимъ тебя. Прости, непременно прости, а то и Богъ не проститъ тебя и подвергнетъ тяжелой участи. Что намъ до того, что, по понятіямъ міра сего, люди кроткіе, снисходительные къ обидамъ, обзываются слабыми, безка-

рактерными, неумѣющими постоять за свою честь? Такой взглядъ не христіанскій, недостойный вниманія, и ведетъ къ большому злу, и потому-то въ глазахъ міра такъ естественъ, что *міръ, по апостолу, весь во зль лежитъ*. (I Иоан. 5, 19). *Не сообразуйтесь вѣку сему, внушаетъ святыи апостоль Павелъ, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая и угодная, и совершенная* (Рим. 12, 2).

Но, мнится мнѣ, кто либо изъ слушателей пожалуй поставитъ въ укоръ проповѣднику его слово о прощеніи. Зачѣмъ, скажутъ, внушать въ наши времена прощать, когда постоянно приходится слышать, какъ то тамъ, то здѣсь прощаютъ и даже оправдываютъ несомнѣнно виновныхъ, снисходительно судятъ людей, совершившихъ и немалыя преступленія. Все это такъ, нынѣ принято оправдывать на судѣ. И все же пастырю Церкви приходится внушать заповѣдь Христову о прощеніи, даже усиленно внушать ее, потому что эта заповѣдь въ наши дни болѣе, чѣмъ когда либо, нарушается.

Что касается оправданій на судѣ лицъ завѣдомо преступныхъ, то здѣсь не уваженіе къ ученію Христову сказывается, а какое-то, такъ сказать, безволіе, безхарактерность, дешевый либерализмъ, а вмѣстѣ неустойчивость во взглядѣ на добро и зло, а можетъ быть и шаткость нравственныхъ началъ въ себѣ самихъ, при которыхъ является возможной мысль, что, находясь въ другомъ нѣсколько положеніи, подъ давленіемъ обстоятельствъ, и сами могли бы сдѣлать такое или подобное ему преступное дѣяніе. Заповѣдью Господа о прощеніи не отнимается у судей и лицъ начальствующихъ право наказывать лицъ, подлежащихъ ихъ суду. Какъ добрый отецъ, какъ любящая мать подвергаютъ наказанію упрямое дитя безъ малѣйшей злобы, а единственно въ силу любви своей съ намѣреніемъ исправить его, такъ и лица начальствующія и судьи поступаютъ правильно, осуждая виновныхъ. Иное дѣло взыскивать съ человѣка вслѣдствіе своихъ личныхъ

Интересовъ, иное для удовлетворенія людей постороннихъ; иное дѣло судить лицу частному, иное человѣку на то поставленному и потому закономъ обязанному. Власть даже обязана разыскать съ виноватаго, наказать его, съ одной стороны чтобы устрашить его и, если можно, исправить, съ другой—чтобы оградить другихъ отъ его преступленій. Прощать лицамъ преступнымъ—это значить не заботиться о благѣ ближнихъ и давать возможность злу усиливаться и умножаться; потому что, видя безнаказность, люди злонамѣренные начинаютъ все рѣшительнѣе и смѣлѣе развивать свою преступную дѣятельность, что такъ разительно подтверждается въ наши печальные дни. *Начальникъ, по слову апостола, есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся: ибо онъ не напрасно носитъ мечъ; онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое* (Рим. 13, 4). *Ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей* (I Петр. 2, 15). Такъ и Самъ Господь Иисусъ Христосъ ясно указалъ на богоучрежденность государственныхъ судебныхъ учреждений, заявивъ Своему судіи Пилату, что власть ему дана свыше (Иоан. 19, 11), или, что то же, отъ Бога. Отсюда ясно, что если лица власть имѣющіе уклоняются наказывать виновныхъ и бездѣйствуютъ, то они не исполняютъ данныхъ имъ отъ Бога обязанностей и достойны Божія прещенія.

Будемъ всегда кротки, обходительны и доброжелательны ко всѣмъ, всячески избѣгая всего, что можетъ повести къ враждебнымъ отношеніямъ, къ недобрымъ чувствамъ, такъ, чтобы, если возможно, и тѣни неудовольствія на себя не подать. А если ближніе наши возстаютъ на насъ, причиняютъ намъ притѣсненія и обиды, оскорбляютъ насъ, не будемъ отвѣчать имъ тѣмъ же, не будемъ мстить имъ, но простимъ ихъ, простимъ не наружно только, не лицемерно, но искренно, отъ сердца; покроемъ все любовью, опасаясь грознаго прещенія лишиться самимъ себѣ вѣчнаго поминовенія отъ Бога. Тѣ же изъ насъ, которые

самымъ положеніемъ призваны преслѣдовать преступленія и судить, да будутъ тверды въ своихъ дѣйствіяхъ, строго, не нарушая справедливости, преслѣдуя преступныя дѣянія, въ огражденіе общественнаго порядка, въ защиту попираемой правды, помня, что Самъ Господь, прощая хотя и великихъ грѣшниковъ, но способныхъ къ исправленію, строго осуждалъ и обличалъ людей нераскаянныхъ, во злѣ закоренѣлыхъ.

Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице Твое на ны и помилуй ны (Пс. 66, 2).

Протоіерей В. Серіевскій.

С Л О В О

въ день усѣкновенія главы святаго Іоанна Крестителя.

Скорбное событіе воспоминается нынѣ святою Церковію: собрала она насъ почтить память усѣкновенія честной главы Предтечи и Крестителя Господня Іоанна, высочайшаго праведника, болѣе котораго, по свидѣтельству Самого Господа, не было изъ рожденныхъ женами (Мате. 11, 11). Вѣрные зову Матери нашей Церкви скорбимъ и мы, соблюдая нынѣ строгій постъ и совершая богослуженіе въ темныхъ облаченіяхъ.

Припомнимъ воспоминаемое нами нынѣ событіе, какъ оно рассказывается въ святомъ Евангеліи. Правитель Галилеи Иродъ находился въ супружествѣ съ женою умершаго брата своего, Иродіадою, въ чемъ обличаемъ былъ Іоанномъ. Не снося обличеній праведнаго мужа, Иродъ посадилъ его въ темницу, но убивать его не смѣлъ, несмотря на то, что Иродіада находилась въ большой злобѣ на праведника; напротивъ, во многомъ слушала наставленія его, питая къ нему уваженіе. Но вотъ насталь день рожденія Ирода, когда онъ устроилъ большой пирь, на которомъ дочь Иродіады плясала и такъ угодила Ироду и всѣмъ гостямъ, что онъ поклялся дать ей все, что бы она ни попросила, хотя бы даже половину царства. Иродіада постаралась воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы исполнить свое давнишнее желаніе — умертвить обличителя своихъ беззаконій, и научила дочь просить главы Іоанна Крестителя. Иродъ, считая себя

связаннымъ клятвою, такъ торжественно предъ всѣми данною, повелѣлъ отсѣчь главу Святого, хотя это и было противно его собственному желанію. Глава была отсѣчена и принесена на блюдѣ дѣвицъ, которая и передала ее матери своей.

Такъ пострадалъ великій праведникъ отъ беззаконниковъ! Пострадалъ въ полномъ разгарѣ шумнаго веселья! Совершенно какое-то дикое и непонятное преступленіе! Совершенно не какими-нибудь низкими людьми, отребьемъ общества, но самую верховною властью, не тайно гдѣ-нибудь за угломъ, вдали отъ взоровъ человѣческихъ, но въ самомъ дворцѣ, при блестящемъ освѣщеніи, публично, почти на глазахъ многочисленнаго собранія, властей и сановниковъ государства! Иродъ убиваетъ не ненавистнаго себѣ человѣка, но уважаемаго, и противъ своей воли. Ранѣе хранившій жизнь Іоанна—лишаетъ его жизни именно въ тотъ день, когда самъ получилъ жизнь. Глава строжайшаго постника, проводившаго жизнь въ пустыни, приносится въ награду за пляску, въ угоду развратной женщины, въ злое сонмище сластолюбцевъ. Наша душа содрогается при одной вѣсти объ убійствѣ, а тутъ и самое зрѣлище окровавленной главы не приводитъ въ смущеніе беззаконную Иродіаду и не нарушаетъ общаго веселья плотоугодниковъ.

Вотъ до какого поразительнаго ослѣпленія доводятъ человѣка страсти! Вотъ какія ужасныя преступленія совершаются отъ неумѣренныхъ мірскихъ забавъ и нечестивыхъ увеселеній!

Слыша нынѣ и въ другое время вспоминая исторію усѣкновенія честнаго главы Предтечи Господня, мы всякій разъ поражаемся дикостью поступка Ирода и лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ зломъ дѣлѣ, и думаемъ: какой же нечестивецъ Иродъ, какая злая Иродіада и достойная ея дочь плясавица! Это какіе-то звѣри въ человѣческомъ видѣ, утоляющіе адскій пламень своей злобы свѣжею кровью своей невинной жертвы! Что это за дья-

вольское пиршество, завершающееся кровавою расправою, чинимую пирующими со спокойною совѣстію въ свое удовольствіе!

Да, мы въ ужасѣ и негодованіи при мысли объ Иродовомъ пиршествѣ... Но оглянемся на самихъ себя и свою жизнь, припомнимъ, въ чемъ мы проводимъ время своего досуга, обсудимъ, какъ проходить у насъ праздники, особенно вечеромъ, какими удовольствіями любимъ наслаждаться,—обсудимъ безпристрастно, не оправдывая себя и не извиняя.

Наступаетъ праздникъ, и первая забота у насъ объ украшеніи себя нарядными одеждами и объ услажденіи многочисленными и вкусными яствами. Конечно, это само по себѣ непредосудительно. Но положительно дурно и непростительно, когда эта забота объ одеждѣ и пищѣ выходитъ изъ границъ съ забвеніемъ *единого на потребу* (Лук. 10, 42), когда многопечительность праздничная, поглощая все время и ослабляя силы души и тѣла, не даетъ человѣку никакой возможности сосредоточиться и исполнить должнымъ образомъ заповѣдь Божию о священіи дня праздничнаго. Не бываетъ ли у насъ, что иная хозяйка въ заботѣ о пищѣ не находитъ возможнымъ присутствовать на праздничномъ богослуженіи и отпустить въ церковь прислугу или, присутствуя тѣломъ въ храмѣ, мыслями блуждаетъ около своего хозяйства, не слышитъ или не внимлетъ зову святой Церкви *отложить всякое житейское попеченіе* и имѣть сердце свое устремленнымъ *горь*, и спѣшить скорѣе домой.

Если утромъ нарушается нами святость праздника, то вечеромъ она совершенно попирается. Съ наступленіемъ вечера одни стремятся въ театры и другія мѣста шумныхъ увеселеній, нерѣдко безнравственныхъ, берутъ съ собою туда и дѣтей своихъ и положительно упиваются сими нечестивыми зрѣлищами. Другіе устраиваютъ у себя веселыя пиршества или идутъ къ другимъ на таковыя и просиживаютъ на нихъ далеко за полночь во вредъ сво-

ему здоровью. Здѣсь нѣтъ мѣста чему-либо святому или хотя бы только дѣльному; здѣсь все время поглощается суетными увеселеніями, недостойными человѣка разумнаго и слуги Христова. И у насъ на вечернихъ собраніяхъ происходятъ пляски или танцы, часто не уступающія пляскѣ дочери Иродіады, танцы, извращающіе всѣ установившіяся понятія людей. То, что во всякое другое время справедливо считается неприличнымъ и нескромнымъ, въ танцахъ не считается таковымъ. Короткія, близкія отношенія дѣвиць съ молодыми людьми, особенно незнакомыми, обычно немислимая, въ танцахъ свободно допускаются, даже прямо требуются по правиламъ танцевъ. Такъ въ танцахъ извращается человѣческій смыслъ. Это хитрая невидимая сѣти діавола, въ которыя люди охотно бросаются, сами не сознавая того, сѣти, въ которыя злой искушитель искусно уловляетъ людей даже самыхъ скромныхъ и самыхъ благопристойныхъ. Судите сами, можетъ ли сохраниться скромность и цѣломудренность дѣвицы, привыкшей находиться въ самомъ близкомъ общеніи съ посторонними мужчинами? И вотъ молодая дѣвушка незамѣтно теряетъ свое первое и существенное украшеніе — стыдливость и скромность—и пріучается къ вольному обращенію. Кому мы тогда подражаемъ? Ясно, что мы идемъ путемъ беззаконнаго Ирода и Иродіады и нечестивой ея дочери—плясавицы; и подобно Ироду, погубившему Іоанна Крестителя въ угоду плясавицѣ, приносимъ въ даръ танцамъ не тѣло, но самыя души чистыхъ и невинныхъ дѣтей своихъ.

Другое еще болѣе принятое развлеченіе, безъ котораго почти не обходится ни одной вечеринки, это — карты. У насъ принято смотрѣть на игру въ карты, какъ на пустую, невинную забаву. Но если повнимательнѣе вникнуть въ эту забаву, то окажется, что и она далеко не такова. Прежде всего—это самое пустое препровожденіе времени. Время нашей земной жизни есть даръ Божій, данный намъ для достойнаго приготовленія къ вѣчности, а въ

картахъ этотъ даръ положительно губится. Голова наша пуста, мысли наши всё сосредоточены на различныхъ карточныхъ сочетаніяхъ, которые, случается, долго и послѣ игры воспоминаются въ подробностяхъ. А что сказать объ играхъ азартныхъ, въ которыхъ губится и честь, и совѣсть, и здоровье! А сколько при игрѣ въ карты бываетъ хитростей, споровъ, ссоръ, а иногда и дракъ; сколько безчинныхъ смѣховъ, сколько горестей при неудачной игрѣ, сколько печали, негодованій и плача приходится слышать проигравшему со стороны своихъ домашнихъ, сколько здоровья губится отъ бессонныхъ ночей, напряженнаго состоянія и сильныхъ ощущеній! Человѣкъ дѣлается раздражительнымъ, а случается, теряетъ честь, совѣсть и рассудокъ и съ отчаянія рѣшается на самоубійство. Каждый играющій вникни въ свое душевное состояніе, сравни себя во время игры и безъ нея, и ты поразишься, увидавъ, насколько порочнѣе становишься ты во время игры въ карты. Все, что таится дурного въ нашей душѣ, чего мы, можетъ быть, и не подозрѣвали въ себѣ,—все это вырывается наружу. И выходитъ, что, увлекаясь картами, мы не далеко ушли отъ нечестиваго пиршества Ирода.

Чѣмъ долѣе продолжается наше вечернее собраніе, тѣмъ болѣе мы предаемся грубому разгулу, безъ котораго рѣдко обходится пиршество. Подъ вліяніемъ вина веселіе усиливается, страсти разгораются, поднимается шумъ и крикъ, раздается безумный смѣхъ, бесѣды становятся все болѣе нескромными, а иногда дѣло доходитъ до ссоръ, ругательствъ и драки; нѣкоторые доходятъ до того, что *прилагаются скотомъ несмысленнымъ и уподобляются имъ* (Пс. 48, 21). Безчувственные или отуманенные винными парами возвращаются они домой, внося въ семьи свои плачь и горе и разстраивая свое здоровье. Сравните этотъ разгулъ съ пиршествомъ Ирода, и вы увидите большое сходство. И чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ безчиннѣе онъ проводится нами. Особенно мы любимъ озна-

меновывать такими неприличными празднествами дни, связанные съ какими-нибудь семейными воспоминавіями, и преимущественно дни рожденія и именинъ.

Неужели нельзя провести весело и пріятно праздничные вечера въ скромной бесѣдѣ о предметахъ душеполезныхъ или о житейскихъ своихъ дѣлахъ, въ чтеніи книгъ духовно-нравственныхъ? Вы скажете, что это скучно, да и не принято. Скучно, можетъ быть, но потому, что мы не привыкли, оттого, что мы мало имѣемъ заботы, чтобы не напрасно носить имя христіанина, но и надѣлѣ быть таковыми.

Убоимся же проводить праздники въ нечистыхъ увеселеніяхъ, чтобы не уподобиться беззаконному Ироду и его нечестивому собранію. Устрашимся гнѣва Божія за грѣховное провожденіе святыхъ дней. Будемъ по заповѣди Божіей святить праздничные дни и проводить ихъ въ служеніи Господу и ближнимъ. *Яко во дни, благообразно да ходимъ не козлогласованіи и пїянствы* (Рим. 13, 13), но *житіе имуще добрд* (1 Петр. 2, 12). Постараемся неопустительно присутствовать на всѣхъ праздничныхъ богослуженіяхъ. Дома будемъ читать святое Евангеліе и разныя хорошія книги. Будемъ устраивать у себя скромныя собранія и вести добрыя бесѣды; будемъ и къ другимъ ходить для такихъ бесѣдъ. Особенно же позаботимся о меньшей братіи своей, проникнемся горячимъ участіемъ къ ближнимъ, постараемся оказывать имъ въ дни праздничные помощь, въ какой кто нуждается. А сознавая себя слабыми, удобопреклонными ко злу, помолимся святому предтечѣ Господню Іоанну, да поможетъ намъ проводить святые дни во славу Божію.

Протоіерей В. Серіевскій.

ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ ¹⁾.

51. О Лицѣ Иисуса Христа, какъ Спасителя.

По исполненіи опредѣленныхъ временъ Сынъ Божій воплотился для спасенія людей: «когда пришла полнота времени, Богъ послалъ Сына Своего (Единороднаго), Который родился отъ жены» (Галат. 4, 4). Этотъ воплотившійся Сынъ Божій есть Иисусъ, родившійся отъ Пресв. Дѣвы Маріи, согласно благовѣстію ангела: «се зачнеши во чревѣ и родиши Сына, и наречеши имя Ему Иисусъ (Лк. 1, 31), той бо спасеть люди Своя отъ грѣхъ ихъ. Сіе же все бысть, да сбудется реченное пророкомъ, глаголющимъ: се Дѣва во чревѣ приметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануиль, еже есть сказаемо съ нами Богъ» (Мат. 1, 21 — 3). — Отсюда все ученіе Церкви о Лицѣ Иисуса Христа кратко выражается въ названіи Его Богочеловѣкомъ. Хотя это наименованіе и не прямо заимствовано изъ свящ. Пис., но выражаетъ прямо сущность откровеннаго ученія о Лицѣ Иисуса Христа, сущность христологіи. Истина богочеловѣчества Иисуса Христа кратко формулирована Апостоломъ въ словахъ: «велія благочестія тайна: Богъ явился во плоти» (1 Тим. 3, 14). Еванг. Іоаннь, изложившій въ своемъ евангеліи возвышенное ученіе о томъ, что «Иисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій» (20, 31), говоритъ въ то же время, что «иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа, во плоти пришедша, отъ Бога

¹⁾ Продолженіе. См. юньскую кв. *Душепол. Чтенія* 1911 г.

нѣсть, и сей есть антихристовъ» (1. Іоан. 4, 3). Вѣра въ Иисуса Христа, какъ Богочеловѣка, есть исходная вѣра Церкви. Это ученіе, какъ одинъ изъ основныхъ догматовъ своихъ, Церковь всегда защищала и, въ виду возникавшихъ ересей, охраняла отъ искаженій и опредѣляла. Ереси, давшія поводъ къ подробному раскрытію ученія о Лицѣ Иисуса Христа, возникали съ двухъ сторонъ — то подъ вліяніемъ іудейства, то подъ вліяніемъ язычества, ибо іудеи и язычники, переходя въ христіанство, не сразу отрѣшались отъ своихъ прежнихъ воззрѣній и старались изъяснять христіанство то въ смыслѣ іудейства, то въ смыслѣ язычества. Соотвѣтственно этому въ первые вѣка мы встрѣчаемъ два рода ересей—іудействующихъ и язычествующихъ. Ересь іудействующихъ выходила изъ того іудейскаго воззрѣнія, по которому Мессія представлялся въ плотскомъ, чувственномъ видѣ—земнымъ владыкою и царемъ, имѣющимъ дать іудеямъ блестящее политическое положеніе, возвратитъ времена Давида и Соломона. Образъ явившагося Мессіи, смиреннаго и униженнаго, претерпѣвшаго крестныя страданія для спасенія людей, производилъ въ нихъ соблазнъ, и они не могли съ нимъ примириться, какъ и говорилъ Апостоль: «мы проповѣдуемъ Христа распята, іудеи же убо соблазнъ» (1 Кор. 1, 22—3). Подъ вліяніемъ іудейскихъ взглядовъ и чаяній образовалась евіонитская ересь. Изъ представителей ея извѣстенъ Керинфъ I вѣка, котораго обличалъ еще Іоаннъ Богословъ. Керинфъ представлялъ Иисуса Христа простымъ человѣкомъ, родившимся естественнымъ образомъ отъ Іосифа и Маріи, но одареннымъ свыше дарами св. Духа при крещеніи; затѣмъ по Керинфу Христось былъ распятъ и страдалъ, какъ простой человѣкъ. Значитъ, смерть Его не могла имѣть искупительнаго значенія. Керинфъ считалъ Христа только за божественнаго Посланника или пророка, отрицая Его божественную природу. Но самымъ строгимъ и послѣдовательнымъ защитникомъ евіонизма былъ Павелъ Самосатскій, осужденный на антиохійскихъ соборахъ 266

и 272 гг. Онъ усвоилъ Христу право на названіе Сыномъ Божиимъ, но только въ нравственномъ смыслѣ.

Евѣонитскому воззрѣнію противостояло другое направленіе—язычествующее, имѣвшее въ своей основѣ языческой дуализмъ, который считалъ матерію злымъ началомъ. По этому воззрѣнію Искупитель, или Спаситель человечества, не могъ принадлежать къ вещественному міру, а долженъ быть однимъ изъ духовъ, чтобы освободить изъ узъ матеріи связанная души людей. Представителями этого направленія были гностики, смотрѣвшіе на Христа, какъ на одинъ изъ высшихъ эоновъ, божественныхъ духовъ, который явился и возвѣстилъ людямъ о небесной жизни и чрезъ просвѣщеніе освободилъ отъ чувственной жизни. По ихъ представленію, Христосъ не могъ быть истиннымъ человѣкомъ, ибо матерія, или плоть, есть зло, почему ученіе объ искупленіи чрезъ Его страданія и смерть представлялось имъ невозможнымъ. Къ нимъ приложимы слова ап. Павла: «еллины премудрости ищуть... Мы же проповѣдуемъ Христа распята... еллинамъ безуміе» (1 Кор. 1, 22—3). Спасеніе, по ихъ воззрѣнію, достигалось путемъ знанія, просвѣщенія, высшаго вѣдѣнія, а проповѣдь о Распятіи Христѣ представлялась имъ безуміемъ. И какъ съ іудейской точки зрѣнія отрицалась истина Божества Іс. Хр., такъ съ языческой—истина Его человечества. Изъ гностиковъ особенно характерными являются докеты, учившіе, что Христосъ имѣлъ только видъ человѣка, а не истинную человѣческую природу,—плоть кажущуюся, призракъ ея.

Въ этихъ противоположныхъ ересяхъ искажалась и разрушалась вѣра Церкви въ Іс. Хр., какъ Богочеловѣка. Отцы Церкви первыхъ трехъ вѣковъ отстаивали эту вѣру и называли Христа, согласно съ словомъ Божиимъ, то истиннымъ Богомъ, то истиннымъ человѣкомъ, Сыномъ Божиимъ и Сыномъ человѣческимъ, или прямо Богочеловѣкомъ. Терминъ «Богочеловѣкъ» принадлежитъ Оригену. Ученіе о Богочеловѣчествѣ Іс. Хр. отцы и учителя Церк-

кви ставили въ неразрывную связь съ дѣломъ спасенія. Вочеловѣченіе Божества чрезъ Сына во Христъ необходимо было потому, что человѣкъ не могъ возсоздать и снасти себя самъ, а могъ сдѣлать это только Богъ. Съ другой стороны, «Ему, какъ Посреднику Бога и человѣковъ, по словамъ Иринея, надлежало чрезъ Свое родство съ Тѣмъ и другими привести обоихъ въ дружество и представить человѣка Богу, а человѣкамъ открыть Бога».

Впослѣдствіи явились отдѣльныя отраженія общихъ еретическихъ направленій—евіонитскаго и докетогностическаго. Такъ, Церковь должна была защищать истину Божества Христа противъ ереси Арія и истину человечества Іс. Хр. противъ ереси Аполлинарія. Представляя природу человѣческую состоящею изъ трехъ частей—тѣла, души и духа,—Аполлинарій училъ, что Іс. Хр. имѣлъ душу и тѣло человѣческія, а мѣсто духа у Него заступало Божество,—значить, усвоилъ Ему неполную человѣческую природу.—Но противъ этого ученія возстали отцы Церкви, выходя изъ той мысли, что если Христу нужно было возстановить и уврачевать человѣческую природу во всей ея цѣлости, то Онъ долженъ воспринять ее во всей полнотѣ. «Что не воспринято, то не уврачевано, но что соединилось съ Богомъ, то и спасается»,—говорилъ Григорій Богословъ въ обличеніе Аполлинарія. Ересь Аполлинарія ясно опровергается свящ. Писаніемъ: «понеже убо дѣти приобщахася плоти и крови, и Той прискреннѣ приобщися тѣхъ же. Не отъ ангель убо когда приимлетъ, но отъ сѣмене Авраамова приимлетъ» (Евр. 2, 16).

52. Объ образъ соединенія двухъ естествъ въ Иисуса Христа.

Послѣ опредѣленія догмата о Богочеловѣчествѣ Иисуса Христа Церковь стала опредѣлять отношеніе природы Его—Божеской и человѣческой—между собой. Тутъ мы встрѣчаемъ опять два крайнихъ направленія, закончившіяся ересями. Одни, держась различія естествъ въ Іс.

Хр., уничтожали единство ихъ, раздѣляя ихъ, а другіе, держась единенія, отвергали различіе ихъ и смѣшивали между собой.

Поводъ къ этимъ двумъ крайнимъ воззрѣніямъ далъ Оригенъ. Желая изъяснить соединеніе во Христѣ двухъ природъ, онъ утверждалъ, что Божество не могло соединиться съ тѣломъ человѣческимъ непосредственно, но чрезъ посредство души, которая по своей природѣ способна къ союзу съ Богомъ и назначена къ жизни въ тѣлѣ. Какъ же и когда Божество соединилось съ человѣческой душой? Это онъ изъясняетъ въ связи съ своей теоріей предсуществованія душъ. Души всѣхъ людей, разсуждаетъ онъ, отъ начала были сотворены Богомъ, и тогда же существовала душа Искупителя міра. Когда всѣ души пали, душа Искупителя міра осталась вѣрною Богу, пребыла въ союзѣ съ Нимъ, прилѣпилась къ Нему вѣрностію и любовію. Тутъ и образовалось общеніе между человѣческой душой и Богомъ, установилось нравственное единеніе между ними. Но чувствуя недостаточность даннаго имъ объясненія для того единенія природъ, которое открылось въ Лицѣ Ис. Христа, Оригенъ прибавлялъ, что душа Христа прилѣплялась къ Богу все болѣе и болѣе, такъ что обожилась.

Тутъ мы и видимъ двѣ точки зрѣнія, которыя впоследствии стали исходными началами двухъ крайнихъ еретическихъ воззрѣній, изъ которыхъ одно признавало нравственное единеніе Божеской и человѣческой природы. Это воззрѣніе усвоила богословская школа Антиохійская, отличавшаяся характеромъ раціоналистическимъ. Другую точку зрѣнія—обоженіе человѣческой природы до смѣшенія ея съ Божеской—усвоила Александрійская школа, отличавшаяся характеромъ мистическимъ. Изъ представителей Антиохійской школы, раздѣлявшихъ естества въ Лицѣ Ис. Хр. и отрицавшихъ единство ихъ, можно указать на Діодора Тарсійскаго и Феодора Мопсуетскаго. Публичнымъ проповѣдникомъ ихъ воззрѣній является Не-

сторій. Отношеніе между Божествомъ и человѣчествомъ во Христвъ, по ученію его, вовсе не было отношеніемъ внутренняго ипостаснаго, а только чисто нравственнаго единства. Богъ Слово пребывалъ во Христвъ, какъ храмъ. Тутъ происходило соприкосновеніе естествъ, а не единеніе ихъ. Богъ Слово былъ однимъ лицомъ, а человѣкъ другимъ лицомъ—*ἄλλος καὶ ἄλλος*—иной и иной. Соотвѣтственно этому Несторій училъ, что пресв. Дѣва родила не Бога, а просто человѣка, почему должна быть названа Христородицей, а не Богородицей.

Защитникомъ православнаго ученія явился Кирилль Алекс., написавшій 12 анаематизмовъ противъ Несторія. Но неумѣренные послѣдователи Кирилла, воспользовавшись неточнымъ, вслѣдствіе невыработанности богословской терминологіи, выраженіемъ св. Кирилла, пришли къ новой ереси. Кирилль говорилъ: «едино естество Слово воплотившееся», употребляя *μία φύσις* вмѣсто *μία ὑπόστασις*. Изъ этого выраженія вывели заключеніе, что въ Ис. Хр. одно естество, а не два, человѣческое поглощено Божествомъ, и потому плоть Его не была единосущна нашей. Евтихій былъ осужденъ на мѣстномъ Константинопольскомъ соборѣ. Но сильнымъ защитникомъ его ереси явился Діоскоръ, патр. Алекс. Истина православія, впрочемъ, скоро восторжествовала. На 4-мъ всел. соборѣ 451-го г. въ вѣроопредѣленіе были внесены извѣстные термины, опредѣлившіе взаимоотношеніе естествъ въ Ис. Хр.: «неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно». Эти термины, обязанные своимъ появленіемъ въ значительной степени папѣ Льву, положили конецъ ересямъ несторіанской и еutihianской. Но не этимъ только отрицательнымъ значеніемъ исчерпывается смыслъ этихъ терминовъ. Они заключали въ себѣ и весьма важное положительное содержаніе. Они непререкаемо устанавливали, что воплощеніе не привнесло никакого измѣненія въ Божество второго Лица св. Троицы, ибо Сынъ Божій, соединившись съ человѣчествомъ, не пересталъ быть Божественною

Личностью и не растворилъ въ Себѣ челоуѣчества. Эти термины точно утвердили мысль, выраженную еще св. Иринеемъ: «если бы не челоуѣкъ побѣдилъ врага челоуѣческаго, то врагъ не былъ бы побѣжденъ законно. И опять если бы не Богъ даровалъ спасеніе, то мы не имѣли бы его прочно». Дѣло спасенія совершилъ Христосъ, не какъ Богъ только или челоуѣкъ, а какъ Богъ и вмѣстѣ челоуѣкъ. «Не знаетъ, подлинно не знаетъ смысла жизни своей тотъ, кто не признаетъ Христа Іисуса какъ истиннымъ Богомъ, такъ и истиннымъ челоуѣкомъ. Истинная вѣра въ блаженство людей зиждется на проповѣди о Богѣ и челоуѣкѣ, на исповѣданіи Слова и плоти», писалъ Иларій Пиктавійскій.

Отпрыскомъ еutihianской или монофизитской ереси явилось моноелитство, усвоившее Христу одну волю, ибо Онъ представляетъ Собою одно Лицо. Два хотѣнія или дѣйствія во Христѣ не предполагаютъ ли двухъ Лицъ? спрашивали моноелиты. Но св. Максимъ Исповѣдникъ съ очевидностью показалъ, что волю нужно относить не къ лицу, а къ природѣ. Въ противномъ случаѣ во Христѣ не было бы полной челоуѣческой природы. И люди различаются по направленію желаній, а не по самой волѣ, которую, какъ силу природы, имѣютъ всѣ.—Моноелиты затруднялись допустить волю челоуѣческую въ Іс. Хр., думая, что черезъ это произойдетъ въ Немъ противоборство съ волей Божественной. Но это опасеніе ихъ было напрасно, потому что такое противоборство или раздѣленіе могло быть только въ челоуѣкѣ вслѣдствіе общаго ненормальнаго состоянія его.

Отпрыскомъ несторіанства была адопціанская ересь во второй половинѣ 8-го вѣка. Адопціане различали два сыновства въ Іс. Хр. и считали Его по Божеству Сыномъ собственнымъ, а по челоуѣчеству—усыновленнымъ. Они относили понятіе сыновства къ природѣ, и т. к. во Христѣ было два естества, то, по ихъ мнѣнію, въ Немъ было два сыновства. Между тѣмъ сыновство есть личное свой-

ство, и поэтому Онъ есть едиnorodный Сынъ Божій по Божеству и человѣчеству.

Новѣйшія лжеученія касательно Лица Ис. Хр. въ сущности представляютъ собою воспроизведеніе древнихъ еретическихъ воззрѣній. И это потому, что новѣйшіе лжеучители, подобно древнѣйшимъ, держатся либо дуалистическаго, либо пантеистическаго взгляда на все существующее, а потому либо совершенно отдѣляютъ Бога отъ міра, вслѣдствіе чего и оказывается невозможнымъ близкое и внутреннее общеніе между Нимъ и человѣкомъ, либо совершенно отождествляютъ или смѣшиваютъ Бога съ міромъ, до утраты человѣкомъ личности. Такъ напр. соцініанство, отвергшее Божественность во Христѣ, напоминаетъ древній евіонизмъ. Идеалистическій пантеизмъ, обратившій все историческое во Христѣ и христіанствѣ въ одинъ призракъ, напоминаетъ собою древне-гностицескій докетизмъ.

53. О единствѣ Ипостаси въ Иисусѣ Христѣ.

Исповѣдая во Христѣ Иисусѣ два естества—Божеское и человѣческое, Церковь вмѣстѣ съ тѣмъ исповѣдуетъ, что въ Немъ одно Лицо, что два естества въ Немъ соединились въ единую Ипостась Бога Слова. Эта истина ясно дана въ посл. Ап. Павла къ Филиппійцамъ: «сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Иисусѣ: Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу (не считалъ хищеніемъ для Себя быть равнымъ Богу), но Себе умалилъ, зракъ раба пріимъ, въ подобіи человѣчествѣмъ бывъ и образомъ обрѣтеса якоже человѣкъ,—смирилъ Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Иисусъ Христосъ въ славу Бога Отца» (2, 5—11). Въ послѣ къ Римл. Апостоль, перечисляя преимущества іудеевъ,

между прочимъ говорить: «ихъ же отцы, и отъ нихже Христось по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки» (9, 5). Значить, челоувѣчество въ Исусѣ Христѣ не получило особой ипостаси, не составляетъ самостоятельной личности, а воспринято Божествомъ въ единство Его Божеской Ипостаси.

Противъ ученія Церкви о единой Ипостаси Сына Божія въ Ис. Хр. еще Аполлинарій выставялъ возраженіе. Признавая челоувѣчество Ис. Хр. полнымъ, православный богословъ, по мнѣнію Аполлинарія, обязанъ признать въ Немъ челоувѣческое самосознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самоопредѣленіе и, слѣдовательно, обязанъ признать Его челоувѣческое лицо. Природа или естество предполагаетъ лицо. Итакъ, во Христѣ два лица? спрашивалъ Аполлинарій.—Происхожденіе возраженія Аполлинарія понятно. Онъ былъ поклонникомъ Аристотелевской философіи. Выходя изъ Аристотелевскаго отождествленія понятій «природы» и «ипостаси», Аполлинарій сливалъ Божество и челоувѣчество во Христѣ въ одну природу и усвоилъ Ему одно лицо. Но тѣмъ не менѣе онъ поставилъ православнымъ богословамъ труднѣйшій въ хринологіи вопросъ. Было очевидно, что двойственности Лицъ во Христѣ допустить нельзя, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы мыслить соединеніе двухъ естествъ во Христѣ чисто внѣшнимъ, механическимъ способомъ, а вслѣдствіе этого невозможно было бы признать общенія свойствъ обоихъ естествъ и такимъ образомъ обновленія естества челоувѣческаго. Нельзя было допустить и смѣшенія во Христѣ двухъ естествъ. Но прояснить единство самосознанія, единство ипостаси въ Исусѣ Христѣ было очень трудно. Наилучшій отвѣтъ на этотъ затруднительный вопросъ далъ впослѣдствіи св. Іоаннъ Дамаскинъ. Онъ соглашается, что нѣтъ естества безъ ипостаси и нѣтъ сущности, не имѣющей лица. Но это относится къ естествамъ раздѣленнымъ, а не соединеннымъ. Поскольку предметы различаются, постольку они исчисляются. «Должно знать, что

число свойственно тому, что различается между собой, и невозможно, чтобы было исчисляемо то, что ни въ какомъ отношеніи не различается; но поскольку предметы различаются, по этой причинѣ они и исчисляются, какъ напр. Петръ и Павелъ: поскольку они соединены, не исчисляются. Ибо соединяемая по отношенію къ сущности, они не могутъ назваться двумя естествами, различаясь же по ипостаси, они называются двумя ипостасями. Поэтому различіе—причина числа.

Въ новѣйшей богословской мысли—протестантской—мы встрѣчаемъ стремленіе уяснить разбираемый вопросъ о единствѣ Лица въ Ис. Христѣ посредствомъ такъ называемой кенотики. Этотъ терминъ заимствованъ изъ посл. къ Филип., что Христосъ, будучи «во образѣ Божіемъ», истощилъ (ἐξένωσε), самоуничжилъ Себя чрезъ воплощеніе. Сущность кенотики состоитъ въ томъ, что во второмъ Лицѣ св. Троицы чрезъ воплощеніе Его произошла будто бы существенная метафизическая перемѣна, самоистощеніе Божества, лишеніе того, что свойственно Христу, какъ Богу. Божество на время перестало быть Богомъ, превратилось въ человѣка. Такъ спасается единство Лица во Христѣ.—Ученіе явно несообразное, прежде всего по экзегетическимъ основаніямъ. «Образъ Божій», по греч. *μορφή* не означаетъ здѣсь сущности, употреблено не въ смыслѣ *οὐσία*. Настоящее время «сый» (Иже во образѣ Божіи сый), а не прошедшее, нельзя понимать такъ, что сначала Христосъ былъ Богомъ, а потомъ пересталъ быть имъ. Значить, истощеніе не было измѣненіемъ сущности Божіей, а лишь своеобразнымъ внутреннимъ сжатіемъ Божественной славы, сокрытіемъ ея въ человѣческой плоти. Эта слава обнаруживала Свои Божественныя свойства только иногда, напр. при преображеніи,—тѣмъ не менѣе Христосъ во все продолженіе Своей земной жизни непрерывно обладалъ полнотою Божественной жизни, и кеносисъ состоялъ въ подвигѣ отреченія отъ ея внѣшняго проявленія.—Но главнымъ образомъ въ кенотикѣ не до-

одѣнивается внутренней смыслъ воплощенія. Цѣлью его было побѣдить человѣческой грѣхъ и утвердить Божественную жизнь—славу въ условіяхъ природной человѣческой ограниченной жизни, пережить въ Своей Личности и немощи, и прославленіе человѣческой личности. Только такимъ образомъ Христосъ могъ привить Божественную жизнь людямъ, сдѣлать для нихъ возможнымъ участіе въ Божественной славѣ. Значить, при Своемъ самоуниженіи до полного подобія человѣку Сынъ Божій не переставалъ быть Богомъ.

54. О слѣдствіяхъ ипостаснаго соединенія двухъ естествъ въ Иисусъ Христъ.

Первымъ слѣдствіемъ ипостаснаго соединенія Божескаго и человѣческаго естествъ въ единомъ Лицѣ Иисуса Христа, т.-е. значить соединенія не вѣшняго, а внутренняго и живого, является общеніе свойствъ обоихъ естествъ въ Иисусъ Христъ. Въ обыкновенной человѣческой личности, въ силу органическаго соединенія ея души и тѣла, устанавливается постоянный обмѣнъ жизни между ними, такъ что переживаемое тѣломъ отражается въ душѣ, и переживаемое душою отражается въ тѣлѣ. Такъ и въ Иисусъ Христъ оба естества живутъ и дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что все то, что чувствуетъ и испытываетъ человѣческое естество, чувствуется и испытывается вмѣстѣ и Божественнымъ естествомъ. Поэтому христіанинъ можетъ отваживаться на смѣлое заключеніе, что въ Лицѣ Иисуса Христа Божество соучаствуетъ во всемъ, что свойственно нашей природѣ, что Оно въ этомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ нашимъ естествомъ въ Лицѣ Иисуса Христа соучаствовало Его страданію и смерти, принятымъ Имъ по человѣчеству. Въ этомъ-то именно и заключается основаніе христіанской вѣры въ искупленіе Иисуса Христа, въ его дѣйствительность и силу. Вотъ почему въ священномъ Писаніи говорится, что «Господь Богъ стяжалъ Церковь кровію Своею» (Дн. 20, 28). Божество само по себѣ стра-

дать не можетъ, но, соединившись ипостасно съ человѣчествомъ, Оно, по выраженію откровенія, претерпѣло всѣ наши немощи, испытало бѣдность нашу: «аще и Сынъ быше, обаче навъче отъ сихъ, яже пострада, послушанію» (Евр. 5, 8). Съ другой стороны Самъ Христосъ говоритъ о Себѣ: «никтоже взыде на небо, токмо спедый съ небесе Сынъ человѣческій, сый на небеси» (Іоан. 3, 13).

Общеніе свойствъ во Христѣ, однако, не такъ должно понимать, чтобы свойства одного естества дѣлались свойствами другого, или чтобы самыя естества превращались одно въ другое. Каждое естество, взятое отдѣльно, сохраняетъ свои свойства: Божество—безконечность, человѣчество — ограниченность. Общеніе свойствъ имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда обѣ природы разсматриваются нераздѣльно соединенными въ Лицѣ Іисуса Христа, а не взятыми отдѣльно, въ отвлеченіи другъ отъ друга.

Другимъ слѣдствіемъ ипостаснаго соединенія двухъ природъ во Христѣ является обоженіе человѣческаго естества. Оно состоитъ не въ томъ только, что человѣческое естество Іисуса Христа отъ соединенія съ Божествомъ возвысилось до возможной для него степени совершенства, обогатилось всякою премудростію, благодію и т. п. Обоженіе состоитъ въ томъ, что человѣчество вознесено въ Лицѣ Іисуса Христа на высоту Божества, сопробываетъ съ Нимъ всюду и во вѣки вѣковъ, принято въ общеніе власти и силы вѣчной и стало «едино съ Богомъ и Богомъ», какъ выражается св. Дамаскинъ. Обоженіе, слѣдовательно, есть какъ бы обратная сторона воплощенія. Что Богъ сталъ человѣкомъ, это выражается словомъ «воплощеніе». Но если Богъ сталъ человѣкомъ, то и человѣческая природа стала единою съ Божескою по ипостасному соединенію. Послѣднее обозначается словомъ «обоженіе». Такъ прославлено и обожено человѣчество, принадлежащее Іисусу Христу, т.-е. воспринятое Имъ индивидуально. Но въ Іс. Христѣ обожено не одно только Его человѣчество, но и наше, т.-е. человѣчество вообще, понимаемое въ родовомъ

смыслѣ, ибо Іисусъ Христосъ принялъ на Себя плоть, единосущную нашей. Онъ также есть «сѣмя Авраамова».

Третьимъ слѣдствіемъ ипостаснаго соединенія естество въ Іисусѣ Христѣ является единое, нераздѣльное поклоненіе Ему по Божеству и человѣчеству. «Не отвергаемъ поклоненія плоти, говоритъ св. Дамаскинъ, ибо ей воздается поклоненіе въ единой ипостаси Слова, но не служимъ твари, ибо поклоняемся плоти не какъ простой плоти, но какъ плоти, соединенной съ Божествомъ».

55. *О безгрѣшности Іисуса Христа по человѣчеству.*

Іисусъ Христосъ былъ полнымъ, совершеннымъ человѣкомъ, ибо, по выраженію Апостола, Онъ «не Ангеловъ, но сѣмя Авраамова воспріемлетъ, посему Онъ долженъ былъ во всемъ уподобиться братьямъ» (Евр. 2, 16—17). Однако Онъ имѣетъ существенное отличіе отъ прочихъ людей: Онъ безгрѣшенъ. По выраженію того же Апостола въ другомъ мѣствѣ, «посла Богъ Сына Своего въ подобіи плоти грѣха» (Римл. 8, 3). Здѣсь слово «въ подобіи» относится ко грѣху, т.-е. человѣческая природа воплотившагося Сына Божія была только подобна нашей, склонной къ грѣху, плоти, слѣдовательно не была испорченной и развращенной. Іисусъ Христосъ былъ непричастенъ первородному грѣху, ибо зачатіе Его было безмужное, сверхъестественное, подъ наитіемъ Св. Духа, предочистившаго душу и тѣло пресвятой Его Матери. «Духъ Святыи найдеть на тя, благовѣствовалъ ангель Дѣвѣ Маріи, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и раждаемое свято наречется Сынъ Божій» (Лк. 1, 35). Будучи свободнымъ отъ первороднаго грѣха, Іс. Хр. былъ совершенно чистъ отъ всякаго грѣха личнаго. «Кто отъ васъ обличаетъ Мя о грѣсѣ?» спрашивалъ Онъ іудеевъ (Іоан. 8, 46). Предъ наступленіемъ Своихъ страданій Онъ сказалъ ученикамъ: «грядеть сего міра князь, и во Мнѣ не имать ничесоже» (Іоан. 14, 30). Въ силу этой Своей безгрѣшности Христосъ и могъ осуществить въ Себѣ идеаль человѣка, явить

Себя такимъ, какимъ человѣку должно быть. Предъ нравственною выотою Его Личности преклоняются, какъ извѣстно, даже невѣрующіе въ Него, какъ Бога. И они часто, противъ своей воли, исповѣдуютъ, подобно сотнику, стоявшему при крестѣ: «воистину человѣкъ сей праведенъ бѣ» (Лук. 23, 47).

Но такъ какъ безгрѣшность Христа, какъ человѣка, есть чудо, то отрицатели чудесъ—раціоналисты—отрицаютъ въ Немъ и абсолютное совершенство. Не подлежало ли человѣчество во Христѣ обычному закону постепеннаго развитія, какъ сказано у евангелиста: «Иисусъ преуспѣвалъ въ премудрости и возрастѣ, и любви у Бога и человѣковъ» (Лк. 2, 52)? Отсюда дѣлается заключеніе, что безгрѣшность въ Иисусѣ невозможна.—Но здѣсь, очевидно, наблюдается нѣкоторое смѣшеніе понятій въ области нравственности. Здѣсь грѣхомъ считается неполнота добра, между тѣмъ какъ грѣхъ состоитъ въ прямомъ отрицаніи или нарушеніи добра. Впрочемъ главныя основанія для отрицанія безгрѣшности во Христѣ раціонализмъ хотеть найти въ исторіи искушеній Христа діаволомъ и въ Геосиманскомъ моленіи о чашѣ. Искушенія въ пустынѣ будто бы свидѣлствуютъ о томъ, что Иисусъ былъ подверженъ злу, боролся съ нимъ. Искушенія будто бы могли приражаться Ему лишь на почвѣ похоти. То правда, что грѣшный человѣкъ по большей части искушается, увлекаясь и обольщаясь собственною похотью (Іак. 1, 14). Но искушенія могутъ имѣть почву для себя не только въ похотливыхъ, безнравственныхъ движеніяхъ души, а совершенно въ законныхъ побужденіяхъ человѣческой природы. Естественныя и безпорочныя немощи, въ которыхъ, какъ въ природной ограниченности, высшія стремленія духа встрѣчаютъ себѣ препятствія, могли служить точкой отправленія для искушеній Христа діаволомъ. Иисусъ, сказано въ Евангеліи, възлгалъ. Голодъ и жажда являются законными потребностями человѣческой природы, данью Іисуса человѣческой плоти. И они послужили діаволу естественной

почвой для искушеній Христа, ослабѣвшаго отъ продолжительнаго поста, съ цѣлью отвлечь Его отъ тяжелаго искупительнаго подвига и избрать болѣе легкій путь для спасенія людей посредствомъ чуда и вѣшной силы. Но Христосъ восторжествовалъ надъ человѣческими слабостями и представленіями о спасеніи. Онъ обнаружилъ полную Богопреданность и Богосыновство, ибо Онъ отвѣтилъ дѣволу, что «не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ» и: «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мат. 3, 4 и 10). — Такимъ образомъ зло не коснулось души Иисуса Христа.

Геесиманское бореніе также не бросаетъ никакого пятна на Иисуса. Если смерть, какъ возмездіе за грѣхъ, внушаетъ ужасъ и отвращеніе намъ—грѣшникамъ, то неизмѣримо большее отвращеніе она должна возбуждать у Существа святого и безгрѣшнаго. Въ мольбѣ о мимойтіи чаши крестной мы слышимъ вопль святой души, содрогнувшейся при созерцаніи гнусной картины грѣха въ самомъ крайнемъ проявленіи его—страданіяхъ и смерти Праведника.—По другому толкованію Христосъ скорбѣлъ и тужилъ не о Себѣ, а о родѣ человѣческомъ, мысленно представляя грѣхи и беззаконія, нами содѣянные, и всѣ казни, намъ уготованныя. Всѣ потоки такихъ беззаконій сливались для Иисуса въ единую чашу скорби и страданій (Филаретъ, митр. Московскій).

56. *О Приснодѣствѣ Божіей Матери.*

Съ ученіемъ о Лицѣ Иисуса Христа тѣсно связано ученіе о лицѣ Матери Его. Православная Церковь исповѣдуетъ, что Матерь Господа нашего Иисуса Христа пребывала Дѣвою прежде рождества и въ рождествѣ Иисуса Христа и осталась Дѣвою по рождествѣ Его. Первая истина ясна изъ пророч. Исаи: «се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родить Сына, и наречеши имя Ему Еммануиль» (7, 14), далѣе изъ благовѣщенія ангела Дѣвѣ Маріи: «не бойся

Маріамъ: обрѣла бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чревѣ, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Іисусъ. Сей будетъ велий, и Сынъ вышняго наречется» (Лук. 1, 30—2). Когда же Дѣва выразила недоумѣніе: «како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю», ангель отвѣтилъ ей, что зачатіе произойдетъ сверхъестественнымъ образомъ: «Духъ Святой найдетъ на тя, и сила Вышняго осѣнитъ тя: тѣмже и раждаемое свято, наречется Сынъ Божій» (1, 34—5). Еще яснѣе та же истина вытекаетъ изъ повѣствованія Евангелиста о дѣйствительномъ зачатіи и рожденіи Мессіи. «Обрученнѣй бывши Матери Его Маріи Іосифови, прежде даже не снитися има, обрѣтесе имущи во чревѣ отъ Духа Свята». Когда Іосифъ, узнавши о ея непраздности, хотѣлъ тайно отпустить ее, явился ему во снѣ ангель и сказалъ: «Іосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоея: рождшеебоя въ ней отъ Духа есть Свята... Возставъ же Іосифъ отъ сна, сотвори, якоже повелѣ ему Ангель Господень, и пріять жену свою. И не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца» (Мат. 1, 18—25). Послѣднія слова не показываютъ, что за дѣйственнымъ рожденіемъ Іисуса слѣдовало обычное брачное сожитіе Іосифа и Маріи. Слово «дондеже» на языкѣ свящ. Пис. не означаетъ, какъ извѣстно, непременно предѣльный моментъ, а нерѣдко равносильно выраженію «никогда» (Быт. 7, 8, Псал. 109, 3 и 1 Кор. 15, 25). Первенцемъ Христосъ называется не въ смыслѣ перваго изъ многихъ, а первороднаго, который могъ быть однимъ. Были у Христа, какъ видно изъ евангелія, братья, но они могли быть двоюродными или сводными отъ перваго брака Іосифа.— Такъ Богородица пребыла Дѣвою и по рожденіи Іисуса Христа. На приснодѣвство Богоматери отцы Церкви находили предугазаніе въ В. З. Прор. Іезекіиль, описывая таинственное видѣніе храма, о восточныхъ вратахъ этого храма говорить: «сія бяху затворенна. И рече Господь ко мнѣ: сія врата заключенна будутъ и не отверзутся, и никтоже пройдетъ ими: яко Господь Богъ Израилевъ ви-

дѣть ими, и будутъ заключенна» (44, 1—3). Подъ вратами здѣсь, по толкованію св. отцовъ, нужно разумѣть Дѣву Марію.

Римско-католическая церковь «для усиленія славы и возвеличенія» Дѣвы Маріи создала догматъ о непорочномъ зачатіи ея. Но этотъ догматъ не имѣетъ основанія въ свящ. Пис., гдѣ говорится о всеобщности первороднаго грѣха, и только Христу усвоится безгрѣшность. Въ свящ. Преданіи также нѣтъ указаній на этотъ догматъ, и въ самой католической церкви онъ принятъ и утвержденъ лишь въ 1854-мъ году.

57. О дѣлѣ спасенія, совершенномъ Иисусомъ Христомъ.

«Дѣло» (Іоан. 17, 4), для совершенія котораго воплотился единородный Сынъ Божій, есть дѣло спасенія: «Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ» (Мат. 1, 21), благовѣствовалъ архангелъ Гавріилъ. И Самъ Христосъ говорилъ о Себѣ, что Онъ пришелъ взыскать и спасти погибшаго человѣка (Мат. 18, 11). Согласно словоупотребленію въ Н. З., «спасеніе» означаетъ избавленіе отъ грѣха и его послѣдствій, возвращеніе природы человѣческой въ нормальное состояніе путемъ ея оздоровленія. Обыкновенно въ догматикахъ ученіе о спасеніи или сотеріологія раскрывается подъ схемой тройственнаго служенія Іисуса Христа. По этой схемѣ Іисусъ Христосъ совершилъ наше спасеніе троякимъ способомъ: какъ Пророкъ, просвѣтившій людей истиною и давшій имъ законъ вѣры и дѣятельности, какъ Первосвященникъ, принесшій Себя въ жертву для примиренія людей съ Богомъ, и какъ Царь, проявившій необходимое для нашего спасенія могущество. Для этой схемы есть, несомнѣнно, нѣкоторыя основанія въ Библии. Уже въ самомъ имени Мессіи или Христа—Помазанникъ—содержится указаніе на тройственное служеніе: въ В. З. помазанниками назывались цари, пророки и первосвященники, а ихъ служеніе было въ сущности прообразомъ новозав. служенія Іс. Хр. роду человѣческому

для его спасенія. Въ Н. З. усвояются Ис. Хр. наименованія пророка (Лк. 24, 19), первосвященника (въ посл. къ Евреямъ) и царя (Іоан. 18, 36). Имѣетъ за себя основаніе эта схема и въ церковномъ преданіи: въ зародышѣ мы встрѣчаемъ ее у Григорія Нисскаго, Лактанція, особенно у церковнаго историка Евсевія, но научной обработкой ученіе о спасеніи по этой схемѣ обязано преимущественно протестантскому богословію. Человѣкъ страдаетъ отъ трехъ бѣдствій: отъ невѣжества или незнанія истины и добра, отъ грѣха, какъ внутренняго своего состоянія, и отъ своего безсилія предъ окружающимъ его со всѣхъ сторонъ зломъ, особенно смертью. Отсюда спасти родъ человѣческой значитъ освободить его отъ этихъ трехъ бѣдствій его жизни. Тройственное служеніе Спасителя, какъ Пророка или Учителя истины, какъ Первосвященника или Искупителя грѣха, какъ могущественнаго въ борьбѣ со зломъ Царя, удовлетворяетъ совершенно этимъ требованіямъ.—Но не слѣдуетъ давать всеисчерпывающаго значенія формулъ тройственнаго служенія. Если дѣла великихъ людей трудно бываетъ уложить въ какія-нибудь опредѣленные рамки, то тѣмъ болѣе трудно и прямо невозможно умѣстить въ какія-нибудь рамки или богословскія схемы спасительное дѣло Христово, принадлежащее Богочеловѣку, слѣдовательно безконечно богатое своимъ внутреннимъ содержаніемъ. Разбираемой формулъ должно приписывать лишь относительное, условное значеніе, школьное, формальное.

Нѣкоторые, какъ въ древности гностики, а теперь рационалисты, особенно Ренанъ и Ричль, полагаютъ, что спасеніе совершено Иисусомъ Христомъ посредствомъ одного Его ученія и въ частности именно нравственнаго ученія. Одной нагорной проповѣди, говорятъ, достаточно было для спасенія людей. Такимъ образомъ пророческое служеніе Иисуса Христа выдвигается на первый планъ въ ущербъ первосвященническому и царскому.—Но вѣдь, по взгляду рационализма, въ ученіи Христа нѣтъ ничего аб-

солютно новаго, чего бы по частямъ и съ меньшею силою не высказали древніе учителя, философы, религіозные реформаторы, какъ, напримѣръ, Конфуцій, Будда, Сократъ, Платонъ, затѣмъ еврейскіе мудрецы—Гиллель, Шаммай, Гамалииль и др. Въ чемъ же тогда лежала сила словъ Иисуса Христа? Почему они произвели такое громадное дѣйствіе? Эта сила ученія Христа объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что эти слова были сказаны устами Того, Кто не просто человекъ, за котораго хотѣли признать Христа рационалисты, а Богочеловекъ. Во-вторыхъ, Христось, какъ Богочеловекъ, принесъ съ Собой на землю не только истину, но вмѣстѣ съ тѣмъ благодать, прощеніе, жизнь, избавленіе отъ грѣха. Иисусъ Христось основаль на землѣ царство Божіе не однимъ только Своимъ ученіемъ или сообщеніемъ истины людямъ, но и искупленіемъ ихъ отъ грѣха и смерти, чрезъ что привились къ природѣ человѣческой новыя благодатныя силы, «яже къ животу и благочестію» (2 Петр. 1, 2—3). Пророческое служеніе Иисуса Христа нужно мыслить въ неразрывной связи съ первосвященническимъ и царскимъ.

58. О пророческомъ служеніи Иисуса Христа.

Пророческое служеніе Иисуса Христа состояло въ томъ, что Онъ, подобно ветхо-завѣтнымъ пророкамъ, которые возвѣщали людямъ волю Божію (Агг. 1, 13) и учили ихъ благочестію, были руководителями ихъ жизни, возвѣстили людямъ волю Божію о спасеніи ихъ, принесъ на землю Евангеліе—благовѣстіе о царствіи Божіемъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ Мессія сопоставляется съ пророкомъ законодателемъ Моисеемъ. Во Второзаконіи читаемъ слова Бога къ Моисею: «пророка возставлю имъ отъ среды братіи ихъ, якоже тебе: и вдамъ слово Мое во уста Его, и возглаголетъ имъ, якоже заповѣдую Ему» (18, 18—9). Архидіаконъ Стефанъ въ своей рѣчи предъ убіеніемъ относить эти слова къ Иисусу Христу (Дн., гл. 7). Пророкъ Исаія говоритъ отъ лица Мессіи: «Духъ Господень на Мнѣ,

егоже ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя, исцѣлити сокрушенныя сердцемъ, проповѣдати плѣнникомъ отпущеніе и слѣпымъ прозрѣніе, нареци лѣто Господне пріятно» (61, 1—2). Самъ Иисусъ Христосъ отнесъ въ Назаретской синагогѣ эти слова Исаіи къ Себѣ, прибавивъ при этомъ, что никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ (Лк. 4, 18, 24). Два ученика, шедшіе въ Еммаусъ, исповѣдывали Ис. Хр. «пророкомъ, сильнымъ въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ» (Лк. 24, 19). Самъ Христосъ считалъ пророческое служеніе существеннымъ служеніемъ Своимъ: «Азъ на сіе родихся и на сіе придохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину: и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего» (Іоан. 18, 37). Онъ приписывалъ себѣ званіе учителя и говорилъ, что въ полномъ и собственномъ смыслѣ Учителемъ людей можетъ быть только Онъ одинъ (Мат. 23, 8, 10). Даже о пророкѣ, какъ Іоаннъ Креститель, сказано въ прологѣ евангелія Іоанна: «онъ не былъ свѣтомъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о свѣтѣ» (1, 8). Пророки свѣтили міру заимствованнымъ отъ Бога свѣтомъ и въ такой мѣрѣ, въ какой получали его отъ Бога. Христосъ есть самосвѣтящійся свѣтъ міру, незаимствованный отъ другого свѣта.—Еще несравнимѣе Иисусъ Христосъ съ обыкновенными учителями человѣческими и философами. Тогда какъ каждый изъ нихъ есть только искатель истины, Иисусъ Христосъ называлъ Себя истинной (Іоан. 14, 6), т.-е. полнымъ обладателемъ истины. Съ именемъ учителя мы привыкли связывать представленіе о философѣ или, по крайней мѣрѣ, о человѣкѣ, обладающемъ громадными теоретическими знаніями, но Ис. Хр. не оставилъ намъ никакой философской системы и не далъ въ Своемъ ученіи ничего, похожего даже на философію. Это потому, что Ис. Хр. избралъ для спасенія людей отъ зла другой путь, болѣе могущественный и дѣйственный,— не путь воздѣйствія на одинъ только умъ человѣка, но на все его духовное существо, на центральный органъ жизни

человѣка — его сердце. Зло коренится, по христ. ученію, прежде всего въ сердцѣ человѣка, и путь къ истинѣ прежде всего засоренъ именно въ сердцѣ. Поэтому исправленіемъ и обновленіемъ сердца Іс. Хр. дѣлаетъ человѣка снова способнымъ къ познанію и воспріятію истины. Сердце человѣческое подобно оку: если чисто око, то и все тѣло свѣтло будетъ, если же око худо, то и все тѣло будетъ темно (Мат. 6, 21—24). Обыкновенно личность учителя всегда скрывается за ученіемъ, и въ философѣ, ученомъ мы цѣнимъ не столько личность, сколько то, что сдѣлано ею, написано, сказано. Не такъ по отношенію къ Іс. Хр. Главная особенность христіанства заключается не въ совокупности теоретическихъ истинъ и нравственныхъ правилъ, а въ явленіи Божественной Личности, дѣла и ученіе Которой изображены въ евангеліяхъ. Это обаяніе Божественной Личности испытали на себѣ современники Христа, слышавшіе ученіе Его: «со властію было слово Его» (Лк. 4, 32), свидѣтельствовали они. Такова же сила ученія Христова и теперь, такъ какъ его ученіе стоитъ въ неразрывной связи съ Его Божественною Личностію. Поэтому для воспріятія спасительнаго ученія Христова нужна живая, ясновидящая вѣра въ Христа, какъ Бога: «вѣруй въ Сына имать животъ, а иже не вѣруетъ въ Сына, не узритъ живота» (Іоан. 3, 36). Только при этомъ предположеніи объясняется универсальность ученія Христова, пригодность его для всѣхъ людей и всѣхъ временъ. Какъ заключающія въ себѣ Божественную силу, слова Христовы, какъ онъ самъ говорилъ, «суть духъ и жизнь» (Іоан. 6, 63), т.-е. они оживляютъ душу человѣка, разстроенную грѣхомъ. Въ этомъ отношеніи ученіе Христа оставляетъ далеко за собой в. з. законъ Моисеевъ. Самъ Христосъ сказалъ, что онъ пришелъ «исполнить» (Мат. 5, 17) или, точнѣе, съ греч. «восполнить» (πληρῶσαι) законъ, т.-е. исполнить на дѣлѣ то, что предсказано въ законѣ и пророкахъ въ словѣ, завершить зданіе домостроительства спасенія людей, а съ другой стороны—раскрыть

глубокій внутренней смыслъ в. з. закона, усовершенствовать его. И дѣйствительно, Христось далъ совершеннѣйшій законъ вѣры, научилъ людей истинному Боговѣдѣнію, ибо «видѣвый Его видѣ Отца» (Іоан. 14, 7—10). Онъ далъ и совершеннѣйшій законъ нравственный съ новою заповѣдью о любви во главѣ его (Іоан. 13, 34). Не напрасно, значить, праведный Симеонъ назвалъ Христа «Свѣтомъ во откровеніе языковъ» (Лк. 2, 32), а Самъ Хр. велѣлъ Своимъ ученикамъ «научить вся языки» (Мат. 28, 19), «проповѣдать евангеліе всей твари» (Мрк. 16, 15).

59. Отношеніе между ученіемъ вѣры и нравственности въ Евангеліи.

Такъ какъ все дѣло Христово о спасеніи людей получаетъ свое назначеніе и смыслъ только въ Личности Іисуса Христа, то, поэтому, ученіе Его стремилось возвести сознаніе слушателей до Личности Іисуса Христа, Его значенія въ жизни человѣческой и въ дѣлѣ спасенія. Поэтому главнымъ предметомъ ученія Христова служили слѣдующія темы: отношеніе между Богомъ Отцомъ и Іисусомъ Христомъ, какъ воплотившимся Сыномъ Божиимъ, отношеніе Іисуса Христа, какъ Испустителя міра, къ людямъ, ученіе о Его Божественномъ посланничествѣ, о Его Мессіанскомъ дѣлѣ. Когда однажды Іудеи спросили Его: «что намъ дѣлать, чтобы творить дѣла Божіи», Онъ отвѣтилъ имъ: «се есть дѣло Божіе, да вѣруете въ Того, Его же посла Онъ» (Іоан. 6, 28—9). Предъ Своими страданіями Онъ же говорилъ: «се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе, единого истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Іисуса Христа» (Іоан. 17, 3).—Значить, совершенно неправы современные раціоналисты, когда они утверждаютъ, что въ Евангеліи совсѣмъ нѣтъ ученія, извѣстнаго теперь подъ именемъ догматическаго. Нельзя сказать, чтобы это ученіе и не имѣло существеннаго значенія, потому что вѣра въ Сына Божія, какъ Испустителя, опредѣ-

ляетъ по Евангелію все дѣло спасенія. Тѣмъ не менѣе рационалисты отдають предпочтеніе нравственному ученію Евангелія предъ догматическимъ, совсѣмъ отрицая даже догматы. По ихъ мнѣнію, нравственное ученіе Евангелія отличается ясностью и простотой, соединяетъ и примиряетъ людей между собой. Ни того, ни другого нельзя сказать о догматическомъ ученіи.—Но простота и непосредственная убѣдительность дѣйствительно составляютъ неотъемлемое свойство первичныхъ элементарныхъ правилъ морали, неосложняемыхъ жизненными условіями. Но мы видимъ, что онѣ различно предомляются въ сознаніи людей въ зависимости отъ различныхъ условій жизни и развитія. И относительно нихъ также возникаютъ различныя пониманія, споры и недоразумѣнія. Что касается тѣхъ многихъ печальныхъ страницъ исторіи, которыя оставила въ ней приверженность къ догматамъ, то виною ихъ не сами догматы, а люди съ ихъ фанатизмомъ и страстями. Разрывъ между нравственностью и догматикой много зависитъ отъ того, что люди въ своихъ этическихъ воззрѣніяхъ стоятъ на противоположной Евангелію точкѣ зрѣнія. Они смотрятъ на нравственныя заповѣди Христа съ точки зрѣнія пригодности ихъ для настоящей жизни, а потому опредѣляютъ ихъ дѣйствительность и обязательность условіями и цѣлями временной жизни на землѣ. Между тѣмъ христіанство судить о нихъ подъ угломъ зрѣнія догматической истины о Божіемъ спасеніи міра, опредѣляетъ значеніе ихъ спасительностію ихъ.

Ив. Николінъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Духовно-учебная реформа.

Въ настоящее время особая комиссія при св. Синодѣ занята окончательною разработкою новаго устава духовныхъ семинарій. Въ газетныхъ извѣстіяхъ сообщаются кое какія свѣдѣнія о дѣятельности этой комиссіи, иногда высказываются соображенія по поводу предполагаемой реформы, но наше образованное общество относится къ духовно-учебной реформѣ довольно безучастно, считая это дѣломъ исключительно духовнаго вѣдомства, мало затрогивающимъ интересы общественныя. При такомъ отношеніи общества къ реформѣ духовной школы было бы напрасно разъяснять, что вопросъ о реформѣ этой школы касается существенныхъ интересовъ общества. Для религіознаго общества не безразличны должны быть интересы религіозныя, а вопросъ духовной школы и затрогиваетъ эти интересы, такъ какъ духовная школа предназначена содѣйствовать развитію и укрѣпленію вѣры въ обществѣ приготовленіемъ способныхъ и достойныхъ служителей христіанской вѣры. Всѣ такія разсужденія, логически правильныя, нисколько не возбуждаютъ въ обществѣ интереса къ духовной школѣ, потому что интересы общественныя и интересы вѣры соприкасаются не въ той области, каковую мы указали. Духовныя школы, управляемая духовнымъ вѣдомствомъ, учрежденія совершенно чужды обществу, и для общества совершенно безразлично, какъ и почему тамъ учатъ. Для общества нужны священники, которые удовлетворяли бы религіознымъ потребностямъ, какъ они понимаются и чувствуются людьми. При всемъ разнообразіи въ пониманіи вѣры у различныхъ людей—религіозныя потребности въ дѣйствительной жизни обычно удовлетворяются совершеніемъ богослуженія и священнодѣйствій, необходимыхъ для

однихъ по чувству вѣры, для другихъ по сознанию долга, а для многихъ въ силу житейской привычки. Если священнику и приходится давать отвѣтъ на вопросы вѣры, то этой потребности способны удовлетворять тѣ священники, которые обладаютъ опытомъ жизни и въ особенности способностью жизнепониманія, тѣмъ разумомъ, который умѣетъ истины вѣры примѣнять къ различнымъ потребностямъ, нуждамъ и запросамъ человѣческой жизни. Эта способность жизнепониманія зависитъ преимущественно какъ отъ общаго умственного развитія, такъ и отъ нравственной чуткости, а не дается изученіемъ многочисленныхъ богословскихъ наукъ. Для общества совершенно безразлично, какія богословскія науки изучилъ священникъ; какія отвѣтки онъ имѣетъ въ аттестатѣ; ему нужно не богатство книжнаго знанія вѣры, а служеніе вѣрѣ, отзывчивость на его религіозныя потребности. Въ священникѣ наше общество чтитъ не ученаго, не специалиста, а разумнаго и добраго человѣка. А въ какой школѣ онъ получилъ образованіе—это совершенно безразлично. Если наши духовныя школы и возбуждаютъ нѣкоторый интересъ общественный, то со стороны матеріальной, денежной, которая съ областію вѣры соприкосновенія не имѣетъ и если ставится въ соприкосновеніе, то, по нашему мнѣнію, по великому недоразумѣнію. Духовныя школы содержатся на церковныя деньги, которыя состояются изъ пожертвованій вѣрующихъ, и поэтому общество имѣетъ право требовать, чтобы они шли на нужды церкви, а не на сословныя нужды духовенства; на образованіе пастырей церкви, а не на воспитаніе дѣтей духовенства въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ и для службы не церковной, а гражданской. Въ этомъ обычномъ разсужденіи болѣе игры въ понятія, чѣмъ правильнаго разсужденія. Общество мало заботится о приличномъ и соотвѣтствующемъ высотѣ духовнаго служенія содержаніи духовенства, возлагая это на обязанность правительства. Но полагаю, что обществу совершенно безразлично, какимъ способомъ церковными деньгами обезпечивается духовенство—платить ли правительство духовенству натурою—воспитаніемъ его дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ или жалованьемъ. Когда говорятъ, что церковныя деньги должны идти на нужды церкви, то понимаютъ церковь въ узкомъ смыслѣ храма съ обычно существующими при немъ учрежденіями, а не въ смыслѣ общества вѣрующихъ, члены котораго помога-

ють другъ другу въ различныхъ житейскихъ нуждахъ. Но для чувства истинно вѣрующаго христіанина одинаково богоугодно, если его жертва употребляется на украшеніе храма или на нужды вѣрующихъ, потому что то и другое одинаково предписывается правилами исповѣдуемой вѣры и послѣднее даже болѣе, чѣмъ первое. Для христіанскаго общества безразлично, куда расходуются церковныя деньги, но не безразлично, какъ они расходуются: удовлетворяются ли ими необходимыя потребности общества или только лишнія и ненужныя потребности отдѣльных лицъ. А такъ какъ въ контролѣ за расходомъ церковныхъ денегъ общество участія не принимаетъ, то вопросъ о содержаніи духовныхъ школъ для общества интереса не представляетъ, потому что съ интересами вѣры не связанъ; если же у насъ онъ связывается, то только по недоразумѣнію—потому что узкимъ пониманіемъ интересовъ церковныхъ исключается болѣе широкое и болѣе правильное пониманіе интересовъ вѣры. Намъ думается, что указанными соображеніями объясняется равнодушіе общества къ судьбѣ нашей духовной школы. При такомъ общественномъ равнодушіи мы рѣшились высказать нѣсколько мыслей по поводу ея реформы, исполняя желаніе почтенной редакціи *Душеполезнаго Чтенія*, въ надеждѣ, что онѣ обратятъ вниманіе на нѣкоторыя стороны вопроса о реформѣ семинарій лицъ, близко заинтересованныхъ этимъ вопросомъ.

Всякая законодательная реформа есть воспроизведеніе въ той или другой формѣ реформы, происшедшей въ жизни. Жизненная реформа предшествуетъ законодательной, но отражается въ различныхъ умахъ различно, сообразно съ различными взглядами и убѣжденіями людей. Чтобы разобратъ въ разнообразіи мнѣній, воспроизвести въ законодательной реформѣ ту реформу, которая создана жизнью, нужно менѣе всего слѣдовать отвлеченнымъ соображеніямъ, логически и правильнымъ, но болѣе опыту жизни. Этотъ опытъ жизни уяснить, въ какомъ направленіи должна быть ведена законодательная реформа.

Въ продолженіе своего историческаго существованія, духовныя семинаріи пережили четыре реформы, но самую выдающуюся изъ нихъ была реформа въ шестидесятыхъ годахъ. Въ это время вопросъ о реформѣ семинарій подробно разрабатывался не только въ многочисленныхъ комиссияхъ, учрежденныхъ правительствомъ, мѣстныхъ и

центральныхъ, но и широко обсуждался въ печати духовной и свѣтской, при чемъ подробно были указаны всѣ недостатки прежняго строя семинарій. Образовалась обширная литература по вопросу о реформѣ семинарій, и богатый историческій матеріаль, весьма цѣнный для характеристики умственной жизни нашего общества въ преобразовательную эпоху, еще болѣе бы увеличился, если бы обнародованы были всѣ матеріалы, относящіяся къ реформѣ духовной школы. Въ шестидесятыхъ годахъ явственно обнаружались два теченія по вопросу о реформѣ духовной школы—широкое и узкое. Широкое течение болѣе отражало требованія жизни, а узкое стояло за сохраненіе уже осужденнаго жизнію прежняго школьнаго строя съ производствомъ нѣкоторыхъ мелкихъ улучшеній. Жизнь засвидѣтельствовала, что духовныя семинаріи, преобразованныя уставомъ 1814 года изъ епархіальныхъ школъ въ правительственныя учебныя заведенія, не удовлетворяли цѣлямъ школьнаго образованія. Онѣ давали общее научное образованіе и спеціально богословское. Но общее образованіе въ семинаріяхъ поставлено было, сравнительно съ гимназіями, крайне слабо, а богословское образованіе, способствуя одному формальному развитію, было отрѣшено отъ жизни, не сообщало свѣдѣній практически полезныхъ для пастырскаго служенія и не давало того религіознаго развитія, котораго естественно было бы ожидать отъ спеціального изученія богословскихъ наукъ. Изъ духовной школы выходило не мало даровитыхъ воспитанниковъ, умственно развитыхъ и способныхъ къ усидчивому*труду, но въ большинствѣ съ критическимъ, а въ меньшинствѣ и съ отрицательнымъ отношеніемъ къ богословской наукѣ, которую преподавала школа. А менѣ развитые воспитанники выходили изъ школы съ богословскими познаніями весьма слабыми, нетвердыми, которыя ставили ихъ ниже людей, не прошедшихъ духовную школу, но самостоятельнымъ путемъ прибрѣтшихъ знаніе истинъ вѣры. Неудовлетворительность семинарскаго образованія, его отвлеченность и отрѣшенность отъ жизни и ея требованій признали, пришли къ убѣжденію, что отвлеченная семинарская наука ведетъ будущихъ пастырей въ понтіійскую пустыню, гдѣ люди не живутъ, а не въ міръ дѣйствительной жизни, но для исправленія этого обнаруженнаго жизнію недостатка духовной школы придумали мѣры, которыя, можетъ быть, оправдывались положеніями педагогической

науки, но не оправдались въ жизни. Ничего не сдѣлавъ для лучшей постановки общаго образованія въ семинаріяхъ, реформаторы думали оживить отвлеченную семинарскую науку введеніемъ въ семинарскій курсъ наукъ практически полезныхъ и необходимыхъ для будущихъ пастырей въ ихъ служеніи. Въ общеобразовательный курсъ ввели изученіе медицины, сельскаго хозяйства, а богословскій курсъ расширили введеніемъ новыхъ предметовъ. Одни изъ этихъ предметовъ были повтореніемъ того, что изучалось въ училищахъ (катихизисъ, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, библейская исторія), а другія науки имѣли цѣлю приготовить искусныхъ миссіонеровъ чрезъ изученіе обличительныхъ богословскихъ наукъ. Это было сдѣлано уставомъ 1840 года. Послѣдствіемъ новой реформы было то, что предметы общаго образованія стали изучаться слабѣе, а всѣ вновь введенныя науки сразу попали въ разрядъ второстепенныхъ, которыми воспитанники не занимались при всемъ стараніи наставниковъ придать имъ интересъ. Головы воспитанниковъ семинаріи не оказались такимъ удобнымъ складочнымъ мѣстомъ, которое можно бы наполнять разнородными и несродными предметами, нисколько не интересными, потому что преподавались теоретически, а многіе изъ нихъ были повтореніемъ одного и того же подъ разными наименованіями. Реформа 1840 года, расширившая курсъ богословскій введеніемъ обличительныхъ наукъ, обнаружила замѣчательное явленіе, на которое почему-то не обратили вниманія свѣтлые умы представителей нашей церкви, хотя на него указывали болѣе даровитые воспитанники духовной школы. Полемика съ разными не православными ученіями, преподаваемая въ семинаріяхъ, обнаружила крайнее разнообразіе въ пониманіи основъ православія самими полемистами, и въ то уже время лучшіе питомцы духовной школы, глубоко вѣрующіе, съ горестію спрашивали: «ужели свѣтлые умы предстоятелей церкви не замѣчаютъ этого губельнаго колебанія въ разумѣніи вѣры,—а если замѣчаютъ, почему же не стараются противодѣйствовать?»¹⁾

Критическій умъ лучшихъ учениковъ легко усматривалъ нетвердость тѣхъ положеній, на которыхъ думали утвердить истину, и обличительное оружіе, направленное про-

¹⁾ См. *Душеполезное Чтеніе* 1903 г., № 2.

тивъ враговъ вѣры, легко умѣлъ направлять противъ обличителей. А болѣе слабые ученики быстро забывали всѣ доказательства ложности инославныхъ ученій, и школьное изученіе этихъ ученій было весьма недостаточно для успѣшной борьбы съ ихъ послѣдователями. Было и другое зло, которое происходило отъ изученія многихъ богословскихъ наукъ—зло, указанное лучшими воспитанниками, прошедшими духовную школу. «При новомъ уставѣ, писалъ одинъ изъ самыхъ даровитыхъ воспитанниковъ духовной школы Н. П. Гиляровъ, подавалось учащимся совершенно то же, часто до буквальности повторяющееся, подъ разными наименованіями и въ разныхъ одѣянιάхъ. Кромѣ разсѣянности, неизбѣжной при множествѣ предметовъ, кромѣ потери времени на повтореніе тождественныхъ положеній и на изученіе введенія въ разнообразныя новыя науки, получалось еще положительное развращеніе ума».

Образованные люди свѣтскаго общества ставили въ упрекъ духовной школѣ, что изъ нея выходили атеисты и нигилисты, и, мало знакомые съ жизнью школы, объясняли это характерное явленіе тѣмъ, что семинаристамъ дозволяли свободно читать книги отрицательнаго направленія и мало заботились обученіемъ и воспитаніемъ возбуждать въ нихъ духъ религіозности. Но атеизмъ и нигилизмъ были плодами того образованія и воспитанія, какое давалось въ школѣ. Мысль, что образованіемъ и воспитаніемъ можно сдѣлать искусственнаго человѣка, не оправдалась жизнью нашей духовной школы, и образецъ католическихъ семинарій и протестанскихъ коллегій не нашелъ себѣ примѣненія въ русской жизни. Духовное юношество оказалось матеріаломъ, который упорно не поддавался педагогическимъ экспериментамъ и уклонялся въ сторону, противоположную педагогическимъ пѣлямъ. Духовныя семинаріи были какими-то межеумками, ни духовными; ни свѣтскими, въ которыхъ воспитанники проживали, не зная, куда занесетъ ихъ судьба по окончаніи курса, а болѣе даровитые изъ нихъ съ яснымъ нежеланіемъ идти по стопамъ родителей—въ духовное званіе. Идеаломъ семинаристовъ была всегда свѣтская школа, — университетъ съ его свободою преподаванія и обученія.

Время засвидѣтельствовало ненормальность духовной школы, и люди, чуткіе къ жизни, поняли эту ненормальность и предложили проекты школьной реформы, которые

отвѣчали потребностямъ жизни. Въ этихъ проектахъ имѣлось въ виду сблизить духовныя семинаріи съ свѣтскими учебными заведеніями, улучшить экономической бытъ семинаристовъ замѣною грязныхъ бурсы и частныхъ квартиръ устройствомъ обширныхъ общежитій, возвысить нравственное воспитаніе въ нихъ усиленіемъ воспитательнаго надзора, а для привлеченія воспитанниковъ въ духовное званіе улучшить бытъ и матеріальное положеніе духовенства. Люди отвлеченнаго ума, желавшіе, чтобы жизнь была такою, какою она должна быть по требованію закона, стояли за сохраненіе прежняго строя семинарій, приписывая несовершенство ихъ неисполненію закона. Законы святы, да исполнители супостаты; дѣло не въ уставѣ, а въ составѣ, въ дѣятельности наличныхъ силъ школы. Это мнѣніе, по существу справедливое, не считалось съ тѣмъ фактомъ, что среди дѣятелей духовной школы многіе были блюстители закона, очень строгіе и ревностные, но и они, послѣ бесплодныхъ попытокъ водворить порядокъ въ семинаріяхъ, приходили къ заключенію, что ничего нельзя сдѣлать съ ними, все разваливается, и нужна коренная ихъ реформа. Охранители стараго порядка способны впасть въ ту печальную ошибку, что они не полагаютъ различія между логикою ума и логикою жизни. Жизнь далеко не всегда слѣдуетъ логикѣ нашего ума, а имѣетъ свою логику, не всегда согласную съ нашими логическими соображеніями. Всякое стояніе за сохраненіе прежняго, за проведеніе въ жизнь общепризнанныхъ положеній найдетъ для себя оправданіе только въ томъ случаѣ, когда порождаетъ благіе плоды въ жизни, когда наши хорошія мысли порождаютъ и хорошую жизнь; а если этого нѣтъ, то необходимость заставляетъ признать правильность за тѣмъ, что настойчиво требуется жизнию, хотя нашими соображеніями и не оправдывалось. Долго обсуждавшійся вопросъ о реформѣ духовной школы нашель себѣ законодательное рѣшеніе въ уставѣ 1867 года. Черезъ всю исторію духовной школы красною нитью проходитъ стремленіе къ полному сліянію ея съ школою свѣтскою. Стремленіе власти отдѣлать духовную школу отъ свѣтской, сообщить ей особый характеръ, приспособленный къ цѣлямъ духовнаго образованія, постоянно разрушалось созидавшимся въ духовной школѣ стремленіемъ къ сближенію съ свѣтскою школою. Отрицая въ принципѣ это стремленіе, какъ несоотвѣтствующее задачѣ духовной школы, власть должна

была удовлетворять этому стремленію на практикѣ. Уставъ 1867 года поставилъ своею задачею сохранить духовную школу, какъ отличную по своей задачѣ отъ школы свѣтской, и въ то же время сблизить ее съ школою свѣтскою. Эту двойственную задачу уставъ выполнилъ тѣмъ, что въ семинаріяхъ общеобразовательный курсъ былъ приравленъ къ гимназическому и отдѣленъ отъ богословскаго. Но въ богословскомъ курсѣ попрежнему оставлены многочисленныя науки, которыя жизнію отнесены въ разрядъ второстепенныхъ наукъ, школьнаго балласта излишняго, ненужнаго. Составители устава не обратили должнаго вниманія на причины этого ненормальнаго явленія и, полагая, что оно зависить отъ плохого преподаванія богословскихъ наукъ, впали въ печальную ошибку. Познанія воспитанниковъ семинаріи по общеобразовательнымъ предметамъ возвысились, но, несмотря на новую постановку многочисленныхъ богословскихъ предметовъ, они изучались только по необходимости, насколько это нужно для полученія спасительнаго балла. Лучшіе воспитанники по окончаніи общеобразовательнаго курса десятками уходили въ свѣтскія учебныя заведенія, а богословскія познанія окончившихъ полный семинарскій курсъ были слабѣе, чѣмъ познанія дореформенныхъ семинаристовъ, которые изучали немногіе предметы. Устройство обширныхъ, дорого стоющихъ общежитій не устранило тѣхъ пороковъ, какіе развились въ старыхъ бурсахъ, и новый воспитательный режимъ мало способствовалъ развитію религіознаго начала въ семинаріяхъ. Что во вновь реформированныхъ семинаріяхъ обстояло не все благополучно, какъ заявлялось въ официальныхъ отчетахъ, на публичныхъ актахъ, доказательствомъ этого служило то, что духовная власть начала измѣнять уставъ 1867 года, спустя немного времени послѣ его введенія, а потомъ пришла къ мысли о необходимости новой реформы.

Явился уставъ 1884 года, который далъ блестящее доказательство того, какъ вредно повторять ошибки прошлаго, руководясь одними прекрасными мыслями и не провѣряя ихъ фактами жизни. По сознанію лучшихъ воспитанниковъ, прошедшихъ духовную школу въ разные періоды ея существованія, въ ней почти ничего не было духовнаго, кромѣ вывѣски, которая красовалась на зданіи. Сдѣлавъ законодательными распоряженіями то, что не сдѣлано жизнію въ продолженіе многихъ лѣтъ, создать жизнь

вопреки ея историческому теченію — значить предпринимать попытку, не только практически бесполезную, но и вредную. Чтобы сдѣлать духовныя семинаріи духовными, уставъ 1884 года въ духовномъ образованіи сдѣлалъ перемѣну, которая неудачно сдѣлана была уставомъ 1840 года, перенеся часть богословскихъ наукъ изъ высшихъ классовъ въ низшіе, смѣшавъ образованіе богословское съ общеобразовательнымъ курсомъ. Чтобы водворить въ семинаріяхъ духъ церковности, повторили неудачные опыты, дѣланные въ этомъ направленіи въ прежнее время — устроить жизнь воспитанниковъ по монашескому режиму, воспитывая въ нихъ духъ благочестія монастырскими службами, удаленіемъ ихъ отъ соблазновъ міра. Средства, какими думали сдѣлать духовныя школы духовными, привели къ послѣдствіямъ, какихъ составители устава не ожидали, потому что, искренно вѣруя въ истинность своихъ мыслей, не старались провѣрить ихъ основательность фактами жизни. Послѣдствіемъ введенія устава 1884 года было то, что познанія семинаристовъ по общеобразовательнымъ предметамъ понизились, что произошло и при введеніи устава 1840 г., а интересъ къ изученію богословскихъ предметовъ еще болѣе ослабѣлъ, когда стали усиленно ставить двойки за то, что, успѣвъ приготовить уроки по предметамъ общаго образованія, ученикъ не успѣвалъ выучить уроки по библейской исторіи или исторіи церкви, которыя были малопонятны ученикамъ низшихъ классовъ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ излагалась исторія ересей, требующая философскихъ познаній. Что касается до искусственнаго привитія церковности, весьма различно понимаемой, и понятой несогласно ни съ тѣми воззрѣніями, какія предлагались съ семинарскихъ кафедръ, ни съ природными стремленіями юношества, то послѣдствіемъ этого привитія была полная деморализація школы, сказавшаяся въ такой массовой безрелигіозности воспитанниковъ, которая приводила въ изумленіе и ужасъ людей, хорошо знакомыхъ съ случаями проявленія безрелигіозности среди семинаристовъ. Освободительное движеніе вскрыло язву духовной школы, обнаружило полную ея деморализацію, и наше общество недоумѣвало, почему обнаружилось полное религіозное разложеніе въ школѣ, гдѣ христіанское образованіе и воспитаніе должно бы дать другіе плоды. Всякое древо узнается по плодамъ его, и древо духовной школы оказалось гнилымъ съ самыхъ корней его. Люди благонамѣренные объ-

ясняли это разрушительнымъ вліяніемъ времени, позабывая ту истину, что всякій духъ добрый или злой можетъ успѣшно дѣйствовать тамъ, гдѣ найдетъ для себя благоприятную почву.

Полное разложеніе духовной школы, обнаружившееся въ освободительную эпоху, породило два противоположныхъ мнѣнія о ея реформѣ. Одни пришли къ тому убѣжденію, что надобно совершенно уничтожить духовныя семинаріи, скрыть ихъ до основанія безъ указанія, чѣмъ замѣнить ихъ, или съ замѣною семинаріей пастырскими школами съ курсомъ наукъ, приспособленныхъ для приготовленія пастырей церкви и съ ограниченнымъ курсомъ наукъ общеобразовательныхъ. Туманный проектъ особой пастырской школы, которая будетъ отличаться отъ богословскихъ классовъ семинарій только названіемъ, проводящій ту мысль, что мало образованные юноши будутъ съ большею охотою изучать богословскія науки, чѣмъ развитые семинаристы, создало какое-то весьма сомнительное учрежденіе. Притомъ мысль о ненужности для пастырскаго служенія научнаго образованія, высказываемая людьми, которые для себя считаютъ нужнымъ и полезнымъ научное образованіе, является не только логически непоследовательною, но и противною чувству правды. Поэтому, большинство естественно не раздѣляло мнѣній о совершенномъ уничтоженіи духовныхъ семинарій и замѣнѣ ихъ пастырскими школами, какихъ пока жизнь еще не создавала, несмотря на то, что проекты такихъ школъ существовали давно. Большинство желало сохранить духовную школу съ измѣненіемъ прежняго ея учебнаго и воспитательнаго строя. Но при практическомъ рѣшеніи вопроса о реформѣ семинарій вся реформа сводилась къ составленію новаго учебнаго плана — къ тому, что въ сущности было безцѣльно, потому что такую реформою нисколько не устранялись обнаруженные жизнью недостатки нашего духовнаго образованія. Ученые люди изобрѣтали, какими бы новыми науками занять живые умы семинаристовъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ богослововъ и ревностныхъ пастырей церкви, создавали для этого стройное зданіе богословской науки, отъ которой бѣжали семинаристы, а вмѣстѣ съ семинаристами и большинство образованныхъ людей. Тотъ фактъ, что значительная часть нашего интеллигентнаго общества въ построеніяхъ богословской жизни не находила и не находитъ удовлетворенія ни для запросовъ

ума, ни для чувства вѣры, долженъ бы обратить вниманіе реформаторовъ духовной школы. Нужно же обратить вниманіе на то, что болѣе даровитые воспитанники какъ духовной, такъ и свѣтской школы приходили къ одному убѣжденію—къ убѣжденію въ полной неудовлетворительности школьной богословской науки. «Все официально преподаваемое, писалъ извѣстный мыслитель и публицистъ Н. П. Гиляровъ, казалось мнѣ непослѣдовательнымъ, неточнымъ, противорѣчащимъ, произвольнымъ, даже ложнымъ въ томъ отношеніи, что сами учителя, казалось мнѣ, въ сущности не вѣрятъ проповѣдуемой истинѣ». «На общественную среду, обладавшую нѣкоторымъ развитіемъ, говорить нашъ знаменитый писатель славянофилъ Ю. Ө. Самаринъ, принятыя въ нашей школѣ богословскія построенія дѣйствуютъ можетъ быть еще неблагопріятнѣе, чѣмъ на простыхъ людей. Если для послѣднихъ богословская схоластика непонятна и недоступна, то первыхъ она прямо отталкиваетъ; она дѣлаетъ для нихъ неприемлемымъ то самое ученіе, для защиты и оправданія коего она предлагается». Въ этихъ мысляхъ выдающихся русскихъ мыслителей нашло себѣ оправданіе мнѣніе, на которое слѣдовало бы при рѣшеніи вопроса о реформѣ семинарій обратить вниманіе, хотя оно исходило отъ умовъ незрѣлыхъ и неутвержденныхъ въ истинѣ—мнѣніе воспитанниковъ семинаріи. Отъ юношей, конечно, нельзя ожидать зрѣлыхъ мыслей, и ихъ мыслями не должны руководиться умы зрѣлые, но не нужно забывать и того, что истина не всегда открывается премудрымъ, но иногда и младенцамъ. Въ то время, какъ зрѣлые умы не знали, какъ рѣшить мудреный вопросъ о реформѣ духовной школы, сами семинаристы рѣшили его очень просто: они высказались за полное сліяніе духовной школы съ свѣтскою, при чемъ обратили особенное вниманіе на усиленіе въ школѣ общеобразовательныхъ предметовъ и совершенно игнорировали науки богословскія. По вопросу о духовномъ образованіи мнѣнія руководителей школы діаметрально разошлись съ мнѣніями руководимыхъ. Рѣзкій разладъ между ними обнаружился и по вопросу о воспитаніи. Духовное юношество заявило, что оно хочетъ быть такимъ же, какъ и всѣ другіе юноши, и не хочетъ, чтобы ихъ воспитывали какъ особую породу людей, прививая къ нимъ искусственно религіозность, которая должна быть общимъ достояніемъ всѣхъ, а не принадлежностію сословія. Въ этомъ разладѣ

по вопросу о духовномъ образованіи и воспитаніи вся сила ума была на сторонѣ руководителей школы, но на сторонѣ юношества была вся сила опыта жизни. Если по сознанію лучшихъ воспитанниковъ духовной школы, при всѣхъ усиліяхъ создать духовную школу, въ дѣйствительной жизни ея никогда не было, то не пришло ли время отказаться отъ бесплодныхъ попытокъ строить жизнь по началамъ отвлеченнаго ума, когда они разрушаются жизнью. Не лучше ли поэтому преобразовать духовныя семинаріи въ гимназій съ болѣе расширеннымъ курсомъ Закона Божія и внесеніемъ въ гимназическій курсъ философскихъ наукъ ¹⁾).

Въ древнее время у насъ не было особыхъ духовныхъ школъ... и не лучше ли возвратиться къ древнему прошлому? Прошлое нашей духовной школы рѣшило вопросъ о ея реформѣ въ смыслѣ слияніи ея съ школою свѣтскою, но прошлое не рѣшило вопроса: откуда брать образованныхъ священниковъ? Этой потребности удовлетворяли духовныя семинаріи, а если ихъ не будетъ, то церковь останется безъ пастырей. А такая опасность дѣйствительно предстоитъ. Наши семинаріи всегда были всесловными учебными заведеніями, но никто изъ образованныхъ родителей, глубоко вѣрующихъ и чтущихъ священный санъ, не отдавалъ своихъ дѣтей въ духовныя школы и не предназначалъ ихъ для служенія духовнаго. Не только среди образованнаго класса общества нѣтъ стремленія къ служенію духовному, но нѣтъ его и среди всѣхъ сословій, матеріально обеспеченныхъ. Въ духовныя семинаріи поступали рѣдко дѣти крестьянъ, а болѣею частію мѣщанъ, желѣзно-дорожнаго низшаго персонала, мелкихъ чиновниковъ, для которыхъ даровое образованіе въ школѣ и священство составляли большой плюсъ въ ихъ плохо обеспеченной службѣ. Притомъ болѣе даровитые семинаристы изъ инословныхъ шли не въ духовное званіе, а стремились въ высшія свѣтскія учебныя заведенія. Что касается до дѣтей духовенства, то съ самаго основанія семинарій большинство даровитыхъ воспитанниковъ избѣгали духовнаго служенія, предпочитая или ученіе въ университетахъ, сопряженное со многими лишеніями, или занятіе какой-

¹⁾ Конечно, со всѣми правами свѣтскихъ гимназій. Ограниченіе правъ духовныхъ гимназій не находитъ для себя оправданій.

либо должности въ гражданской службѣ, плохо оплачиваемой—служенію духовному. Воспитатели духовной школы, усиленно приготовляя юношей къ служенію духовному, сами себя никакъ не могли приготовить, предпочитая тянуть лямку преподавателей, чѣмъ ити въ священники даже на хорошіе приходы. Болѣе обеспеченное въ средствахъ духовенство предпочитало отдавать своихъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія, не желая, чтобы ихъ дѣти слѣдовали ихъ стопамъ. Это всеобщее бѣгство отъ духовнаго служенія всего образованнаго, матеріально-обеспеченнаго составляетъ характерную черту нашей русской жизни и должно бы обратить вниманіе реформаторовъ нашей духовной школы. Кандидатами на священство оставались невольники — богомольники семинаристы. Наслѣдственность духовнаго служенія стала фактомъ жизни, исключаящимъ совершенно мысль о свободномъ призваніи къ духовному служенію, и если эта мысль у насъ часто повторяется, то только потому, что люди мало способны отдавать отчетъ въ своихъ мысляхъ. Признавъ наслѣдственность духовнаго служенія, наше общество въ не малой части своей къ дѣятельности духовенства относится съ неодобреніемъ и даже порицаніемъ, достаточный поводъ къ чему даютъ дѣйствительные недостатки духовнаго сословія. Но порицающіе не обращаютъ вниманіе на тотъ замѣчательный фактъ, что удовлетворять одной изъ глубокихъ и существенныхъ потребностей человѣческаго духа—потребности вѣры—нѣтъ охотниковъ изъ образованнаго класса общества, кромѣ дѣтей духовенства. Мало образованный пролетаріатъ, которымъ хотѣли у насъ пополнить ряды духовенства, мало способный ко всякому общественному служенію, еще менѣе способенъ выполнять задачу духовенства. Жгучимъ вопросомъ нашей русской жизни является вопросъ, какъ привлечь къ духовному служенію образованный классъ общества, какъ привлечь къ нему дѣтей духовенства, которыя со всѣмъ образованнымъ обществомъ бѣгутъ отъ священства, несмотря на усилія приготовить ихъ къ этому служенію особымъ образованіемъ и воспитаніемъ. Этотъ кардинальный вопросъ необходимо рѣшить при рѣшеніи вопроса о реформѣ духовной школы, и безъ рѣшенія этого вопроса всѣ проекты реформы являются напрасною тратою времени. Шестидесятые годы обратили вниманіе на этотъ кардинальный вопросъ, и одновременно съ проектами реформы духовной

школы появились проекты улучшения быта духовенства. Но большинство этих проектов погребено было в архивах. Главным архивом явилась наша общественная среда, которая до сих пор ненормальное считает нормальным и ничего не дѣлает для уничтоженія ненормального. Исторически сложившееся отдѣленіе клира отъ мірянъ, какого не знала христіанская древность, породило полное разъединеніе между духовенствомъ и обществомъ, доходящее до противоположности двухъ міровъ — клирикальнаго и мірскаго. Это отчужденіе поставило духовенство въ положеніе неловкое, ложное, въ положеніе людей, нужныхъ только въ извѣстное время и ненужныхъ въ другое, незнакомыхъ съ интересами, которыми живетъ общество и потому говорящихъ съ нимъ на разныхъ языкахъ. Матеріальная зависимость отъ прихожанъ, при которой всегда выступаетъ стремленіе съ одной стороны дать поменьше, а съ другой взять побольше, служить не къ сближенію пастырей съ пасомыми, а къ ихъ разъединенію, порождая пререканія и нареканія. Сдѣлано ли что-нибудь для уничтоженія этого печальнаго раздѣленія? Ничего. Наоборотъ особенностями быта, системою школьнаго образованія духовенство усиленно формировалось въ касту, въ которую должны вступать дѣти левитовъ, а образованные свѣтскіе люди, по очень характерному выраженію одного сановника, извѣстнаго своею церковностію, не рѣшались вступать и ногою. Если бы рушились преграды, раздѣляющія общество отъ духовенства, то духовное служеніе перестало бы быть такимъ, котораго желательно избѣгать, и пробудилось бы стремленіе къ этому служенію среди какъ дѣтей духовенства, такъ и образованныхъ лицъ свѣтскаго общества. Тогда практически рѣшился бы вопросъ, какое специальное приготовленіе къ духовному служенію нужно для получившихъ общее образованіе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Если у насъ сдѣланы опыты приготовленія въ священники людей мало образованныхъ кратковременными курсами, то можно ожидать, что не потребуются особенно продолжительныхъ курсовъ для лицъ образованныхъ. Наша исторія свидѣтельствуетъ, что лучшіе представители нашего духовенства обязаны своимъ религіознымъ образованіемъ не школъ, а самообразованію; своимъ нравственнымъ характеромъ не школьному режиму, а первоначальному воспитанію въ семьѣ, опыту жизни и дѣйствию благодати Божіей. При рѣшеніи вопроса о

реформѣ нашей духовной школы мысль нашихъ реформаторовъ часто обращается къ католическимъ и протестанскимъ образцамъ,—но если слѣдовать этимъ образцамъ, нужно начинать дѣло съ начала—съ признанія основоположеній католичества или протестанства. Рѣшенію вопроса о нашемъ русскомъ духовномъ образованіи должно предшествовать выясненіе основныхъ началъ православія, — въ полномъ отличіи его отъ инославія и въ системѣ образованія.

Энъ—Энъ.

Урусово, 1911 іюля 10.

Схимонахъ Вассіанъ.

Въ Святѣйшій Синодъ поступило ходатайство Алатырскаго городского общественнаго управленія, Симбирской губерніи, о причисленіи къ лигу святыхъ всероссійской православной церкви схимонаха Вассіана, мощи котораго почиваютъ въ Свято-Троицкомъ монастырѣ гор. Алатыря.

О жизни и дѣяніяхъ схимонаха Вассіана сохранилось очень мало свѣдѣній, но память о немъ среди мѣстныхъ обывателей жива и доселѣ.

Это былъ одинъ изъ пламенныхъ иноговъ-подвижниковъ 17 вѣка, вся жизнь котораго была посвящена служенію Богу и ближнимъ.

Поступивъ въ Свято-Троицкій алатырскій монастырь, онъ съ особою ревностью исполнялъ возложенныя на него разныя монастырскія послушанія.

Полное самоотверженіе, молитва и строжайшій постъ были постоянными соучастниками его подвиговъ.

Впослѣдствіи онъ вступилъ на путь высшей иноческой жизни и принялъ схиму.

Но вдали отъ міра онъ, какъ и преподобный Серафимъ Саровскій, не чуждался людей.

Масса простонародья шла къ подвижнику, чтобы получить отъ него благословеніе, услышать въ тяжкія минуты жизни слово утѣшенія и одобренія.

Чтобы еще болѣе усилить свои подвиги, схимонахъ Вассіанъ носилъ на своемъ тѣлѣ массивныя желѣзныя вериги съ такимъ же крестомъ.

По преданію, эти вериги подвижникъ Вассіанъ передъ своею кончиною бросилъ въ находившійся неподалеку отъ

его келліи колодезь. Это было сдѣлано во избѣжаніе славы человѣческой, которой всегда чуждался инокъ-подвижникъ.

Нѣкоторые полагають, что отецъ Вассіанъ былъ тѣмъ самымъ настоятелемъ и строителемъ Свято-Троицкаго алатырскаго монастыря въ 1697—1698 гг., который значится въ монастырскомъ спискѣ настоятелемъ.

Въ точности годъ смерти схимонаха Вассіана неизвѣстенъ.

Въ августѣ 1748 года при очищеніи мѣста для постройки соборнаго храма въ Троицкомъ монастырѣ найденъ былъ гробъ съ мощами схимонаха Вассіана. Вынутыя изъ земли мощи стояли въ теченіе недѣли на открытомъ воздухѣ.

При освидѣтельствovanіи какъ самое тѣло подвижника, такъ и одежда его оказались неповрежденными.

При вторичномъ освидѣтельствovanіи останковъ подвижника въ 1849 году тѣло его также оказалось вполнѣ сохранившимся.

На инокеской схимѣ можно было даже ясно прочесть вышитыя изреченія священнаго писанія.

Шесть лѣтъ тому назадъ (въ 1905 г.) при усыпальницѣ схимонаха Вассіана сооруженъ былъ алтарь во имя Казанской Божіей Матери.

Этотъ пещерный храмъ, гдѣ находится гробница отца Вассіана съ возложенными на нее желѣзными веригами подвижника, сталъ мѣстомъ паломничества.

Странники богомольцы, направляясь къ преподобному Серафиму Саровскому, считают долгомъ своимъ посѣтить и Свято-Троицкій монастырь въ г. Алатырѣ для поклоненія «блаженному старцу»—схимонаху Вассіану, мощи котораго почивають подъ спудомъ въ пещерной церкви.

Въ монастырскіе акты занесено удивительное событіе.

Во время страшнаго пожара, истребившаго храмы и зданія монастыря въ іюлѣ 1906 года, остался почти совсѣмъ неповрежденнымъ храмъ, гдѣ покоится тѣло подвижника. Обуглился только полъ у входа въ церковь и передъ гробницей отца Вассіана.

Въ этомъ алатырцы видятъ чудо милости Божіей, совершонное по молитвамъ подвижника.

Но еще болѣе существуетъ рассказовъ о разныхъ чудесныхъ исцѣленіяхъ, проистекающихъ отъ его гробницы или даже отъ песочка и масла, взятыхъ съ его могилки.

Съ 1904 года всѣ чудотворенія тщательно провѣряются и заносятся въ особую книгу, хранящуюся въ монастырѣ.

По молитвамъ подвижника многіе получили исцѣленіе отъ разныхъ нервныхъ болѣзней, отъ глухоты, костоуды, чахотки, слѣпоты и проч.

Такихъ случаевъ, строго провѣренныхъ, свыше 20-ти.

Но сколько ходить еще сказаній о дивныхъ явленіяхъ подвижника!

Нѣтъ сомнѣнія, что спеціальная комиссія Св. Синода прольетъ свѣтъ на жизнь и дѣятельность скромнаго инокъ-подвижника, о благодатной помощи котораго по смерти распространено такъ много сказаній.

Р. С.

Къ столѣтію освященія петербургскаго Казанскаго собора.

15 сентября нынѣшняго года въ Петербургѣ предстоитъ торжественное празднованіе столѣтія освященія нынѣшняго Казанскаго собора, основаннаго въ 1801 году, въ царствованіе императора Александра I, и освященнаго 15 сентября 1811 года. Казанскій соборъ построенъ по проекту русскаго зодчаго А. Воронихина. Первымъ предсѣдателемъ комиссіи по постройкѣ храма былъ гр. Строгановъ. Казанскій соборъ является однимъ изъ художественнѣйшихъ произведеній русскаго зодчества; въ немъ хранятся многія реликвіи Отечественной войны (французскія знамена, ключи городовъ, взятыхъ русскими, жезлъ маршала Даву), а также въ немъ находится гробница героя войны 1812 г. графа Голенищева - Кутузова. Въ настоящее время въ Казанскомъ соборѣ производятся работы по ремонту и возобновленію храма. Во главѣ комитета по возобновленію храма состоитъ настоятель собора прот. Сосняковъ. Храмъ будетъ отдѣлалъ заново. Въ теченіе столѣтняго своего существованія храмъ успѣлъ значительно осѣсть, и первая ступенька со стороны сѣвера погрузилась въ почву, давъ значительный уклонъ. Для общей красоты необходимо было бы и эту ступень очистить отъ камней и земли, вывести ее наружу, что не можетъ представить затрудненій. Въ Казанскомъ соборѣ хранится чудотворная икона Казанской Божіей Матери.

Тамъ же находится иконостасъ, вылитый изъ серебра, принесеннаго въ даръ донскими казаками.

Чудесное исцѣленіе тяжело-больныхъ.

Его Преосвященству Преосвященнѣйшему Іоанникію, епископу бѣлгородскому, поданы слѣдующія заявленія о чудесномъ исцѣленіи тяжело-больныхъ по молитвенному предстательству святителя бѣлгородскаго Іоасафа.

1) Окружнаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ донскаго округа священника станицы Каменской, Донской области, о. Аркадія Калинина:

Ваше Преосвященство, милостивѣйшій архипастыръ и отецъ! Съ великою радостью и упованіемъ на неизреченную милость Божию смѣю доложить Вашему Преосвященству, что, по молитвамъ у раки святителя Іоасафа, тяжело больная дочь моя Елена исцѣлилась.

Въ тотъ самый день, 24 сего іюня, когда я почтительнѣйше просилъ Васъ по телеграфу помолиться у раки святителя Іоасафа о здравіи болящей, два мѣстныхъ доктора гг. Панфиловъ и Студеникинъ на консиліумѣ опредѣлили положеніе больной безнадежнымъ. Двухлѣтняя дочь моя 21 іюня упала на камни съ высоты въ 1½ арш. и сильно расшибла голову, отъ чего 23 того же іюня она заболѣла сотрясеніемъ мозга, или, выражаясь медицинскимъ терминомъ, meningit'омъ—болѣзною неизлѣчимою и всегда смертельною. Одновременно съ этимъ у дочери открылась въ тяжелой формѣ дизентерія.

Въ пятницу, 24-го іюня, съ дочерью было 4 сильнѣйшихъ конвульсивныхъ мозговыхъ приступа съ потерей сознанія и общимъ упадкомъ силъ, дѣятельности сердца и пульса. У больной въ послѣдній четвертый приступъ парализовался языкъ, и уже невозможно было ничѣмъ облегчить страданія, такъ какъ она перестала глотать воду.

Отвѣтная телеграмма Вашего Преосвященства о томъ, что моленіе у раки святителя Іоасафа о болящемъ младенцѣ возносится, получена мною утромъ въ субботу 25 іюня, и въ этотъ же день дочь моя встала съ одра, стала много ѣсть, ходить по комнатамъ и на другой день уже гуляла на воздухѣ. Всякія мозговья явленія прекратились, а съ ними исчезла и дизентерія. Важно еще замѣтить здѣсь, что во время болѣзни дочь моя никакихъ лѣкарствъ не принимала: все лѣченіе состояло только въ томъ, что

къ головѣ прикладывали холодные компрессы. Докторъ г. Панфиловъ заявилъ мнѣ, что въ его 30-лѣтней практикѣ это первый случай выздоровленія отъ сотрясенія мозга, и онъ глубоко вѣритъ, что здѣсь чудо Божіе совершилось по молитвамъ святителя Іоасафа.

Осмѣливаюсь почтительнѣйше и смиренно принести вамъ, милостивый архипастырь, сердечную благодарность за молитвы и участіе въ постигшемъ меня, по волѣ Божіей, испытаніи.

2) Настоятеля изюмской Крестовоздвиженской церкви, священника Владиміра Григоровича:

Долгъ имѣю почтительнѣйше донести Вашему Преосвященству, что, по содержанію заявленія изюмской мѣщанки Марѣы Захаровой, дочери Середы, мною добыты нижеслѣдующія свѣдѣнія отъ лицъ, мною лично опрошенныхъ.

Отецъ и мать чудесно исцѣленнаго по молитвенному предстательству Святителя Вѣлгородскаго Іоасафа 6-лѣтняго мальчика, — изюмскіе крестьяне Николай Іоанновъ и Пелагея Павлова Баглаенковы сообщили: 6-лѣтній сынъ нашъ Іоаннъ Баглаенко главною болѣзнію никогда не страдалъ и вообще былъ мальчикъ крѣпекій и здоровекій; но въ послѣднихъ числахъ января текущаго 1911 года совершенно неожиданно и безъ видимой причины сталъ жаловаться на сильную глазную боль въ обоихъ глазахъ. Боль съ каждымъ днемъ усиливалась и довела нашего несчастнаго страдальца — сына до такихъ ужасныхъ мученій, что онъ, въ продолженіе двухъ—трехъ недѣль, проводилъ безсонныя ночи, дни и ночи кричалъ отъ невыразимо-сильной боли, и при томъ днемъ не могъ переносить свѣта, а потому мы на день завязывали ему глаза. Глаза у него были необыкновенно красные, какъ-бы налитые кровью, и, наконецъ, видимо, появились на обоихъ глазахъ бѣлмы — на одномъ большое и на другомъ меньшее. Мы, родители, приходили въ отчаяніе, полагая, что несчастный нашъ сынъ лишится навсегда зрѣнія. Какъ люди простые и необразованные, мы сначала лѣчили глазную болѣзнь сына простыми домашними средствами, какіе кто-либо изъ сосѣдей и знакомыхъ совѣтовалъ, но убѣдившись, что наши домашнія средства не оказываютъ помощи, а между тѣмъ болѣзнь усиливается, мы обратились за помощью къ врачу, который далъ какую-то примочку. Но эта примочка не только не оказала никакой помощи, никакого облегченія страдальцу — нашему сыну;

но привела еще въ худшее состояніе, а потому мы чрезъ 2—3 дня и прекратили это лѣченіе. Не имѣя уже почти никакой надежды на выздоровленіе нашего сына, мы 1-го марта—въ престольный день нашего приходскаго храма—повели нашего сына, по обыкновенію съ завязанными глазами, въ приходскій храмъ, чтобы причастить его Св. Тайнъ. Послѣ причащенія, ко мнѣ—матери больного сына—подошла совершенно незнакомая женщина и, послѣ распросовъ, почему у моего сына завязаны глаза, посоветывала мнѣ написать въ Бѣлгородъ, чтобы помолились у гроба Святителя Іоасафа объ исцѣленіи и при этомъ дала мнѣ изображеніе Святителя.—Это и была та самая Середя, которая впослѣдствіи и сообщила въ Бѣлгородъ о чудесномъ исцѣленіи нашего сына отъ болѣзни. Мы съ мужемъ люди простые, совсѣмъ неграмотны, нѣтъ у насъ близкаго, хорошо грамотнаго человѣка, который написалъ бы въ Бѣлгородъ, да при этомъ и недостатки наши не позволили намъ привести это намѣреніе въ исполненіе. Но съ того момента, какъ я получила отъ Середы изображеніе Св. Іоасафа, въ сердцѣ моемъ затеплилась кака-то надежда. Слѣдуя влеченію сердца, я вечеромъ того же 1-го марта вмѣстѣ съ мужемъ стала молиться Святителю Іоасафу, поставивъ изображеніе его предъ иконами, объ облегченіи страданій сына моего. И къ нашему великому удивленію, на другой день, — 2 марта, сынъ нашъ уже былъ здоровъ: глаза совсѣмъ не болѣли, красноты на нихъ какъ не бывало, и бѣльма сошли. И до сихъ поръ, благодаря Господу Богу, Царицѣ Небесной и Святителю Іоасафу, сынъ нашъ здоровъ.

Изюмская мѣщанка Марѳа Захарова дочь Середы сообщила. Я—неграмотная; заявленіе на имя преосвященнаго Іоанникія писала моя дочь, по просьбѣ матери исцѣленнаго 6-лѣтняго мальчика, Пелагіи Павловой, дочери Баглаенко, и что все изложенное въ заявленіи сушая правда, которую готова подтвердить подъ присягой.

Изюмская крестьянка Евдокія Максимова, дочь Партененко, проживающая въ одномъ домѣ съ Баглаенковыми, подтвердила, что дѣйствительно 6-лѣтній сынъ ихъ страдалъ невыносимо сильною главною болью, и что родители больного сокрушались и плакали, думая, что сынъ ихъ останется слѣпымъ на всю жизнь.

Изюмская крестьянка Пелагея Григорьева дочь Баглаенко подтвердила, что 6-лѣтній сынъ Баглаенковыхъ страдалъ

глазною болью около мѣсяца, а быть можетъ и болѣе. «Это я знаю потому, что живу по сосѣдству съ ними и видѣла неоднократно мальчика съ завязанными платкомъ глазами. Нынѣ мальчикъ совершенно здоровъ».

Крестьянки: Партененко и Пелагея Григорьева Баглаенко—неграмотны.

Въ заключеніе считаю необходимымъ отъ себя лично сказать по долгу пастырства, что показанія какъ родителей испѣленнаго, такъ равно и Евдокіи Партененко, Пелагіи Григорьевой Баглаенко и Середы мною записаны со словъ сихъ послѣднихъ и что я лично дважды осматривалъ глаза испѣленнаго Іоанна Баглаенко и нашелъ ихъ совершенно чистыми и здоровыми, съ остаткомъ лишь на одномъ глазу едва замѣтнаго пятнышка, какъ признака бывшихъ бѣлимъ на глазахъ.

Поистинѣ нужно воскликнуть: «Дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ!!!»

Съ подлиннымъ вѣрно: *Іоанникій*, епископъ Бѣлгородскій.

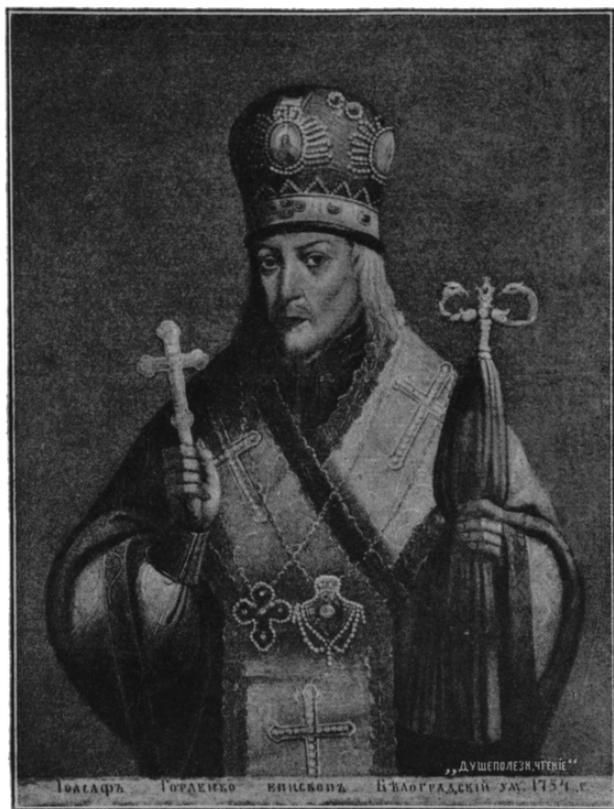
Х. В.

1911 г. 13 іюля.

Изображеніе Святителя Іоасафа Бѣлоградскаго на иконахъ.

(Къ 4-му сентябрю—дню прославленія Святителя).

Святѣйшій Синодъ, принимая во вниманіе, что находящійся въ Кіевской Духовной Академіи, въ конгрегационномъ залѣ, снимокъ съ епископа Бѣлоградскаго Іоасафа (см. приложенное при этомъ № изображеніе святителя) наиболѣе точно, какъ это оказалось по собраннымъ Курскою комиссією свѣдѣніямъ, воспроизводитъ черты земного образа Святителя, по опредѣленію отъ 10—14 іюня сего года постановилъ: 1) означенный снимокъ одобрить для иконнаго изображенія Святителя Іоасафа съ тѣмъ, чтобы Святитель былъ изображаемъ на иконахъ или съ крестомъ и архіерейскимъ жезломъ въ рукахъ, какъ онъ воспроизводится на означенномъ снимкѣ, или же благословляющимъ правой рукой именовословно молящихся, а лѣвой держащимъ Евангеліе, какъ вообще принято изображать Святителей,

Святитель Іоасафъ (Горленко).
(Съ портрета, находящагося въ Кіевской духовной академіи).

и съ тѣмъ, чтобы на иконахъ его, въ верхней части, были помѣщаемы небольшія изображенія Христа Спасителя или Божіей Матери; 2) предположеніе Курской церковной историко-археологической комиссіи объ изображеніи святаго Іоасафа въ подлинныхъ нетлѣнно сохранившихся священныхъ одеждахъ его ¹⁾, въ коихъ Святитель почивалъ 155 лѣтъ, признать заслуживающимъ полного одобренія.

Пятидесятилѣтіе открытія мощей святителя Тихона Задонскаго.

(13 августа 1861—13 авг. 1911 г.).

13 августа настоящаго года исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня открытія честныхъ мощей святителя Тихона Задонскаго. Святѣйшимъ Синодомъ разрѣшено Воронежскому епархіальному начальству ознаменовать это событіе особымъ празднованіемъ, которое будетъ продолжаться три дня—12, 13 и 14 августа. Въ немъ примутъ участіе всѣ церкви Воронежской епархіи, но преимущественно церкви и монастыри гор. Задонска. Главнымъ праздничнымъ днемъ будетъ 13 августа. Утромъ въ этотъ день будетъ совершенъ крестный ходъ изъ всѣхъ церквей и монастырей гор. Задонска въ Задонскій Богородицкій монастырь, въ коемъ почиваютъ мощи святителя Тихона. По окончаніи въ монастырѣ литургіи, мощи святителя съ крестнымъ ходомъ будутъ обнесены вокругъ монастыря. На другой день, въ воскресенье, въ 1 часъ дня предположенъ торжественный актъ, на которомъ будутъ произнесены рѣчи отъ Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Въ виду роспуска духовно-учебныхъ заведеній и церковно-приходскихъ школъ на лѣтнія каникулы, празднованіе юбилея въ этихъ заведеніяхъ отлагается на 5 октября.

«Ц. Вѣд.»

¹⁾ Хранятся въ особомъ шкафу въ алтарѣ Бѣлгородскаго Свято-Троицкаго монастыря.

ВОЗЗВАНІЕ.

25 іюля въ Макаріево-Рѣшемскомъ женскомъ монастырѣ Костромской епархіи, въ 23 верстахъ отъ приволжскаго г. Кинешмы, Преосвященнѣйшимъ Тихономъ, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ, совершена закладка новаго каменнаго храма въ честь Казанской иконы Божіей Матери. Сооруженіе храма вызвано самой настоятельной нуждой обители. Существующая въ ней съ 1767 года каменная церковь во имя Св. Живоначальной Троицы, съ двумя придѣлами, нынѣ находится въ ветхомъ состояніи и требуетъ полнаго обновленія внутри и снаружи, притомъ крайне тѣсна, такъ что при значительномъ стеченіи народа въ праздники не вмѣщаетъ всѣхъ богомольцевъ, и многіе изъ нихъ вынуждены бываютъ во время богослуженія находиться внѣ храма. Но, предпринявши благое дѣло созданія обширнаго новаго храма Божія, Макаріево-Рѣшемская обитель не имѣетъ никакихъ денежныхъ средствъ и уповаешь единственно на милость Божию и добрую благочестивую отзывчивость истинныхъ чадъ Православной Церкви Христовой. Основанный въ концѣ XIV вѣка преп. Макаріемъ, Унженскимъ и Желтоводскимъ чудотворцемъ, свше пятивѣковой монастырь, бывшій до 1901 года мужскимъ, хорошо знаетъ и вѣруеть, что среди православнаго русскаго народа не оскудѣла вѣра Христова и почитаніе Святыхъ Божіихъ, что обширная и многолюдная Русь богата своей любовью къ св. Церкви, своими щедротами, своей благой жертвой на святое дѣло.

Добрые христіане! Испросивъ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, древнѣйшая и бѣдная Макаріево-Рѣшемская обитель нынѣ обращается къ вашему сердцу съ усерднѣйшей просьбой: придите на помощь благому дѣлу вашей посильной лептой на построеніе новаго храма Божія! Не смущайтесь скудостью своихъ жертвъ, ибо, по словамъ св. Апостоловъ, всякое даяніе благо (Іак. I, 17) и добротна дателя любитъ Богъ (2 Кор. 9, 7). Жертва ваша будетъ угодна Господу Богу, ибо пойдетъ на истинную неотложную потребность при великой нуждѣ обители въ средствахъ. Жертва эта будетъ спасительна для души жертвователя, ибо въ новосозданномъ храмѣ будутъ не-

измѣнно возноситься теплыя молитвы обители предъ престоломъ Всевышняго о здравіи и спасеніи создателей и благотворителей храма и о блаженномъ упокоеніи ихъ сподниковъ. Твердо помните, православные благотворители, что рука, дающая на такое великое и святое дѣло, не оскудѣетъ (ср. Притч. 28, 27), что Господь сторицею воздастъ вамъ за ваше усердіе, за вашу святую заботу о славѣ Его пресвятаго Имени, а Царица Небесная осѣнитъ и сохранитъ васъ отъ всякаго зла Своимъ небеснымъ покровомъ. И на страшномъ судѣ Своемъ Господь Богъ вспомянетъ вашу жертву для созиданія храма. Да будутъ же благословенны и незабвенны имена ваши предъ Господомъ по мощному ходатайству Пресвятой Матери Божіей и молитвамъ преп. Макарія, Унженскаго чудотворца!

Адресъ для пожертвованій: почтовая станція Рѣшма, Кивешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, Игуменіи Макаріево-Рѣшемскаго женск. монастыря Досіеѣв.

П р а в о с л а в н ы е !

Помогите намъ обновить и украсить нашъ храмъ во имя Св. Благовѣрн. Великой кн. Ольги, расположенный въ Лайсбергскомъ приходѣ, на о. Эзелъ, Лифляндской губ. Мы сами, по своей бѣдности, безсильны; прихожане—бѣдные безземельные рыбаки, находятся подъ матеріальнымъ и нравственнымъ гнетомъ господствующаго класса лютеранъ. Помощь необходима скорая: потолокъ сгнилъ и грозитъ паденіемъ, окна и полъ требуютъ ремонта; лѣтомъ минувшаго года мы, благодаря помощи добрыхъ людей, начали постройку деревянной звоницы, но таковая, за недостаткомъ средствъ, не вполне окончена. Православные! Мы твердо вѣримъ, что рука ревнителей Св. Православной Вѣры еще не оскудѣла на Руси; помогите намъ, кто чѣмъ можетъ. Всякое даяніе благо! Вѣрьте, что поддержку угнетаемой въ иновѣрческомъ краю Св. Православной Вѣры Господь Богъ зачтетъ Вамъ сторицею. Мы же будемъ молиться за Васъ и Вашихъ живыхъ и отошедшихъ близкихъ, имена которыхъ просимъ сообщать.

Пожертвованія просятъ направлять по адресу:

Почт. отд. Лайсбергъ, Лифляндск. губ.

Предсѣд. церк. прих. попеч. Священнику Діонисію Самону.

СОДЕРЖАНИЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1911 г.

МАЙ, ІЮНЬ, ІЮЛЬ и АВГУСТЪ.

Стран.

1. ДАННЫЯ ФОРМАЛЬНАГО РАЗСЛѢДОВАНІЯ ПОРАЗИТЕЛЬНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ И ЧУДА ОТЪ ЕЯ ИКОНЫ ВЪ РОСТОВСКОЙ БЛАГОВЪШЕНСКОЙ ЦЕРКВИ. (Съ приложеніемъ рисунка). Епископа Іосифа	3—13
2. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І.	14—21 131—136 227—232
3. ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ. Ив. Николина	22—42 141—164 389—411
4. ЮРОДИВЫЙ ТИМОФЕЙ АРХИПОВИЧЪ . (Съ приложеніемъ рисунка). Ан. Титова	43—47
5. ГРИГОРІЙ ѲЕДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. А. Карасева	48—60 201—210 253—258
6. ХРИСТІАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. Проф. П. Каванскаго	61—80 114—130 233—243
7. ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДНЕ (Къ 19 мая). (Стихотвореніе). І. Евенмія	81—81
8. ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ ПЕТРОВЪ. С. Голощапова ..	82—86
9. SILENTIUM. (Стихотвореніе). В. К. Недведцаго	87—87
10. ПѢСНЬ РУССКАЯ. (Стихотвореніе). Его же	88—88
11. ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ. (Стихотвореніе). Его же	89—89
12. ВЕЛИКАЯ ЗАПОВѢДЬ. Ив. Попова-Пермскаго	90—102
13. ДОВОЛЬНИ БУДЕТЕ ОБРОКИ ВАШИМИ. (Стихотвореніе). І. Евенмія	103—103
14. ОТЪЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Религіозно-философская библиотека. П. Никольскаго	104—106
15. ВОЗЗВАНІЕ.....	107—108
16. ОПТИНСКІЙ СТАРЕЦЪ ІЕРОСХИМОНАХЪ О. ІОСИФЪ († 9 мая 1911 г.). (Съ приложеніемъ рисунка). Е. В.	109—131
17. КЪ ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ОБРАЗА ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ „ПРИБАВЛЕНІЕ УМА“. Диллетанта	137—140
18. ИЗЪ БУМАГЪ НИЖЕГОРОДСКАГО АРХІЕПИСКОПА ІАКОВА ВЕЧЕРКОВА. Ан. Титова	165—172
19. ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ СОЛОВЕЦКАГО ПАРОХОДСТВА. Протоіерея Іоанна Смирцова	173—187
20. ЕЩЕ О РОСТОВСКОЙ НОВОЯВЛЕННОЙ Иконѣ „УМИЛЕНІЯ“. Епископа Іосифа	188—197

21. DUM SPERO—SPIRO. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго. 198—198
22. FESTINA LENTE! (Стихотвореніе). Его же..... 199—199
23. НА МЫСЛЬ ДОКТОРА ГААЗА. (Стихотвореніе). Его же.. 200—200
24. НА ЛОНЪ СЕЛЬСКОЙ ПРИРОДЫ. (Стихотвореніе). Г. Ев-
енмія..... 211—212
25. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Профессоръ В. О. Ключе-
чевскій. Свящ. М. Ѳ—скаго..... 213—215
26. ПИСЬМА О. АНАТОЛІЯ, ОПТИНСКАГО СТАРЦА, КЪ Г-ЖѢ
N. N. Сообщено духовной дочерью о. Анатолія.... 217—226
27. АРЗАМАССКІЯ ПОДВИЖНИЦЫ. А. З..... 244—252
28. „НА ВЫКУСЪ“. (Изъ моихъ воспоминаній). Геромонаха
Ефрема..... 259—264
29. КРАТКАЯ ЗАПИСКА О РАСКОЛЬНИЧЕСКИХЪ СЛОБО-
ДАХЪ, МОНАСТЫРЯХЪ, ВНОВЬ ВОЗНИКШИХЪ СЕК-
ТАХЪ И ПРОЧИХЪ ТОМУ ПОДОБНЫХЪ. Сообщилъ
Ан. Титовъ..... 265—300
30. ВЕЧЕРЪ СУББОТНИЙ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго. 301—301
31. УСТАЛОМУ СЕРДЦУ. (Стихотвореніе). Его же..... 302—302
32. НИЛЪ. (Стихотвореніе). Его же..... 303—303
33. ПРОФЕССОРЪ В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ. (Краткій некрологъ и
личныя воспоминанія). Свящ. Н. Колосова..... 304—316
34. ПИСЬМА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА
МОСКОВСКАГО КЪ ЕКАТЕРИНѢ ВЛАДИМИРОВНѢ НОВО-
СИЛЬЦЕВОЙ. Сообщ. Ан. Титовъ..... 317—326
35. „НАПУТСТВІЕ“. (Рѣчь къ воспитанницамъ московской 4-й
женской гимназіи, окончившимъ курсъ ученія, произнесенная
на актѣ 28-го мая 1911-го года). Прот. Д. Пѣвницкаго.. 330—332
36. ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА
ВЪ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1911 ГОДА. Свящ. Н.
Колосова..... 333—339
37. ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОДИМА, ЕПИСКОПА
ЕНИСЕЙСКАГО И КРАСНОЯРСКАГО. Сообщ. Ан. Титовъ. 340—373
38. ПРОЩЕНІЕ ОБИДЪ. (Слово въ недѣлю 11 по Пятидеся-
тицъ—14 августа). Протоіерея В. Сергіевскаго..... 374—382
39. СЛОВО ВЪ ДЕНЬ УСЪКНОВЕНІЯ ГЛАВЫ СВЯТАГО
ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. Его же.... 383—388
40. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. 1) Духовно-учебная ре-
форма. Энь—Энь. 2) Схимонахъ Вассіанъ. Р. С. 3) Къ
столѣтню освященія петербургскаго Казанскаго собора. 4) Чу-
дное исцѣленіе тяжело-больныхъ. X. В. 5) Изображеніе
Святителя Іоасафа Българскаго на иконахъ. (Съ прило-
женіемъ рисунка). 6) Пятидесятилѣтіе открытія мощей свя-
тителя Тихона Задонскаго. „Ц. Вѣд.“..... 412—433
41. ВОЗЗВАНІЯ..... 434—435
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Вышла и поступила въ продажу книга:

„Святый Димитрій, Митрополить Ростовскій“.

Соч. В. Нечаева (Епископа Виссаріона). Изд. II.

Съ требованіемъ обращаться въ редакцію журнала
„Душеполезное Чтеніе“.

ПРОТОПЕРЕЯ ВАСИЛІЯ НЕЧАЕВА (ЕПИСКОПА ВИССАРИОНА):

1) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Исуса Навина, Судей, Царствъ, Іова* и *Паралиптоменонъ*. Ц. 80 к., съ пересылкой 1 р.

2) Толкованіе на пареміи изъ книгъ: *Притчей* и изъ книги *Премудрости Соломоновой*. Ц. 1 р., съ пересылкой 1 р. 20 к.

3) Обзорніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ. Ц. 40 к., съ пересылкой 50 к.

4) Черты христіанскаго ученія. (Сборникъ для назидательнаго чтенія.) Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

5) Толкованіе на божественную литургію по чину св. Іоанна Златоустаго и св. Василия Великаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію
„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Высылка наложеннымъ платежомъ на 10 коп. дороже.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЙ И ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„Д О Б Р О Е С Л О В О“

6-й годъ изданія.

Вступая съ января 1911 года въ шестой годъ своего скромнаго служенія Церкви и Родинѣ, наше „Доброе Слово“ остается вѣрнымъ прежнему своему направленію. Какъ въ предыдущіе пять лѣтъ, такъ и нынѣ читатели нашего журнала найдутъ на страницахъ его прежде всего положительное раскрытіе высокаго достоинства христіанскаго званія. Историческими разсказами о замѣчательныхъ святыхъ Православной Церкви, сообщеніями о святыхъ и святыхъ мѣстахъ, столь любимыхъ благочестивымъ русскимъ народомъ, и поучительными образами героевъ служебнаго долга и любви къ ближнимъ „Доброе Слово“ будетъ неустанно вливать желанную отраду въ смятенныя души, укрѣпляя въ нихъ сознаніе духовной мощи живаго единенія съ Православною Церковью.

Почившій молитвенникъ Русской Земли о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій) не разъ выражалъ редактору полное свое одобреніе содержанію и направленію „Добраго Слова“ и высказалъ увѣренность, что русская вѣрующая и патриотически настроенная душа не можетъ не „чуять“ въ „Доброе Слово“ воплощъ рождественной и полезнаго себѣ пищи. Благоговѣя въ памяти о. Іоанна Кронштадтскаго, редакція „Добраго Слова“ въ каждомъ почти номерѣ дѣлаетъ сообщеніе изъ жизни „Общества въ память о. Іоанна Кронштадтскаго“. Общество же это, основанное 19 октября 1909 года, быстро растетъ и развиваетъ свою благотворительную и просвѣтительную дѣятельность, руководясь примѣромъ Милостивца Русской Земли, о. Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго). Рядомъ съ сообщеніями объ „Обществѣ“ въ „Доброе Слово“ печатаются воспоминанія и разсказы о личности о. Іоанна и о дѣлахъ его любви.

Главные отдѣлы журнала остаются прежніе: религиозно-нравственный, общественной жизни и литературный (повѣсти, разсказы, стихотворенія). Къ 19 февраля 1911 года всѣ годовые подписчики получаютъ художественный альбомъ сподвижниковъ Государа Императора Александра II по дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ 21 сентября 1911 года будетъ высланъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ Сборникъ поученій свят. Дмитрія Ростовскаго на Господніе и Богородичные праздники, а къ концу года въ качествѣ третьей преміи будетъ высланъ „Другъ паломника. Иллюстрированное описаніе русскихъ святыхъ. Второй вып. (Валаамъ и Соловки).

Подписная цѣна на журналъ „Доброе Слово“, слѣдующая: съ доставкой и пересылкой за годъ три рубля; 6 мѣс. одинъ рубль 50 коп.; на 3 мѣс. 75 коп. За границу съ доставкой: на годъ четыре рубля; 6 мѣс. два руб.; 3 мѣс. одинъ рубль. Члены же „Общества въ память о. Іоанна Кронштадтскаго“ могутъ получать годовой экземпляръ за два рубля; въ теченіе 6 мѣс. за одинъ руб., и въ теченіе 3 мѣс. за 50 коп. Отдѣльный номеръ 5 коп. Переменная адреса стоитъ 3 семикопѣчныя марки.

При выпискѣ 10 экземпляровъ по одному адресу, одиннадцатый безплатно. Полные экземпляры за 1907, 1908, 1909, 1910 годы продаются по 1 р. 25 к. за экземпляръ съ пересылкой, въ переплетѣ 2 р. съ пересылкой.

Комитетъ по образованію войскъ, рассмотрѣвъ журналъ „Доброе Слово“ и находя его вполне соответствующимъ цѣлямъ образованія и развитія войскъ, постановилъ рекомендовать его для обращенія въ войскахъ. (Цирк. Гл. Штаба отъ 1 марта 1908 года, № 32). Журн. опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, отъ 4—16 сентября 1907 года, за № 455, съ утвержденія г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, постановлено: „еже недѣльный журналъ „Доброе Слово“ допустить въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ“.

Подписка принимается въ редакціи—СПБ. Крѣпость, архивный домъ, кв. 7, а равно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и съ 1 декабря 1910 года въ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

Редакторъ-издатель прот. П. Н. Левашевъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 г.
на ежемѣсячный музыкальный журналъ

МУЗЫКА И ПѢНІЕ

Семнадцатый годъ изданія.

ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВЪ ГОДЪ: I. Около 200 стр. текста. II. Больше 600 стр. нотъ, содерж. больше 400 пьесъ. Музыкальная часть состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ: 1) Церковное, школьн. и хоров. пѣніе. 2) Романсы на 1 и 2 гол. съ аккомп. фортеп. 3) Фортепiano соч. и нов. танцы. 4) Пьесы для скрипки и др. инструм. домашняго оркестра. Изъ иностранной музыки въ журналъ помѣщается только все выдающееся.

Кромѣ 12 номеровъ
журнала, въ 1911 году,
подписчикъ получаетъ:

ДВѢ ПРЕМІИ.

Полную оперу для фортепiano въ 2 руки К. Севъ-Санса:

„САМСОНЪ и ДАЛИЛА“.

Стоящую въ отдѣльной продажѣ 2 руб.

Или полную популярную оперетку Лео Фалль

„ПРИНЦЕССА ДОЛЛАРОВЪ“.

Для фортепiano въ 2 руки съ подведеніемъ русскаго текста или одну изъ слѣдующихъ оперъ для форт. Жизнь за Царя, Русланъ и Людмила, Фаустъ, Карменъ, Анда, Гугеноты, Травиата и Тангейзеръ. Для пѣнія съ фортепiano: Панъ Сотникъ, Оперет. — Птички пѣвчія, Прекрасная Елена, Красное Солнышко и Корнев. Колокола. Опера или оперетка по желанію можетъ быть замѣнена одною изъ слѣдующихъ духовныхъ премій:

Избранныя сочиненія знаменитаго духовнаго композитора

АРХИМАНДРИТА ФЕОФАНА.

Или литургія Ведела А., или „Всенощное бдѣніе“ Ведела А., или Сборникъ дух. муз. соч. старыхъ и новыхъ авторовъ, въ который входятъ знаменитыя соч. Ведела, Дегтярева, Сарги и др. Въ этомъ году въ №2 журнала будетъ печататься Историческ. Хрестоматія, вып. IX.

ВТОРАЯ ПРЕМІЯ. Гг. подписчики при доплатѣ одного рубля могутъ получить по выбору однимъ изъ альбомовъ муз. пьесъ. Пробный номеръ высыл. за 60 к. марками. Подроб. объясненія и списокъ альб. и доб. премій высылается бесплатно. **ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 4 руб.** въ годъ съ дост. и перес. по всей Россіи—5 руб., за границу—6 руб. Допущ. разсрочка по 1 руб. Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „Музыка и Пѣніе“, С.-Петербургъ, Казанская, 36.

Редакторъ *М. Голтисонъ.*

Издательница *В. Иванова.*

НОВАЯ КНИГА:
„ПРИ СВѢТѢ ЕВАНГЕЛІЯ“.

Сборникъ статей по вопросамъ вѣры
и нравственности на „злѣбу дня“.

Священника *Н. М. Орлова*.

Выпускъ III-й.

Цѣна **65** к., съ пересылкой **80** коп.

У того-же автора (Москва, Шаболовка): „При Свѣтѣ Евангелія“ (52 церковн. бесѣды). Вып. 2-й.

Цѣна **80** к., съ пер. **1** рубль.

Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

1-е заочные кулинарные курсы.

Полный курсъ лекцій для самообученія «скоромный и постный столъ», около 1000 рецептовъ кушаній, напитковъ, печенья, компотовъ, вареній, сладкихъ блюдъ, пироговъ и друг., слишкомъ 300 стр. убористаго шрифта. Цѣна съ пересылк. налож. платежомъ 2 р. 60 к. **Наставленіе**, какъ правильно вести домашнее хозяйство и приготавливать экономическіе, вкусные и питательные обѣды, съ приложеніемъ разрѣзки мяса и украшенія стола и блюдъ, около 100 стр. съ рисунками. Цѣна 1 р. 20 к., обѣ книги вмѣстѣ—3 р. 35 к. (можно марками). Съ заказами обращаться исключительно къ **Я. К. Петерсу**. С.-Петербургъ, Пет. стор., Большой проспектъ, № 56—261.

40 ДНЕЙ—БЕЗПЛАТНО!!!

Если Вы въ теченіе 40 дней не выучитесь свободно говорить, читать и писать по-нѣмецки, французски, англійски и латински-по нашимъ самоучителямъ, составленнымъ по повѣйшему методу (всѣ другіе—реклама), **деньги возвращаемъ обратно**. Цѣна самоучит. одного языка съ пересылкой наложен. платеж. 1 р. 10 к., 2-хъ 1 р. 90 к., 3-хъ 2 р. 80 к., 4-хъ 3 р. 65 к. Заказы исполн. един. складъ для всей Россіи. С.-Петербургъ, Пет. стор., Большой просп., 56—261. **Я. К. Петерсъ.**

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ
„КРЕСТНАГО КАЛЕНДАРЯ“

А. ГАТЦУКА.

БЛАГОСЛОВИИ СВЯТЫХЪ ЛѢТЪ БЛАГОСТИ ТЕОРА-ГОЛОСА!

Годъ изданія 47.

КРЕСТНЫЙ
НА
1912 г.

Цѣна 15 коп.

ДВѢ ПРЕМИИ, въ двѣ краски.

Ежегодный выпускъ 800.000 экземпляровъ. Выйдетъ изъ печати 15 июля. Съ пересылкой заказ. бандеролью по полученіи марокъ 28 к., съ наложен. платеж.—40 к. На 1 р. высыл. 5 экз., на 2 р.—11 экз., на 3 р.—18 экз. Торговцамъ обычная скидка. Принимаются публикаціи. Подробные проспекты высылаются по требованію безплатно.

Адресъ: Москва, Долгоруковская, № 47, конторъ Крестнаго Календаря.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

ДУХОВНЫЯ ДАРОВАНІЯ

ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ХРИСТІАНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Священника Михаила Фивейскаго.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

Можно приобрести у автора: Мал. Толмачевскій пер., за Москвой рѣкой, д. церкви св. Николая въ Толмачахъ.

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІА“

МОЖНО ПРИОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына, редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІИ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой. Томъ II (вып. 1, 2 и 3). Цѣна 2 р. съ пересылкой. Т. III, вып. 1. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА: 1) Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 2) Костромскія поученія за 1897 годъ. Ц. 80 к., съ пер. 1 руб. 3) Костромскія поученія за 1898 годъ. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) Костромскія поученія за 1899 годъ. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 20 коп. 5) Костромскія поученія за 1900 годъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) Костромскія поученія за 1901 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) Костромскія поученія за 1902 годъ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) Костромскія поученія за 1903 годъ. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб. 9) Костромскія поученія за 1904 годъ. Ц. 50 к., съ пер. 70 коп. 10) Толкованіе на париміи изъ новозавѣтныхъ книгъ. 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 11) Толкованіе на париміи изъ книгъ пророковъ: Іереміи, Іезекииля, Давида, Іоилы, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 12) Толкованіе на париміи изъ книги пророка Ісаи. Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 13) Голосъ пастыря. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) Духовная пища. Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) Изъясненіе молитвы Господней. Ц. 15 к. 16) Христіанскіе уроки. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) Сборникъ для назидательнаго чтенія. Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 18) Духовный свѣтъ. Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 19) О вечернѣ. Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к.

Расколы первыхъ вѣковъ христіанства. Монтеизмъ, новаціанство, донатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Исслѣдованіе Д. Касицына. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Сказаніе о житіи оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія. Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). Ц. 35 к., съ пер. 50 к.

Письма оптинскаго старца іеросхимонаха о. Амвросія. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Святитель Ѳеоданъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни. И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к.

Высокопреосвящ. Иннокентій, Арх. Таврическій. Ц. 1 р. съ пересылкой.

Преподобный Серафимъ Саровскій. Ц. 60 к. съ пересылкой.

Христіанство и социальная реформа. Ц. 15 к. съ пересылкой.

Указатели къ Душеполезному Чтенію: за 1860—1869 гг., 1880—1889 гг., по 15 к. за каждое десятилѣтіе.

Кромѣ сихъ книгъ тамъ же можно пріобрѣтать слѣдующія брошюры Епископа ВИССАРИОНА:

1. **Грѣхи чувствъ:** зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе, осязаніе и внутреннее чувство. Ц. 6 коп.
2. **Раздоръ между мужемъ и женой.** Ц. 5 к.
3. **Духовное завѣщаніе.** Ц. 4 к.
4. **Гордость.** Ц. 4 к.
5. **Старость.** Четвертое изданіе. Ц. 7 к.
6. **Братья и сестры.** Ц. 4 к.
7. **Свекрови и невестки.** Ц. 5 к.
8. **О христіанскихъ именахъ.** Ц. 3 к.
9. **Изреченія слова Божія, располагающія къ покаянію.** Третье изданіе. Ц. 2 к.
10. **О тѣлесныхъ дѣйствіяхъ при богослуженіи и молитвѣ** (стояніе, колѣнопреклоненіе, паденіе ницъ, воздѣяніе рукъ, поклоненіе лицомъ на востокъ, крестное знаменіе). Третье изданіе. Ц. 3 к.
11. **Радости и скорби родителей о дѣтяхъ.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
12. **Многочадіе и безчадіе.** Четвертое изданіе. Ц. 3 к.
13. **Святость брачнаго союза.** Изданіе второе. Ц. 4 к.
14. **Дружба.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
15. **О путешествіяхъ къ святымъ мѣстамъ.** Второе изданіе. Ц. 3 к.
16. **Лица безбрачныя.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
17. **Утѣшеніе и совѣты людямъ, живущимъ въ бѣдности.** Пятое изданіе. Ц. 2 к.
18. **Доброе имя.** Шестое изданіе. Ц. 2 к.
19. **Женихи и невесты.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
20. **Отчимы и мачехи, пасынки и падчерицы.** Шестое изданіе. Ц. 4 к.
21. **Изъясненіе краткихъ изреченій, употребляемыхъ въ богослуженіи.** Четвертое изданіе. Ц. 5 к.
22. **Нѣчто о вечеринкахъ и балахъ.** Изд. 2-е. Ц. 4 к.
23. **Убогіе.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
24. **Сиротство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
25. **Вдовство.** Изд. 5-е. Ц. 4 к.
26. **Нюма ПАРОСНІА.** Число раскольниковъ. Ц. 2 к.
27. **Преосвященнаго ІЕРЕМІИ—отшельника.** Врачевство духовное отъ міра собираемое (52 стр.). Ц. 10 к.
28. **Врачи и ихъ пациенты.** Второе изданіе исправленное и дополненное. Ц. 5 к.
29. **Лѣствица добродѣтелей.** Уроки христіанскаго усовершенствованія по руководству **ЛѢСТВИЦЫ** преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы. **ЛѢствичника** (52 стр.). Цѣна 10 к.
30. **Высокое значеніе храма Божія.** Изданіе второе. Цѣна 4 коп.

Всѣ 30 брошюръ (въ нихъ около 825 стран.) съ пересылкой 1 р. 25 к.

При выпискѣ книгъ и брошюръ сразу на 25 и болѣе рублей 20% уступки и пересылка на счетъ редакціи.

Нѣкоторые спрашиваютъ **Душеполезное Чтеніе за всѣ годы его изданія**, но, вмѣсто изданія за пятьдесятъ одинъ годъ, полные экземпляры **Душеполезнаго Чтенія** имѣются только за восемнадцать лѣтъ, за 1887, 1888, 1893, 1894, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903, 1904,

1905 и 1906 годы, которые продаются по **2** рубля, каждый годъ, съ пересылкой, и 1907, 1908, 1909 и 1910 годы по 4 рубля съ пересылкой.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА ВХОДЯТЬ:

- 1) Труды, относящіяся къ изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и православнаго Богослуженія.
- 2) Статьи вѣроучительнаго и правоучительнаго содержанія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на *современныя явленія въ общественной и частной жизни*.
- 3) „Публичныя богословскія чтенія“.
- 4) Слова, поученія и внѣбогослужебныя бесѣды особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и наиболѣе знаменитыхъ пастырей Церкви.
- 5) Церковно-историческіе рассказы на основаніи первоисточниковъ и исторически авторитетныхъ памятниковъ.
- 6) Воспоминанія о лицахъ замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-правственной жизни.
- 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго **Ееофана-Затворника**, іеросхимонаха о. **Амвросія** Оптинскаго.
- 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ.
- 9) Описаніе путешествій къ святымъ мѣстамъ.
- 10) Новыя данныя о расколѣ.
- 11) По возможности документальныя и въ то же время *понятныя* свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ, многоразличныхъ сектахъ съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ.
- 12) Литературное обозрѣніе.
- 13) Современная печать.
- 14) Критика.
- 15) Стихотворенія.
- 16) Повѣсти и рассказы.
- 17) Отклики на современность.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ и въ 1911 году въ *Душеполезномъ Читеніи* вѣкоторыя статьи будутъ иллюстрироваться соотвѣтственными рисунками.

Въ 1911 году всѣ подписчики получаютъ бесплатное приложеніе:

МЫСЛИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ ГОДА.

(ЯНВАРЬ—ІЮНЬ).

Житія, размышленія, темы для проповѣдей, современность и проч.

Сочиненіе священника **Н. Орлова**.

Опредѣленіемъ **Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ** отъ 16—19 іюня 1898 года за № 477, утвержденнымъ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, постановлено: издаваемый въ Москвѣ ежемѣсячный духовный журналъ *Душеполезное Чтеніе—одобрить*, въ настоящемъ его видѣ, для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ.

Годовая цѣна журнала за 12 книгъ **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкой. **За границу—ПЯТЬ** рублей.

Адресъ: **МОСКВА**. Въ редакцію журнала: **ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ** при церкви Святителя Николая въ Толмачахъ.

Можно подписываться и во всѣхъ болѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Священникъ **Михаилъ Оивейскій**.

Издательница **Ольга Касицына**.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Стран.

I.	ПИСЬМА О. АНАТОЛІЯ, ОПТИНСКАГО СТАРЦА, КЪ Г-ЖЪ N. N. Сообщено духовной дочерью о. Анатолия.....	217—226
II.	ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инокa). А. I..	227—232
III.	ХРИСТІАНСТВО И НАУКА. Съ нѣмецкаго. Проф. П. Ка- занскаго.....	233—243
IV.	АРЗАМАССКІЯ ПОДВИЖНИЦЫ. А. Э.....	244—252
V.	ГРИГОРІЙ ѲЕОДОРОВИЧЪ ЛЬВОВСКІЙ И ЕГО ДУХОВНО- МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ. А. Карасева.....	253—258
VI.	„НА ВЫКСУ“. (Изъ моихъ воспоминаній). Геромонаха Ефрема.....	259—264
VII.	КРАТКАЯ ЗАПИСКА О РАСКОЛЬНИЧЕСКИХЪ СЛОБО- ДАХЪ, МОНАСТЫРЯХЪ, ВНОВЬ ВОЗНИКШИХЪ СЕК- ТАХЪ И ПРОЧИХЪ ТОМУ ПОДОБНЫХЪ. Сообщилъ Ан. Титовъ.....	265—300
VIII.	ВЕЧЕРЬ СУББОТНИЙ. (Стихотвореніе). В. К. Недзвецкаго.	301—301
IX.	УСТАЛОМУ СЕРДЦУ. (Стихотвореніе). Его же.....	302—302
X.	НИЛЪ. (Стихотвореніе). Его же.....	303—303
XI.	ПРОФЕССОРЪ В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ. (Краткій некрологъ и личные воспоминанія). Свящ. Н. Колосова.....	304—316
XII.	ПИСЬМА ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ФИЛАРЕТА МОСКОВСКАГО КЪ ЕКАТЕРИНѢ ВЛАДИМИРОВНѢ НОВО- СИЛЬЦЕВОЙ. Сообщ. Ан. Титовъ.....	317—329
XIII.	„НАПУТСТВІЕ“. (Рѣчь къ воспитанницамъ московской 4-й женской гимназіи). Прот. Д. Пѣвницкаго.....	330—332
XIV.	ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО РУССКАГО ДУХОВЕНСТВА ВЪ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1911 ГОДА. Свящ. Н. Колосова.....	333—339
XV.	ЗАПИСКИ ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКОДИМА, ЕПИСКОПА ЕНИСЕЙСКАГО И КРАСНОЯРСКАГО. Сообщ. Ан. Титовъ.	340—373
XVI.	ПРОЩЕНІЕ ОБИДЪ. (Слово въ нѣдѣлю 11 по Пятидесят- ницѣ—14 августа). Протоіерей В. Сергіевскаго.....	374—382
XVII.	СЛОВО ВЪ ДЕНЬ УСЪБНОВЕНІЯ ГЛАВЫ СВЯТАГО ІОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. Его же.....	383—388
XVIII.	ОЧЕРКИ ПО ДОГМАТИЧЕСКОМУ БОГОСЛОВІЮ. Ив. Ни- колина.....	389—411
XIX.	ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. 1) Духовно-учебная ре- форма. Энь—Энь. 2) Схимонахъ Вассіанъ. Р. С. 3) Къ столѣтію освященія петербургскаго Казанскаго собора. 4) Чу- десное исцѣленіе тяжело-больныхъ. X. В. 5) Изображеніе Святителя Іоасафа Вѣлоградскаго на иконахъ. (Съ прило- женіемъ рисунка). 6) Пятидесятилѣтіе открытія мощей свя- тителя Тихона Задонскаго. „Ц. Вѣд.“.....	412—433
XX.	ВОЗЗВАНІЯ.....	434—435
	ОБЪЯВЛЕНІЯ.	